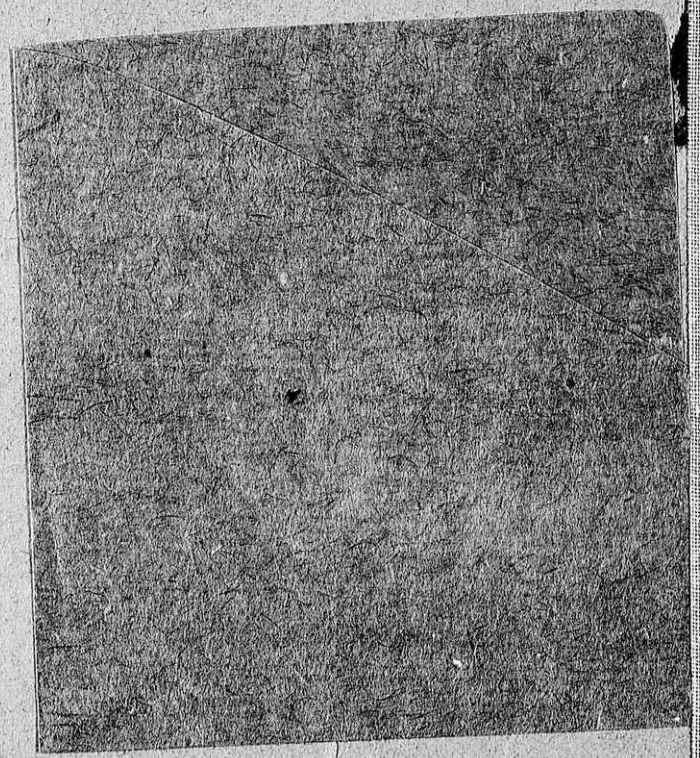
М 55/204

17416 и



2559

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

55/204

801-17/620

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ XVI

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Р186-35

2014243394

Гиз № 7096. Главлит № 21846. Москва. Напеч. 25.000 экз.

1-я Образцовая типография. Госиздата, Москва, Пятницкая, 71.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗМА И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Предисловие редактора

Собирая статьи для настоящего тома, мы руководились той группировкой, которую Плеханов произвел для собрания своих статей «От обороны к нападению». Кроме статей о философии и религии, которые вошли в XVII том, и статей о литературе, которые, за исключением двух, помещены нами в XIV томе, Плеханов собрал в этом сборнике, под общим заглавием «Публицистика», ряд статей о синдикализме, анархизме, социализме и международном рабочем движении.

Самыми крупными — и по размеру, и по значению — являются статьи, посвященные критике теории и практики синдикализма, в которых подвергнуты обстоятельному разбору взгляды Артуро Лабриолы, Энрико Леонэ, Иваное Бономи и Оливетти, а вместе с тем и синдикалистские увлечения тов. Луначарского. Впервые статьи эти были напечатаны в «Современном Мире» за 1907 и 1908 г. г., в котором были напечатаны также и другие вошедшие в сборник «От обороны к нападению» статьи о синдикализме («В. Чернов и Поль Луи» и «О книге Н. Критской и Н. Лебедева»).

Статьям о Лабриоле и Леонэ мы предпослали предисловие, написанное Плехановым для итальянского перевода их, сделанного А. Балабановой (Intorno al sindicalismo e ai sindicalisti, Roma 1908).

К статьям об анархизме «Э. Реклю, как теоретик анархизма» и «Анархист-индивидуалист» мы прибавили предисловие к брошюре «Сила и насилие», напечатанное в 1905 г., и оба предисловия к 2-му и 3-му изданиям брошюры «Анархизм и социализм», вышедшим в 1904 и 1911 гг.

Таким образом, почти все эти статьи относятся к тому периоду литературной деятельности Плеханова, который начался после революции 1905 — 1907 гг.

Труднее было соблюсти этот хронологический принцип в третьей группе, в которую вошли статьи Плеханова о социализме и международном рабочем движении. Пришлось, в интересах более систематиче-

ской группировки, ввести несколько статей, писанных в 1904—1906 гг., но не вошедших ни в один из предыдущих томов. Кроме рецензий (о книгах Зомбарта и Кувшинской) и предисловия к брошюре Ланга о «Социализме в Швейцарии», мы, вместе с статьей о Маннгеймском с'езде немецких социал-демократов, посвященной, главным образом, вопросу об отношениях между партией и профессиональными союзами, даем предисловие к переводу письма Маркса к Швейцеру и статью по поводу смерти Бебеля, в которых Плеханов опять возвращается к вопросу о профсоюзах.

Предисловие к брошюре Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», написанное в 1904 г., и статья по поводу «Двадцатипятилетия смерти Маркса», в которой нами восстановлены пропуски, сделанные для легального издания, представляют новые материалы для характеристики теории и практики марксизма.

К статье «Международное Товарищество Рабочих», написанной в 1904 г. по поводу сорокалетия со дня основания Первого Интернационала, мы присоединили статьи о международных конгрессах в Амстердаме и Копенгагене.

В приложении помещено предисловие к брошюре «Чего хотят социал-демократы», написанное Плехановым для ее первого легального издания.

Д. Рязанов.

Ноябрь 1924.

СИНДИКАЛИЗМ

Критика теории и практики синдикализма

Два слова от автора [1])

Мой друг и единомышленник, д-р Анджелика Балабанова, пожелала перевести на итальянский язык две мои статьи о двух итальянских синдикалистах — Артуро Лабриоле и Энрико Леонэ.

Я был бы весьма рад, если бы моя критика синдикализма встретила одобрение со стороны итальянских социалистов. Синдикализм уже успел внести немалую смуту в умы рабочих, и пора, чтобы социалисты всех стран начали теоретическую борьбу против этого учения. Глубоко ошибаются те из наших товарищей, которые видят в синдикализме одну из форм социализма. На самом деле настоящий синдикализм, т.-е. тот, который последователен до конца, находится в непримиримом противоречии с настоящим социализмом, т.-е. с тем, который также последователен до конца. Опыт и размышление, — я уверен, — убедят в этом и тех, которые до сих пор придерживались противоположного взгляда.

Появление в русском журнале «Современный Мир» первой из этих статей вызвало великий гнев господина Ар. Лабриолы, который он излил против меня в «Pagine Libere» и во французском журнале «Mouvement Socialiste».

До сих пор я еще не ответил ему, и по весьма понятной причине: его статьи заключают в себе гораздо больше ругательств, чем аргументов. А я, не мало полемизировавший на своем веку, не имею привычки отвечать на ругательства. В данном случае я к этому расположен, тем менее, что меня не могут задеть нападки человека, который оклеветал великого учителя международного пролетариата и основателя Международного Общества Рабочих; эти ругательства могли бы мне даже доставить удовольствие, если бы они были более эстетичны. Когда я закончу

---

[1]) Предисловие к итальянскому переводу статей об Арт. Лабриоле и Э. Леонэ.

серию статей, посвященных синдикализму [1]), я приступлю к систематическому разбору возражений, сделанных моими противниками в защиту синдикализма и, между прочим, уделю внимание господину Ар. Лабриоле — в той мере, в какой его статьи, направленные против меня, содержат аргументы, а не одни лишь банальности.

А пока что мне приходится выносить гнев господина Лабриолы, что, — как я уже сказал выше, — не представляет для меня никакой трудности.

[1]) Печатаемые ниже две статьи об итальянских синдикалистах являются лишь началом этой серии.

Статья первая

Артуро Лабриола

А. Лабриола, Реформизм и синдикализм, с предисловием автора к русскому изданию. Перевод с итальянского Г. Кирдецова, под редакцией и с послесловием А. Луначарского. Изд. «Шиповник». СПБ. 1907 г.

I

Справедливо говорят, что всякое предисловие есть вместе с тем и послесловие. Но едва ли не с таким же основанием можно утверждать, что всякое послесловие может быть рассматриваемо, как предисловие. Во всяком случае, это можно сказать о том послесловии, которым г. А. Луначарский снабдил переведенную под его редакцией г. Г. Кирдецовым книгу А. Лабриолы «*Реформизм и синдикализм*». Более того: г. Луначарский лучше сделал бы, если бы назвал свое послесловие предисловием и поместил его *перед* сочинением Лабриолы: тогда оно лучше выполнило бы свою задачу сообщения читателю некоторых руководящих указаний, необходимых при чтении книги. Впрочем, я не совсем точно выразился. Я сказал: «лучше выполнило бы», а надо было бы сказать: «не так плохо выполнило бы» и т. д., потому что, в самом деле, послесловие г. Луначарского весьма плохо исполнило указанную задачу.

Плохо, во-первых, в том смысле, что оно проливает неверный свет на синдикализм вообще. Г. Луначарский говорит: «Борьба с реформизмом — одна из главнейших задач нынешнего дня на Западе; она станет таковою и у нас завтра. Уже поскольку выдающиеся теоретики синдикализма оттачивают оружие критики против реформистов — они заслуживают нашего глубокого внимания. Даже те ортодоксальные социал-демократы, которые видят в синдикализме одни крайности, все же признают его здоровой реакцией против стремления сделать из социалистических партий простую крайнюю левую буржуазных демокра-

тий» (стр. 247). Вполне справедливо, что борьба с реформизмом является одной из главнейших очередных задач на Западе. Но кто же, собственно, считает синдикализм «*здоровой*» реакцией против реформизма? Я не знаю. *И можно ли* считать синдикализм здоровой реакцией? Наконец, что вообще значит: «*здоровая* реакция»? Механика говорит, что действие равняется противодействию. В истории человеческой мысли и в истории социально-политической деятельности людей амплитуда, — пусть читатель простит мне этот механический термин,— амплитуда *реакции* обыкновенно равняется амплитуде *акции*. В идейном отношении «реформизм» представляет собой поверхностное, бедное и, можно сказать, жалкое явление. Не менее беден, поверхностен, жалок и «синдикализм». Амплитуда реакции и в этом случае не больше амплитуды акции. Вот я и спрашиваю: можно ли назвать здоровым явление, отличающееся только что указанными мною признаками? Я думаю, что его лучше бы назвать не *здоровым,* а *чахлым*. Синдикалисты кричат несравненно больше, нежели реформисты, хотя и те кричат не мало. Но крик крику рознь: крик, поднимаемый теперь синдикалистами в некоторых странах западной Европы, свидетельствует не о том, что их мысль отличается *здоровьем,* а о том, что она страдает *малокровием*. И вот почему очень ошибается г. Луначарский, полагающий, что то «оружие критики», которым «выдающиеся теоретики синдикализма» борются с реформизмом, может иметь в наших глазах сколько-нибудь высокую цену. То правда, что оно «заслуживает нашего глубокого внимания; но оно заслуживает его в том же смысле, в каком его заслуживает и «оружие критики», поднимаемое против Маркса «выдающимися теоретиками» реформизма: на оба эти рода «оружия» мы должны обратить серьезное внимание пролетариата, чтобы показать ему, до какой степени плохи и стары они оба и до какой степени ему вредно было бы ими пользоваться. Но г. Луначарский понимает это дело совсем иначе. Он всерьез берет оружие «критики, оттачиваемое выдающимися теоретиками синдикализма», и в этом состоит его очень-очень большая и весьма-весьма печальная ошибка.

Когда я думаю об этой печальной ошибке, мне вспоминается замечание св. Бернара о тех средневековых мыслителях, которые пытались доказать, что некоторые языческие философы были христианами. Св. Бернар говорил им: «Вы доказали не то, что *они христиане,* а то, что — *вы язычники*». Вот так и с г. Луначарским: относясь с почтением к «оружию критики, отточенному выдающимися теоретиками синдикализма», он только убеждает нас в плохом состоянии своего собственного «оружия критики».

Другая, тоже очень-очень большая, ошибка г. Луначарского, находящаяся в самой тесной связи с первой и относящаяся к ней, как вид относится к роду, заключается в том, что он считает А. Лабриолу выдающимся и оригинальным писателем. Он проникнут таким уважением к своему автору, что, когда этот последний говорит уже совсем явный вздор, то он не просто возражает ему, а «осмеливается выразить» свое противоположное, иногда, впрочем, тоже довольно вздорное мнение. Он твердо убежден, что кошка — сильный зверь. А на самом-то деле кошка сильна разве только в борьбе с мышами. Но ведь мышь — зверь совсем уже ничтожный!

До какой степени смешны почтительные приседания г. Луначарского перед его синдикалистской кошкой, принимаемой им за очень крупного зверя, показывает следующее место из его послесловия:

«Будущее рисуется нашему автору в виде общества самостоятельных кооперативов, торгующих между собою и даже пользующихся при этом деньгами. Итак, не устраняются на рынке ни колебание цен, ни перепроизводство? Остается возможность для одних богатеть, для других разоряться? Не превратятся ли в короткий срок одни кооперативы, рационально функционирующие и благоприятно обставленные, в аристократические, а другие—в зависимые и эксплоатируемые? Где есть рынок, риск, там первенство неизбежно, а при отсутствии государства нельзя будет умерять справедливой арендной платой даже такие бесконечно прибыльные условия, как географическое расположение, богатство почвы и т. п. Трудно придумать утопию, более явно ведущую назад к распадению общества на классы, чем утопия коллективизма, прудоновского полусоциализма, без умеряющего и планирующего центра. Но страх перед «властью» заставляет анархическую пуганую ворону бояться даже куста. Но ведь даровитый автор наш вовсе не сродни пуганым воронам!» (Стр. 264.).

Г. Луначарский уверен, что его «даровитый» автор не имеет ничего общего с пуганными воронами анархизма. Он очень ошибается: Артуро Лабриола и сам категорически говорит, что у его единомышленников «в конечных целях имеется почти полная аналогия с анархистами, несмотря на то, что их разделяет глубокая разница практических приемов» (стр. 108, прим.). И всякий, кто внимательно прочтет книгу Арт. Лабриолы, убедится в том, что этот «выдающийся теоретик синдикализма» испытал на себе самое сильное влияние анархиста Прудона.

Правда, это влияние было не столько прямым, сколько косвенным. По-видимому, оно совершилось, главным образом, через посредство французского писателя Ж. Сорэля, автора книги «*Introduction à l'économie moderne*» и многих других сочинений, поражающих изумительной путаницей понятий. Но миросозерцание Арт. Лабриолы складывалось не только под посредственным или непосредственным влиянием Прудона: в него внес свою лепту также известный в Италии профессор политической экономии Панталеоне, которому, — если память мне не изменяет, — Арт. Лабриола даже посвятил одно из своих сочинений. Панталеоне можно назвать одним из наиболее типичных и ярких представителей современного итальянского *манчестерства*. Он — решительный враг всякого государственного вмешательства. Неудивительно поэтому, что испытавший на себе его влияние Арт. Лабриола, характеризуя взгляды синдикалистов, которых он называет революционными, пишет:

«Они вовсе не желают укрепить мощь этого (т.-е. буржуазного.— *Г. П.)* государства [1]), давая ему в руки новые органы угнетения индивидуальной и общественной жизни (система государственного вмешательства, национализации крупной промышленности и т. д.), наоборот, они всеми средствами стараются довести ее до возможного минимума» (стр. 107 и 108).

И далее: «Позитивное социалистическое законодательство они могут начать лишь в тот день, когда рабочему классу удастся разбить государственный механизм буржуазии» (стр. 108).

Само собою понятно, что «социалистическое» законодательство возможно только в социалистическом обществе, но что касается системы «государственного вмешательства», то она при известных обстоятельствах может быть и теперь не только полезна, но прямо необходима для рабочего класса. Возьмите для примера так называемое фабричное законодательство. Известно, что Маркс называл билль о десятичасовом дне в Англии первой победой политической экономии труда над политической экономией капитала. Но профессор Панталеоне, конечно, смотрит на этот вопрос совершенно иначе, и под его влиянием Арт. Лабриола замечает:

«Классический образец реакционного движения мы встречаем в клерикальном обществе, силящемся вернуть себе власть, которую противоположные элементы успели вырвать из его рук. Но не менее реакционными являются и такие партии, которые стремятся передать снова в руки государства утерянное или вырванное от него право опеки не только над мнением индивидуумов, но и над экономической жизнью общества» (стр. 84). Спора нет, — сознательные представители рабочего класса всегда были и всегда будут самыми непримиримыми врагами всякой опеки над мнениями. Но насчет экономической жизни общества приходится сказать, что есть «*опека*» и *опека*. Маркс считал упомянутый мною десятичасовой билль важной «*победой принципа*», так как он означал собою сознательное вмешательство общества в экономическую жизнь, регулируемую теперь стихийным действием слепых экономических сил. А вот буржуазные экономисты об'являли это же самое вмешательство торжеством невыносимой для свободолюбивых людей государственной опеки. Кто был прав: Маркс, или же буржуазные экономисты? Арт. Лабриола не ставит себе этого вопроса, по крайней мере, в той форме, в какой я ставлю его здесь. Но, судя по его враждебному, чисто манчестерскому отношению ко всякому государственному вмешательству, надо сказать, что в этом споре его симпатии целиком должны,— если он хочет быть логичным, — склониться на сторону буржуазных экономистов. И только по этой причине он мог заявить в заключительной главе своей книги, что «между реформистской деятельностью и революцией нет никаких прочных соотношений» (стр. 242). С точки зрения научного социализма вопрос об отношении между реформой и революцией представляется совершенно иначе.

Арт. Лабриола именно потому и боится *всякого* государственного вмешательства, что он сам сродни, во-первых, «пуганой вороне» анархизма, а, во-вторых, — выражусь так, чтобы остаться, вместе с г. Луначарским, в области зоологических метафор, — болтливой сороке либерального манчестерства. Но наш милый г. Луначарский этого не подозревает; он все надеется урезонить своего «даровитого» автора напоминанием о том, будто бы он, «даровитый» синдикалист, вовсе не сродни «воронам». Попал г. Луначарский пальцем в небо!

И не один раз попал, а многажды. Изображая то будущее, которое «рисуется» Арт. Лабриоле, г. Луначарский совсем не догадывается о том, что здесь ему приходится иметь дело с той *важной отличительной чертой «революционного» синдикализма,* которая, с одной стороны, составляет его коренное отличие от современного нам *социализма,* а с другой — обнаруживает полную несостоятельность его, как средства экономического освобождения пролетариата.

[1]) В русском переводе вместо слова государство стоит слово господство. Но это, очевидно, опечатка или описка переводчика. В итальянском подлиннике напечатано: «di questo stato». (Я справляюсь по второму изданию 1906 г.)

Почему «будущее рисуется нашему автору в виде общества самостоятельных кооперативов, торгующих между собою и даже пользующихся при этом деньгами»? Да именно потому, — *и только потому*, — что он «революционный» синдикалист. По мнению «революционных» синдикалистов, не политическая партия пролетариата, а профессиональные союзы должны явиться главнейшим орудием устранения капиталистических отношений производства. Как же могут профессиональные союзы устранить эти отношения? Известная анархическая песня давно уже приглашает:

Ouvrier, prends la machine,
Prends la terre, paysan!

Каждый профессиональный союз овладевает соответствующими его профессии средствами производства: железнодорожные союзы «берут» себе железные дороги, а могильщики «берут» кладбища и все инструменты, употребляемые при рытье могил. После этого оба профессиональные союза вступают между собой в «договор» касательно тех условий, на которых железнодорожники будут перевозить покойников, а могильщики хоронить железнодорожников. И так поступят, разумеется, не только могильщики и железнодорожники: так поступят производители *всех* отраслей труда. И потому, что так поступят производители *всех* отраслей труда, произойдет то, что так не нравится г. Луначарскому: «не устранятся на рынке ни колебание цен, ни перепроизводство; останется возможность для одних богатеть, для других разоряться», и «в короткий срок одни кооперативы, рационально функционирующие и благоприятно обставленные», превратятся «в аристократические, а другие в зависимые и эксплоатируемые». Г. Луначарский совершенно прав, когда говорит, что это «явно» поведет общество назад, к распадению на классы; но он совершенно *не* прав, когда воображает, будто Арт. Лабриола мог бы отказаться от этой утопии, не изменяя самому себе, т.-е. тому «революционному» синдикализму, перед которым он, наш милейший г. Луначарский, расшаркивается так некстати—почтительно. В этой утопии заключается вся суть «революционного» синдикализма. Отказаться от нее значило бы для Арт. Лабриолы перестать быть «революционным» синдикалистом, т.-е. самим собою. А так как утопия «революционного» синдикализма есть, несомненно, *буржуазная утопия*, — утопия товаропроизводителя, взбунтовавшегося против государства, — то отказаться от нее для «революционного» синдикалиста значило бы просто-напросто примириться с *существующим* буржуазным порядком,

т.-е. променять *буржуазную поэзию будущего* на *буржуазную прозу настоящего*. На это никогда не пойдут «революционные» синдикалисты. Они,—насколько я знаю,—совсем не расположены к самоубийству.

II

Так как г. Луначарский, очевидно, слишком плохо представляет себе сущность «революционно»-синдикалистского учения, то я рекомендую ему внимательно вдуматься вот в эти строки, принадлежащие его «выдающемуся» Арт. Лабриоле:

«Рабочие должны бороться, чтобы осуществить на свете форму равенства, вытекающего из потребностей синдикальной жизни. Они должны заставить жизнь принять ту форму, которая является исключительно синдикальной, т.-е. форму чисто договорной организации людей на базе технического участия в экономическом производстве» (стр. 20). По мнению Арт. Лабриолы, в основу общественной организации должна лечь *идея договора*. Спрашивается, откуда взял наш «выдающийся теоретик синдикализма» эту идею? Ответ: он взял ее у Прудона, — не знаю, прямо, или же через посредство Сорэля. Во всяком случае я приглашаю читателя обратиться непосредственно к Прудону. Вот что говорит этот последний:

«Идея *договора исключает* идею *господства*... Договор, взаимное соглашение, характеризуется тем, что, благодаря этому соглашению, *увеличиваются свобода* и *счастье* людей, между тем как установлением власти то и другое *уменьшается*... Если уже договор в обыденном смысле и в повседневной практике имеет такие свойства, то каков же будет социальный договор, который об'единит между собой членов одной национальности в равных интересах?

«Социальный договор — возвышеннейший акт, посредством которого каждый гражданин предоставляет в распоряжение общества свою любовь, свой ум, свой труд, свои услуги, свои продукты, свое имущество в обмен на жертвы, идеи, труды, продукты, услуги и имущество других людей, при чем размер *права* каждого *определяется ценностью его вклада*, и погашение происходит свободно, в зависимости от количества доставленного... Социальный договор подлежит свободному обсуждению всех его участников; он должен быть индивидуально одобрен каждым и собственноручно («manu propria») подписан... Социальный договор по существу подобен меновому: он не только оставляет заключившему (подписавшему) его полномерность («l'intégralité») благ, но он еще

прибавляет нечто к его собственности; не делая никаких предписаний его труду, он относится только к обмену... Таков должен быть социальный договор по определениям права и всеобщей практики» [1]).

Выписка очень длинна, — я извиняюсь в этом перед читателем. Но она была мне необходима, чтобы показать, как велика наивность г. Луначарского, вздумавшего пугать Арт. Лабриолу Прудоном. Чтобы обладать подобной наивностью, нужно было совсем не понять ни Прудона, ни Арт. Лабриолы!

Теперь, когда мы знаем, откуда А. Лабриола взял свою идею *договора*, посмотрим, что собственно представляет собою эта идея. Тут я опять позволю себе обратиться к своей брошюре «*Анархизм и Социализм*».

«Единственное звено, связующее в экономической области *товаропроизводителей,* это *обмен,* — говорю я там. — С юридической точки зрения обмен является взаимоотношением двух «воль». Оно выражается договором. Поэтому, «конституированное» по всем правилам науки *товаропроизводство* есть господство «абсолютной» индивидуальной *свободы:* обязываясь договором сделать ту или другую вещь, доставить тот или другой товар, я не отказываюсь от своей свободы. Отнюдь нет! Я пользуюсь ею, чтобы вступить в сношение со своим ближним. Но в то же время договор регулирует мою свободу. Исполняя обязательство, добровольно на себя взятое заключением договора, я отдаю должное правам других. Таким образом, «абсолютная» *свобода* делается адэкватной «*порядку*» (та же стр.). Я уже сказал, что у Арт. Лабриолы две души, как у Фауста: одна душа происходит от буржуазного социалиста Прудона, другая — от буржуазного экономиста Панталеоне. Поскольку он гремит против государственного вмешательства в экономическую жизнь общества, постольку его устами говорит Панталеоне; а поскольку он отстаивает идею договора, постольку его вдохновляет Прудон, и постольку он сам оказывается анархистом. Вот как рисует он «идеал рабочего мира»:

«...Это — экономическое общество, организованное исключительно и просто в видах материального производства, в котором отсутствует всякая иерархия, не имеющая чисто технического значения, т.-е. общество без государства, без тюрем, армии и законов, но не менее солидно

[1]) «Idée générale de la Révolution au XIX siècle», deuxième édition, Paris 1851, p. 124 — 127. Я беру эту выписку из моей брошюры «Анархизм и социализм» (стр. 37), переведенной на русский язык г. Н—иным и изданной г-жей М. Малых.

и заботливо организованное на базе экономической потребности, договорной связи и технического руководства производством» (стр. 20).

Общество «*без законов*», это не идеал рабочего мира, а только — анархический идеал. Этот идеал построен на явном недоразумении. Анархисты противополагают *договор закону*. Но это противоположение не выдерживает даже самого легкого прикосновения критики.

Договор есть гражданская сделка, налагающая на лиц, в нее вступающих, известные *обязательства*. Чем обеспечивается выполнение этих обязательств? Не чем иным, как *законом*. Отсюда следует, что *договор не исключает закона, а предполагает его*. Давно уже сказано: «Всуе законы писать, ежели их не исполнять». С таким же правом можно сказать: «всуе *договоры* заключать, если нет таких *законов,* которые обеспечивают их исполнение». В этом случае их исполнение зависело бы от благоусмотрения, т.-е., стало быть, *также и от каприза* каждого из договорившихся. Но экономическая жизнь общества не может быть поставлена в зависимость от каприза. Вот почему даже анархисты, кладущие в основу общественной организации идею договора, должны были бы понимать, что «общество без законов» есть чистейшая бессмыслица: круглый квадрат, сапоги всмятку. Некоторые из них,—например, американский анархист-индивидуалист Бенджэмин Р. Тэкер, — и понимают это. Тэкер находит необходимым существование таких правовых норм, которые были бы основаны на общей воле и исполнение которых могло бы быть вынуждаемо всеми средствами, какие общество признает целесообразными, между прочим, даже тюрьмой, смертной казнью и... *пыткой!* [1]). А, так называющие себя, анархисты-коммунисты не хотят ничего слышать не только о тюрьмах и пытках, — что, разумеется, делает им честь, — но также и о законах, что, — как мы теперь видим, — чести им совсем не делает, ибо свидетельствует лишь об их полной нелогичности.

Тот, кто утверждает, что общество без закона есть чистейшая бессмыслица, вовсе не говорит этим, что *всякие* законы хороши. Нисколько! Законы могут быть и дурные и хорошие; это понятно само собою. Не менее понятно и то, что всякий данный общественный класс, достигший самосознания, т.-е. стремящийся перестроить общество сообразно своим нуждам, *должен* стремиться к устранению тех законов, которые *дурны* с его точки зрения, и к установлению таких законов, которые с той же точки зрения представляются *хорошими*. А об'явить,

[1]) Об этом смотри в книге *Эльцбахера:* Анархизм, Берлин, стр. 225.

что всякий закон дурен именно тем, что он закон, это значит об'явить, что дурно осуществление *всякого,* — т.-е. между прочим и рабочего,— идеала. Но это-то и есть вопиющая бессмыслица.

В самом деле, предположим, что рабочий класс, достигнув власти, захочет устранить капиталистические отношения производства. Что ему нужно будет сделать для этого? Издать закон, об'являющий средства производства,—или, по крайней мере, сначала, *известную часть* средств производства, — общественною собственностью. Другого пути нет: г. Луначарский уже об'яснил нам, что осуществление анти-коммунистической утопии Арт. Лабриолы потащило бы общество назад к распадению его на классы.

А «постоянное войско»? А «иерархия»? А «тюрьмы»? А «пытки», которые существуют ведь не только в утопии анархиста Тэкера? Во всем этом — целое море зла. Об этом нечего и говорить. Но подите-ка вычерпайте это море ложкой «договора»! Всякая мысль об этом есть та же «толстовщина», «непротивление злу насилием». Для устранения общественного зла необходимы *законы.* Закон должен служить выражением воли общества. Если теперь он,—в огромнейшем большинстве случаев,—не служит таким выражением, то это происходит потому, что общество разделено на классы. Устраните это разделение, и закон станет не только выражением воли целого общества, но и лучшим обеспечением свободы отдельных его членов.

«Почти анархический» идеал Арт. Лабриолы может казаться привлекательным и осуществимым только тому, кто или совершенно не считается с законами логики или же вовсе не стремится на самом деле ни к какому «идеалу», а только забавляет себя громкой, но, в сущности, совершенно бессодержательной фразеологией. Мне сдается, что Арт. Лабриола, в котором, как мы уже знаем, живут две души, принадлежит именно к числу людей, довольствующихся громкой фразой.

III

Арт. Лабриола продолжает: «Этой форме *синдикальной организации* буржуазное общество противополагает *политическую организацию* людей, т.-е. подчиняет их органу, стоящему вне непосредственного гражданского общества—государству. Стоит только несколько вдуматься в этот контраст, и нам сразу станет ясно, насколько прав Сорэль, когда он утверждает, что борьба за освобождение пролетариата фактически ведется в виде борьбы между политической властью буржуазного общества, т.-е. государством, и технико-экономической организацией трудящихся людей, т.-е. синдикатом» (стр. 20).

Что синдикатам, равно как и вообще рабочему классу, приходится вести борьбу с «политической организацией», созданной буржуазными отношениями производства, это общеизвестно и само собою понятно. Однако очень полезно выяснить себе, какова же *цель* этой борьбы. Арт. Лабриоле дело представляется так, что синдикальная организация рабочих должна устранить «политическую организацию людей». «Синдикат вполне заменяет собой государство», говорит он на стр. 191 своей книги. Но это вовсе не так.

Разумеется, с устранением капиталистических отношений производства устранится *также и современное буржуазное государство.* Энгельс очень хорошо поясняет это следующими словами:

«Государство было официальным представителем всего общества, оно об'единяло его в одной видимой организации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государством того класса, который сам является представителем всего современного ему общества: в древности—государством граждан-рабовладельцев; в средние века—феодального дворянства; в наше время—буржуазии. Сделавшись, наконец, действительным представителем всего общества, оно станет излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно было удерживать в подчинении; когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства; когда устранятся вытекающие отсюда столкновения и насилия; тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества,—обращение средств производства в общественную собственность,—будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-по-малу излишним и прекратится само собой. Государство не будет «уничтожено»,—*оно умрет* [1]).

Вы видите, Энгельс тоже нимало не склонен петь «многая лета!» государству. Он хорошо понимает, что государство есть «историческая категория», подобно *племенной* организации (tribal organization, как выражаются теперь американские этнологи школы покойного Моргана).

---

[1]) *Фр. Энгельс,* Развитие социализма от утопии к науке, пер. В. Засулич. С.-Петербург 1906 г., стр. 41.

Анархисты клевещут на социалистов, выставляя их, в своей полемике с ними, «государственниками» по преимуществу. Но, прекрасно понимая, что государство есть *историческая категория,* Энгельс ясно видит вместе с тем, что обращение средств производства в общественную собственность может быть только делом государства. А если оно должно быть делом государства,—выше я уже намекал, почему это так,—я еще вернусь к этому ниже,—если это так, то большой вздор говорят люди, уверяющие пролетариат, что его усилия в борьбе за свое освобождение должны быть прежде всего направлены на разрушение государства. Довлеет дневи злоба его! А кроме того,—и мне чрезвычайно жаль, что этого не заметил г. А. Луначарский, — противопоставление «непосредственного гражданского общества» государству подсказывает логически мыслящим людям вовсе не те выводы, к которым оно привело «выдающегося теоретика синдикализма». Чтобы понять это, необходимо выяснить себе, что же собственно представляет собою непосредственное гражданское общество в своей противоположности к «политической организации людей».

Различению «непосредственного гражданского общества» от «политической организации людей» соответствует известное различение «прав человека» (droits de l'homme) от «прав гражданина» (droits de citoyen). Это различение было сделано французской революцией, уничтожившей все пережитки *«старого порядка»* (ancien régime) и проложившей широкий путь для развития *новой,* буржуазной общественно-политической организации. Как член *«гражданского общества»*, современный француз есть *«человек»;* как член *«политической организации»*, он является *«гражданином»* [1]).

Какой же смысл имеет это различение?

Маркс давно уже ответил на этот вопрос в своей полемике с Бруно Бауэром об еврейском вопросе.

Он показал там, что «правами *гражданина*» выражаются общие, «родовые» интересы членов капиталистического общества, между тем как «права человека» относятся к области их частных, «эгоистических» интересов. Так, например, самым высоким социальным понятием «гражданского общества» является понятие «безопасности», понятие полиции (der Begriff der Polizei) [2]), основанное на убеждении в том, что все

[1]) Прошу читателя хорошенько заметить это, чтобы его не вводило в заблуждение созвучие слов: *гражданин; гражданское общество.*

[2]) По-французски безопасность называется sûreté, а сыскная полиция — police de sûreté.

общество только затем и существует, чтобы обеспечить каждому своему члену сохранение его особы, его прав и его собственности. «Посредством понятия безопасности,—замечает Маркс,—гражданское общество не возвышается над эгоизмом. Безопасность является скорее гарантией эгоизма». В гражданском обществе человек выступает *не как часть целого;* напротив, целое представляется в нем человеку ограничением его первоначальной самостоятельности. Единственной связью, соединяющей между собою людей в гражданском обществе, служат их потребности, их частные интересы, сохранение их собственности и их эгоистических личностей [1]).

В этих своих замечаниях Маркс отчасти придерживается еще старой, можно сказать до-Марксовой терминологии, — терминологии так называвшего себя «немецкого или истинного социализма». Это и неудивительно, потому что замечания эти относятся к переходной эпохе в его умственном развитии. Но старая терминология не помешала этим замечаниям быть в высшей степени меткими и правильными по существу.

При капиталистическом способе производства общество является разделенным на классы. Поэтому «политическая организация людей» с своей стороны является организацией, направленной на защиту интересов господствующего класса. Стало быть, *она сама служит выражением эгоизма.* Но эгоизм «политической организации» есть *эгоизм класса,* между тем как эгоизм «непосредственного гражданского общества» есть *эгоизм отдельных лиц...* Анархистам и Арт. Лабриоле не нравится *классовой эгоизм.* Поэтому они хотят разрушить «политическую организацию», служащую его выражением. Но разрушить «политическую организацию» ради освобождения от нее «непосредственного гражданского общества»—значит принести *классовой эгоизм* в жертву *индивидуальному.* Если это *прогресс,* то не более, как *прогресс индивидуального эгоизма.*

Сторонникам учения Маркса вся задача представляется совершенно в другом свете. Они не хотят приносить «политическую организацию» в жертву «гражданскому обществу». Они хотят *уничтожить самую противоположность между «гражданским обществом», с одной стороны,* и «политической организацией»—с другой.

Эта противоположность существует теперь, благодаря капиталистическому способу производства. Чтобы устранить ее, необходимо

[1]) Ср. Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels, von 1841 bis 1850. Erster Band, vom März 1841 bis März 1844. Stuttgart 1902, S. 419.

устранить свойственные капитализму производственные отношения. А для этого необходимо обратить средства производства в общественную собственность. С превращением *частной,* капиталистической собственности на средства производства в *общественную*—исчезнет и противоположность между «непосредственным гражданским обществом» и «политической организацией людей». Когда область, в которой царствует (буржуазный) *«человек»,* сольется с областью, составляющею теперь удел «гражданина», тогда «человек» станет «гражданином», а «гражданин»—«человеком». Государство «умрет», но «умрет» вовсе не тою смертью, какой желают и какую пророчат ему анархисты и синдикалисты.

Арт. Лабриола говорит, что общество, члены которого не имеют однородных экономических интересов, должно самопроизвольно принять политический облик парламентарного общества (стр. 12). На той же странице он замечает, что парламентский режим самопроизвольно зарождается всюду, где между господствующими социальными группами отсутствует однородность интересов. В том виде, в каком выражена им эта мысль, она, конечно, не верна: в античном обществе тоже отсутствовала однородность интересов между господствовавшими, рабовладельческими, социальными группами; однако античное общество совсем не знало парламентаризма. Но в основе этой неправильно выраженной *мысли* лежит правильная, хотя и очень смутная *догадка.* Арт. Лабриола смутно догадывается, что современная «политическая организация» создана современной экономикой, современным «гражданским обществом», и что если устранить современную политическую организацию людей, оставив «гражданское общество» в его прежнем виде, то это последнее «самопроизвольно» возродит современную «политическую организацию». Чтобы помочь горю, он и придумывает то, что г. Луначарский называет «самостоятельными кооперативами, торгующими между собою и даже пользующимися при этом деньгами». Но тот же г. Луначарский справедливо возражает ему, как мы видели выше, что неизбежным логическим выводом из утопии таких кооперативов является «распадение общества на классы», т.-е. воссоздание такого общества, «члены которого не имеют однородных экономических интересов». А такое общество «самопроизвольно ведет», по словам Арт. Лабриолы, к парламентскому режиму. Таким образом, наш «выдающийся теоретик синдикализма» благополучно возвращается из своего странствования в область утопии к своей исходной точке. По-моему, это значит *кружиться на одном месте*, а г. Луначарский находит, что это значит *оттачивать оружие для ортодоксальных марксистов в их борьбе с реформистами.* Кто из нас прав, я судить не берусь; пусть нас рассудит читатель.

Чтобы устранить противоположность между гражданским обществом и «политической организацией», необходимо, как я сказал, передать средства производства в общественную собственность. Но *общественная* собственность на средства производства вовсе не есть собственность, принадлежащая *синдикатам.* Синдикат,—т.-е. профессиональный союз,—представляет собою интересы рабочих профессий, т.-е. не целого *класса* производителей, а только данной его *части.* Где же находят свое выражение интересы класса производителей, *как целого?* Они находят его в политической партии этого класса. Вот почему превращение капиталистической собственности в общественную, как дело, в котором существенно заинтересовано все общество,—*минус эксплоататоры,* — может явиться лишь делом партии, а вовсе не делом синдикатов.

Арт. Лабриола, как и все синдикалисты, полагает, что интересы целого могут быть обеспечены *конфедерацией синдикатов.* Но это ошибка. Конфедерация синдикатов могла бы при этом играть только такую роль, какую играет, например, в современной швейцарской конституции *Совет Государств* (le conseil des Etats, Ständerat). В этом совете, как известно, находят свое выражение интересы отдельных швейцарских кантонов в их отдельности от интересов всей Швейцарии. Он является символом *кантонального партикуляризма.* Интересы швейцарского государства *в его целом* представлены Национальным Советом (le conseil National, Nationalrat). «Совет Государств» состоит из представителей отдельных кантонов, по два от каждого (если же данный кантон состоит из двух частей, то каждая его часть посылает одного представителя). Вследствие этого, кантон Ури, имеющий 17 тысяч жителей, обладает таким же весом в Совете, как и Бернский кантон, в котором число жителей доходит до полумиллиона. Уже отсюда видно, что очень ошибся бы тот, кто сказал бы: «Совет Государств» вполне может заменить собою «Национальный Совет». И замечательно, что то же самое мы видим, например, во французской «Всеобщей Конфедерации Труда», насквозь пропитанной духом синдикализма. На ее с'ездах каждый отдельный, хотя бы и самый крошечный, синдикат имеет столько же решающих голосов, сколько и самый крупный. Не раз поднимался вопрос о том, чтобы устранить эту вопиющую ненормальность, дав каждому отдельному синдикату такое количество решающих голосов на с'езде, какое соответствовало бы числу его членов. Но против этого всегда са-

мым энергичным образом восставали именно наиболее «выдающиеся» синдикалисты, показывая этим свой дух *партикуляризма*. Кого интересует вопрос об отношении профессиональных союзов к партии, тому я очень советую внимательно наблюдать то, что происходит во французской «Всеобщей Конфедерации Труда». Такое наблюдение лучше всяких отвлеченных доводов убедит, что никакие федерации профессиональных союзов не могут заменить собой политической партии пролетариата.

Ниже я еще вернусь к вопросу об отношении партии к синдикатам, а теперь я должен продолжать заниматься нашим «выдающимся теоретиком».

IV

В седьмой главе своей книги этот удивительный «теоретик» целым рядом поистине комических доводов пытается доказать, что Маркс,— один из авторов Манифеста Коммунистической партии, — собственно никогда не был коммунистом. На эти смешные доводы Арт. Лабриолы г. Луначарский достаточно возразил ссылкой на то место брошюры Маркса «Гражданская война во Франции», где находятся, между прочим, такие строки:

«Если кооперативное производство не должно остаться приманкой, западней; если оно должно заменить капиталистическую систему; если кооперативные общества должны подчинить национальное производство одному общему плану, поставив его под их собственный контроль и положив конец постоянной анархии и периодическим судорогам, являющимся неизбежными следствиями капиталистического производства, то что же это будет, милостивые государи, если не коммунизм?» [1]).

После этого все относящиеся к этому вопросу софизмы и паралогизмы Арт. Лабриолы можно спокойно оставить без внимания. Полезнее будет ознакомить читателя с содержанием тех страниц той же главы, на которых наш автор воспевает дивные прелести свободной конкуренции. Это—целый гимн. В рассуждениях о «*договоре*» его устами говорил мелко-буржуазный социалист Прудон; в гимне, посвященном благодетельным последствиям свободной конкуренции, его устами поет архи-буржуазный экономист Панталеоне.

Гимн торжественно начинается тем замечанием, что «социализм, понятый, как средство для устранения всех паразитных вознаграждений, в своих результатах совпадает с действием свободной конкуренции»

[1]) Эти строки находятся на страницах 263 и 264 разбираемой мною книги.

(стр. 181). Такое замечание не может не удивить читателя, давно уже не бравшего в свои руки сочинений английских фритрэдеров и не имевшего случая ознакомиться с трудами итальянской школы так называемой *чистой политической экономии* («economia pura»). Поэтому я, во избежание всяких недоразумений, предоставляю слово самому автору гимна:

«Говоря мимоходом, разве влияние свободной конкуренции на рынок не выражается в тенденции вызвать наибольшее общее благосостояние? Это — доказательство, приведенное многими сотни раз и из различных соображений—в его аналитической, графической, логической и исторической форме—должно было быть усвоено всеми. Оно сводится к тому простому тезису, что свободная конкуренция, не создавая привилегированного положения для кого бы то ни было, дает каждому отдельному производителю возможность предлагать свои продукты на тех условиях, при которых он не получает прибыли (?) и не терпит убытка; зато, с другой стороны, она одновременно вынуждает его применять все результаты прогресса в технике и, следовательно, взимать с потребителя такую цену, которая является относительно минимальной» (стр. 183).

Чрезвычайно отрадная картина: свободная конкуренция ведет к тому, что производитель, испытывающий на себе ее благотворное влияние, не получает ни прибыли, ни убытка. Чистая Аркадия! Но погодите, это еще не все. Свободная конкуренция хороша еще тем, что она не создает привилегированного положения ни для кого..., кроме привилегированных, т.-е. кроме тех, которые обладают средствами производства. Очень, очень приятно! Мы начинаем думать, что мир свободной конкуренции есть наилучший изо всех возможных миров. Но слушаем дальше:

«Производители настолько убеждены, что режим свободной конкуренции благоприятствует лишь интересам потребителя, — поет Арт. Лабриола, — что они не устают протестовать против неудобств этой конкуренции и организуются в мощные синдикаты, явная цель которых—завоевание протекционных тарифов» (стр. 182 и 183).

Прежде всего я должен заметить, что, во избежание терминологической путаницы, переводчику лучше было бы заменить здесь слово *синдикаты* словом *тресты*, оставляя термин *синдикат* исключительно для *профессиональных союзов рабочих*. Но это — частность. Главное же в том, что Арт. Лабриола-Панталеоне совсем не понимает того, каким образом воспеваемая им свободная конкуренция сама приводит к *монополии*, т.-е. в данном случае к *трестам*. На самом деле современные тре-

сты созданы именно свободной конкуренцией и существуют именно благодаря ей.

В своей полемике с Прудоном Маркс давно уже показал, что в капиталистическом обществе *монополия*, отрицая конкуренцию, в то же самое время необходимо порождается ею [1]). Но диалектические доводы Маркса не могли оставить сколько-нибудь заметного следа в метафизическом уме Арт. Лабриолы-Панталеоне. Это само собою понятно. Метафизик знает только свое: да—да; нет—нет; или—или (или *монополия*—или *конкуренция),* что сверх того, то — от лукавого.

Послушаем теперь, что поет Арт. Лабриола-Панталеоне о благодетельном влиянии свободной конкуренции на положение пролетариата:

«Ее влияние на капитал представляет собой несомненную выгоду для рабочей массы. При непостоянстве и колебании спроса она понижает доход чисто капиталистической собственности до минимальных пределов. В более развитых в экономическом отношении странах капитал, отделенный от непосредственной промышленной деятельности, почти ничего не приносит... Там, где существует абсолютная свобода конкуренции, чисто капиталистическое владение, отделенное от интеллектуальной функции ведения производства и управления фабрикой потеряло значительную часть своей важности. Оно уже не допускает крупного безвозмездного вычета из труда рабочего» (стр. 183, 184).

Мы сейчас увидим, в какой мере эти слова соответствуют действительности, но прежде я попрошу читателя запомнить еще вот эти строки:

«Накопление капиталов также требует известного вознаграждения, вытекающего из труда, затраченного на сбережение; покуда существует этого рода труд, до тех пор капиталист заслуживает вознаграждения, называемого процентами» (стр 189).

---

[1]) «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собою, конкурирующие становятся монополистами. Если монополисты ограничивают взаимную конкуренцию посредством частных ассоциаций, то усиливается конкуренция между рабочими; и чем больше растет масса пролетариев по отношению к монополистам отдельной нации, тем разнузданнее становится конкуренция между монополистами разных наций. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь посредством беспрерывной борьбы конкуренции» (*Карл Маркс,* Нищета философии, пер. В. И. Засулич, под ред. Г. В. Плеханова, СПБ. 1906, стр. 119 — 120).

Итак, *капитал заслуживает вознаграждения,* называемого процентами. Однако, с этой *заслугой капитала* дело обстоит все-таки не совсем ладно, так что понижение вознаграждения, получаемого за нее капиталом, оказывается «*счастьем*». Посмотрим, как велико это счастье, в одной из наиболее «развитых в экономическом отношении стран», именно в Англии, где свободная конкуренция нашла себе наиболее широкое поприще.

По данным, относящимся к 1901—1902 году, весь так называемый национальный доход Англии составлял от 1.751.000.000 до 2.000.000.000 ф. стерлингов [1]). Из этой суммы на долю рабочего класса доставалось до 690.000.000 ф. ст., а на долю капитала, — заметьте, только *в виде процента,* а не в виде прибыли, — приходилось 360.000.000 ф. ст. Как видите, «счастье», о котором поет синдикально-либеральная сирена, пока еще не достигло в Англии сколько-нибудь заметных размеров: в качестве простых обладателей средств производства, *т.-е. не принимая ни малейшего личного участия в производительном процессе,* капиталисты получают больше половины того, что зарабатывают своим тяжелым трудом рабочие. «Вознаграждение», получаемое английским капиталистом, оказывается довольно-таки крупным. Правда, в эту большую долю, достающуюся английскому капиталу в качестве процента, весьма значительною составною частью входят проценты с капиталов, помещаемых за границей. Поэтому истинные размеры собственно английского «*счастья*» представляются здесь в неясном виде. Для поправления дела я приведу данные, относящиеся к акционерным компаниям, действующим в Соединенном Королевстве. Данные эти относятся к 1902 — 1903 году.

В этом году число «public companies» равнялось 29.165; их доход простирался до 239.000.000 ф. ст. За вычетом отсюда 50.000.000 ф. ст., приходящихся на долю некоторых предприятий, не вполне соответствующих обыкновенному представлению об акционерной компании, мы получаем 179.000.000 ф. ст., составляющих «вознаграждение» акционеров, капитал которых равняется в общей сумме 1.850.000.000 ф. ст. Выходит около десяти процентов [2]). Но, повторяю, «труд» акционера отделен от непосредственной промышленной деятельности. Судите же после этог сами, правду ли говорил Арт. Лабриола-Панталеоне, уверявший нас, что в «более развитых в экономическом отношении стра-

---

[1]) Фунт стерлингов равняется десяти рублям.

[2]) См. «Riches and poverty by *Chiozza-Money*», London 1905, стр. 90 — 91.

нах капитал, отделенный от непосредственной промышленной деятельности, почти ничего не приносит». А г. Луначарский слушает да похваливает. Странный «ортодокс» марксизма этот г. Луначарский! Очень странный!..

Синдикально-либеральная сирена продолжает петь свой хвалебный гимн свободной конкуренции:

«Закон о меновой ценности ведет к уравнению действительной стоимости продуктов (мы в данном случае оставляем в стороне теоретический и неуместный здесь вопрос о том, как экономическое равновесие определяет эту стоимость); но если с историческим прогрессом норма вознаграждения капиталистического накопления и понижается, то, с другой стороны, стоимость труда, т.-е. рабочей силы, постоянно повышается. Это обычное явление. Рабочий, который сорок лет тому назад для прокормления самого себя и своей семьи довольствовался одной похлебкой и плохим хлебом, пред'являет теперь несравненно бо́льшие требования. Законы о так называемом охранении труда, препятствующие эксплоатации женщин и детей, значительно способствовали повышению стоимости рабочей силы. С другой стороны, рабочим, при помощи профессиональных организаций, удалось обезвредить влияние конкуренции» (стр. 185).

Тут мы прежде всего отметим следующее замечательное обстоятельство.

Для того, чтобы рабочий класс мог испытать на себе благодетельное влияние «*свободной конкуренции*», профессиональные организации должны были «*обезвредить*» это *влияние*. Как же это так? Разве *благодетельное* влияние *вредно?* А если — вредно, то как же Арт. Лабриола-Панталеоне решается утверждать, что «социализм, понятый, как средство для устранения всех паразитных вознаграждений, в своих результатах совпадает с действием свободной конкуренции»? Чрезвычайно жаль, что г. Луначарский не об'яснил нам этого в своем интересном послесловии!

Дальше Арт. Лабриола-Панталеоне уверяет нас, что «законы о так называемом охранении труда» значительно способствовали *повышению стоимости рабочей силы*. Вот тебе и на! А мы было поверили тому же Арт. Лабриоле-Панталеоне, — энергично поддержанному Арт. Лабриолой-Прудоном, — утверждавшему, что пролетариат должен восставать против всякого вмешательства государства в экономическую жизнь общества. Где же истина? Чрезвычайно жаль, что г. Луначарский не об'яснил нам этого в своем интересном послесловии!

Но и это не все. Арт. Лабриола-Панталеоне совершенно прав, когда говорит, что рабочий, сорок лет тому назад довольствовавшийся одной похлебкой и плохим хлебом, обнаруживает теперь гораздо бо́льшую требовательность. Однако, следует ли отсюда, что «стоимость труда, т.-е. рабочей силы, постоянно повышается?» Вовсе нет!

Положим, что сорок лет тому назад на производство «одной похлебки и плохого хлеба» нужно было затратить половину всей той суммы труда, которая производительно расходовалась нацией в течение одного года. Положим далее, что теперь, вследствие роста производительных сил, на поддержание жизни рабочего, пред'являющего несравненно бо́льшие требования, нужна только одна третья часть суммы труда, производительно расходуемого нацией в течение того же периода. Что мы видим? Сорок лет тому назад «безвозмездный вычет из труда рабочего, делаемый господствующими классами», составлял *половину этого труда;* теперь же он доходит *до двух третей*. Если это так, то решительно нельзя утверждать, что *стоимость рабочей силы постоянно повышается*. Но Арт. Лабриола-Панталеоне все-таки утверждает это. На каком же основании? Как жаль, что г. Луначарский не об'яснил нам этого в своем интересном послесловии!

На нет и суда нет. Попробуем разобраться сами. Правда ли, что «безвозмездный вычет из труда рабочего» теперь больше, нежели был «сорок лет тому назад»?. Неоспоримая правда. Чем «развитее в экономическом отношении» данная страна, тем выше в ней степень эксплоатации наемного труда капиталом. Вернер Зомбарт, — в своей книге: «Warum gibt es in den Vereinigten Staaten keinen Sozialismus?», — справедливо говорит, что нигде в мире наемный рабочий не подвергается такой эксплоатации со стороны капиталиста, как в Соединенных Штатах. Чем же это об'ясняется? Да именно тем, что нигде труд не имеет такой продуктивности, иначе сказать: тем, что нигде в мире производительные силы не достигли такой высокой степени развития, как в этой стране.

Арт. Лабриола-Панталеоне скажет нам, конечно, что Соединенные Штаты придерживаются покровительственного тарифа, и что, вследствие этого, рабочий класс этой страны не мог испытать на себе благодетельного действия свободной конкуренции в его полной мере. Легко было бы показать несостоятельность этого довода; но на это нужно было бы место, которого у меня мало. Поэтому я обращаюсь к Англии, давно уже отказавшейся от покровительственного тарифа.

Всмотритесь в эту таблицу.

ГОДЫ.	Общая сумма заработной платы, в миллионах ф. ст.	Общая сумма дохода, обложенного налогом, в миллионах ф. ст.
1860	300	290
1865	3 0	385
1870	365	440
1875	465	560
1880	440	560
1885	440	580
1890	550	640
1895	580	660
1900	710	790
1901	705	800

Эти цифры очень сильно грешат двумя недостатками: они *преувеличены в том, что касается заработной платы* [1]) *и в то же время, они преуменьшают* истинную величину дохода, обложенного налогом, так как лица, платящие этот налог, обыкновенно показывают его более низким, чем он есть на самом деле. И тем не менее *даже из этих очень неточных цифр* ясно видно, что в Англии «безвозмездный вычет из труда рабочего» растет быстрее, нежели заработная плата. А это значит, что в Англии рабочий подвергается все более и более сильной эксплоатации со стороны капиталиста [2]).

Как же можно после этого утверждать, что «социализм, понятый, как средство для устранения всех паразитных вознаграждений, в своих результатах совпадает с действием свободной конкуренции»? Как можно говорить, что закон конкуренции «является законом, противным интересам капитала»? (стр. 186). И как мог г. Луначарский, слушая этот архи-буржуазный вздор, считать Арт. Лабриолу серьезным теоретиком, оттачивающим оружие для ортодоксальных марксистов?

[1]) Английские статистики обыкновенно обнаруживают слишком большой оптимизм при исчислении общей суммы заработной платы. Об этом смотри мой сборник «Критика наших критиков» [Сочинения, т. XI].

[2]) Даже Джевонс,—один из английских столпов школы «чистой экономии»,—признает, что рост денежной заработной платы в течение последних «сорока лет» в значительной степени об'ясняется возрастанием производства золота, — я сказал бы: увеличением производительности труда, затрачиваемого на добывание золота. И он прав. Но отсюда следует, что рост денежной заработной платы может сопровождаться уменьшением доли рабочего в трудовой стоимости национального дохода. Дживонс, не делающий этого неизбежного вывода, обращает свое верное замечание в довод против профессиональных союзов. Это логично с той точки зрения, с которой он смотрит на профессиональные союзы, и которая, мимоходом сказать, совсем неправильна. Но это — вопрос другой, нас здесь не касающийся.

У Островского, кажется, Любим Торцов говорит: «все мы промежду трагедиев ходим». По поводу книги Арт. Лабриолы и послесловия к ней г. Луначарского, можно сказать, выражаясь словами Любима Торцова: все: и автор книги, и автор послесловия, и их доверчивые читатели,— все они промежду недоразумениев ходят. Так, например, г. Луначарский возвещает нам с ученым видом знатока: «итальянский синдикализм стоит ближе всего к ортодоксальному марксизму» (стр. 259). После всего того, что мы слышали от Арт. Лабриолы-Прудона и от Арт. Лабриолы-Панталеоне, читатель сам видит, как много *«недоразумениев»* в только что приведенных мною немногих, но выразительных словах г. Луначарского. На самом деле, между взглядами Арт. Лабриолы и ортодоксальным марксизмом *нет ровнехонько ничего общего*. И г. Луначарский мог бы услышать это от самого Лабриолы, если бы только дал себе труд прочитать другое сочинение «выдающегося теоретика», тоже посвященное вопросу, разбираемому в книге «Реформизм и синдикализм». Это другое сочинение очень не велико по своему об'ему, и тем легче было ознакомиться с его весьма и весьма поучительным содержанием.

Я имею в виду *статью* «Синдикализм и реформизм в Италии», напечатанную в «Mouvement Socialiste» за декабрь 1905 года [1]).

Читатель не посетует на меня, если я, в целях раз'яснения вопроса, так сильно запутанного г. Луначарским, сделаю из этой небольшой статьи довольно большие выписки.

V

Я начинаю,—говорит там Арт. Лабриола,—с откровенного заявления о том, что как реформизм, так и синдикализм являются теперь продуктом нового характера факта, порождающего собою социализм (le produit du caractère nouveau qu'a pris le fait qui engendre le socialisme). По моему мнению, и тот, и другой находят свое оправда-

[1]) Эта статья Арт. Лабриолы существует и на итальянском языке, но у меня нет под рукою ее итальянского подлинника. Прибавлю здесь, что итальянский подлинник книги *«Синдикализм и реформизм»* носит наавание: *«Riforme e Rivoluzione Sociale»*.

ние в этом новом опыте, и, конечно, наша полемика много выиграла бы, если бы мы стали взаимно рассматривать наши мнения о пути, которым должен был бы итти рабочий класс, чтобы притти к социализму, как результат особой идеи, составленной себе нами о тех силах, которые действуют в обществе в настоящее время, и существование которых прежде нельзя было заметить».

Какие же это новые силы? Этот вопрос вводит нас «в самую жилу» предмета, как выражается дьякон у Г. И. Успенского. И вот как отвечает на него Арт. Лабриола:

«*Марксизм,* — под этим выражением я понимаю не историческое и экономическое учение К. Маркса, а частные приложения этого учения, сделанные им к процессу разложения капиталистического общества, — марксизм есть истинный сын исторического опыта первой половины XIX века. На него оказало решительное влияние то состояние общества, которое знакомо нам по описаниям Гиффена и Шульце-Геверница и по еще более трагическим описаниям Энгельса в его книге о положении рабочего класса в Англии» [1]).

Следует характеристика этого состояния. Капитализм, развившийся на развалинах мелкого производства, пользовался неопытностью рабочего класса, не имевшего ни привычки к борьбе, ни сознания своих классовых интересов. Рабочий день был крайне длинен и крайне утомителен; заработная плата — до последней степени низка: эксплоатация женского и детского труда сделалась обычным явлением. Мериваль, говоря о производстве хлопка американскими рабовладельцами, замечает, что Ливерпуль и Манчестер построены на крови рабов, замученных в американских плантациях. С еще бо́льшим правом мы могли бы сказать, что в течение сорока лет пролетариат Англии был приносим в жертву ее богатству и могуществу. Это печальное состояние общества вызвало соответствующие ему взгляды социалистов. «Казалось, что очень обострившаяся взаимная борьба между капиталистами, в связи с естественной половой непредусмотрительностью рабочего, должна вести к постоянному ухудшению экономического положения пролетариата. С другой стороны, конкуренция представлялась какой-то адской силой, которая, беспрерывно опустошая ряды капиталистов, автоматически производит преобразование общества, переходящего от недисциплинированного и никем не руководимого производства к промышленному порядку, устанавливаемому небольшой группой капиталистических производителей. В течение целой четверти века, от Годвина до Галля и Томпсона, эти два элемента разрабатывались в английской антикапиталистической литературе, пока Маркс не систематизировал тогдашних наблюдений и тогдашних учений и не изложил их, придав им лапидарную форму, в «Манифесте Коммунистической Партии».

[1]) «Le Mouvement Socialiste», 1 — 15 Decembre, 1905, p. 395.

Мысли, высказанные в этом «Манифесте», верно отражают печальное общественное состояние *того времени*. Но спрашивается, оправдались ли предсказания, сделанные авторами Коммунистического Манифеста в виду этого состояния? Арт. Лабриола категорически утверждает, что — нет, не оправдались.

«В течение сорока лет и во всем мире (et dans toutes les parties du monde) заработная плата увеличилась на 30, на 40, а местами и на 50 процентов. Index - Numbers (числа - показатели) показывают, что цены предметов потребления повсюду понизились. Экономические кризисы, появление которых Маркс сначала считал неизбежным в течение каждого пятилетия, а потом признал неизбежным после каждых десяти лет, стали отделяться один от другого все более и более длинными промежутками. Их влияние все более и более становится местным и ограниченным, и притом оно распространяется лишь на некоторые отрасли промышленности. Внимательное исследование их природы показывает, что они порождаются недостатком равновесия в данной экономической системе, еще слишком молодой и еще только стремящейся к более прочному приспособлению. Более старые и более благоразумные (plus assagies) общества представляются более далекими от кризисов, нежели общества более молодые и более невоздержанные (et plus intempérantes). В самом деле. Наиболее сильные и тяжелые кризисы наблюдались в течение последних двадцати лет в Германии и в Соединенных Штатах, т.-е. в двух странах, представляющих собою два капиталистических организма более молодых по времени своего возникновения и потому более склонных к некоторым промышленным увлечениям (plus portés à certaines audaces industrielles).

Теперь мы видим, в каком отношении ошиблись авторы «Манифеста». Они думали, что, — как говорит за них Арт. Лабриола на своем неясном языке человека, неспособного к ясному мышлению, — они думали, что капитализм порождает беспрерывный прогресс зла. Но это-то и неверно: зло, порождаемое капитализмом, постоянно уменьшалось в течение того времени, которое протекло со времени выхода в свет «Манифеста». Под известным уже нам благодетельным влиянием свободной конкуренции заработная плата постоянно повышалась, а что касается

промышленных кризисов, то, во-первых, они становились все более и более редкими, а во-вторых, от них страдали главным образом, общества молодые и невоздержанные («ошибки молодости!»); общества же более пожилые, более умудренные опытом и потому более благоразумные, страдали от них все меньше и меньше. И это, разумеется, очень хорошо, ибо должно же благоразумие получать свое справедливое «вознаграждение» не только на небесах, но даже и в сей земной юдоли плача. Но как же, — ввиду всего этого «опыта», — обстоит теперь дело со взглядами, высказанными в «Манифесте» насчет перехода к социализму? Очень плохо! Арт. Лабриола говорит, что старые основы социалистических пророчеств рушились, оказавшись чисто призрачными (purement illusoires).

Сказать можно все: язык без костей. Однако, где же здесь то оружие, которое Арт. Лабриола «отточил» *для* «ортодоксальных марксистов»? Его нет и следа, а есть оружие, «отточенное» *против* авторов «Манифеста». А это последнее оружие взято Арт. Лабриолой на прокат у новейших буржуазных экономистов, — главным образом у Шульце-Геверница (см. его двухтомное сочинение «Zum socialen Frieden»). Наш «революционный» синдикалист оказывается последователем новейших апологетов капитализма. Я не стану рассматривать здесь, до какой степени «*призрачны*» те доводы, которые выдвигают буржуазные экономисты новейшего времени в своей «Критике Маркса» и которые повторяет вслед за ними Арт. Лабриола. Это уже сделано мною в статьях, вышедших в сборнике «Критика наших критиков». Замечу одно: реформисты, с которыми г. Луначарский советует нам бороться оружием, «отточенным» Арт. Лабриолой, испытали на себе в этом случае то же самое влияние, которому подвергся «выдающийся теоретик синдикализма»: у них тоже нет никакого другого оружия, кроме того, с которым в течение последних двадцати лет выступали против Маркса буржуазные экономисты разных стран. Арт. Лабриола сам понимает это. Оттого он и говорит, что, по его мнению, реформизм и синдикализм *одинаково находят свое оправдание в новом опыте капиталистического общества.* Он только выражается не совсем точно. «Новый опыт» на самом деле тут совершенно ни при чем; «новый опыт» в действительности не опровергает, а подтверждает Маркса. Но верно то, что и реформизм и синдикализм одинаково находят свое «оправдание», — если только возможно здесь таковое! — в буржуазной экономической литературе последних десятилетий. *Артуро Лабриола — родной брат Эдуарда Бернштейна.*

Говорят: назови мне, с кем ты дружишь, и я скажу тебе, кто ты таков. В том, что касается литературы, я предлагаю говорить иначе: назови мне того автора, которого ты не можешь понять, и я скажу тебе, что такое ты сам. Г. Луначарский не понял Арт. Лабриолы. Это показывает нам, какую меру понимания отпустили бог и природа самому г. Луначарскому.

Мне жаль, что г. Луначарский так опростоволосился в своей оценке «выдающегося теоретика синдикализма». Но еще гораздо больше жалею я о том, что г. Луначарский до сих пор не понят ни самим собою, ни значительной частью нашей читающей публики. Его считают, — и он сам искренне считает себя, — пытливым умом, нетерпеливо рвущимся «*вперед*»; а он еще не разобрал хорошенько, где это собственно «*вперед*» и где «*назад*». Ще молода дытына, как говорит у Гоголя Василиса Кашпаровна Цупчевська о своем племяннике. А пока что, наша дытына все промежду «недоразумениев» бродит. Недоразумением было его увлечение философией Авенариуса. Недоразумением оказывается и его увлечение синдикалистом Арт. Лабриолой.

Но вернемся к этому последнему. Указав еще раз на то, что реформизм и синдикализм порождены одним и тем же историческим опытом, он прибавляет, делая вопрос ясным даже и для самого неповоротливого ума:

«И тот и другой (т.-е. опять-таки и реформизм и синдикализм.— *Г. П.)* отрицали традиционную формулу социализма и даже, сами того не замечая, ссылались на один и тот же основной принцип, однако, они делали из него неодинаковые выводы» [1]).

Вот это верно! И опять нельзя не удивиться легкомыслию г. Луначарского; опять нельзя не пожалеть о том, что он не дал себе труда лучше ознакомиться с характером итальянского синдикализма вообще и с синдикализмом Арт. Лабриолы, в частности. Но в чем заключается то различие *в приложении* основного принципа — *одинаково принадлежащего* как синдикализму, так и реформизму, на которое намекает Арт. Лабриола? Оно может быть выражено немногими словами.

Реформизм, — а также, конечно, и ревизионизм, потому что это два различных имени одного и того же явления, — реформизм, подчиняясь влиянию буржуазных теоретиков «социальной» реформы, преувеличивает значение вмешательства буржуазного государства в отношения между капиталом и наемным трудом; в этом вмешательстве он со-

[1]) Там же, та же страница.

вершенно ошибочно видит главное средство достижения конечной цели пролетарской борьбы. «Революционный» синдикализм, подчиняясь влиянию новейшего манчестерства и воскрешая Прудона, восстает против государства и в своем анархическом увлечении доходит до того, что местами отказывается прибегать к государственному вмешательству даже тогда, когда оно может принести рабочему классу свою долю пользы, устраняя некоторые вредные для пролетариата, хотя и несущественные стороны капиталистической эксплоатации [1]). Главное средство достижения конечной цели пролетарской борьбы он, — вместе с анархизмом, — ошибочно видит в разрушении государства. Вот и все. В остальном, — и в самом главном, т.-е. *во взгляде на общий ход современного капиталистического развития,* — реформизм и «революционный» синдикализм тожественны друг с другом. Взятые вместе, они представляют собою нечто похожее на пару перчаток: *левая* перчатка в известном смысле противоположна *правой*. Но это не мешает ей быть *совершенно подобной* ей.

Синдикализм противоположен ревизионизму. Но *эта их противоположность основывается на их внутреннем тожестве.* Для поверхностных умов заметна только их противоположность, а их тожество остается скрытым.

Как теория, синдикализм Арт. Лабриолы представляет собою лишь одну из разновидностей «критики Маркса». Что эта будто бы критика так же вульгарна и так же основана на полном непонимании коренных положений марксизма, как «критика», исходящая из лагеря реформизма, очень хорошо видно уже из того, что мы прочитали в статье Арт. Лабриолы о ходе развития капитализма в течение последних сорока лет. Столь же хорошо видно это и из того, что мы сейчас узнаем.

«Их общую историческую и психологическую посылку (т.-е. посылку общую реформизму и синдикализму.—*Г. П.*) можно выразить следующим образом, — признается Арт. Лабриола: — так как опыт экономического процесса показал, что промышленное производство не находится в непременной связи с существованием социальной дифференциации между капиталистами и рабочими, то все сводится к вопросу о том, по какому пути надо следовать, чтобы притти к такой промышленной организации, которая управлялась бы и руководилась бы непосредственно рабочими-производителями».

[1]) На с'езде синдикалистов, имевшем место в Ферраре 29 июня—1 июля 1907 года, принята, в заседании 30 июня, резолюция, решительно отвергающая всякое вмешательство современного государства во взаимные отношения между трудом и капиталом (см. «l'Azione Sindacalista», 1907, № 190). Эта резолюция насквозь пропитана анархическим духом. Против нее говорил, правда, один из теоретиков итальянского синдикализма, Энрико Леонэ, признававший некоторую пользу и за государственным вмешательством. Однако его доводов не приняли в соображение. Оно и понятно: они противоречили его собственной теории.

Нечего и говорить, что я отнюдь не отвечаю за слог «выдающегося теоретика синдикализма». Правда, его собственная ответственность за слог только что сделанный мною выписки тоже должна быть признана ограниченной: я перевожу с *французского* перевода его *итальянского* сочиненьица. Но мысли, высказанные в приведенных мною отрывках, таковы, что на каком бы языке ни выражался человек, их высказывающий, к нему все-таки нельзя отнестись иначе, как с юмором. Покойный Г. И. Успенский заметил в одной из своих немногочисленных критических статей, что существует порода людей, которая никогда и ни при каких обстоятельствах не выражается *просто*. Человек, принадлежащий к такой породе, не скажет: «кирпич упал на землю», а непременно выразится по-ученому: «под влиянием силы тяжести, данная масса материи приблизилась к центру земли на такое-то расстояние» и т. д. По выражению Г. И. Успенского, люди этой породы стараются «*думать басом*», подобно тому, как стараются говорить басом иные школьники, желающие показаться «*большими*». Арт. Лабриола всегда «*думает басом*» и оттого кажется «*большим*» г-ну Луначарскому. Его искусственный бас гудит на протяжении всей книги; гудит он и в цитируемой теперь статье и, между прочим, там, где речь идет о посылках, свойственных одновременно и реформизму и синдикализму. И чем ниже этот искусственный бас, тем более восхищается им Арт. Лабриола. Беда только в том, что даже самый низкий «бас» не способен наполнить дельным содержанием пустое место.

«*Необходимость социализма,*—гудит Арт. Лабриола,—не обусловливается больше развитием механического процесса, который стихийно (brutalement) уничтожил бы большую часть капиталистов, к выгоде плутократического меньшинства, и поставил бы на место процесса индивидуального производства обширный социальный организм, сначала управляемый несколькими капиталистами, а потом коллективом организованных рабочих».

Это, конечно, очень темно, но темно только потому, что наш автор «думает басом». А на самом деле это очень просто: опыт показал (т.-е. буржуазные экономисты уверили Арт. Лабриолу.—*Г. П.*), что в со-

временном капиталистическом обществе вовсе не совершается той концентрации производства, о которой говорил Маркс. Поэтому об'ективный ход общественного развития вовсе не толкает общество в направлении к социализму. Социализм перестает казаться необходимым результатом этого развития. А так как научный социализм основывается именно на признании экономической необходимости развития капиталистического общества в направлении к социализму, то научный социализм оказывается «призрачным». Что же остается? Пусть и на это отвечает сам «выдающийся теоретик синдикализма».

«Но эта необходимость (т.-е. опять-таки необходимость социализма.—*Г. П.*),—продолжает он басить,—создается *волею* организованных рабочих, которые, убедившись в том, что бесполезно поддерживать социальную дифференциацию между капиталистами и рабочими, создали новую совокупность общественных отношений, которая должна повести за собой исчезновение капитализма. Таким образом, сам социализм испытал на себе отдаленное влияние того возрождения идеализма, которое замечается теперь, кажется, во всех общественных науках» [1]).

Резюмируем. Прежде, в ту эпоху, когда Маркс и Энгельс писали свой «Манифест», устранение капиталистических производственных отношений представлялось делом экономической необходимости, а теперь полувековой опыт убедил нас в том, что экономической необходимости в таком устранении вовсе нет, а что все зависит тут единственно от воли людей. Другими словами, это значит вот что: прежде, в эпоху «Манифеста», думали, что обращение средств производства в общественную собственность будет делом *человеческой воли, обусловленной самим ходом развития капитализма.* Но полувековой «опыт» показал, что ход этого развития *вовсе не таков, чтобы под его влиянием воля людей* направлялась в эту сторону. Однако этим вовсе не надо огорчаться; напротив, этому следует радоваться, потому что воля людей сама направит себя в желательном для нас направлении. До такого утопически-филистерского вздора не договаривался и родной брат Арт. Лабриолы—Эд. Бернштейн!

Арт. Лабриола обещал нам не касаться, в этих своих рассуждениях, *исторического учения* Маркса, т.-е. *исторического материализма.* Но обуявший его дух «критики» пересилил его, и он возвестил нам *возрождение идеализма* в социологии, т.-е. крушение *материалистического*

[1]) Там же, та же стр.

об'яснения истории. О каком же *идеализме* говорит он нам? Он говорит нам о той разновидности идеализма, которая об'ясняет историческое развитие общества сознанием и волею людей. *Это — самый слабый вид идеализма.* Идеализм Шеллинга и Гегеля был не таков: он понимал, что *научное об'яснение* общественных явлений начинается *только там,* где *сознание* и *воля* людей могут быть об'яснены, как необходимый продукт общественного развития. Но этого не понимал *утопический* социализм, который считал человеческую волю и человеческое *сознание* последними, глубже всех других лежащими *причинами общественного* исторического движения. Главная заслуга научного социализма состояла в том, что он открыл *экономическую необходимость* в том предстоящем цивилизованному миру преобразовании общества, на которое утопический социализм смотрел лишь как на *возможный результат желательного усилия человеческой воли.* Поэтому можно сказать, что Арт. Лабриола, в своей *книге* выдающий себя за истинного истолкователя Маркса, в своей *статье* рукоплещет возвращению, — впрочем, им же самим измышленному, — социализма с *научной* точки зрения на *утопическую.* Я согласен, что «ниспровержение», хотя бы только воображаемое, научного социализма должно нравиться, например, г. профессору Н. Кареву, который с полным правом увидит в этом *возрождение суб'ективизма.* Но как может это нравиться г. А. Луначарскому?

Отгадай, моя родная...

Правда, г. Луначарский, повидимому, не имеет ни малейшего понятия о той поучительной статье Арт. Лабриолы, содержанием которой восхищаемся теперь мы с читателем. Но русский народ справедливо говорит, что птица видна по полету. Достаточно было прочитать две-три главы из книги «*Реформизм и синдикализм*», чтобы сообразить, как близок Арт. Лабриола в своем понимании марксизма к нашим суб'ективным социологам.

VI

На стр. 135 своей книги Лабриола пишет: «Учение Маркса положило начало двум легендам. Первая заключается в том, будто эволюция человеческого общества протекает в механическо-автоматической, почти фатальной форме и всегда в математически-определенном направлении... Вторая легенда может считаться практическим выводом из первой. Так как мир развивается сам по себе, то, несомненно, бесполезно сознательное и планомерное вмешательство в процесс его развития».

Когда, где и кто из «ортодоксальных марксистов» утверждал, что эволюция человеческого общества протекает в почти фатальной форме? Никто, нигде и никогда! Первая легенда придумана противниками марксизма, его «критиками». А г. Лабриола относит эту легенду именно на счет «ортодоксальных марксистов». Он говорит:

«В такой концепции марксизм походил бы на одно из тех многочисленных идеалистических учений, которые во что бы то ни стало старались дать нам конкретную формулу общественной эволюции. Этого рода родство между марксизмом и идеалистическими системами до того ясно проглядывает в умах наиболее ортодоксальных марксистов, что даже Плеханов находит возможным восхищаться Сэн-Симоном лишь потому, что, по мнению последнего, из прошлого, точно исследованного, можно сделать заключение о будущем. Сэн-Симон совершенный идеалист; Гегель же, являющийся наиболее типичным представителем идеализма, создал целый ряд схематических прообразов, долженствовавших точно обрисовать сущность вечного исторического процесса в искусстве, религии, праве» (та же стр.).

Самое простое чувство приличия должно было бы помешать Лабриоле говорить о Гегеле, об учении которого он не имеет ни самомалейшего понятия. Я уже сказал, что идеализм Гегеля был в своем об'яснении истории гораздо более «наукообразен», — как выражаются у нас теперь,—нежели тот поверхностный идеализм, на точку зрения которого наш автор перешел в статье «*Синдикализм и реформизм в Италии*» и который в своем анализе причин общественного развития не идет дальше человеческой воли, человеческого сознания. Больше распространяться здесь об этом я не нахожу нужным. Что же касается «совершенного идеалиста» Сэн-Симона и «даже Плеханова», то с ними случилось следующее «невероятное происшествие».

Посылая свой упрек «даже Плеханову», Ар. Лабриола цитирует мою брошюру «Анархизм и социализм». Там у меня сказано:

«Пример Сэн-Симона,—этого гениального человека с энциклопедическими познаниями,—может быть, лучше всяких других примеров показывает, насколько эта точка зрения (т.-е. идеалистическая точка зрения «природы человека») была ограниченна и недостаточна, и в какой безнадежно-запутанный лабиринт она заводила всех тех, кто ею пользовался. Сэн-Симон говорил нам с самым глубоким убеждением: «Будущее составляется из последних членов ряда, первые члены которого образуют прошлое. Если хорошо изучить первые члены ряда, то легко определить следующие члены; следовательно, *из точных наблюдений над прошлым легко вывести будущее*». Это до такой степени верно, что в первую минуту невольно может возникнуть вопрос: почему же причисляют к утопистам человека, имеющего такое ясное представление о связи, существующей между различными стадиями исторического развития? Но стоит только поближе познакомиться с историческими идеями Сэн-Симона, чтобы убедиться в том, что его не без основания назвали «утопистом» [1]).

Дальше я показываю, что общественные взгляды Сэн-Симона были насквозь пропитаны идеализмом. Арт. Лабриола читает мою брошюру, запоминает место, относящееся к Сэн-Симону, надувается и кричит своим искусственным басом: «Вот до чего дошли ортодоксальные марксисты! Даже Плеханов не знает, что Сэн-Симон совершенный идеалист!» И это его восклицание раздается так неожиданно, и само по себе оно так невероятно, что сначала я был поставлен им в тупик: я не мог понять, «откуда мне сие». Только потом я сообразил, что ларчик открывается довольно просто: на этой странице своей книги Ар. Лабриола пришел к убеждению,—такому же скороспешному, как и многое множество других его убеждений,—что сущность идеализма состоит в признании причинной связи предыдущих фазисов общественного развития с последующими. А так как я в этом-то признании и вижу теоретическую заслугу Сэн-Симона, то «выдающийся теоретик синдикализма» счел нужным строжайше прикрикнуть на меня в целях скорейшего разрушения «первой легенды».

Если моя догадка верна, то окрик перестает быть загадочным. Но в таком случае трудно даже и представить себе, каких чудес способен наговорить человек, смело отрицающий ту, теперь уже, казалось бы, общепризнанную истину, что настоящее рождено прошлым и, в свою очередь, беременно будущим.

Как бы там, однако, ни было, факт тот, что здесь Ар. Лабриола имеет, по крайней мере, заслугу оригинальности (не напрасно, значит, признал за ним эту заслугу г. Луначарский!). У него выходит, что мы, марксисты, считающие себя «ортодоксальными» и гордящиеся своей «ортодоксальностью», на самом деле вовсе не «ортодоксальны», ибо заражены *идеализмом*. Это ново. В таком грехе нас не обвинял пока еще никто из наших «критиков». Однако оригинальность Лабриолы есть оригинальность совершенно особого рода. Читатель помнит, что в статье «*Реформизм и синдикализм в Италии*» наш автор с удоволь-

[1]) См. стр 9—10 русск. перевода (Н. Н—ина) моей брошюры. [Сочин., т. IV].

ствием приветствует неоспоримый, по его мнению, факт возрастающего влияния идеализма на социалистическое учение. Теперь он сердится на нас за наш мнимый идеализм. Оригинальность его есть оригинальность самой редкой непоследовательности. И хотя он обвиняет нас в том, в чем еще никто и никогда не обвинял, но понял нас он не лучше, нежели, например, критиковавшие нас некогда русские суб'ективисты: Кареев, Михайловский, Кривенко и др. Те ведь тоже были твердо убеждены в том, что, по нашему мнению, «эволюция человеческого общества протекает в механически-автоматической, почти фатальной форме и всегда в математически-определенном направлении». «Les beaux esprits se rencontrent», даже тогда, когда направляются, повидимому, в совершенно различные стороны.

А вторая легенда! Когда, где и кто из нас, «ортодоксальных марксистов», утверждал, что так как мир развивается сам собою, то бесполезно всякое сознательное вмешательство людей в процесс его развития? Этого никогда и нигде не говорил ни один из нас. Это говорили за нас, искажая наши мысли, наши «критики», противники материалистического понимания истории. С какой же стати вздумалось Ар. Лабриоле возвести на нас эту «небылицу в лицах»? Опять приходится недоумевать, опять приходится строить более или менее вероятные догадки. Наиболее вероятною кажется мне следующая. Когда Ар. Лабриола писал интересующие нас здесь строки, он, — с быстротою молнии перелетающий от одного понимания истории к другому,—держался того взгляда, высказанного им в статье «Синдикализм и реформизм в Италии», что человеческая воля представляет собою самую глубокую причину общественного движения. Ну, а человеку, держащемуся такого взгляда, «ортодоксальный марксизм», в самом деле, должен казаться фаталистическим учением. И опять «les beaux esprits se rencontrent», хотя и направляются, повидимому, в совершенно различные стороны: опять г. Ар. Лабриола делает «ортодоксальному марксизму» тот самый упрек, с которым обращались к нему наши суб'ективные социологи.

Показав, как плох «ортодоксальный марксизм» в том виде, какой он имеет в настоящее время, наш автор старается показать, каким должен быть марксизм при правильном понимании идей Маркса. Само собою разумеется, что правильному пониманию Маркса мы должны учиться у г. Ар. Лабриолы. Что ж, давайте учиться.

Он басит: «История, это — постоянный прогресс, непосредственной пружиной которого являются воля и чувства людей. Это так, главным образом, потому, что условия социальной среды представляют собою

инертную материю, силу, ограничивающую индивидуальные и коллективные стремления к переменам» (стр. 19).

Кто же сомневается в том, что *непосредственной* пружиной исторического процесса являются воля и чувства людей? Никто. Энгельс писал в своей брошюре *«Людвиг Фейербах»:*

«Все что побуждает к деятельности отдельного человека, неизбежно проходит чрез его голову, воздействуя на его волю. Точно так же и все потребности гражданского общества,—независимо от того, какой класс господствует в данное время,—необходимо должны пройти через волю государства, чтобы добиться законодательного признания. Это формальная сторона дела, которая сама собою разумеется» (стр. 44—45).

Для общественной науки весь вопрос был только в том, приводится ли непосредственная пружина,—воля и чувства людей,—в движение сама собой, или же эта *непосредственная* пружина должна быть *опосредствована* какой-нибудь другой причиной. В названной брошюре Энгельс формулирует этот вопрос так:

«Но, спрашивается, каково же содержание формальной воли, — все равно отдельного лица или целого государства,—откуда оно берется и почему воля направляется именно в ту, а не в другую сторону?» (та же стр.).

Маркс и «ортодоксальные марксисты» говорят, что ответа на этот вопрос надо искать в *общественной экономике*, развитие которой, в свою очередь, обусловливается в последней инстанции *развитием производительных сил*. Ар. Лабриола... а он, по своему обыкновению, беспомощно барахтается в неразрешимых для него трудностях.

«Условия социальной среды представляют собою инертную материю». Очень хорошо! Но скажите, читатель, что такое есть окружающая нас с вами социальная среда? Это, очевидно, есть окружающее нас человеческое общество. Общество состоит из людей. Чувства и воля людей являются непосредственной пружиной исторического процесса. Каким же образом социальная среда может представлять собою инертную материю? И каким образом *«поэтому»*,—т.-е. потому, что социальная среда представляет собою инертную материю,—чувства и воля людей являются непосредственной пружиной истории? Тайна сия велика есть...

Или, может быть, я неправильно понял нашего единственного правильного истолкователя Маркса? Может быть, моя ошибка заключается в том, что я говорил о *социальной среде* там, где у него идет речь, соб-

ственно, об «*условиях социальной среды?*» Допускаю, что это так, и спешу поправить эту предполагаемую ошибку.

Что же такое «*условия*» социальной среды?

Историки-идеалисты, — вроде Ип. Тэна, — ответили бы вам, что условия социальной среды, это—психологические свойства людей, из которых состоит данная среда, т.-е. данное общество. Ар. Лабриолу понять трудно: он и сам себя не понимает. Но предположим, что на этот раз он согласен с историками-идеалистами: ведь он еще так недавно приветствовал возрождение идеализма в общественной науке. Тогда что же у нас выйдет? У нас выйдет, что «инертную материю» представляют собою психологические свойства людей, из которых состоит социальная среда. Это опять—«не кругло». Поэтому обратимся к *материалистическому* пониманию... мыслей «выдающегося теоретика синдикализма».

Исторический *материализм* говорит, что под условиями социальной среды нужно понимать прежде всего те взаимные отношения, в которые люди становятся между собою в общественном процессе производства и что этими отношениями определяются, в конце концов, воля и чувства людей, являющиеся *непосредственной,* т.-е. *ближайшей* причиной общественного развития. Что же выйдет, если принять *материалистическое* понимание... Ар. Лабриолы? Выйдет, что «выдающийся теоретик» опять говорит пустяки. И теперь уже пустяки в квадрате, если не в кубе.

Во-первых, те взаимные отношения, в которые люди становятся между собою в общественном процесе производства, ни в каком случае не могут быть названы «*инертной материей,* ограничивающей индивидуальные и коллективные стремления к переменам». Правда, этими отношениями определяются *границы исторического действия, возможного для людей в данное время.* Но, с другой стороны, теми же отношениями *люди и побуждаются к историческому действию.* Какая же это «инертная материя»?

Во-вторых, назвать «*материей*» *взаимные отношения людей* в том или в другом процессе мог бы только тот, кто сам не знал бы, о чем он говорит. Ведь есть же предел и для терминологической распущенности!

В-третьих, если, согласно самоновейшему взгляду, возвещенному нам Ар. Лабриолой в статье о реформизме и синдикализме в Италии, переход капиталистической собственности в общественную вовсе не может быть делом *экономической необходимости,* а совершится под влия-

нием *неопосредствованной* экономикой воли людей [1]), то ведь это значит что взаимные отношения людей в обществе «инертны» или «неинертны» ровно настолько, насколько «инертны» и «неинертны» люди, становящиеся в эти взаимные отношения согласно решениям своей неопосредствованной воли. Какая же это «инертная материя»? Loin de là!

В-четвертых, принятие материалистического об'яснения г. Ар. Лабриолы, — т.-е. в данном случае термина: условия социальной среды, — равносильно полному отказу от Ар. Лабриолы и решительному переходу на точку зрения того «ортодоксального марксизма», за радикальный пересмотр которого взялся тот же несравненный г. Ар. Лабриола.

В-пятых... но довольно! Мы видим, что учиться у «выдающегося теоретика синдикализма» нам пока еще нечему. Посмотрим, что найдем мы у него в другом месте.

А в другом месте мы у него находим, разумеется, нечто совсем другое. Мы узнаем, что «история является продуктом *обусловленной* [2]) воли людей, их сознательных, ограниченных реальной действительностью усилий, страстей и стремлений,—людей, созданных соответственно особенностям окружающей социальной и физической среды» (стр. 18). Опять социальная среда! Но прежде эта среда со своими условиями была «инертной материей», а теперь она является в качестве фактора, *обусловливающего* собою *волю* общественного человека. Это—«две большие разницы». Но если Ар. Лабриола тут говорит правду; если *непосредственная* пружина исторического движения,—воля людей,—сама оказывается *обусловленной*, т.-е. *опосредствованной,* то мы опять и столь же решительно возвращаемся к «ортодоксальному марксизму... «как он был до пересмотра его Ар. Лабриолой, и мы почтительно замечаем нашему «теоретику», что если воля обусловливается социальной средой, то сделанное им в статье о синдикализме и реформизме в Италии противопоставление *идеалистического* социализма *материалистическому,* воли людей—экономической необходимости должно быть признано самой очевидной и самой жалкой нелепостью.

Воля людей обусловливается социальной средой. А чем «обусловливается» эта последняя? Это—тот самый вопрос, ответом на который является учение исторического материализма. Если Ар. Лабриола, *в*

---

[1]) Если бы Ар. Лабриола признавал в этой статье, что воля людей должна быть *опосредствована* экономикой, то лишалось бы всякого смысла сделанное им противопоставление *старого, материалистического,* социализма *новому, идеалистическому.*

[2]) Курсив мой.

другом месте приветствовавший возрождение *идеализма, здесь* признает исторический *материализм* правильным ответом на этот вопрос; если он согласен с тем, что развитие социальной среды обусловливается развитием производительных сил, то почему же он нападает на «ортодоксальный марксизм», всегда и везде высказывавшийся именно в этом смысле? *«По какому случаю шум»?* Неизвестно!

VII

В статье «Реформизм и синдикализм в Италии» г. Ар. Лабриола сидел на *идеалистическом* стуле; в книге «Реформизм и синдикализм» он пытается сесть на *материалистический* стул Карла Маркса и даже об'является себя единственно верным истолкователем Марксова учения. Но, чтобы правильно истолковать чье-нибудь учение, надо прежде понять его. А этого-то и не дано г. Ар. Лабриоле: он совсем не понимает Маркса. Он говорит: «Одной из наиболее затруднительных теоретических сторон исторического материализма является именно комбинация между индивидуальным и коллективным волевыми усилиями, с одной стороны, и имманентными законами определенной социальной системы — с другой» (стр. 145).

Трудность, о которой говорит здесь г. Ар. Лабриола, действительно, существовала некогда для социальной и исторической литературы. Но с нею справилась уже немецкая идеалистическая философия первой половины XIX века. Воспользовавшись теоретическим наследством германской философии, исторический материализм не мог видеть никакого затруднения в уже решенной задаче. Предполагая ее решение известным [1]), его теоретики в самом деле мало останавливались на ней. Но именно этим они и ввели в смущение людей, мало знакомых с историей немецкой философской мысли. Г. Ар. Лабриола, знающий о великих германских идеалистах только то, что они были идеалистами,— очень немного!—с настойчивостью, достойной лучшей участи, ломится в открытую дверь, при чем поминутно спотыкается о порог и теряет равновесие.

Он спрашивает себя, имеем ли мы право допустить, что имманентные законы данной общественной системы могли бы быть нарушены или видоизменены людьми по заранее составленному ими себе плану. И вот как он отвечает себе на это.

[1]) Обо всем этом см. в моей книге: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». [Сочинения, т. VII].

«В известных случаях, конечно, да. Когда система вступила в критический период, т.-е., когда она породила класс, который по своим специфическим условиям существования более или менее заинтересован в преобразовании существующей общественной структуры, интеллектуальный мир этого класса в некоторой степени действует в качестве двигателя эволюции. План, воля и стремления людей пред'являют свои требования; наконец, индивидуум может придать решающее направление общественной эволюции. Когда одна определенная система близка к разложению, а другая начинает зарождаться, человеческая воля приобретает такую мощь над судьбой общества, которая при нормальных течениях обстоятельств ей отнюдь не свойственна».

История делается людьми, воля и сознание которых обусловливается общественными отношениями. Если это так,—а это, хотя и в весьма неясной форме, признает, хотя только по временам, сам г. Ар. Лабриола,—если это так, то не может быть никакого противоречия между сознанием (и волею) людей и законами развития общественных отношений: сознание и воля направляются в ту сторону, куда их толкает об'ективный ход развития общественных отношений. Это очень простая истина; но этой простой истины не понимают люди, плохо одаренные от природы или ослепленные теми или другими догматическими предрассудками. К числу людей, не понимающих этой простой истины, принадлежит и наш автор. Он даже не подозревает, что те «планы», которые люди себе «чертят», сами являются в последнем счете плодом действия «имманентных законов» общественного развития. Поэтому для него остается непостижимым, каким образом *планомерная деятельность людей* может оказывать обратное влияние *на закономерное развитие общества.* Для него очень характерно то, что, по его мнению, планомерная деятельность людей проявляется лишь, как *нарушение* или *видоизменение* ими законов «определенной социальной системы». Но основной закон развития всякой данной социальной системы состоит в том, что она сама из себя порождает свое отрицание или, если угодно, видоизменение и нарушение. Стало быть, если данный класс людей видоизменяет данную систему, другими словами, если данная система видоизменяется под влиянием планомерной деятельности людей данного класса, то это происходит не потому, что люди *освобождаются* от влияния основного закона развития этой системы, а именно потому, что *они ему подчиняются.* У г. Ар. Лабриолы выходит, что планомерная деятельность людей может влиять на общественное развитие только в известные эпохи, которые он называет *критическими.*

Библиотека имени Н. К. Крупской

Тут у него опять путаница. Держась сэн-симоновского разделения эпох на критические и органические (пригодился же на что-нибудь и идеалист Сэн-Симон!), мы должны будем сказать, что в *критические* эпохи воля передового общественного класса направляется *на устранение* данных общественных отношений производства, а в эпохи *органические* она направляется *на их упрочение*. Вот только и всего. Кто этого не понимает, тот не знает азбуки марксизма.

Но так как г. Лабриола, очевидно, не понимает того, каким образом воля передового общественного класса может способствовать *упрочению* данных общественных отношений производства, то у него и выходит, что человеческая воля может приобретать «мощь над судьбой общества» *только* в исключительные моменты, а «при нормальных течениях обстоятельств» такая мощь ей совсем не свойственна. Такие промахи возможны только благодаря вульгарному историческому дуализму. Этот дуализм отделяет волю людей от об'ективного хода общественного развития глубокой и длинной пропастью, края которой лишь местами соединяются между собою посредством мостов, перекидываемых через нее *«ненормальным течением обстоятельств»*. С точки зрения современного исторического *монизма* (материализма тож) *суб'ективные* стремления людей,—их сознание, их воля, их планы, их чувства,—являются лишь одной стороной того самого процесса, другую сторону которого представляет собой *об'ективный* ход развития общественных отношений. Однако, совершенно бесполезно толковать с г. Ар. Лабриолой об историческом монизме: не в коня корм [1]).

[1]) В этом случае его опять сбивает с толку либеральный Панталеоне. На стр. 199-й Лабриола заявляет: «Мы понимаем социализм в полном соответствии с основными законами экономической жизни. Из этих последних мы узнали, что вознаграждение факторов производства, в данном случае, труда, зависит не от воли людей и не от вмешательства законодательства в экономический процесс, а от продуктивности труда, условий предложения самого труда, степени нарастания капиталов, степени развития рабочего, как вообще от всех остальных условий экономического равновесия. Экономический процесс определяется своим собственным органическим законом, который нельзя нарушать по капризу людей». Кто уверял Ар. Лабриолу в том, что вознаграждение труда (*т.-е. заработная плата.—Г. П.*) зависит не от воли людей, а от продуктивности труда? Не кто другой, как апологет капитализма, Панталеоне. Панталеоне и комп.—Парето и другие—умышленно противопоставляют законы экономии стремлениям рабочих поднять цену своей рабочей силы. Кто признал допустимость такого противопоставления; кто согласился с тем, что *при нормальном течении обстоятельств* положение рабочего класса совсем не зависит от его воли, тому в самом деле не остается ничего другого, как откладывать торжество человеческой воли *до ненормальных моментов*, до социальной революции. Смысл басни сей таков, что нельзя браться за истолкование Маркса, не озаботившись предварительно совлечением с себя манчестерства во всех его видах, т.-е. в виде старого английского фритрэдерства, равно как в виде и новейшей итальянской «чистой экономии».

Очень может быть,—скажу больше: несомненно,—что некоторые реформисты в своих спорах с синдикалистами изображали «ортодоксальный марксизм» в том нелепом виде, в каком г. Ар. Лабриола нарисовал нам его в своей книге. Но с какой же стати делать «ортодоксальный марксизм» ответственным за теоретические и всякие другие грехи реформизма? Реформизм вовсе не марксизм; напротив, он — отрицание марксизма! Мы уже знаем, к тому же, что *это* отрицание марксизма состоит, по своему духу, в самом близком родстве с тем его отрицанием, одним из самых «видных» представителей которого является г. Артуро Лабриола. Но если это так, если, как я сказал выше, Эд. Бернштейн—родной брат Ар. Лабриолы, то зачем же путать марксизм в их семейные ссоры? Свой со своим борись, чужой не вступайся...

Мы видели, что в своей попытке представить себя единственным правильным истолкователем теории Маркса наш автор потерпел самое жалкое фиаско. И он сам, должно быть, чувствует, что роль такого истолкователя ему не к лицу. Должно быть, именно поэтому он все более и более обнаруживает свое непреодолимое влечение к Прудону. В последнем своем произведении: «La «Commune» di Parigi raccolta di otto conferenze» (Lugano 1907) он прямо признается, что считает прудонизм точной и совершенной теорией пролетарского социализма (una perfetta e precisa teoria del socialismo proletario) (стр. 71). Он совершенно справедливо прибавляет там же, что революционный синдикализм наших дней в значительной своей части представляет собою возврат к Прудону (Il sindacalismo rivoluzionario dei giorni nostri è in gran parte in ritorno a Proudhon) (та же стр.). По поводу этого интересного признания я приношу свои искреннейшие поздравления г. А. Луначарскому.

Раз взявши в руки книгу «La «Commune» di Parigi», я не хочу расстаться с ней, не познакомив с следующим ее местом, очень характерным для нашего «выдающегося теоретика синдикализма».

Ар. Лабриола замечает, что Маркс очень строго судил о Прудоне. Но это его строгое суждение должно быть пересмотрено. Маркс вообще очень не любил своих социалистических конкурентов (sic!). Он боролся с Виллихом, с Вейтлингом, с Бакуниным, с Ст. Миллем, с Лассалем, т.-е. со всеми крупными социалистическими писателями. Его тесная дружба

с Энгельсом является настоящий психологической загадкой, особенно оттеняемой тем обстоятельством (messo in rilievo dalla circostanza), что немецкие социалисты постоянно откладывают издание биографии Маркса. Для посильного разрешения этой психологической загадки наш единственный правильный истолкователь Маркса делает с своей стороны такое глубокомысленное замечание: Маркс был очень беден, а Энгельс был очень богат. Кроме того, Энгельс завещал свое состояние дочерям Маркса. (Da notare: Marx era molto povero ed Engels molto ricco. Inoltre Engels lasciò eredi della sua fortuna propria figliole di Marx) (стр. 72). Это удивительно остроумное соображение оставляет, как видите, место для самых гениальных и благородных догадок насчет личной жизни Маркса. Комментарии излишни...

С этим я уже не поздравляю г. А. Луначарского: вероятно, он и сам сожалеет теперь о том непростительном легкомыслии, с которым он отнесся к г. Ар. Лабриоле.

VIII

Скучно и даже противно говорить об Ар. Лабриоле: он совсем не интересен ни с умственной, ни с нравственной стороны. Но говорить о нем все-таки надо, потому что как ни бедны его умственные силы, как ни скуден запас его знаний, как ни жалка его нравственная личность, но он в самом деле является, — и является не только в Италии, — одним из самых выдающихся теоретиков синдикализма. Французская пословица справедливо говорит, что в царстве слепых на королевском троне восседает кривой.

Нам нужно выяснить теперь, как представляется нашему автору та «социальная революция», о которой он так много кричит в своей борьбе с реформистами. Заранее предупреждаю пугливого читателя, что в этой революции нет ровнехонько ничего страшного.

«Все последовательные общественные преобразования мы, как этому нас учит основное марксистское учение, относим на счет экономических преобразований, производимых путем стихийного развития [1]). Базис и сущность социализма, это—рабочая организация, переходящая от ближайших и случайных целей к более отдаленным и более широким. Манометр социальной революции, это—развитие революционного, противоречащего современному обществу сознания, сознания, приобретаемого именно в профессиональных синдикатах. Автономное руководство производством со стороны рабочего класса (в этом, собственно, заключается все то, что в красноречивых фразах принято называть триумфом социализма) будет достигнуто лишь путем последовательного вторжения профессиональных организаций в экономический процесс. Революционный акт захвата орудий производства отдельной отрасли промышленности рабочим синдикатом этой отрасли определяет переход от капитализма к социализму; но этот акт непосредственно связан со всеми другими действиями общей жизни, которые профессиональный синдикат призван выполнить» (стр. 200).

[1]) Напоминаем читателю, что тот же г. Ар. Лабриола *радуется возрождению идеализма в новейшей социологии.*

То, что могло представиться пугливому читателю в виде страшной социальной катастрофы, при ближайшем рассмотрении сводится к «ряду последовательных вторжений профессиональных организаций в экономический процесс». Но реформисты ровнехонько ничего не имеют против таких «вторжений в экономический процесс». Напротив, они их *требуют,* и некоторые из них, — например, весьма известный в Италии Л. Биссоляти, — строят на последовательности «вторжений» целую теорию общественного преобразования. В чем же разница между Биссоляти и Ар. Лабриолой? Она состоит лишь в том, что Л. Биссоляти требует вторжений со стороны *государства,* а Лабриола — со стороны *синдикатов.* Мирный реформизм и р-р-революционный синдикализм опять оказываются, к удивлению наивных людей, весьма близкими родственниками.

Итак, «социальная р-р-революция» сводится к «ряду последовательных вторжений в экономический процесс». Это ничуть не страшно. Но «р-р-революционер» à la Ар. Лабриола *должен* быть, он *хочет* быть страшен. Поэтому наш «теоретик» опять надевает на себя красный фригийский колпак. Он указывает на момент «р-р-революционный» по преимуществу, момент, который он называет решительным ударом, и который характеризуется тем, что синдикат овладевает производством в данной отрасли промышленности. Тут вы, наконец, робеете, читатель? Успокойтесь, дело и тут не так плохо, как это вам кажется. Лабриола, конечно, не может теперь предсказать, как произойдет этот захват орудий производства; но он может «даже предвидеть, что он произойдет в форме аренды орудий производства синдикатом (аренды, которая весьма быстро превратилась бы в чистую экспроприацию) или в виде выкупа с вознаграждением. Но несомненно, что как аренда, так и выкуп или непосредственный захват, — все они могут сопровождать

друг друга и следовать один за другим в зависимости от того, потребуют ли этого обстоятельства каждого отдельного случая» (стр. 202).

Не в том дело, что у человека на голове: фригийский колпак, или какое-либо другое украшение, а в том, что у него в голове. В голове же у Ар. Лабриолы «предвидение» того, что захват орудий производства явится *в виде аренды*. Прудон опять вступает в свои права: социальная «р-р-революция» оказывается *договором*. Ну, а в договоре нет, разумеется, ничего страшного даже для робких людей. Вся глубина комизма этого «предвидения» станет доступной нашему пониманию лишь тогда, когда мы примем в соображение, в чем состоят, — по мнению нашего социального «р-р-революционера», — главные отличительные черты «р-р-революционной» тактики. Поэтому надо ознакомиться с этими чертами. Слово принадлежит «р-р-революционеру».

«Устроить паралич старого организма — вот в чем заключается задача революционного процесса; ударить в центр с тем, чтобы приостановить кровообращение — вот в чем состоит революционная тактика» (стр. 27).

Несколькими страницами дальше Ар. Лабриола, подводя итог своей характеристике р-р-революции и р-р-революционного метода, говорит:

«Теперь, кажется, мы уже в состоянии решить, что такое следует понимать под революцией и революционным методом. Мы видели, что революция, если считать ее формальным процессом, — заключается в уничтожении старого государственного организма, при чем самым существенным здесь является не столько путь, каким цель эта достигается (законодательство ли, восстание, или и то и другое), сколько сам факт по себе. Революция имеет об'ектом государство, целью — его разрушение» (стр. 33).

Вон какие страсти! «Разрушить государство...» «Приостановить кровообращение...» «Устроить паралич стараго организма!» Прямо душка этот наш г. Ар. Лабриола и даже сверх-человек! А если он душка и даже сверх-человек, то как же не влюбиться в него нашей институтке, г. Луначарскому? Но душка и сверх-человек себе на уме. Им увлекаются институтки; но он институтками не увлекается: недаром же он прошел школу мелко-буржуазного социалиста Прудона и ярко-буржуазного экономиста Панталеоне. «Разрушив государство», «приостановив кровообращение», «устроив паралич...» *на обыкновенной писчей бумаге,* он

запасается *гербовой бумагой* и идет к нотариусу заключать договор об «аренде», сделку о «выкупе». Вот кого можно спросить стихами Некрасова, слегка видоизменяя их:

Какое ж адское коварство
Ты замышлял осуществить,
Разрушить думал государство,
Иль... просто сделку заключить?

«Серьезные» люди упрекнут меня, пожалуй, в том, что я смеюсь над Ар. Лабриолой. «Серьезные» люди будут неправы: Маркс давно уже и очень серьезно заметил, что *смеяться над смешным,*—это-то и значит *относиться к нему серьезно.*

Впрочем, если «серьезные» люди непременно хотят, чтобы я говорил о выдающемся теоретике синдикализма «по-ученому», то я и от этого не прочь.

Говоря «по-ученому», надо сказать, что Ар. Лабриола и здесь не понимает, по своему всегдашнему обыкновению, отношения между «политической организацией», с одной стороны, и «гражданским обществом» — с другой. Он не подозревает, что, уничтожив одну, мы тем самым «парализуем» другое. Он «разрушает государство и сохраняет правовые институты гражданского общества». Потому он и идет к нотариусу, уцелевшему на развалинах государства; потому он и делает себя смешным до самой последней степени; потому и хочется сказать ему: нет на вас Щедрина, г. Артуро Лабриола!..

Ар. Лабриола гремит, как труба иерихонская, против реформистов. Но мы с читателем уже знаем, что «революционный синдикализм» состоит в кровном родстве с реформизмом, что Артуро Лабриола — родной брат Эдуарда Бернштейна. Поэтому мы с читателем нимало не удивляемся, встречая в книге «Реформизм и синдикализм» следующие строки:

«Так называемые реформы суть средства для реализации революционных идеалов. (В чем же «формальная» разница между вами и реформистами? — *Г. П.).* Революция, если так можно выразиться, выплывает из недр экономического процесса, из последовательных преобразований, которые пролетариату удалось осуществить во внешней среде производства, и разряжается в решительный акт, посредством которого рабочие, наконец, берут в свои руки экономическое предприятие. Никто не может предвидеть, когда именно этот момент настанет. Единственное, что позволительно предсказать, это то, что он настанет лишь по

достижению рабочими высокой степени развития и воспитания — необходимых условий для обеспечения прогрессивного хода социального движения. Поэтому, главная задача синдикалистского движения состоит в том, чтобы развить технические, интеллектуальные и моральные качества рабочих, делая их способными к руководству общественными функциями» (стр. 203).

Что обращение средств производства в общественную собственность предполагает такой высоко-развитый рабочий класс, который способен руководить общественными функциями, этого никто не оспаривал и никто оспаривать не станет. Но главная задача современного рабочего движения заключается все-таки не в том, чтобы подготовлять своих участников к руководству общественными функциями. Искусственным путем к такому руководству никого не подготовишь. Главная задача движения заключается в *развитии классового самосознания пролетариата*. Что же это значит — развивать его классовое самосознание? Это значит, во-первых, выяснять ему характер капиталистических производственных отношений; во-вторых, указывать ему те тенденции, которые свойственны развитию этих отношений, в-третьих, давать ему понять, что́ именно должен он сделать для того, чтобы, — *опираясь на тенденции, свойственные развитию капиталистических производственных отношений,* — освободить себя посредством устранения этих отношений. Мы видели, что теории, проповедуемые Лабриолой, совершенно несостоятельны во всех этих трех смыслах. Вот почему эти теории, — т.-е. синдикализм вообще, а в частности синдикализм, как его проповедует наш автор, — распространяясь в среде пролетариата, по необходимости будут способствовать не развитию, а затемнению его самосознания. И вот почему с ними надо бороться так же энергично, как с родственными им теориями реформизма.

Pour la bonne bouche, я прошу читателя заметить еще вот что. Согласно «предвидению» Лабриолы, в разных отраслях промышленности синдикаты овладеют производством *в разное время* («синдикат овладевает производством *данной* [1]) отрасли промышленности», стр. 201). Стало быть, лабриоловская социальная р-р-революция совершается по *частям*. И тот же самый автор пишет: «Мысль о возможности частного видоизменения организации определенного общества... является для нас психологическим началом реформизма» (стр. 196). Это бесподобно! Ай да «теоретик»!

[1]) Курсив мой.

IX

Ар. Лабриола приводит следующие строки из статьи В. Кольба: «К вопросу о всеобщей забастовке», напечатанной в 1904 г. в немецком ревизионистском журнале «Sozialistische Monatshefte»:

«Мы вполне полагаемся на органическое развитие вещей и всеми средствами стремимся повлиять на него и ускорить его процесс. Наша здравая тактика зиждется на эволюции, теоретически познанной. Отсюда необходимо безбоязненно вывести дальнейшие заключения и добраться до противоречий, существующих между нашей тактикой и теорией катастроф. Hic Rhodus, hic salta. Вот основной пункт наших разногласий» (стр. 9).

По этому поводу наш автор гремит:

«Вера в «органическое развитие вещей» требует отказа от всякого революционного воздействия. Если рассеять окружающую эту фразу типично немецкую туманность, то окажется, что социалистический строй достигается сам собой» (та же стр.).

Все это совсем не так. Вера в органическое развитие вещей сама по себе еще вовсе не требует отказа от всякого революционного воздействия: стоит только предположить, что само революционное воздействие является продуктом «органического развития вещей». Ведь это поймет даже дитя! Если рассеять «туманность», окружающую рассуждения немецких ревизионистов, то окажется только то, что они вовсе не понимают отношения между эволюцией и революцией и, не понимая его, утверждают, что только понятие эволюции соответствует действительному ходу вещей, а понятие революции представляет собой какое-то искусственное, «ненаучное» построение. Всякий толковый марксист должен всеми силами восставать против той путаницы понятий, которую породили немецкие ревизионисты своей, так называемой, критикой Маркса. Но для того, чтобы бороться с этой путаницей, необходимо сначала самому понять, как относится эволюция к революции, а этого и не дано нашему автору, который на всем протяжении своей книги сам совершенно безрезультатно бьется над вопросом, чем отличается реформа от революции. Как безнадежно запутывается он при этом, могут показать следующие немногие выписки.

На стр. 25-й он пишет: «На самом деле нельзя серьезно говорить о революционных целях и противополагать их нереволюционным. Всякая социальная конечная цель, поскольку она отличается от реальной действительности, уже сама по себе является революционной, т.-е. но-

сит отрицательный характер. Однако нельзя утверждать, чтобы какая бы то ни было цель обусловливала необходимость применения вполне определенного средства. Революция есть средство подобно тому, как средством является законодательство, сила убеждения и нравственный стимул. Она применяется для осуществления определенных стремлений. И притом она совершенно независима от того, будут ли достигнуты цели или нет» (стр. 25).

Говоря коротко, это значит, что понятие «революция» не может быть приложимо к цели, ибо революция есть средство. Пусть будет так; запомним это и читаем дальше. На стр. 37 мы встречаем такую характеристику точки зрения «французов XVIII столетия»:

«Их точка зрения могла заключаться в следующем: сущность абсолютизма состоит в том, что монарх свободно распоряжается общественными суммами. Покуда этот режим остается в силе, всякий предполагаемый народный контроль, по всей вероятности, превратится в призрак контроля. Что же касается дворянства, то разве привилегии этого класса не лежат в самом корне строя, основанного на признании искусственных и наследственных прерогатив? Покуда за этим классом будет сохранено законное, признанное государством существование, его влияние в той или иной форме всегда будет сказываться. Исходя из этой точки зрения, французы XVIII века не могли уже остановиться на мысли о простом смягчении зла, а, наоборот, неизбежно должны были притти к заключению о необходимости его искоренения. Речь для них шла не о дефектах данного института, а о самом институте, не о большем или меньшем доверии к органам власти, а о самой этой власти, словом, не об улучшении существующего строя, а о его разрушении».

Отсюда следует, что когда заходит речь о каком-нибудь общественном зле, то по отношению к нему люди могут поставить себе две различных задачи: или *только смягчить* его, или же *совсем его устранить*. Если злом представляется весь данный общественный порядок, то мы можем сказать, что в первом случае люди поставят себе целью *реформу;* во-втором — *революцию*. И если можно противоположить реформу революции, — а г. Лабриола делает это чуть не на каждой странице своей книги,—то, вопреки тому же Лабриоле, можно с полным правом сказать, что революция может явиться именно целью, и что, *как цель,* она противоположна реформе. А это значит, что то, что сказано у Лабриолы на стр. 25, совершенно ниспровергается тем, что у него же сказано на 37 странице. Но Лабриола не останавливается и на

том, что сказано у него на этой странице: в других местах своей книги он опять побивает себя, но уже в новых смыслах. Попробуйте последовать совету г. Луначарского и воспользоваться «отточенным» Ар. Лабриолой оружием в борьбе с ревизионистами и реформистами: ничего, кроме самой нелепой путаницы понятий, не выйдет. А г. Луначарский, доходя до Геркулесовых столбов наивности, хочет уверить читателя в том, что «крупной заслугой» (sic!) итальянского синдикализма «является остроумное разграничение реформистского и революционного метода» (стр. 260). Нечего сказать, хорошее руководство для критического отношения к книге Ар. Лабриолы представляет собою послесловие г. Луначарского!

Во всем, что сказано у Ар. Лабриолы о Марксе, верно только то, что реформисты совершенно напрасно провозгласили марксизм теорией мирного развития par excellence. Но и здесь, — где мыслящему человеку ошибиться, казалось бы, очень трудно,—«выдающийся теоретик» синдикализма напускает самой густой «туманности». Вот пример: «В Капитале» он (т.-е. Маркс. — *Г. П.)* высказывает взгляд, что спор между двумя правами может решить только сила» (стр. 156). Такой взгляд действительно был высказан Марксом, а еще раньше Маркса — Гегелем. Но посмотрите, как комментируется этот взгляд у Лабриолы.

У Маркса это замечание сделано в главе о рабочем дне. Капиталист стремится удлинить рабочий день; рабочий старается сократить его. Один прав, как *покупатель* рабочей силы; другой прав, как ее *продавец*. Каждый прав по-своему, а между равными правами спор решается только силой. По этому поводу Лабриола пишет:

«Это место в «Капитале» весьма ценно для определения роли насилия согласно марксистскому учению. В качестве первоначального положения мы имеем определенный рабочий день. Существуют два взаимно-противоположных стремления: с одной стороны, расширение пределов рабочего дня, а с другой — возможное сокращение их. Возникает борьба, результатом которой является сокращение рабочего дня. Чему, однако, следует приписать этот результат? Преобладанию силы. Отсюда опять-таки возникает новое экономическое положение, которое, благодаря влиянию обычая, начинает считаться законом. Следовательно, экономический закон, подобно политическому, является результатом победоносного принуждения. Условное насилие порождает основы экономического положения. Это именно и есть марксизм» (стр. 150).

Это место «Капитала», в самом деле, очень важно и в экономическом, и в историческом смысле. Но правильно ли понял его Ар. Лабриола?

Какою «*силой*» решается спор о длине рабочего дня между капиталистом и рабочим? Очевидно, прежде всего теми *экономическими* силами борющихся между собою классов, величина которых определяется общим характером капиталистических отношений производства и степенью развития их в данный момент, в данном обществе. Спрашивается, утверждал ли кто-нибудь из ревизионистов или реформистов, что споры между рабочими и предпринимателями *не должны решаться экономической силой борющихся между собой классов?* Нет, этого не было. Стало быть, нечего и совать им *это место* «Капитала», как аргумент *против* их метода.

Но спор о длине рабочего дня может быть решен также посредством государственного вмешательства. Конечно, государственное вмешательство само является результатом соотношения сил в каждом данном обществе. Однако, и оно не имеет ничего общего с «революционным методом», как это должен хорошо понимать наш революционный синдикалист, гремящий против реформизма. Стало быть, и на него нельзя указывать, защищая «революционный метод».

Наконец, надо допустить, что в некоторых исключительных случаях спор о пределах рабочего дня может быть решен тем простым обстоятельством, что фабрикант побоится «*бунта*» своих рабочих: ломки машин, порчи зданий и т. п. Но так бывает только на первых стадиях капиталистического развития, при весьма неразвитом состоянии рабочего класса, и очевидно, что не рабочий бунт, не ломку машин и не порчу зданий имел в виду Маркс, говоря о *силе,* решающей спор о пределах рабочего дня.

Что же это? Каким образом мог г. Ар. Лабриола сослаться на *это* место «Капитала» в подтверждение той своей, — *вполне, впрочем, справедливой,* — мысли, что Маркс вовсе не был исключительным сторонником мирного развития? Дело об'ясняется изумительно просто. Слово *сила* (Gewalt) Лабриола перевел словом *насилие* (по-итальянски—violenza) [1]). Таким образом у него и вышло, что спор о пределах рабочего дня решается насилием, т.-е., стало быть, дракой между фабрикантом и рабочими. Ну, а если дракой решаются, по мнению Маркса, даже такие столкновения интересов, как споры о длине рабочего дня, то ясно, что *вся история капиталистического общества* есть одна сплошная революция (revolution en permanence), и что Маркс, хорошо изучивший развитие капиталистического общества, не мог не оценить важной роли насилия в истории человечества. Eins, zwei, drei! Geschwindigkeit ist keine Hexerei!

[1]) На французский язык слово Gewalt в интересующем нас месте «Капитала» переведено словом force (сила), а не violence (насилие). См. «Le Capital», t. I, стр. 101. Так же понял слово Gewalt и русский переводчик, см. «Капитал», т. I, СПБ. 1899 г., стр. 175. Но Ар. Лабриола нашел более удобным понять его в смысле драки. Об отношении *силы* к насилию см. нашу брошюру «Насилие и сила», изданную в переводе с итальянского г-жей О. Рутенберг [Сочин., т. IV].

Что такое условное насилие (точнее: *обусловленное* насилие; по-итальянски: la violenza condizionata)? И каким образом из указанного места в «Капитале» следует, что *экономический закон,* подобно политическому, является *результатом* победоносного *насилия?* Это понять довольно трудно, тут опять дает себя чувствовать густая «туманность» мышления Ар. Лабриолы.

Раз'ясняя учение Маркса о возможной роли насилия в процессе перехода от капитализма к социализму, Ар. Лабриола замечает: «Я считаю, что известный взгляд Энгельса на революцию не вполне соответствует истинному духу марксизма. Даже более того, я склонен думать, что теперь, по истечении восьми лет, сам Энгельс затруднился бы написать сказанное им в известном предисловии к «Классовой борьбе во Франции 1848—1850 г. г.». Это предисловие было написано исключительно под влиянием немецких обстоятельств и при условиях, которые быстро изменились» (стр. 160—161). Далее он прибавляет: «Труд Энгельса, за которым нельзя не признать угнетающего влияния на настроение масс и, следовательно, на общественный прогресс, не вызвал, однако, до сих пор хотя бы мало-мальски исчерпывающего возражения. Этот труд является одним из наименее соответствующих практической тенденции марксизма, который был и всегда останется великой философией силы, гениальной теорией духовного насилия, как фактора общественного прогресса (стр. 162).

По этому поводу я прежде всего должен сделать замечание русскому переводчику (а также, разумеется, и редактору русского перевода) «труда» Лабриолы. Слова «*духовное насилие*» являются здесь полной бессмыслицей. В итальянском подлиннике напечатано: violenza intelligente, что значит: разумное, т.-е. целесообразное насилие.

Но Лабриола стучится здесь в давно открытую дверь. Уже в 1900 году французский «Socialiste» напечатал письмо Энгельса к П. Лафаргу, из которого видно, что знаменитый автор «Анти-Дюринга» настаивал на легализме, имея в виду *исключительно тогдашние германские условия*, и что он был очень недоволен тем не в меру широким толкованием его взгляда, которое сделано было некоторыми немецкими его товарищами. В предисловии ко второму изданию моего перевода «Манифеста» [1]) я дал, смею думать, «исчерпывающее» решение этого вопроса. Повторять его здесь я не нахожу нужным.

Ар. Лабриола убежден, что все мы должны вернуться к Марксу «без всеобщего избирательного права (!) и без парламентской системы,— к Марксу 48 и 71 г.г.» (стр. 199). Это, конечно, явный и опять сугубый вздор, и толковать об этом нет никакой надобности; остановимся лучше на вопросе о том, как смотрит Ар. Лабриола на отношение синдикатов к социалистической партии.

X

По его словам, политическая деятельность рабочего класса должна исходить от синдикатов, представляющих собою реальные единицы, в которых выражается вся жизнь рабочего. «На-ряду же с ними,—говорит он,—социалистические партии, как органы, обособленные от настоящих и истинных рабочих организаций, постепенно становятся излишними. Вначале, когда мы еще находились перед рабочим классом, несознательным, эгоистичным и подавленным нуждой, социалистическая партия, действительно, была символом всех пролетарских чаяний и надежд. Но теперь, когда рабочие начинают уже проявлять собственную инициативу, партии необходимо покориться и стать простой избирательной организацией тех рабочих синдикатов, которые признают удобным участие в избирательных кампаниях» (стр. 207).

Тут Лабриола,—надо отдать ему эту справедливость,—вполне верен самому себе. Человек, убежденный в том, что учение Прудона представляет собою самую совершенную и точную теорию пролетарского социализма, *не может рассуждать иначе*. Но мы уже знаем, что ни отдельный синдикат, ни федерация синдикатов не может заменить собой политической партии рабочего класса. Мы уже знаем, что партия эта представляет собой общие интересы всего пролетариата, и что именно

[1]) См. заграничное издание: в русском, кажется, сделаны некоторые пропуски.

ее делом должно явиться превращение капиталистической собственности в общественную (а не синдикальную). Поэтому мысль о сведении партии к роли «простой избирательной организации» кажется нам не более, как *правильным выводом из совершенно ошибочных теоретических посылок*. Рассмотрению этих ошибочных посылок Ар. Лабриолы посвящена вся моя статья; я не буду к ним возвращаться, а ограничусь разбором некоторых побочных соображений, выдвигаемых нашим автором в защиту своего взгляда на роль партии.

Он утверждает, что существование партии и синдикатов, как организаций двух различных родов, грозит привести к расколу между политикой и экономикой,—к расколу, который в свою очередь явился бы зародышем политического разврата и вырождения партии. «В общем замечается,—говорит он,—что жизнь партий является более здоровой именно там, где существует более тесная и постоянная связь между ними и общественными классами, как это, например, имеет место в Германии. Даже социалистической партии в общем не удалось оградить себя от политического разврата, несмотря на то, что в ней, несомненно, больше связи между политикой и экономикой, между приверженцами «идеи» и членами того класса, чьи интересы эта идея должна выражать» (стр. 204).

Совершенно справедливо, что жизнь всякой партии является тем более здоровой, чем теснее и постояннее связь, существующая между нею и тем общественным классом, который она представляет. Это нужно особенно помнить у нас, в России, где, вследствие неблагоприятных исторических условий, связь между рабочим классом и его партией до сих пор была и остается непрочной, неполной и вообще неудовлетворительной, чем и об'ясняются очень многие нездоровые явления в жизни партии. Но это вовсе не довод *против партии, как таковой*. Политический разврат в высшей степени нежелателен. Но нежелателен не один только *политический* разврат. В «руководящих сферах» северо-американских профессиональных союзов замечается много весьма нездоровых явлений. «Сферы» эти не раз повинны были в таких действиях, которые с полным правом можно отнести к рубрике «*разврата*». А ведь «руководящие сферы» профессиональных союзов Северной Америки вовсе не *политическая* организация. Значит, дело тут не в отношении политики к экономике, а именно в отношении «руководящих сфер» к руководимой массе, все равно, как в «политике», так и в «экономике». Это отношение далеко не всегда и далеко не везде бывает *таким, каким оно должно быть;* нередко оно бывает даже совсем ненормальным; но

оно бывает таким, повторяю, не только в политических, *но и в чисто экономических организациях*. Что и говорить: ненормальные отношения непременно должны быть устраняемы и заменяемы нормальными. Но отсюда вовсе еще не следует, что нормальны именно те отношения между партиями и синдикатами, которые рекомендует Ар. Лабриола. Напротив, они-то и *оказались бы совершенно ненормальными,* потому что самая мысль о них основывается, как мы видели, *на совершенно ошибочных посылках.*

Как нельзя более интересно то, что, когда речь заходит об отношении синдикатов к партии, то г. Луначарский начинает говорить языком синдикалистов. Правда, его *окончательные* выводы не похожи на те, которые делают из своих рассуждений синдикалисты. Но все-таки весьма характерно, что в области относящихся сюда рассуждений г. Луначарский в течение некоторого времени идет в ногу с синдикалистами и при этом совсем не сбивается с ноги, — словом, марширует, как подающий надежды рекрут... виноват, новообращенный синдикалист.

Он пишет: «Конфедерация синдикатов есть естественная форма организации рабочего класса. Тут организуется именно класс, как таковой: производители пролетарии, как таковые.

«Партия есть идеологический союз, это люди одной веры. Интеллигент, мещанин, даже капиталист может быть социалистом и, значит, членом партии.

«В синдикаты соединяет общность экономического положения, в партии — общность идеологии.

«На чем строим мы, марксисты? На идеологической ли предпосылке чистоты идеологии, традиции, или же экономической продпосылке — классовом положении?» (Стр. 253.)

Идеология особенно шатка у тех идеологов, которые берутся рассуждать о предметах, им недостаточно знакомых. Г. Луначарский, несомненно, принадлежит в данном случае к их числу: он плохо выяснил себе отношение между общественным бытием, с одной стороны, и общественным мышлением — с другой.

Не мышление определяет собой бытие, а бытие определяет собой мышление. Это несомненно, и, в этом смысле, мы, марксисты, действительно, строим на «экономической предпосылке — классовом положении». Но определенное бытием мышление, в свою очередь, является силой, необходимой для дальнейшего развития бытия. И чем больше развивается бытие; чем выше та ступень, на которую оно поднимается в своем историческом движении, тем необходимее становится для его

дальнейшего развития им же определяемое мышление. Особенно важной станет роль определяемого бытием мышления в эпоху перехода от капитализма к социализму. И вот почему пренебрежение к идеологии непозволительно, непростительно и вредно особенно в среде марксистов. Марксисты должны знать и помнить, что—по их исторической теории—«мнения», «идеологии» не падают с неба, а определяются *бытием,* что, по этой причине, всякая данная идеология соответствует известному состоянию общественного бытия, что, наконец, когда развитие общественного бытия привело к сплочению в одну политическую партию людей, усвоивших правильные мнения о ходе этого развития и принимающих в нем деятельное участие в интересах пролетариата, то в лице этой партии, — деятельность которой представляет собою сознательное выражение бессознательного исторического процесса,— пролетариат приобретает ничем незаменимое орудие своей эмансипации, а его движение достигает полного своего расцвета.

Говоря, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, Маркс хотел сказать не то, что борьба рабочего класса является политической во всех своих видах, а то, что высший вид этой борьбы есть— основанная на «общности идеологии», — т.-е. на одинаковом понимании конечной цели движения, — политическая борьба.

Потому-то и должны марксисты дорожить «чистотой идеологии», потому-то они и не могут не быть «нетерпимыми», что в их глазах бытие определяется мышлением и, в свою очередь, необходимо для дальнейшего развития бытия,—словом, потому, что они не эклектики, не «суб'ективисты», не ревизионисты и не синдикалисты.

А «чистота идеологии», к которой г. Луначарский, — по части идеологии сам, как известно, далеко не «чистый», — относится свысока, свидетельствует о правильном понимании «экономического положения» и безусловно необходима для того, чтобы пролетариат мог отмежевать свои «экономические предпосылки» от «экономических предпосылок» других классов. Но «чистоты идеологии» можно требовать *только от партии:* в *профессиональный союз* непременно должны быть принимаемы *даже такие рабочие,* которые еще не поднялись на высоту пролетарской идеологии, для которых еще не ясна конечная цель пролетарского движения и которые пока еще ограничиваются борьбой за лучшие условия продажи своей рабочей силы. Поступать иначе было бы неразумно, потому что дробились бы силы пролетариата и тем ослаблялась бы его позиция по отношению к капиталу. Недаром же Штуттгартский международный с'езд в своей резолюции об отношении партий к профессио-

нальным союзам постановил, — согласно моему предложению, — что никогда не следует упускать из виду единства профессионального действия.

Именно потому, что отстаивание «чистоты идеологии», — т.-е., значит, между прочим, и определение конечной цели движения,—есть призвание партии, а не профессионального союза, именно потому руководящая роль в движении должна принадлежать не союзу и не федерации союзов, а партии.

Но, говоря это, я знаю, что меня могут понять совсем превратно, даже прямо по Угрюм-Бурчеевски, как привыкли понимать вопросы этого рода, например, наши большевики.

Руководить можно различно. Г. Луначарский, который, как мы уже знаем, «строит» не на «чистоте идеологии», а на «экономической предпосылке», тоже хотел бы, чтобы «социалистические партии сумели, успели воспитать синдикальное движение... и раз'яснить ему путь» (стр. 257). Но я понимаю это дело не так, как он.

Его огорчает тот факт, что Бебель высказался за нейтральность профессиональных союзов: по его мнению, *нейтральность* означает «ослабление в недрах геверкшафтов социалистической пропаганды» (стр. 251). Но это ошибка. Пропаганда является делом *партии*, и нейтральность *профессиональных союзов* нисколько не мешает партии вести эту пропаганду со всей той энергией, на какую только она способна.

Г. Луначарский указывает на то, что нейтральность союзов отстаивается также и немецкими «ревизионистами». Это совершенно верное указание; к сожалению, оно доказывает совершенно не то, что хотелось бы доказать г. Луначарскому.

Ревизионисты отстаивают нейтральность профессиональных союзов с тою целью, чтобы сделать себе из них оплот против партии, дорожащей неприятной для них «чистотой идеологии». Ревизионисты говорят: «Союзы должны быть нейтральными», а разумеют под этим: «Союзы надо использовать для борьбы с ортодоксальным марксизмом». Выходит, что и тут спор ведется собственно о той «чистоте идеологии», по поводу которой г. Луначарский «*делает фи*», по известному французскому выражению. Выходит, что для борьбы с ревизионистами надо поналечь на «чистоту идеологии». Устранение же нейтральности профессиональных союзов ничему тут не поможет. Если мы поставим союзы даже в тесную формальную зависимость от партии, а в партии восторжествует «идеология» ревизионистов, то устранение нейтральности союзов будет лишь новой победой «критиков Маркса».

XI

Для вразумления читателя г. А. Луначарский делает две цитаты из приведенного Иэкком (т.-е. Екком) [1]) послания Маркса к секциям Интернационала. Он считает эти цитаты в высшей степени важными, и они действительно в высшей степени важны. Но то послание, из которого они заимствованы, слишком мало известно читающей публике. Поэтому я целиком приведу обе цитаты, заимствованные из него г. Луначарским.

Первая цитата: «Профессиональные союзы рабочих, незаметно для самих себя, сделались центрами организации рабочего класса (писано в 1866 г.), подобно тому, как средневековые городские общины были центрами организации для буржуазии. Если профессиональные союзы, как средство к уничтожению конкуренции между рабочими, безусловно необходимы в повседневной партизанской войне между капиталом и трудом, то еще важнеее второе их свойство — то, что они являются организованной силой, могущей уничтожить самую систему наемного труда и господства капитала».

Вторая цитата: «Профессиональные союзы слишком исключительно сосредоточили свое внимание на непосредственной борьбе против капитала, они еще не вполне поняли значение своей деятельности в борьбе против современного способа производства; они держались в стороне от общего социального и политического движения. Однако, в последнее время они начали уяснять себе свою великую историческую задачу». Маркс призывал синдикаты «научиться действовать сознательно в качестве центров организации своего класса, поддерживать всякое общественное и политическое движение, ведущее к осуществлению его целей, и смотреть на себя, как на активных передовых борцов рабочего класса. Таким способом они обратят внимание всех слоев трудящегося населения на свою тактику и убедят самого последнего рабочего в том, что их цель отнюдь не заключает в себе ничего узко-эгоистического, но, напротив, состоит в освобождении всех угнетенных масс». Иэкк. «Интернационал». Изд. «Знания», стр. 59 и 60.

Мне сдается, что г. Луначарский сделал эти весьма важные цитаты, будучи отчасти руководим совершенно понятным с его стороны желанием оказать дружескую услугу синдикалистам. И, конечно, синдикалисты легко могут воспользоваться этими цитатами в своих целях, имея

[1]) В книге «Интернационал».

дело с людьми, мало сведущими; но только в этом случае: сведущих же людей не собьют с толку даже слова, сказанные Марксом о том, что синдикаты могут уничтожить систему наемного труда.

Конечно, могут! Еще бы нет! Но *как?* В этом состоит весь вопрос. А на этот вопрос Маркс ответил уже в первом манифесте «Интернационала». Он сказал там, что великая обязанность организованных рабочих «заключается в завоевании политической власти». Другими словами, организованные в профессиональные союзы рабочие должны притти к созданию *политической партии,* которая и сделает дело, прямо противоположное делу, рекомендуемому рабочим синдикалистами: вместо «*разрушения государства*»,—а следовательно, и государственной власти, — на первый план поставлено будет завладение этой властью. Уже в одном этом заключается осуждение всей теории и практики синдикализма.

Но это мимоходом; главное же в том, что с двумя цитатами, сделанными г. Луначарским, мне хочется сопоставить следующую, *третью* цитату — тоже из Маркса:

«Профессиональные союзы ни в коем случае не должны находиться в связи или в зависимости от политических обществ, если они хотят выполнить свою задачу. Если это не делается, то, значит, им наносится смертельный удар. Профессиональные союзы — школа социализма. В профессиональных союзах рабочие делаются социалистами, так как они изо-дня в день борются с капиталом. Все политические партии, какого бы то ни было направления, воодушевляют массу рабочих только на короткое время; профессиональные же союзы, наоборот, связывают эту массу прочно и надолго. Только союзы в состоянии представить действительную рабочую партию и противопоставить силу рабочих могуществу капитала. К взгляду, что материальное положение должно быть улучшено, пришло большинство рабочих, без различия партий. А раз улучшается материальное положение рабочего, он больше может посвящать себя воспитанию своих детей; его жена и дети освобождаются от необходимости итти на фабрику, сам он может более заботиться о своем духовном и физическом развитии. Тогда он делается социалистом, не сознавая этого».

Эта цитата заимствована из разговора Маркса с одним из деятелей германского профессионального движения. Разговор этот был напечатан в социал-демократической газете «Volksstaat» в 1869 году. Следовательно, он относится как раз к эпохе того послания, из которого сделал свои цитаты г. Луначарский. Маркс, внимательно следивший

за названной газетой, не сделал никаких поправок к своим словам, воспроизведенным в газете «Volksstaat». Это доказывает, что он находил передачу его разговора правильной. К чему же сводятся мысли, высказанные им в этом разговоре?

Прежде всего к тому, что профессиональные союзы должны быть нейтральными.

Мне возразят [1]): тогдашнее положение дел в Западной Европе не похоже на нынешнее. Это так. Но в чем разница? Самая главная разница состоит в том, что теперь уже нельзя сказать: все политические партии воодушевляют рабочих только на короткое время; профессиональные же союзы, наоборот, связывают их прочно и надолго. Теперь есть политическая партия, прочно и надолго воодушевляющая сознательных рабочих. Но и теперь,—и теперь более, чем когда бы то ни было прежде, — к мысли о том, что материальное положение рабочих должно быть улучшено, приходит много даже таких рабочих, которые по своей неразвитости еще не могут пристать к партии. Профессиональный союз по необходимости должен быть «*шире*», нежели партия: он должен доводить рабочих до ее уровня. И так как он должен быть «шире» партии,—в указанном мною смысле,—то вредно подчинять его партии.

Поэтому, есть основание думать, что Маркс и теперь стоял бы в Германии за нейтральность союзов, понимаемую, конечно, в Бебелевском, а не в ревизионистском смысле. А что касается России, то он уже, наверное, повторил бы, что там профессиональные союзы «не должны находиться в связи или в зависимости от политических обществ, если они хотят выполнить свою задачу». Причина ясна: в России слишком много «*политических обществ*», в ней еще нет партии, подобной западным партиям, и если бы профессиональные союзы захотели поставить себя в зависимость от многочисленных в России «политических обществ», то им пришлось бы, к величайшему вреду для своего дела, *раздробиться на много частей, как это мы и видим в Западном Крае.*

Но это вовсе не значит, разумеется, что партия с своей стороны должна быть нейтральна в своих отношениях к союзам. Нет, она-то не должна оставаться нейтральной; она должна принять все меры к тому, чтобы распространять свои идеи среди рабочих, организованных в профессиональные союзы. Только при этом условии она в состоянии будет

[1]) Как возразил в августе этого года в Штуттгарте Каутский, до сведения которого я довел существование этого разговора.

выполнить свою обязанность: стать руководительницей организованных в союзы рабочих в их движении к конечной цели, и в то же время не насиловать, не коверкать, не уродовать, не раздроблять эти их союзы.

Я вынужден был сказать много неприятного по адресу г. Ар. Лабриолы. Мне хочется похвалить его на прощание. В примечании на стр. 106 своей книги он говорит: «Связь между революционизмом и избирательной непримиримостью — чистая фантазия, если не пустая штука». Это очень умно, и я очень рекомендую эти умные слова «большевикам» и г. А. Луначарскому. Учиться вообще полезно; учиться же у тех, к которым чувствуешь естественную симпатию, кроме того, и приятно.

Статья вторая

Энрико Леонэ и Иваное Бономи

Энрико Леонэ, Синдикализм. Перевод с итальянск. Г. Кирдецова. С пред. автора к русск. изд. Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова. Москва 1907.
Ivanoe Bonomi, Le vie nuove del socialismo. 1907. Remo Sandron, editore. Milano-Palermo, Napoli.

I

Энрико Леонэ—«*революционный синдикалист*»; Иваное Бономи—«*реформист*». В Италии, как и везде, «реформисты» и «революционные синдикалисты» во многом расходятся друг с другом. Они враждуют между собою. Но в первой статье я уже сказал, что они—родные братья, несмотря на свою взаимную вражду. И достаточно прочитать со вниманием те две книги, название которых я выписал выше, чтобы убедиться в справедливости этой мысли. Правда, каждый из двух враждующих между собою братьев обладает особым темпераментом; но несходство их темпераментов не устраняет сходства их физиономий. И не только физиономий: родившись в одной семье, они долго подвергались одинаковым влияниям, усвоили много одинаковых стремлений. Тому, кто интересуется состоянием и ходом всемирного рабочего движения вообще и итальянского движения в частности, в высшей степени полезно поближе всмотреться в их «фамильные черты». Мы отчасти уже знаем их, благодаря книги Ар. Лабриолы. Но, во-первых, каши маслом не портят, а во-вторых, в лице Энрико мы имеем дело с другой разновидностью итальянского «революционного синдикализма», которая в некоторых отношениях еще более характерна, нежели разновидность, представляемая Ар. Лабриолой. Поэтому давайте изучать теперь Леонэ и сравнивать его взгляды со взглядами реформиста Бономи.

Я начинаю с Леонэ. И прежде всего замечу вот что. Э. Леонэ называет своего переводчика своим талантливым другом (предисловие автора к русскому изданию, стр. III). Я не отказываюсь верить в талантливость г. Кирдецова, но беспристрастия ради я скажу, что он плоховато перевел книгу своего,—разумеется, тоже очень талантливого,—итальянского друга. Не то, чтобы он искажал его мысли; нет, в этом отношении перевод в большинстве случаев, верен подлиннику. Однако, мысли Леонэ переведены г. Кирдецовым на какой-то странный язык, изобилующий не только иностранными словами, — вроде «концепции», «ситуации» и т. п.,—но и прямо смешными описками. Вот, например, на стр. 35-ой мы читаем: Он (т.-е. реформизм. — *Г. П.)* в действительности не мог противопоставить ничего положительного и закону о классовой борьбе». В подлиннике стоит: alla legge della lotta di classe» (стр. 48). Это значит: «закону классовой борьбы». Энрико Леонэ тоже выразился здесь очень неудачно,—что вообще нередко случается с ним,—но он все-таки выразился не так нелепо, как заставляет его выражаться г. Кирдецов: закон классовой борьбы,—если таковой существует,—так же далек от закона о классовой борьбе, как закон всемирного тяготения далек от закона о всемирном тяготении. Насколько мы знаем, закона о всемирном тяготении не издавал пока даже ни один из щедринских помпадуров. Точно так же нигде никто не издавал и того закона об «эгоизме», о котором идет речь в «талантливом» переводе г. Кирдецова. На этот счет не было также никаких сенатских «раз'яснений». К чему эта литературная неряшливость? А вот нечто худшее, нежели литературная неряшливость. На стр. 113 у г. Кирдецова говорится о «*тициановском* Колизее, в котором душа язычников проявляла чванную жестокость». Смею уверить г. Кирдецова, что *тициановского* Колизея нигде нет и никогда не было. У Леонэ говорится о «*Colosseo di Tito*» (стр. 114), т.-е., о Колизее Тита, а это—совсем другое. Это может показаться мелочью, но мелочи этого рода, некрасивые и нежелательные ни в каком литературном произведении, особенно нежелательны в таких сочинениях, которые посвящены предметам, особенно интересным для читателей из рабочей среды. К таким читателям следовало бы относиться с удвоенным вниманием, а у нас о них совсем не думают наши «талантливые» авторы и переводчики. Особенно переводчики! Пересмотрите русские переводы западных социалистических писателей, и вы поразитесь их полнейшей негодностью. Правда, есть и тут несколько блестящих исключений; но это

именно те исключения, которые только подтверждают общее правило. А что это правило вредит интересам читателя, это понятно, кажется, само собою.

Что касается *содержания* книги Леонэ, то им остался очень доволен г. В. Тот. в «*Товарище*» (№ 443, от 7 дек. 1907 г.). В небольшой библиографической заметке, посвященной им этой книге, г. В. Тот. говорит: «Э. Леонэ—наиболее глубокий и в то же время широкий теоретик синдикализма. Широк он в том смысле, что не отрицает совсем парламентаризма и не ограничивается профессиональными союзами, как организацией, которая заменит собою капиталистический строй». Не касаясь пока вопроса о том, может ли та или другая организация *производителей* заменить собою «капиталистический строй», т.-е. данную совокупность *производственных отношений*,—об этом ниже,—я признаюсь, что этот похвальный отзыв г. Тот. о книге Леонэ поверг меня в большое изумление, потому что ни *глубины*, ни *широты* взгляда я в этой книге не заметил. Да и не только в этой книге, а вообще в сочинениях Энрико Леонэ. Сочинения его интересны не положительными, а именно только отрицательными своими свойствами. Правда, отрицательные свойства их весьма велики. Но ведь не за то же хвалит Леонэ г. рецензент...

II

Для того, чтобы судить о «глубокомыслии» Э. Леонэ, достаточно ознакомиться с тем, как он понимает так называемый кризис в социализме. Вот что говорит он о нем.

По его словам, кризис «неожиданно обнаружился перед лицом истории и критики (sic!), благодаря полемике, возбужденной Бернштейном в германской социал-демократии, Черкезовым—в рядах русских социалистов, Корнэлиссеном—в Голландии, Ван-Колем в Дании, Анзэлэ—в Бельгии» (стр. 13).

Остановимся пока на этом. До сих пор мы думали, что в области теории «кризис» в том и состоял, что некоторые социал-демократы, считавшие себя учениками Маркса, принялись «критиковать» своего учителя. Оказывается, что мы ошибались. «Кризис» состоял не в критике и вызван был не критикой: он только *обнаружился «перед лицом критики»*. Это в самом деле неожиданно. Но это еще не все. Мы узнаем от Леонэ, что голландец Ван-Коль «возбудил полемику»... *в Дании*, а «в рядах русских социалистов» ту же полемику вел *г. Черкезов*. Наш, «глубокомысленный» автор, очевидно, принял этого *анархиста* за бывшего ученика Маркса. Тот же промах сделал он и насчет *Корнэлиссена*, который еще до начала «кризиса» обеими ногами стоял на почве анархизма. Уже отсюда видно, как хорошо он осведомлен насчет «кризиса»! Но дальше он еще лучше обнаруживает свою «широкую» осведомленность. Он говорит: «Наиболее яркие выразители социалистического движения теперь уже открыто признавали, что катастрофа буржуазного общества, т.-е. заключительная схватка между двумя враждебными классами... есть не что иное, как «бессмысленное мечтание». Длинный ряд цифр и бесконечная цепь силлогизмов услужливо доказывали, что наиболее положительные предсказания критики и учения социалистов были опровергнуты самой эволюцией общественного процесса... Какая ирония: старые принципы опровергаются самими же хранителями их» (стр. 14).

Вы видите: тут уже никак нельзя сомневаться в том, что наш автор принял анархистов Черкезова и Корнэлиссена за «наиболее ярких выразителей социалистического движения» и за «хранителей старых принципов» учения, подвергнутого «пересмотру» г.г. критиками, т.-е. *принципов марксизма*. Г. Черкезов в роли хранителя этих принципов! Забавнее этого ничего и нельзя задумать! Нужно быть очень сведущим по части названных принципов, чтобы впасть в подобную ошибку. И можно представить себе, какого вздора способен наговорить о «кризисе в социализме» тот человек, который так хорошо знает эти принципы!

Не менее сведущ Э. Леонэ и в *практике* социализма. На стр. 10-й своей книги он уверяет: «Славной памяти «Интернационал» оставил нам, в виде последнего своего завещания, резолюцию женевского конгресса 1863 года, в которой» и т. д. Нам не важно, какую именно резолюцию имеет в виду Леонэ; нам важно,—и, как это легко поймет читатель, очень важно,—что в 1863 г. «Интернационал» не принимал *никаких* резолюций по той простой причине, что *тогда он еще не был и основан*. Женевский конгресс этого знаменитого товарищества рабочих имел место не в 1863, а в 1866 г., и это был не *последний*, а *первый* его конгресс, а потому и резолюции, на нем принятые, отнюдь не могут быть названы его «*последним завещанием*». Такие ошибки так грубы, так непростительны и так невероятны, что, прочитав строки, относящиеся к женевскому конгрессу, я, признаюсь, подумал, не напутал ли тут чего «талантливый друг» Леонэ, г. Кирдецов, и потому обратился к подлиннику. Но это обращение лишний раз убедило меня в том, что русский переводчик, хотя неуклюже и неряшливо, но, *в общем, верно* передает мысли своего итальянского автора: в подлиннике я нашел тот

же 1863 год и то же «последнее завещание» (ultimo atto testamentario). Конечно, г. Кирдецов мог поправить эту ошибку. Но, чтобы *поправлять* те или другие ошибки, надо сначала их *заметить,* а чтобы их заметить, надо быть знакомым с тем предметом, о котором идет речь. Ну, а этого, как видно, нельзя требовать от нашего «талантливого друга». Он не изучил предмета, удовольствовавшись знакомством с тем, что показалось ему, в его наивности, «последним словом» западно-европейского пролетарского движения. И вот он стал переводить,—точнее: *перетаскивать,*—это «последнее слово» на русский язык со всеми украшающими его логическими «перлами» и историческими «диамантами». Он не способен был поправить ошибку своего друга ни там, где у того говорится об Интернационале, ни там, где мы читаем следующее: «Эти германские социалисты не постеснялись называть свою партию именем социал-демократии—логической какофонией, напоминавшей собою ту французскую социальную революцию 1830 г., которую тот же Маркс в «*Гражданской войне*» так саркастически высмеивал за ее мелкобуржуазный дух и за пестроту социальных элементов, вошедших в ее состав» (стр. 21). Впрочем, нет, постойте: тут Кирдецов, кажется, кое-что исправил. В подлиннике говорится не о *социальной* революции 1830 года (которой не было), а о *социальной демократии* того же года. Положим, что и это вздор, так как в 1830 году во Франции не было никакой социал-демократической партии, но все-таки Леонэ говорит не то, что заставляет его говорить г. Кирдецов: тут уже заметно, стало быть, что-то в роде покушения на поправку. То же покушение обнаруживается и в замене *названия того сочинения* Маркса, на которое ссылается здесь Леонэ, — *Lotte civili,* т.-е. «*Гражданские войны*», т.-е. вероятно, Die Klassenkämpfe in Frankreich»,—названием другого его сочинения: «*Гражданская война*», т.-е., «*Гражданская война во Франции*»,—сочинения, написанного по поводу Парижской Коммуны. Но эта неудачная поправка, вызванная вовсе не знанием дела, а простым созвучием названий, окончательно все портит, так как в брошюре «*Гражданская война во Франции*» нет ровно никаких насмешек по адресу французской социал-демократической партии 1848 — 1849 г.г. Короче, ни тот ни другой из двух «талантливых друзей» не оказывается «на высоте призвания»...

Замечу мимоходом, что современная международная социал-демократия не имеет ровно ничего общего с той французской партией, которая называлась социал-демократической в 1848—1849 годах. Что же касается «логической какофонии», т.-е. той мысли Э. Леонэ, что *понятие: социализм* совсем не вяжется с *понятием: демократия,* то здесь его устами говорят Прудон, Бакунин, Кропоткин и другие *теоретики анархизма.*

III

Э. Леонэ сам находит, что необходимо «тщательно проанализировать внутреннее содержание кризиса социализма, поскольку он проявился в области доктрины» (стр. 18). И это, без сомнения, справедливо. Но для того, чтобы судить о кризисе, поскольку он проявился в области «доктрины», необходимо понимать «доктрину», а мы уже видели, что трудно ждать от Леонэ ее знания. Как бы там ни было, послушаем, в чем заключается, по его мнению, однако, «внутреннее содержание кризиса».

«Кризис социализма,—говорит он,—в общем отрицал наличность растущего антагонизма, который, по Марксу, рано или поздно автоматическим путем должен будет привести к насильственному устранению капиталистической собственности» (стр. 19).

Итак, Маркс *утверждал,* а «кризис»,—т.-е. Корнэлиссен в Голландии, Ван-Коль в Дании, а Черкезов в России,—*отрицал* рост того социального антагонизма, который автоматически приведет к устранению капитализма. И в этом отрицании «кризисом» того, что утверждал Маркс, и состояло внутреннее содержание кризиса. Очень хорошо, хотя и не очень складно. Но кто же прав в этом споре: Маркс, или кризис? Что говорит об этом Э. Леонэ:

«Спешу выразить свое уважение безукоризненной строгости этих рассуждений первого социалистического *ревизионизма* [1]), главным же образом, мужеству и непринужденности (!), с которыми были сделаны эти заявления. Действительно, если закон капиталистического развития функционировал (sic!) не так, как его (?) предсказал Маркс, т.-е. не в том направлении, чтобы разрыть все бо́льшую и бо́льшую пропасть между владельцами капиталов и неимущими рабочими и, таким образом, численно увеличить класс работников, заинтересованных в уничтожении капитализма; если, вопреки предсказанию Маркса, количество имущих все больше возрастало, а антагонизм интересов между капиталом и трудом, благодаря повышениям заработной платы рабочих, потерпел значительное ослабление,—если все это было в действительности так, то отсюда, казалось, с непреодолимой силой напрашивается

[1]) Подчеркнуто у г. Леонэ.

следующий вывод: *старая революционная социалистическая тактика, вдохновляемая обманчивым призраком все растущего антагонизма, всецело потерпела крушение.* Усилия «правоверных» социалистов оставаться на почве непримиримой классовой борьбы именно тогда, когда сами факты жизни собирались лишить эту борьбу всякой почвы под ногами, должны были показаться тщетными» (стр. 15—16).

Вы понимаете, читатель? Я тоже—нет. С одной стороны, рассуждения ревизионистов были безукоризненно логичны, по поводу чего наш автор и спешит засвидетельствовать им свое уважение; а с *другой—только «кажется»*, что эти рассуждения были безукоризненно логичны, так что и уважение, в котором расписывается Леонэ, надо, должно быть, считать *только кажущимся*. Вот и разбирайся! Нет, как бы там ни обстояло дело с логичностью ревизионистов, а с логичностью г. Леонэ оно обстоит безнадежно плохо: он не умеет свести концы с концами в своих собственных рассуждениях.

Г. Леонэ продолжает: «Отсюда не трудно понять, почему противники так потирали руки от удовольствия. К счастью, противники приняли тень за тело; они полагали, что кризис в идеях и доктринах послужит причиной или поводом для разрушения дела и процесса социалистического движения» (стр. 16).

Это как будто выводит нас из недоумения: рассуждения ревизионистов были безукоризненны; но ошибочно было думать, что этими безукоризненно логичными рассуждениями можно разрушить «*дело* и *процесс* социалистического движения». Допустим, что именно этого и хотел сказать наш автор. Но ведь у нас с ним речь идет теперь не о «процессе социалистического движения», а именно о «доктрине»; ведь г. Леонэ сам признал необходимым и сам пригласил нас «тщательно проанализировать внутреннее содержание кризиса социализма, поскольку он проявился в области доктрины». Вот мы и хотели последовать его приглашению, вот мы и старались «тщательно проанализировать»; вот мы и спрашивали его: кто же прав «в области доктрины»: Маркс, или безукоризненно логичные и за это уважаемые нашим автором ревизионисты? Но не так-то легко добиться от него толкового ответа на этот вопрос.

Он пишет: «Все, начиная от теории стоимости до диалектического метода; от закона концентрации капиталов до доктрины периодических кризисов; от системы прибавочной стоимости до экономически-материалистического доказательства фатальности социализма—словом, все составные элементы марксистского учения, бывшего до сих пор наиболее авторитетной и универсально признанной школой социализма, подверглись теперь беспощадной ломке» (стр. 14).

Эти строки как будто дают повод думать, что г. Леонэ считает весьма убедительными «критические» доводы, выдвинутые ревизионистами против учения Маркса: если они не только *пытались* подвергнуть ломке учение Маркса, но и в самом деле подвергли его таковой; если они разрушили все теоретические основы этого учения, то ясно, что правда была на их стороне.

Но, с другой стороны, тот же Леонэ написал и вот эти строки: «В общем из статистических данных, бывших в его распоряжении, *реформизму*[1]) не удалось вывести такое положение, которое шло бы вразрез с законом концентрации капиталов; он пришел лишь к заключению, что эта концентрация совершается не с тою быстротой, какую предсказывал Маркс» (стр. 35).

Когда и где предсказывал Маркс быстроту концентрации капиталов? Какую именно страну имело в виду его предсказание? Обо всем этом не спрашивайте г. Леонэ. Ему некогда заниматься такими мелочами,—и баста! Но ведь что ни говорите, а несомненно то, что если ревизионистам не удалось опровергнуть «закон концентрации капиталов», то выходит, что правда была,—по крайней мере, в этом отношении,—не на их стороне, а на стороне Маркса.

Еще раз: что же следует нам думать о кризисе в социализме? Кто прав: Маркс или его критики?

IV

Нам необходимо добиться от г. Леонэ ответа на этот вопрос. По его словам, ревизионизм пытался разбить учение Маркса, во-первых, путем оспаривания предсказанной Марксом концентрации богатств, несбыточности его положения об ухудшении условий труда (теория обнищания), а во-вторых (не в-третьих ли?—*Г. П.*),—фактом роста числа капиталистов» (стр. 35).

Мы уже знаем, как смотрит г. Леонэ на вопрос о концентрации капиталов. Посмотрим теперь, что думает он о «теории обнищания»

«Общее улучшение быта и повышение уровня заработной платы,—говорит он,—еще не могут служить достаточным доводом для опро-

[1]) Г. Леонэ отождествляет здесь реформизм с ревизионизмом, на что имеет конечно, полное право.

вержения закона о все более обостряющемся антагонизме между капиталом и трудом... Заработная плата, по исследованиям Геверница и Жида и по словам самих рабочих, повысилась вследствие тех усилий, которые рабочий класс проявил в своей непосредственной борьбе с капиталом. Повышенная заработная плата, следовательно, говорит за то, что в последние двадцать лет борьба между капиталом и трудом все более обострялась и что она находит себе выражение в такой форме, которая все более и более подчеркивает силу *организованности, численности и дисциплины* рабочих, словом, силу тех элементов, о которых Маркс и говорит в своем описании. Итак, предсказания Маркса, вместо опровержения, находят в жизни полное оправдание» (стр. 36).

Выходит, что и в этом случае правда на стороне Маркса, а не на стороне ревизионистов. И если г. Леонэ сам не грешит против логики; если его собственное «следовательно» имеет под собою хоть какое-нибудь логическое основание, то опять решительно непонятно, где же собственно проявилась, по поводу этого вопроса, будто бы безукоризненная логичность г.г. «критиков» Маркса. Но в том-то и дело, что наш автор и здесь рассуждает совсем неправильно.

Во-первых, с точки зрения «теории обнищания» важно не то, повысилась или понизилась *заработная плата,* а то, повысился или понизился уровень прибавочной стоимости, которым определяется степень эксплоатации рабочего. Если десять рабочих, получавших одинаковую заработную плату, прежде создавали своим трудом, в течение одного дня, стоимость равную А, при чем ½ А доставалось им в виде *заработной платы,* между тем как другая половина А составляла *прибавочную стоимость,* то уровень этой последней равнялся 50%. Если же теперь те же рабочие создают стоимость, равную А + ½ А, при чем ¾ А отходит к ним, в качестве заработной платы, а остальные ¾ А достаются предпринимателю, как прибавочная стоимость, то уровень этой последней будет попрежнему равняться 50%, т.-е. останется неизменным, несмотря на повышение заработной платы. Наконец, если рабочие будут, в течение того же времени, создавать стоимость равную 2 А, получая ¾ А в виде заработной платы, то предприниматель получит А + ¼ А, а это значит, что повышение заработной платы не помешает *повышению* уровня прибавочной стоимости, т.-е. степени эксплоатации рабочего. А повышение степени эксплоатации рабочего равносильно *относительному ухудшению его положения в обществе*. Вся суть интересующего нас здесь вопроса и заключается стало быть в том, чтобы решить, ведет ли развитие производительных сил в капиталистическом обществе к *относительному ухудшению* или же, наоборот, к *относительному улучшению* общественного положения пролетариата. Геверниц, на которого ссылается г. Леонэ, и многие другие буржуазные экономисты утверждают, что дело идет именно к *улучшению* [1]), между тем как марксисты доказывают, что общественное положение рабочего *относительно ухудшается* несмотря на то, что его заработная плата,—денежная и даже реальная,—обнаруживает стремление к повышению. В этом и состоит приписываемая им их противниками «*теория обнищания*». *Что касается* самого Маркса, то его «критики» приписывали ему, вслед за Геверницем и многими другими буржуазными экономистами, теорию *абсолютного* ухудшения положения рабочего класса. Но это чистейший вымысел. Маркс нисколько не сомневался в том, что положение рабочего *относительно* ухудшается, и в первом томе своего «Капитала» он дал теоретическое об'яснение этого явления. А насчет *абсолютного* ухудшения положения рабочего он нигде не высказывался положительно, повидимому, лишь допуская его возможность при известных условиях времени и места. В своем споре с Прудоном он писал:

«Экономисты... доказали, что при существующих условиях производства растет и должно еще больше расти богатство буржуазии. Что же касается рабочего класса, то *еще большой вопрос, улучшилось ли его положение вследствие увеличения общественного богатства* [2]). Когда, отстаивая свой оптимизм, экономисты ссылаются на пример английских рабочих, занятых в хлопчато-бумажной промышленности, то они рассматривают их положение лишь в редкие моменты промышленного процветания! К эпохам кризиса и застоя такие моменты находятся в «правильно-пропорциональном» отношении 3 к 10. Или, говоря об улучшении, экономисты имеют в виду те миллионы рабочих, которые должны были погибнуть в Ост-Индии, чтобы доставить 1½ миллионам занятых в той же отрасли промышленности англйских рабочих три года процветания в каждые десять лет?» [3]).

Как видим, от этого осуждения оптимизма буржуазных экономистов еще далеко до учения об *абсолютном ухудшении;* неоспоримо только то, что в эпоху своего спора с Прудоном Маркс считал *абсолютное улучшение,* о котором так громко кричали буржуазные эконо-

---

[1]) См. сочинения *Геверница,* Zum sozialen Frieden и Der Grossbetrieb.

[2]) Подчеркнуто мною.

[3]) «Нищета философии», перевод В. И. Засулич, стр. 71 — 72.

мисты, *весьма сомнительным*. Формулируя свой взгляд, он сам говорит: «Лишь потому, что, под влиянием конкуренции, заработная плата колеблется, то поднимаясь выше, то падая ниже необходимых для его существования жизненных средств, лишь потому рабочий и может в некоторой, хотя бы самой ничтожной, степени воспользоваться ростом общественного богатства. Но именно потому для него возможна также и голодная смерть» [1]).

Тут, как видим, допускается возможность *абсолютного,* хотя и ничтожного улучшения,—улучшения, выгоды которого нейтрализуются, впрочем, крайнею необеспеченностью положения рабочего. И этот взгляд высказан был Марксом в то время, когда, по признанию тех самых экономистов, которые упрямо навязывают теорию *абсолютного* «обнищания», положение рабочего класса абсолютно ухудшалось, по крайней мере, в Англии, т.-е. в стране, дальше всех других ушедшей по пути промышленного развития. Впоследствии этот взгляд, которому Маркс дает здесь название «*теории экономистов*»,— т.-е. взгляд, разделяемый, в сущности, самими буржуазными экономистами, но только затемняемый у них *оптимистической фразеологией,*—этот взгляд, говорю я, был впоследствии пересмотрен и углублен самим Марксом; результаты этого пересмотра и углубления изложены в первом томе «Капитала», к которому я уже отсылал читателя, утверждая, что там дано теоретическое об'яснение *неизбежности относительного ухудшения положения пролетариата* [2]). Этот, оканчательный, взгляд Маркса заслуживает, конечно, не меньшего внимания, чем то учение о заработной плате, которого держался Маркс в сороковых годах. И если г. Леонэ взял на себя роль судьи в споре между «ортодоксальными» марксистами и ревизионистами, то ему нужно было всесторонне выяснить себе этот взгляд, но он не счел нужным дать себе этот труд [3]). Он без критики усвоил себе то, что было найдено им в «исследованиях Геверница

[1]) Там же, стр. 72.

[2]) Подробнее вопрос этот рассмотрен мною в моем ответе г. П. Струве в сборнике «Критика наших критиков» [Сочинения, т. XI].

[3]) Или оказался неспособным к нему. В другом его сочинении: «L'Economia sociale», Genova 1904, изложено с грехом пополам Марксово учение о заработной плате (стр. 214 — 216); но как плохо понял Леонэ его смысл, видно уже из того, что он называет его *теорией издержек производства* (!) (teoria del costo). По-русски это называется попасть пальцем в небо. Сам Леонэ приходит в названном сочинении лишь к тому выводу, что заработная плата не одинакова в различных отраслях промышленности, но стремится к одному уровню под влиянием конкуренции и технического прогресса (стр. 221). Это немного!

и Жида», и только постарался, с помощью софизма, отделаться от тех выводов, к которым пришли эти исследователи,—особенно Геверниц. Он с победоносным видом выдвигает против них свой софизм. Но чем более упований возлагает он на него, тем более обнаруживается его полная беспомощность в экономических вопросах.

Что говорили Геверниц и его единомышленники? То, что, благодаря развитию техники в капиталистическом обществе, доля рабочего класса в национальном доходе *увеличивается,* а доля капиталистов *уменьшается,* вследствие этого расстояние между этими двумя классами становится меньше, рабочий сближается с предпринимателем. Что это сближение между классами, что это увеличение доли пролетариата,—если даже оно вообще возможно,—не произойдет само собою, без усилий со стороны рабочих, т.-е. без борьбы их с предпринимателями, это понятно само собою, и этого действительно не отрицал Шульце-Геверниц, хотя, вопреки тому, что можно подумать на основании приведенных мною слов г. Леонэ, и не оттенял этого обстоятельства. Для него вопрос ставился так: создается или нет, ходом развития капитализма, возможность такого улучшения в положении пролетариата, которое, сблизив этот класс с классом капиталистов, заставило бы его дорожить существующим порядком вещей и сделало бы излишней в его глазах мысль о полном устранении капиталистических отношений производства? Геверниц утверждал, что — создается, при чем ссылался на придуманное им возрастание доли рабочего класса в национальном продукте. Его призыв к «*социальному миру*» вовсе не означал собою желания положить конец борьбе рабочих с предпринимателями за условия продажи ими этим последним своей рабочей силы. Он означал только желание привести рабочих к отказу от «конечной цели», т.-е. от стремления покончить с тем общественным порядком, благодаря которому рабочий вынуждается нести на рынок свою рабочую силу. И если Леонэ возражает ему на это, что повышение заработной платы свидетельствует об обострении классовой борьбы между рабочими и предпринимателями, то он обнаруживает этим свое полное незнакомство с «исследованиями» Геверница. Немецкий экономист мог бы ответить ему: «Если вы ссылаетесь на мои работы, то вы должны были бы знать, что я стараюсь показать в них, каким образом борьба рабочих за лучшие условия найма изменяет свой характер, принимая такие формы, которые делают ее вполне совместимой с дальнейшим существованием капиталистического способа производства. И если вы хотите оспаривать меня, то вам необходимо сначала опровергнуть мои экономические предпосылки». Но наш автор просто-

напросто не знает, что у Геверница были какие-нибудь особенные экономические продпосылки, посеявшие смуту в умах ревизионистов. Поэтому он и не решает вопроса; он только обходит его неловким движением в сторону. Нечего сказать, хорошо защищает он Маркса от его «критиков»!

V

Идем дальше. «Демократический ревизионизм в другом месте точит против самого себя нож. Он совершенно не заметил своей непростительной логической ошибки, опрокидывающей вверх дном все его разглагольствования об ослаблении классового противоречия (вот тебе и «безукоризненная строгость рассуждений»!—*Г. П.).* Как! Пролетариат возрос количественно в то самое время, когда число крупных капиталистов не сократилось, и категория имущих также не имела уменьшения? Но ведь тут у нас нет больше спасения... Если концентрация капиталов протекает не в той интенсивной форме, какую предвидел Маркс, обманутый, очевидно, английскими условиями 48 и 66 г.г., то это значит, что современная классовая борьба происходит между могучими, закаленными в боях противниками, и что дело экспроприации не может быть выполнено лишь путем широкого и всестороннего подчеркивания ее необходимости, лишь путем все более резкого обострения контраста, существующего между рабочей массой и огнеупорными институтами капитализма» (стр. 36—37).

Когда ревизионисты взялись за свой пересмотр основных положений марксизма, они не обнаружили ни обширных знаний, ни глубокой проницательности. Они хотели итти *вперед,* но на самом деле пятились *назад,* несмело и нерешительно приближаясь к точке зрения буржуазных экономистов. Но все-таки они по большей части умели отдать себе более или менее ясный отчет о предмете поднимаемого ими спора; они стремились ознакомиться с фактами; им хотелось решить, как же совершается, наконец, действительный ход развития капитализма. Ни до чего этого нет дела нашему «революционному синдикалисту», у него нет ровно никакой потребности в уяснении себе предмета спора. Он слышит, что Маркс «предвидел» такую «интенсивную» концентрацию капиталов, какая не имеет места в современной действительности. И он не считает нужным справиться о том, что собственно «предвидел» Маркс, и хорошо ли поняли ревизионисты его «предвидение». Он охотно допускает, что Маркс был, «очевидно», обманут английскими условиями 1848—1866 годов. Воспитанный в школе «чистой экономии» г.г. Панта-

леоне и Парэто, он не интересуется фактами и не заботится о том, в какую сторону направляется экономическое развитие капиталистического общества. Если концентрация капиталов совершается не так быстро, как этого ожидал Маркс, то тем лучше, так как это показывает, во-первых, что борющиеся между собою классы могучи и закалены в боях, а во-вторых, что для устранения «огнеупорных институтов капитализма» недостаточно одного,—хотя бы и широкого, всестороннего,—подчеркивания необходимости такого устранения. Все—благо; все — добро; все идет к лучшему в этом лучшем из миров, и каждый факт современной общественной жизни обнаруживает правильность «концепции», свойственной Э. Леонэ.

Я готов биться об заклад, что читатель недоумевает по поводу «подчеркивания», недостаточность которого так неожиданно была показана медленным ходом концентрации капиталов. Чтобы вывести его из недоумения, я предлагаю ему обратить внимание на следующее замечание г. Леонэ: «Если бы концентрация капиталов привела к численному разбавлению класса капиталистов, сократив его до minimum—горсточки плутократов, то это значило бы, что число лиц, заинтересованных в защите буржуазного государства, подвержено все большему и большему сокращению, и что влияние пролетариата и присвоение им политической власти автоматически возрастает (sic!) в такой степени, чтобы вскоре подчинить ее своим собственным интересам. Если бы предсказание марксистов о концентрации капиталов оправдалось,—этого именно реформизм и не понял,—тогда демократствующий реформизм получил бы в свое распоряжение новый общественный элемент, на который он мог бы опереться. В действительности, однако, общественный процесс развился в ином направлении (стр. 37) [1]).

Теперь ясно: *если бы* предсказание марксистов оправдалось; *если бы* все большие и большие массы людей подвергались обездоливающему влиянию капитализма, *то* реформисты (ревизионисты то ж) могли бы сослаться на этот факт, как на довод в пользу своей тактики. А раз это могло бы быть так, то г. Леонэ даже не справляется о том, в какой мере основательна была бы подобная ссылка. Чтобы заранее сделать ее невозможной, он спешит согласиться с реформистами в том, что концентрация в самом деле совершается очень медленно. У него нет *своего*

[1]) Я уже сказал, что «талантливый» г. Кирдецов перетащил сочинение г. Леонэ на очень неуклюжий язык, местами довольно мало похожий на литературный язык нашего отечества.

взгляда на предмет. Он без разбора хватается за отдельные мнения спорящих между собою сторон в надежде подкрепить ими свою собственную тактическую идею, сущность которой сводится к тому, что пролетариат всегда и при всяких условиях должен стараться *изолировать* себя от всех других классов: нечто вроде политической идеи наших «большевиков». И, отстаивая эту блестящую идею, он не *думает,* а только *спорит*. И *спор* его состоит в том, что он бросает в голову противника первые встречные доводы, первые попавшиеся «слова, слова, слова!». Это опять невероятно, но это опять так! И именно потому, что это опять так, я приглашаю читателя отнестись внимательно к нашему «революционному синдикалисту». Существуют литературные явления, чрезвычайно интересные и поучительные *как раз своими отрицательными свойствами...*

VI

Если Э. Леонэ, возражая ревизионистам, все-таки считает себя обязанным засвидетельствовать им свое нижайшее почтение, то в обращении с «ортодоксальными» марксистами, взгляды которых называются у него *традиционным социализмом,* он всегда остается суровым и беспощадным. Чем же провинились эти злополучные люди? О, они совершили тяжкое преступление! Они исказили,—и едва ли даже не сознательно, едва ли не «с заранее обдуманным намерением»,—теорию своего учителя и тем вынудили Э. Леонэ приняться за восстановление «концепции» Маркса в ее первоначальной чистоте. Последуем за нашим автором как в его расправе с «традиционным социализмом», так и в деле восстановления истинного смысла марксизма.

«В социалистических рядах марксизм подвергся бесконечным толкованиям и комментариям, тенденциозно размазанным самими вождями социалистического движения. Они исказили марксизм, превратив его в сухую формулу, пригодную лишь для политических целей партии... Нелепое толкование диалектического метода, применявшегося Марксом, согласно которому (согласно Марксу? — *Г. П.)* всякое движение должно привести к собственному уничтожению (!), а всякое утверждение—к своему отрицанию, нелепое толкование этого метода привело ряды социалистических партий к следующему отрадному результату: необходимо превратить Марксово понимание *революции* в банальную *концепцию* прогрессивного *эволюционизма*. Сам капитализм подготовляет условия обобществления богатств; поэтому пролетарии и должны помочь буржуазии в выполнении этого таинственного акта скрытого самоубийства. Если согласиться с этим толкованием ортодоксов избирательного марксизма, то воистину остается лишь воскликнуть: о, горькая участь ссвременной буржуазии; ты идешь навстречу (кто идет? горькая участь буржуазии?—*Г. П.)* мощи, богатству, все большему развитию твоих сил, но не замечаешь, как твоя собственная амбиция (!?) роет тебе могилу и смерть уже нависла над тобой!» (Стр. 22—23.)

Это, конечно, очень едко и даже красноречиво но... кто же и когда говорил, что *так как* капитализм сам подготовляет условия обобществления богатств, *то «поэтому»* пролетарии должны помогать буржуазии в совершении этого самоубийственного акта? Таких нелепостей не говорил никто и никогда, хотя бы просто потому, что «отрадный результат», приписываемый здесь «избирательным марксистам», не только нелеп, но и отличается крайней неопределенностью. Этот «отрадный результат» даже не есть нелепая мысль: это—какой-то намек на нелепую мысль, зачаток ее, не вышедший из состояния почти полной бесформенности. Что значит помогать самоубийству буржуазии? В чем состоит это самоубийство? Если в том, что развитие капитализма подготовляет материальные условия, необходимые для обобществления средств производства, то что же «таинственного» и «скрытого» в этом «акте»? Кто говорил, что всякое *движение* должно привести к *собственному* уничтожению? Люди, интересовавшиеся диалектикой,—таких, правда, всегда было весьма немного даже в рядах «ортодоксальных» марксистов,—эти люди говорили, что то же движение, которое создает данную форму, приводит,—именно вследствие того, что оно не уничтожается, а продолжается,—и к ее разложению, к ее устранению [1]). Но ведь это нечто совсем другое. И кто же говорил, кроме того, что всякое *утверждение* должно привести к своему *отрицанию?* Г. Леонэ даже не подозревает, что в этих его словах нет ровно никакого смысла, если не считать впрочем того, что у него самого всякое «утверждение» обыкновенно противоречит самому себе и тем себя отрицает. И он так доволен собою, так верит в несокрушимую силу обвинений, выдвигаемых им против «ортодоксов», что не может устоять перед искушением еще и еще раз повторить эти обвинения, разнообразя их на всевозможные лады.

«Казалось, следовательно,—твердит он,—бесполезным строить тактику социализма на социальном катаклизме, выполнение которого взяла на себя сама буржуазия; на самом деле требовалось постепенное за-

[1]) Эта неожиданная мысль была превосходно понята и очень ярко выражена еще Н. Г. Чернышевским.

воевание политической власти государства с тем, конечно, чтобы после происшедшей катастрофы взять в свои руки управление новым социализированным производством» (стр. 23).

Совершенно бесполезно повторять, что решительно никто из «ортодоксов» даже и во сне никогда не видал, будто буржуазия сама взяла на себя обязанность «выполнить социальный катаклизм». Но весьма полезно констатировать, что в этой мнимой вере в будущее «самоубийство буржуазии» и состоит, по мнению нашего автора, самое главное заблуждение ненавистных ему «традиционных социалистов». А если в этом состоит их самое главное заблуждение, если именно в этой их вере обнаружился их разрыв с Марксом, то очевидно, что в учении этого последнего,—*как понимает его Э. Леонэ,*— не может быть ничего похожего на столь нелепый фатализм; очевидно, что *сам Маркс,* — опять-таки, как понимает его наш автор, — представлял себе все дело в совершенно другом виде. Не так ли? Кажется, что так. Теперь читайте.

«Вы знаете, что марксистская концепция социализма занята, главным образом, доказательством об'ективной фатальности наступления социалистического строя. В своем гигантском труде Маркс расточал весь клад своего бессмертного гения для научного доказательства неизбежности социализма» (18).

Под «гигантским трудом» нужно понимать, очевидно, «Капитал». И вот я спрашиваю читателя, в самом деле потрудившегося ознакомиться с «гигантским трудом» Маркса: много ли страниц посвящено в трех томах этого труда «доказательству об'ективной фатальности наступления социализма»? Не правда ли, совсем немного? А если совсем немного, то что же это говорит г. Леонэ? Полно, читал ли он «гигантский труд»? Полно, знает ли он, на что расточал в нем Маркс «весь клад своего бессмертного гения»? Но не в том дело. Слушайте дальше.

«*Кризис* социализма в общем отрицал наличность растущего социального антагонизма, который, по Марксу, рано или поздно, автоматическим путем должен будет привести к насильственному устранению капиталистической собственности... На этом принципе традиционный социализм обосновал свою тактику, направленную всецело к захвату политической власти» (стр. 19).

Что следует отсюда? Отсюда следует,—и, говоря это, я надеюсь, что сам Э. Леонэ, если только захочет быть беспристрастным, не откажется «выразить свое уважение безукоризненной строгости» моего вывода,—отсюда следует, что «ортодоксы» совсем не изменяли Марксу. В самом деле, ведь теперь оказывается, что именно от него унаследовали они свое главное заблуждение: свою веру в предстоящее «самоубийство» буржуазии, тот свой взгляд, что устранение капитализма совершится «автоматическим путем». Ведь теперь выходит, что самым главным и, может быть, единственным виновником неприятного Э. Леонэ «отрадного результата» был не кто иной, как именно автор «Капитала», «расточивший весь клад своего бессмертного гения» для доказательства «об'ективной фатальности наступления социалистического строя». Зачем же щадить этого вредного ересиарха? Зачем сваливать его вину на его последователей? И если необходимо лжеучениям «традиционного социализма» противопоставить истину синдикалистской «концепции», то зачем нужно опираться при этом на того же вредного ересиарха? Зачем называть эту «концепцию» правильно понятым марксизмом? [1])

VII

Я не могу ответить на эти вопросы, да, по правде, сказать, и не считаю нужным заниматься ими. Я ограничусь простым констатированием того, не совсем «отрадного», результата, что до сих пор у Э. Леонэ «всякое утверждение» неизменно приводило «к своему отрицанию», и перейду к выяснению того, в чем же состоит та «концепция», которую он, Леонэ, по неизвестной и даже несколько «таинственной» причине выдает за единственный истинный марксизм.

Наш «глубокомысленный» синдикалист, находясь на этот раз в весьма повышенном настроении духа, торжественно восклицает:

«Да, блещет солнце, скажем мы вместе с Наполеоном; слеп тот, кто его не видит... Читателю, вероятно, известно, в чем именно выражается концепция исторического материализма: «производственные формы материальной жизни определяют собой общественный, политический и духовный процесс жизни»... До очевидности ясно, что правовые институты, образующие собою государство, являются лишь отражением, продуктом или, как Маркс говорит, надстройкой экономии,

---

[1]) То, что на стр. 18 сказано у Леонэ о *фаталистическом характере* Марксовой «концепции», не мешает тому же Леонэ утверждать, что Бернштейн «просто, подобно нелепым приемам всех ретивых толкователей, изобразил его (т.-е. исторический материализм.—*Г. П.*) в виде фаталистической концепции истории» (стр. 31). Подобными противоречиями пестрит вся книга этого, поистине, удивительного человека.

т.-е. материальной жизни. Они созданы экономией, а не создают и не руководят экономическими силами. Строго придерживаясь этой почвы, мы приходим к логическому заключению, что государство, как политический фактор, не обладает никакими силами для осуществления преобразования в экономических отношениях общества. Но этот экономический принцип, вполне соответствующий результатам экономической науки, непоправимо (?!) и неизбежно был упущен из вида различными социалистическими партиями Европы» (стр. 30).

Теперь у нас, благодаря Э. Леонэ, «блещет солнце»; теперь мы знаем, в чем состоит истинный, неподдельный марксизм! Одна беда: солнце, заблиставшее над нами по приказанию Э. Леонэ, светит очень тускло и, как две капли воды, похоже на ту луну, которую прескверно делают, по словам одного Гоголевского персонажа, в Гамбурге. Суть истинного учения Маркса заключается *будто бы в том, что политический фактор не обладает никаким силами для изменения общественной экономии*. Так ли это? Я не стану оскорблять читателя об'яснением ему того, что это вовсе не так, и почему это вовсе не так. Я ставлю перед ним другой вопрос: *откуда взял Э. Леонэ свой, «до очевидности ясный», вздор?* У нас когда-то понимали марксизм в этом духе наши «суб'ективные социологи», презрительно пожимавшие плечами в виду ими же придуманной «узости» Марксовой теории. Однако, нет решительно никакого основания думать, чт Э. Леонэ испытал на себе влияние наших «суб'ективистов». Откуда же ему сие? *От анархистов.*

Не от тех анархистов, которые рукоплещут теперь «критикам Маркса» и, подобно «суб'ективистам», видят в историческом материализме теорию, грешащую крайней «узостью», а от тех, которые сами пытались некогда опереться на материалистическое об'яснение истории. Наиболее заметной величиной между анархистами этой «первой манеры» был М. А. Бакунин.

Известно, что М. А. Бакунин, так упорно воевавший с Марксом в Международном Товариществе Рабочих, сам склонялся к историческому материализму. Склонялся, конечно, на свой особый лад, но все-таки склонялся. В своем сочинении «*Государственность и анархия*» он писал о Марксе: «...Нет сомнения, что в беспощадной критике, направленной им против Прудона, много правды: Прудон, несмотря на все старания стать на почву реальную, остался идеалистом и метафизиком. Его точка отправления—абстрактная идея права, а г. Маркс, в противоположность ему, высказал и доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящий историей человеческого общества,

народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал и предшествует юридическому и политическому праву. В изложении и доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса» [1]).

Признавая за Марксом эту научную заслугу, Бакунин находит в то же время, что автор «Капитала» не сумел,—вернее, не захотел, вследствие свойственного ему «оппортюнизма», — сделать надлежащие выводы из своего великого открытия. Бакунин полагал, что если «экономический факт» предшествует всем остальным фактам общественной жизни, то ни один из этих остальных фактов не может, с своей стороны, повлиять на общественную экономику. Поэтому Бакунин был вполне верен *своему* пониманию исторического материализма, когда говорил, что *жизнь* общественная всегда предшествует общественной *мысли*, но «никогда не бывает ее результатом» [2]). Известно, что Бакунин и его последователи пренебрежительно относились к *пропаганде*. Известно также, что Бакунин не признавал никакой другой *«политики»*, кроме разрушения государства: это тоже вполне последовательно со стороны человека, который был убежден, что «*экономический* факт», предшествуя *политическому*, не может подвергаться обратному влиянию этого последнего. А если Маркс, несравненно шире, глубже и вернее понимавший отношение экономики к политике, думал, что завоевание политической власти пролетариатом представляет собою необходимое предварительное условие устранения капитализма, то Бакунин об'яснял это его непоследовательностью, дурными свойствами его характера, его непреодолимым «стремлением к сделкам с радикальной буржуазией» [3]). В этих сделках заключалась, по его мнению, вся суть политической программы Маркса.

Вот это-то до последней степени ошибочное, и уж, разумеется, нимало не «подтверждаемое прошлой и настоящей историей человеческого общества», понимание исторического материализма и разогревает теперь Э. Леонэ, поднося его нам, как самое истинное, как самое неподдельное учение Маркса! *Синдикалистская критика «традиционного социализма» опирается, таким образом, как раз на те же теоретические положения, которые служили некогда анархистам в их борьбе против политики и тактики Маркса в Интернационале. Это обстоя-*

1) Сочинения М. А. Бакунина, издание И. Балашова, т. II, стр. 173 — 174.
2) Ibid., стр. 167.
3) Ibid., стр. 222.

тельство в высшей степени важно для понимания природы и тактики «революционного синдикализма». Его необходимо заметить.

Впрочем, мы еще не раз столкнемся с ним в своих собеседованиях с «революционными синдикалистами» других стран.

VIII

Зная, как хорошо понял Э. Леонэ теорию исторического материализма, мы легко поймем и его непримиримую ненависть к «традиционному социализму». Эта ненависть тоже заимствована им у г.г. анархистов. И Э. Леонэ нимало не грешит против логики,—а это бывает с ним крайне редко,—следующим образом громя «традиционный социализм»:

«Открытие Маркса, воочию доказавшее, что экономическая власть предшествует политической и что мощь государства является не чем иным, как продуктом экономического господства [1]) буржуазии, не получило никакого практического применения. Всюду, где бы они ни возникали, социалистические партии с первого же дня становились на точку зрения концепции, опрокидывавшей вверх ногами эту историческую истину; не экономика, экономические силы и классовые интересы порождают собою последующие политические формы а, наоборот, политика определяет собой экономику—такова сущность этой ложной концепции» (стр. 51).

Это как будто дословно взято у М. А. Бакунина.

А вот как изображает наш автор преимущества и «открытия» синдикализма.

«Всецело в духе марксистского метода, он с почвы экономики перешел к своим последующим социологическим индукциям, что, несомненно, дает ему неоспоримый практический и методологический перевес над *реформизмом*, который вместо того, чтобы перейти с почвы экономики к ее политической надстройке, исходит, наоборот, из политики государства, намереваясь осуществить при их посредстве великую экономическую революцию. Это открытие *экономического* метода социалистического исследования и позволяет синдикализму неустанно продолжать развитие сущности и духа марксизма. ...Но синдикализм при посредстве своего плодотворного метода наблюдения не мог не притти вскоре к пониманию глубоких причин, породивших кризис социализма.

[1]) В русском переводе стоит: «экономического государства», но это, конечно опечатка. В подлиннике (стр. 68) говорится о «*dominio* economico».

Его широкий кругозор, с которым он созерцает ход современной истории, дал ему возможность открыть всеоб'емлющие потребности, новые формы практики, борьбы и завоеваний, необходимые пролетариату для завершения цикла его освободительного движения. И он заметил раньше всего, что конституирование социализма в *политическую партию* было главной причиной его вырождения в демократию и исчезновения боевого духа» (стр. 44—45).

«Открытие экономического метода», «плодотворный метод наблюдения», «широкий кругозор», «созерцание хода современной истории», «открытие всеоб'емлющих потребностей, новых форм» и прочая, и прочая, и прочая,—все это сводится «раньше всего» к «открытию», которое около сорока лет тому назад сделано было М. А. Бакуниным. До смешного громкие слова, как водится, прикрывают собою самое жалкое содержание. И нужно много доброй воли или рассеянности, невнимательного отношения к предмету, чтобы увидеть хотя бы самомалейшую дозу глубокомыслия в этом полнейшем «отсутствии всякого присутсвия»!

Дело не в том, что Э. Леонэ ошибается; латинская пословица справедливо говорит: errare humanum est. Дело в том, что бесчисленные ошибки Э. Леонэ обнаруживают в нем самую полную, самую совершенную неподготовленность к обращению с теми понятиями, которыми он хочет оперировать. Вот один из весьма многих примеров:

Давая свое «реалистическое (sic!) толкование исторического материализма», он говорит: «Маркс всегда выражал ту истину, что для завершения всякого социального переворота необходимо, чтобы в старом обществе созрели экономические условия его собственного разрушения, а также и предварительные условия нового общества, создающегося на развалинах первого. Глубоко, следовательно, ошибается как традиционный социализм, так и социал-демократический ревизионизм, когда они в абстрактных условиях *современного общества* желают найти условия новой социальной формации» (стр. 48).

Что это такое: «*абстрактные условия современного общества?* Каким образом «*условия*» какого-нибудь общества могут быть *абстрактными?* Это неизвестно ни нам с вами, читатель, ни нашему «глубокомысленному» автору. Далее. Та, выраженная Марксом, истина, на которую намекает здесь Э. Леонэ, имеет в действительности совсем не тот вид, какой получила она в приведенных мною строках. Маркс говорит, что ни одна общественная формация не сходит с исторической сцены прежде, чем разовьются те производительные силы,

которые могут развиться в ее недрах, и новая общественная формация никогда не занимает места старой прежде, чем возникнут необходимые для ее существования материальные условия. И под этими материальными условиями он опять-таки понимает соответствующее состояние производительных сил, ходом развития которых определяется, в конце концов, все общественное развитие. Маркс показывает, в чем заключается коренная причина общественных переворотов. Она состоит, по его учению, в том, что *производственные отношения* перестают соответствовать *состоянию производительных сил*: сначала данные производственные отношения *способствуют* развитию этих сил, а потом они *превращаются в препятствия* для него, и тогда начинается эпоха общественного переворота. Вот и все. Если отсюда можно сделать какой-нибудь вывод, то «раньше всего» тот, что г. Леонэ, несмотря на свое «реалистическое толкование исторического материализма», ровно ничего не понял в исторической теории Маркса.

Судите сами. Когда производительные силы данного общества приходят в противоречие с его производственными отношениями, это значит, что его *имущественные отношения* начинают тормозить развитие его производительных сил. Чтобы дать новый простор развитию общественных производительных сил, надо *изменить его имущественные отношения*. А что нужно для того, чтобы изменить их? Нужно, чтобы политическая власть из рук класса, заинтересованного в сохранении старой формы собственности, перешла в руки того класса, который заинтересован в создании новой ее формы. Это ясно, как божий день. А ведь этот переход политической власти в руки прогрессивного класса и означает собою «диктатуру» этого класса, ту самую диктатуру, одна мысль о которой казалась Бакунину гнусной изменой делу рабочего класса, и стремление к которой так решительно осуждает, вслед за Бакуниным, Э. Леонэ. Вот что называется попасть в точку!

Потом. Если политическая власть может способствовать изменению *форм собственности,* то это значит, что выросшая на «экономическом факте» надстройка может оказывать на него влияние с своей стороны. А наш автор уверял нас вслед за Бакуниным, что это невозможно, и что всякий, кто только позволяет себе допускать возможность указанного нами обратного влияния, совершает смертный грех против учения Маркса. Хорошо «реалистическое» толкование исторического материализма!

IX

Решив укрепиться на позиции «реалистически истолкованного» исторического материализма, г. Леонэ продолжает:

«Экономический базис социализма, таким образом, уже найден. При помощи целой плеяды своих правовых, социальных и политических институтов, опирающихся на государство, капитализм развивается в своей собственной промышленной *среде*. Социализму, следовательно, во что бы то ни стало, необходимо расцвесть именно в кругу этого капиталистического производства на той же экономической почве. Таковыми (каковыми? — *Г. П.)* являются в действительности лишь профессиональные организмы» (стр. 48).

Полюбуйтесь, какой вид приняла здесь «концепция» Маркса.

По Марксу, юридическая, политическая и т. д. «*надстройка*» вырастает на *экономической основе*. У Э. Леонэ, который уже «нашел» для социализма «экономический базис», *капитализм,* — т.-е. определенная совокупность производственных отношений, т.-е. как раз та экономическая «основа», на которой воздвигается «надстройка»,—развивается «при помощи правовых, социальных и политических институтов» (т.-е. «надстроек»), «*опирающихся на государство*». Другими словами, исторический материализм, получив «реалистическое» истолкование, кажется поставленным на голову. Впрочем, *только кажется*. Что такое эта «плеяда политических» и других «институтов»? *Это*,—между прочим,—*государство*. Выходит, стало быть, что капитализм развивается при помощи «институтов», «*опирающихся* на государство». Государство опирается не на экономическую основу, а... на государство. Это простая нелепость, свидетельствующая уже не о том, что Э. Леонэ искажает смысл Марксовой теории под предлогом ее «реалистического» истолкования,—«по нонешнему времени», это довольно обычное явление,—а о том, что, говоря об этой теории, он не вкладывает в свои слова ровно никакого смысла. Потому-то я сказал, что *только кажется,* будто он ставит ее на голову. Куда там! Ce serait trop beau!

Но и это еще не конец теоретическим злоключениям Э. Леонэ. Так как *капитализм* развивается в своей собственной промышленной среде, то, «следовательно», *социализм* непременно должен «расцвесть именно в кругу этого капиталистического производства». Вникнем в этот странный силлогизм.

Что называется *капитализмом*? Совокупность известных отношений производства. А что такое «своя собственная промышленная среда

капитализма»? Очевидно, та же совокупность тех же отношений. Что же хочет сказать Э. Леонэ, говоря, что капитализм развивается в своей собственной среде? Мне неизвестно, что собственно ему *хочется* сказать, но я знаю наверно, что ему не удается сказать ничего, кроме бессодержательной тавтологии.

Дальше в силлогизме г. Леонэ идет «то, следовательно», и т. д. Прежде , чем мы возьмемся за определение логической цены этого «следовательно», мы спросим себя: что понимает здесь наш автор под словом социализм?

Когда мы противопоставляем *социализм капитализму,* мы должны понимать под этим словом также не что иное, как *определенную совокупность производственных отношений.* Это именно такая совокупность производственных отношений, которая *заменит собою капиталистические производственные* отношения. Но если это так, «*то следовательно*», социализм решительно не может выполнить пред'явленное к нему нашим «революционным синдикалистом» требование: «расцвесть именно в кругу этого капиталистического производства». Расцвет социализма *предполагает* устранение капитализма. Сказать, что социализм должен расцвесть на той же экономической почве, на которой расцвел капитализм, значит сказать, что социализм должен расцвесть *на основе буржуазных имущественных отношений.* Но на почве этих отношений мог бы «расцвесть» *разве только* — сделаем уступку Э. Леонэ — *буржуазный* социализм.

А «профессиональные организмы»? Профессиональные организмы, это—вовсе не социализм; это—просто-напросто организации рабочих, борющихся с предпринимателями за лучшие условия продажи своей рабочей силы. Что эти организации полезны для рабочих *не только тем, что они служат им оплотом в их борьбе за лучшие условия продажи ими своей рабочей силы;* что они, как говорил когда-то Маркс, «являются организованными факторами упразднения системы наемного труда и господства капитала» [1])—это не подлежит ни самомалейшему сомнению; но это еще не делает их *социализмом.* И точно так же это еще не дает основания отвергать политическую борьбу во имя борьбы, ведомой «производительными организмами». И уж менее всего можно, отвергая «политику» во имя экономической борьбы, ссылаться на Маркса. В этом случае несравненно правильнее будет, как мы уже знаем, сослаться на М. А. Бакунина. У Маркса «экономика» совсем не исключает «политики». Наоборот!

[1]) Ср. *Г. Иекк (Г. Екк),* Интернационал, С.-Петербург 1906, стр. 41.

Маркс говорит: «Экономические отношения превратили сперва массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, по отношению к капиталу, масса является уже классом, но сама для себя она еще не класс. В борьбе сплоченная масса вырабатывается в класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами, но борьба между классами есть борьба политическая» [1]).

И как будто затем, чтобы не оставалось никакого сомнения насчет того, как смотрит он на «политику», Маркс с сочувствием указывает на *чартизм,* эту «большую политическую партию» английского пролетариата [2]), а на последней странице цитируемой мною книги он восклицает: «Не говорите, что социальное движение исключает политическое. Никогда еще не существовало политического движения, которое не было бы в то же время социальным!» [3]).

X

Вряд ли нужно приводить новые доказательства в пользу той, «до очевидности ясной», истины, что Э. Леонэ безусловно неспособен хоть немного разобраться в тех теоретических вопросах, о которых спорили ревизионисты с марксистами. Однако, это печальное обстоятельство не мешает ему гораздо больше сочувствовать ревизионистам, нежели марксистам. В сущности он тоже—дитя «кризиса», он тоже—плод ревизионизма. И он сам признает это, говоря: «на той же почве кризиса социализма сразу отметились два различных метода решения вопроса: один специфически-политический (реформизм), другой — исключительно экономико-социальный», т.-е. синдикализм (стр. 27).

Мы видели в первой статье, что такое же признание общности происхождения синдикализма и реформизма делает и Ар. Лабриола. И, как увидим ниже, та же общность признается и реформистом Бономи. Эти признания весьма знаменательны.

По словам Э. Леонэ, реформизм «легко брал верх над революционизмом на традиционной партийной почве», но, в свою очередь, не может устоять пред синдикалистской критикой.

[1]) «Нищета философии», стр. 140—141.
[2]) Там же, стр. 140.
[3]) Там же, стр. 142.

В чем же состоит разница между этими близкими родственниками? А вот в чем.

Реформизм отдаляет социализм «от его гранитных принципов в сторону демократии» (стр. 28).

Синдикализм,—т.-е. синдикализм, называющий и искренне считающий себя *революционным*,—противополагает этому «другое решение, которое при свете жизненного опыта и социальных фактов является единственным средством для предохранения социализма от вырождения в буржуазную софистику» (стр. 38).

Я согласен, что характеристика синдикализма остается здесь весьма сбивчивой. Поэтому продолжаю выписку:

«Как *реформистский*, так и *синдикалистский* пересмотр современного социализма—оба ставят себе одну и ту же задачу: согласовать *практику* с *принципами*. Бернштейнианский ревизионизм, произведший весьма тщательный анализ, против которого критика Каутского оказалась далеко не победоносной, установил следующую неопровержимую истину: социалистическая партия впала в явное противоречие: она исповедует социалистические принципы, но *практика* ее лишь демократична. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы согласовать эти два противоречивых элемента, путем включения в программу и в тактику новых демократически-социальных принципов, соответствующих этой демократической *практике*. Так рассуждает реформизм. Синдикализм, с своей стороны, констатирует то же самое. Он говорит: вся жизнь социалистической партии в излюбленной ею области политики ничем не отличается от демократии, за исключением лишь формального и отдаленного идеала. Сухое же подчеркивание какого бы то ни было отдаленного идеала далеко еще не может служить отличительной чертой для характеристики тех или иных социальных сил... Именно поэтому *практика* и должна быть согласована с социалистическими принципами; необходимо вернуть ее к своему (т.-е. к ее, г. Кирдецов! — *Г. П.)* базису чисто классовой борьбы, на почву производства, в рамки современной организации» (стр. 28—29).

Теперь дело становится гораздо яснее. Реформизм хотел бы превратить партию пролетариата в чисто демократическую партию, а синдикализм отбрасывает всякую «*политику*» и приглашает пролетариат сосредоточить свои усилия «на почве производства», т.-е. в области *экономической* борьбы.

Это так. И Э. Леонэ редко удается обнаружить подобную ясность мысли. Но дальше он опять сбивается.

«По требованию реформизма изменение должны потерпеть именно принципы; его об'ект («т.-е. задача, цель, г. Кирдецов! — *Г. П.)* носит, следовательно, преимущественно доктринерский характер; для синдикализма же речь идет, наоборот, об исправлении действия. Его миссия, таким образом, является существенно-практической» (стр. 29).

Подождите, не торопитесь, г. Леонэ! *Если дело обстоит так, как вы же сами его изображаете, то ведь не реформизм, а именно синдикализм отличается «доктринерским характером».*

«Тщательный анализ» Бернштейна, «против которого критика Каутского оказалась далеко не победоносной», утверждал, что взгляды «традиционного социализма» во многом не соответствуют *действительному* ходу общественного развития. И это чувствовали сами «традиционные социалисты», *практика* которых *именно поэтому* перестала соответствовать их *теории*. Но они все еще держатся за старую, опровергнутую жизнью теорию. И, благодаря этому, они попадают в противоречие с самими собою. Но если *теория* опровергается *жизнью,* то остается только *отказаться от теории.*

Так рассуждает «тщательный анализ» г. Бернштейна. И если только верны основные положения этого «анализа»; если старая теория в самом деле противоречит новому направлению общественного развития,—а вы сами, хотя и нерешительно, но в последнем счете все-таки признаете это, г. Леонэ,—то доктринер не тот, кто отказывается от *теории* в интересах *действия,* подсказываемого *самой жизнью,* а тот, кто не хочет отказаться от своих *«гранитных принципов»,* несмотря на то, что *жизнь* осудила их.

У реформистов было много грехов по части логики. Но *в этом случае* их вывод в самом деле надо признать безукоризненным: *если верно* все то, что говорили они, — со слов буржуазных экономистов, вроде Шульце-Геверница,—о ходе развития в современном капиталистическом обществе, то «гранитные принципы социализма» имеют столько же цены, сколько ее имеет прошлогодний снег. И жалкими, смешными, заранее осужденными на неудачу доктринерами должны быть признаны все те, которые усиливаются приладить свое «действие» к этим устарелым принципам.

Конечно, то, что говорили реформисты о новом направлении в ходе капиталистического развития, *не верно:* «тщательный анализ г. Бернштейна не может быть признан ни тщательным, ни, еще того менее, убедительным»; но ведь Э. Леонэ с этим отнюдь не согласен. Он, наоборот, думает, что по части относящегося сюда «анализа» сильнее г. Берн-

штейна «зверя нет». Поэтому у *него* не может быть другого вывода, как или перейти в лагерь реформистов и тем хоть отчасти, хоть немножечко помириться с логикой, или же окончательно поссориться с этой последней и преподносить рабочему классу, на каждом шагу противореча самому себе, ту поразительную путаницу понятий, ту совершенно неудобоваримую смесь из старого анархизма и новейшего манчестерства, которая называется у него теорией революционного синдикализма. Г. Леонэ не колеблется в выборе.

XI

«Новая форма развития общественного процесса, таким образом, уже найдена. Последний, как это видим, соответствует ортодоксальному марксизму, не ставится больше в зависимость от концентрации капиталов в руках все более уменьшающегося числа капиталистов, а зависит от степени развития этого специфически пролетарского органа, носящего в себе зародыш будущности человечества» (стр. 86).

Так говорил... Э. Леонэ. Само собою понятно, что «специфически пролетарский орган» есть профессиональный союз. Но спрашивается: разве же развитие профессиональных союзов не определяется ходом развития капитализма? Разве же рост и тактика этих союзов не зависит, между прочим, от концентрации капиталов? Зачем придумал Э. Леонэ это, ни с чем несообразное, противопоставление? И при чем тут злополучный, так сильно пострадавший от «тщательного анализа» г. Бернштейна, «ортодоксальный марксизм»?

Дело вот в чем.

Реформизм был, как выражается наш автор, «*омрачен* крушением предсказанной концентрации капиталов» (стр. 87). И это его «омрачение» не осталось без влияния и на родственного ему Э. Леонэ. «Глубокомысленный» теоретик синдикализма понимал,—хотя, по своему обыкновению, довольно смутно,—что «крушение концентрации капиталов» может, пожалуй, послужить доводом, между прочим, и против его собственных «гранитных принципов». И вот, чтобы подпереть эти неустойчивые, хотя и очень твердые принципы, он вспомнил об ортодоксальном марксизме.

У Маркса в «Нищете философии» (стр. 141 рус. перевода) сказано: «Из всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс». Вот за эти-то слова Маркса и ухватился Э. Леонэ, хотя и беззаботный насчет теории, но все-таки несколько «омраченный» ревизионистской критикой.

Он пустился в такое рассуждение: «В «Нищете философии» сам Маркс замечает, что из производительных сил наиболее сильной (наиболее сильная сила... Ах, г. Кирдецов!—*Г. П.*) является именно революционный рабочий *класс*. Но процесс, получающийся, как результат антитезы нормального производства (?!—*Г. П.*), не есть еще тот именно, который порождает определенный общественный переворот. Каждый день, в любую, можно сказать, минуту, в современной фабрике рабочая сила находится в противоречии со стремлениями капиталиста; каждый день проявляется неизличимый антагонизм между покупателем (капиталистом) и продавцом (наемным работником) производительной силы. Когда Маркс, следовательно (мы уже привыкли к тому, что у Э. Леонэ слово: «*следовательно*» является всегда совершенно некстати.—*Г. П.*), говорит о «социальном конфликте» между производительными силами и формой производства, как *о моменте* морфологического перехода от одной социальной эры к другой, то он имел в виду не эти повседневные столкновения антагонистических интересов, а—определенную коллизию между существующим общественным организмом (формой производства) и производительными (рабочими) силами, которые, в свою очередь, также сорганизованы в определенный организм» (стр. 81).

Эта тяжеловесная галиматья означает, что, согласно «реалистическому» истолкованию исторического материализма, все противоречие между производительными силами и производственными отношениями сводится к восстанию профессиональных союзов против существующего порядка вещей. И Э. Леонэ даже и в голову не приходит, что для своего благоприятного исхода борьба названных организаций с существующим порядком нуждается в наличности *известных об'ективных условий*, например, той же концентрации капиталов, которая, по словам нашего автора, потерпела «крушение». Маркс не ограничился тем замечанием, что сознательный пролетариат представляет собою наибольшую производительную силу. Он тотчас же прибавил, что общественный переворот «уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества». Но это существенное прибавление теряет всякий смысл в глазах Э. Леонэ, который вообразил, что понятие: «производительные силы» совершенно исчерпывается понятием: «сознательный рабочий класс». А потому и «социализм» Э. Леонэ приобретает особый,—«*волюнтарный*»,—характер, сильно сближающий его с покойным утопическим социализмом: в какую бы сторону ни направлялось экономическое развитие современного общества, это все равно, лишь бы у профессиональных союзов

была *воля* к овладению средствами производства. Даже лучше, если «концентрация капиталов потерпит крушение», а число лиц, заинтересованных в защите буржуазного государства, увеличится; тогда, по мнению г. Леонэ, будет «вырвана всякая почва из-под ног реформизма».

Это не нуждается ни в каких комментариях. «До очевидности ясно», что с Марксом нашему автору окончательно не везет, и что если он когда-нибудь воображал себя «ортодоксальным марксистом», то это было чистейшее недоразумение. Потому-то он и оказался бессильным против «кризиса», что этот последний застал его совершенно неподготовленным для суждения о выдвинутых полемикой теоретических вопросах. Бессильный, неловкий и беспомощный в вопросах этого рода, «глубокомысленный» Э. Леонэ поплыл по течению и круто повернулся спиной к оставшимся непонятными для него теориям «традиционного социализма». Но если на немецких ревизионистов влияли, главным образом, новейшие *немецкие* буржуазные экономисты, нисколько не восставшие против государственного вмешательства в экономическую жизнь общества, то Э. Леонэ,—как и Ар. Лабриола,—подчинился влиянию *итальянских «манчестерцев»* школы Панталеонэ-Парэто. Весь «социализм» Э. Леонэ зиждется на основных положениях, разрабатываемых этой школой «*чистой экономии*». А так как «чистая экономия» (economia pura) в лице своих главных представителей, приходит к существенно буржуазным выводам,—что, впрочем, вполне согласно с ее истинной природой,—то Э. Леонэ, подобно Ар. Лабриоле, подсыпает в ее пресную похлебку бакунистского перца. Мы уже знаем, как близко подходит «учение» Э. Леонэ к учению Бакунина. Теперь посмотрим, как относится оно к «чистой экономии».

XII

«Классическая политическая экономия,—говорит Э. Леонэ,—породившая *манчестерскую школу* [1]), вполне сходится с синдикализмом в следующем: государство, это—орган экономического разрушения, а не творчества; оно—препятствие, а не созидательный элемент для развития богатств... Отношение «*манчестерства*» к экономической деятельности государства в общем известно. Манчестерская школа полагает,

[1]) Подчеркнуто в русском переводе. В итальянском подлиннике (стр. 118) вместо манчестерства стоит: *liberismo*, но смысл остается, повидимому, тот же самый.

что вмешательство государства в экономические отношения может иметь своим следствием лишь расточение богатств и подмен высшего принципа коллективизма выгодой одного класса фаворитов» (стр. 91—93).

Если классическая экономия, породившая «манчестерство», вполне сходится «в этом отношении с революционным» синдикализмом, то следовало бы думать, что мы можем сказать и наоборот: «революционный» синдикализм «вполне сходится» в этом отношении с классической экономией, породившей «манчестерство». Но так могут думать только те, которые считают нужным подчиняться законам логики. А мы уже знаем, что Э. Леонэ нередко сбрасывает с себя тяжелое для него иго этих законов.

На стр. 148-й своей книги он пишет: «Laissez faire, laissez passer современного либеризма [1]) являлось революционной формулой, когда оно было произнесено устами Гурнэ и возведено в почетный ранг позднейшими классическими экономистами как раз ко времени образования государства [2]). Но в наши дни, когда последнее уже конституировалось и консолидировалось, как оплот и орган исключительной защиты господствующего класса, это laissez faire, laisser passer по отношению к государству становится, несомненно, реакционной формулой, принципом буржуазного самосохранения, вялой и дряблой нормой, которую необходимо отвергнуть во имя рабочего класса».

Вот тебе и «вполне сходится»! Что же это такое? Смеется что ли над своими читателями Э. Леонэ? Нет, он опять не умеет свести концы с концами в своих собственных рассуждениях!

Когда он говорил, что «вполне сходится», он просто выражал то тяготение к *«манчестерству»*, которое в чрезвычайно сильной мере свойственно ему вместе с другими «революционными» синдикалистами Италии и которое,—как мы скоро увидим это,— наложило свою глубокую печать на все его экономические взгляды.

А когда он об'являл основной принцип манчестерства реакционной формулой и дряблой нормой, он подчинялся тому неизбежному практическому соображению, что рабочий класс *не может не требовать* вмешательства государства в его отношения к предпринимателям.

[1]) Примечание для г. Кирдецова. На стр. 92 Вы перевели слово: *liberismo* словом: *манчестерство*. Теперь вы оставляете его без перевода, не предупреждая об этом читателя. Удобно ли это? Судите сами.

[2]) Г. Леонэ думает, что государство только еще начало «образовываться» к тому времени, когда был провозглашен принцип «laissez faire, laissez passer».

Поэтому если раньше, «вполне сходясь» с «манчестерством», он без всяких оговорок повторял, вслед за ним, что «вмешательство государства в экономические отношения может иметь своим следствием лишь расточение богатств», то теперь он видит себя вынужденным оговориться: «Некоторые поверхностные толкователи синдикализма,—замечает он теперь,—пытались вывести из его аналогии с манчестерством заключение о тщетности всякой деятельности в области социального законодательства. Но синдикальный либеризм отличается от другого (т.-е. от *сознательно-буржуазного.—Г. П.)* именно тем, что он пролетарский, классовый либеризм» (стр. 147). Это, конечно, еще довольно туманно, но читайте дальше: «Под давлением силы конкуренции между капиталом и трудом он стремится устранить всякий тормозящий фактор, всякое вмешательство государства в развитие этой специальной формы экономической конкуренции, из которой вытекает классовая борьба. Но именно поэтому он не может не интересоваться таким законодательством, которое придало бы противоположное направление процессу иерархического, запретительного и протекционистского вмешательства современного государства» (стр. 147 — 148).

Выходит, что «революционный» синдикализм видит себя вынужденным *добиваться социального законодательства* именно потому, что он стремится *устранить всякое вмешательство государства* в развитие этой специальной формы экономической конкуренции. Это опять до последней степени нескладно. Но это — чрезвычайно характерная нескладица. Она представляет собою как нельзя более яркое свидетельство о том, что в самом деле очень велика *«аналогия»* между *новым* и будто бы *революционным* «либеризмом», с одной стороны, и *старым, манчестерским* либеризмом с его «реакционной формулой» и с его «вялой и дряблой нормой» — с другой. Подумайте только! Влияние *старого* «либеризма» на *новый* доходит до того, что этот последний решается отстаивать самые неотложные, самые насущные требования рабочего класса только в том случае, если ему удается посредством жалкой и смешной игры слов оправдать эти требования *с точки зрения основного принципа старого манчестерства!* Это значит, что «аналогия» между этими двумя «либеризмами», как две капли воды, похожа на *идейную зависимость одного из них* (и именно того, который мнит себя революционным) *от другого*, от того, который никогда не шел дальше более или менее решительной *защиты интересов капитала*, и от которого теперь даже в Италии отлетел всякий дух серьезного протеста.

Что эта идейная зависимость в самом деле очень велика, доказывается также и той родственной нежностью, с которой наш «революционный либерист» говорит о буржуазном либеризме вообще.

«Либеризм, в лице его наиболее выдающихся эпигонов, — говорит он, — был в некотором отношении отрицанием классовой экономии, той вульгарной апологетики, которая, по мнению Маркса, задавалась целью открыть и формулировать лишь такие законы и такие аксиомы, которые не шли бы вразрез с полицейскими воззрениями» (стр. 93 — 94).

При чем тут «эпигоны»? Разве *эпигоны* либерализма были лучше его *родоначальников?* Конечно, нет! Э. Леонэ, как видно, написал это слово единственно потому, что оно подвернулось под перо. Потом. Либерализм никогда не был *отрицанием* той вульгарной политической экономии, которую Маркс осыпал своими сарказмами. Далее. Маркс осыпал эту экономию своими сарказмами вовсе не за то, что она будто бы задавалась целью открыть только такие законы, которые не противоречили бы полицейским «воззрениям». *Такой* целью эта экономия *никогда* и не задавалась. Ее апологетический характер обусловливался тем простым и общеизвестным обстоятельством, что она пыталась придать значение научных истин ходячим экономическим «воззрениям» тех самых «эпигонов» либерализма, в своем сходстве с которыми признается наш «революционный» синдикалист. Наконец. Апологетический характер этой экономии сказался еще и в том, что она хотела выдать себя именно за «отрицание классовой экономии», т.-е. в том, что она *скрывала* свой классовый, *буржуазный*, характер, выдавая себя за провозвестницу «вечных» истин науки, независимых от каких бы то ни было классовых отношений. И в этом случае ее *вульгарность* прекрасно шла в ногу с ее *либерализмом*. Короче: *«эпигоны» столь любезного Э. Леонэ манчестерства именно и были теми вульгарными экономистами, над которыми так едко смеялся автор «Капитала».*

Все это осталось совершенно неизвестным нашему автору, что, разумеется, нимало не уменьшает его развязности, — напротив: очень увеличивает ее [1]). Восхваляя либерализм, он продолжает:

---

[1]) Выше я уже привел несколько образчиков, показывающих размеры этой удивительной развязности. Вот еще два. Распространяясь о том, что он называет революционной немощью насилия, г. Леонэ ссылается на историю рабочего движения во Франции. Он говорит: «Бланкистское движение февральских, а затем июльских дней носило исключительно рабочий характер, и, тем не менее, несмотря на неустрашимый героизм» и т. д.—Нам не важно, что именно произошло благо-

«Эта черта свойственна, впрочем, всем революционным периодам: на их почве зарождаются смелые формы мышления, которые, пробираясь сквозь узкие классовые проходы, минуя горные хребты (sic!), постепенно приближаются к научным истинам. С этой точки зрения либерализм является, можно сказать, кульминационным продуктом *этих* революционных *моментов* жизни буржуазии» (стр. 94).

Итак, либерализм оказывается крайним выражением революционной энергии буржуазии. Исторически это совсем не так; но какое до этого дело Э. Леонэ! Для него важно то, что либерализм миновал узкие «классовые проходы» и даже «горные хребты» и приблизился к «научным истинам». Вот почему он расточает ему свои похвалы; вот почему он заканчивает свою хвалебную тираду следующим заявлением:

«Нет, следовательно, ничего удивительного, если и научная, органически цельно понятая *манчестерская школа отстаивает и освещает* те же экономические законы и те же формулы, которые служат положительной базой для синдикализма» (та же стр.).

Das also war des Pudels Kern!

В этом все дело! Только тут необходима некоторая поправочка. Известно, что многие граждане Соединенных Штатов не любят называть свой язык английским: у них выходит, что, наоборот, Англия говорит на языке Соединенных Штатов (United States language). Вот так и у г. Леонэ выходит, что манчестерская школа отстаивает те же принципы, на которые опирается синдикализм. Однако подобные наивности не изменяют, конечно, действительного отношения между явлениями. На самом деле язык Соединенных Штатов есть *английский язык:* и точно так же приведенное мною заключительное заявление г. Леонэ на самом деле должно быть понимаемо в обратном смысле: оно означает, что «революционный» синдикализм отстаивает и—по мере сил!—«освещает» те же экономические «законы» и те же «формулы», которые служат базой для архи-буржуазного манчестерства. И в этом состоит самая

даря «неустрашимому» героизму, но интересно то, что февральские и июльские дни оказываются *«бланкистским движением»*. Так пишут историю «революционные» синдикалисты! Впрочем, Э. Леонэ знает не только историю Франции, — ему хорошо известна также история Англии. Он сообщает своим читателям, что «крупные уличные манифестации чартистов, если их рассматривать с чисто эпизодической точки зрения, кончились неудачей», но что «обнародование всеобщего избирательного права, происшедшее в 1851 году», было подготовлено именно чартизмом. И это неслыханное «обнародование в 1851 году» — не описка переводчика: в подлиннике стоит тот же год (ср. стр. 201 подлинника и 157 перевода).

выдающаяся и наиболее достойная внимания черта современного «революционного» синдикализма в Италии. Мы уже столкнулись с нею при изучении «научных» взглядов Арт. Лабриолы. Теперь мы наблюдаем ее у Э. Леонэ.

XIII

Как мы уже знаем, «реалистическое толкование» исторического материализма очень сблизило нашего автора с покойным М. А. Бакуниным во взгляде на отношение политического «фактора» к экономическому. Это сближение равносильно теоретическому сближению «революционного» синдикализма с анархизмом. Но мы ошиблись бы, если бы предположили, что оно об'ясняется непосредственным тяготением теоретиков синдикализма к теоретикам анархизма. Если бы мы захотели внимательно исследовать, что именно заставило Э. Леонэ выдвинуть свое, в корне ошибочное, «реалистическое толкование», то мы увидели бы, что и здесь главным двигателем явилась непреодолимая для г. Лэонэ сила его тяготения к «манчестерству»: ведь то учение, согласно которому «*политика*» не может оказать ровно никакого влияния на «*экономику*», так хорошо подкрепляет и «освещает» собою манчестерский принцип государственного невмешательства! Правда, г. Леонэ не умеет последовательно держаться и этого принципа: мы уже знаем, что он высказывается также за социальное законодательство. Но мы знаем, кроме того, что даже и в защите этого законодательства он делает попытку опереться на основной принцип манчестерства: так трудно ему итти против Моисея и пророков [1]).

[1]) Надо помнить, что огромное большинство его товарищей совершенно отвергает социальное законодательство. На феррарском с'езде синдикалистов (30 июня—2 июля 1907 г.) принята резолюция, предложенная Марией Риджьер и гласящая, что социальное законодательство не только бесполезно для пролетариата, но и может повредить ему, ослабляя его сопротивление буржуазии и его веру в свои собственные силы. (См. «L'Azione Sindicalista», 2. VII. 1907). Таким образом, большинство итальянских синдикалистов показало себя принадлежащим к числу тех «толкователей синдикализма», которых г. Леонэ называет *поверхностными* (см. выше). Однако надо быть справедливым: как ни «поверхностны» итальянские синдикалисты, но неоспоримо то, что в данном случае *логика* на их стороне: исходя из основных положений их теории, *нельзя* отстаивать социальное законодательство. А если, с другой стороны, нельзя и не отстаивать его всем тем, которые хотят защищать интересы рабочего класса, то в *этом противоречии* сказывается тот очевидный факт, что *учение синдикалистов противоречит этим интересам*, как учение, опирающееся на принципы вульгарных апологетов буржуазного порядка вещей.

Не всегда заметное на первый взгляд влияние манчестерства дает себя чувствовать, однако, едва ли не во всех рассуждениях Э. Леонэ. Вот, например, он высказывает ту мысль, что если бы рабочая партия захватила политическую власть прежде, нежели представляемый ею класс достигнет надлежащей степени развития, то из этого не вышло бы ровно ничего хорошего в социалистическом смысле. Это до такой степени верно, что тут, повидимому, всякому здравомыслящему человеку остается только с ним согласиться. Но и эта верная мысль обставлена у г. Леонэ такими соображениями, которые показывают, что его никогда не покидает чисто манчестерское понимание общественно-экономической жизни. Рабочая партия, совершившая преждевременный захват власти,—говорит он,—«погибнет там, где *рабочий класс*, как экономическая категория производства, еще недостаточно созрел для автономного ведения производства общественных полезностей и для образования свободных добровольных договоров, соглашений и федераций между различными производительными группами под эгидой синдиката» (стр. 104). Как видите, критерием зрелости пролетариата является здесь способность этого класса организовать общественный процесс производства *на основе договора*,—старая прудоновская идея, с которою мы встретились уже в книге г. Ар. Лабриолы, и которая, как мы уже знаем, сама есть не что иное, как мелко-буржуазная утопия. Но эта утопия очень хорошо укладывается в рамки манчестерских предрассудков «революционного синдикализма», и потому совершенно понятно, что г. Леонэ держится за нее обеими руками.

А вот еще пример. Читатель помнит, может быть, как сильно возмущался наш «либерист» фаталистическим характером «традиционного социализма». Правда, этот будто бы фаталистический характер сочинен самими г. г. «либеристами»; но если наш автор восстает против «фатализма»,—хотя бы и им самим придуманного,—если он на каждом шагу выдвигает «*волюнтарный*» характер своего собственного учения, то мы, повидимому, имеем право ожидать, что нам не встретится в этом учении даже и легких следов фатализма. Но это, повидимому, справедливое ожидание не сбывается. Г. Леонэ пишет: «В наши дни рабочий класс стихийностью экономических законов создает первые ядра будущего «общества равных» именно в тех профессиональных союзах, которым предстоит организовать и дисциплинировать производство, свободное от всякой гегемонии сильного над слабым и от всякой опеки человеческой власти. И если сила, толкающая его на выполнение этой задачи, неизбежна, то неизбежен также и успех, неизбежна

также и конечная цель» (стр. 113). Если в этих словах имеется какой-нибудь смысл, то они означают, что освободительное движение рабочего класса есть закономерный, неизбежный процесс, порождаемый силою экономической необходимости. Но ведь именно это и говорит «традиционный» социализм! И именно за это г. Леонэ обвиняет его в непростительной склонности к фатализму. Где же справедливость? Почему наш «революционный» «либерист» резко осуждает в одном случае ту мысль, которую сам же он с убеждением повторяет в другом? Дело опять об'ясняется «аналогией» его взглядов со взглядами манчестерцев: экономические законы, «стихийность» которых имеет здесь в виду г. Леонэ, суть законы, возведенные в звание вечных истин манчестерской школой и особенно ее новейшей разновидностью—так называемой в Италии *чистой экономией*.

Какие же это законы? В книге, переведенной г. Кирдецовым на русский язык, о них говорится только мимоходом, несмотря на то, что мысль о них и здесь никогда не покидает г. Леонэ. Но им посвящена особая глава в другом его труде — в сочинении: «*L'economia sociale in rapporto al socialismo*». (Социальная экономия в ее отношении к социализму), Genova 1904. Нам полезно будет заглянуть в эту небольшую, но весьма интересную главу.

Основным законом политической экономии там об'является *закон наименьшего средства* (la legge del minimo mezzo). Закон этот состоит вот в чем. «Всякий человек стремится достигнуть наибольшей цели с помощью наименьшего средства (il massimo scopo col minimo mezzo). Другими словами, раз дано известное благо, то экономический агент (l'agente economico) стремится приобрести его с наименьшими издержками; а если издержки представляют собою определенную величину, то экономический агент стремится получить благодаря им как можно большую сумму благ» [1]). На этот основной закон *опираются, им об'ясняются* все остальные. Как многозначительно содержание этих остальных законов, видно из примера, приводимого нашим автором. «Раз дано определенное количество известного товара и раз существует агент, испытывающий определенную степень потребности в нем, то товар будет иметь известную стоимость» [2]). Оставляя в стороне вопрос о том, не лучше ли заменить в этой формулировке слово: *стоимость* словом—*цена*, нельзя не признать, что эта *истина* имеет тем большее право

[1]) «L'economia sociale» etc., p. 99.
[2]) Ibid., p. 98.

называться *вечной,* что она представляет собою простую тавтологию или, как говорят французы, une vérité à la Palisse. Но Э. Леонэ находит, что «старый социализм» очень ошибался, «*отрицая*» естественные законы, коренящиеся в самой природе человека и вытекающие из «органического принципа самосохранения» или даже «из механического принципа сохранения силы» [1]). Для назидания тех, которые вздумали бы усомниться в существовании этих вечных законов, г. Леонэ сообщает важное известие: он «*слышал*» (si racconta), что Вильфредо Парэто, — «один из наиболее выдающихся экономистов нашего времени«,—попросил одного из подобных скептиков сказать ему, есть ли во всем мире такая страна, в которой можно было бы купить какую-нибудь вещь, ничего не платя за нее [2]). Это в самом деле неопровержимый довод, так как *купить* вещь именно и значит *заплатить за нее известную цену*. Г. Вильфредо поразил своего собеседника посредством простой тавтологии, и эта простая тавтология представляется г. Леонэ одной из самых важных и самых «вечных» истин экономической науки.

Собеседник г. Парэто ничего не сумел возразить лозаннскому профессору, хотя и много путешествовал, как замечает наш автор. Я не знаю, где собственно путешествовал этот более или менее баснословный собеседник. Но если бы ему пришлось в своих странствованиях столкнуться, скажем, с цейлонскими веддами или с минкопами Андаманских островов, или с каким-нибудь другим охотничьим племенем, стоящим на такой же ступени экономического развития, то ему было бы известно, что эти дикари вообще не знают купли-продажи — по крайней мере, в своих взаимных *внутри-родовых сношениях* — и что они сплошь и рядом берут друг у друга «экономические блага», ровно ничего «*не платя за них*». Экономия этих первобытных племен целиком построена на началах *коммунизма*. А, между тем, ведь и эти дикари подчиняются «закону наименьшего средства», т.-е., раз поставив себе известную цель, стремятся достичь ее с возможно меньшими усилиями. Стало быть, этот «закон» сам по себе еще ничего не об'ясняет в *экономических* отношениях людей. Да оно и понятно: ведь это *психологический* или, как предпочитает сказать наш автор, *физиологический* закон, а *экономические* и вообще *социальные* явления так же мало могут быть об'яснены,—как таковые,—с помощью законов *психологии* или *физиологии,* как и с помощью законов *физики, химии* или *механики*. По-

[1]) Ibid., p.p. 99, 100, 101.
[2]) Ibid., p. 102.

литическая экономия есть наука о тех законах, которыми определяются взаимные отношения людей в общественном процессе производства, а эти взаимные отношения,—хотя они и предполагают, разумеется, наличность известных физиологических и психологических свойств человека, равно как и известные химические и физические свойства «неодушевленной» материи,—об'ясняются в последнем счете состоянием производительных сил в данное время и в данном обществе. В прогрессирующем обществе производительные силы растут, а вместе с ростом этих сил более или менее быстро изменяются также и производственные отношения, т.-е. экономическое устройство общества. И вот почему политическая экономия,—как справедливо заметил еще Энгельс в своей полемике с Дюрингом,—не может быть одинаковой для всех стран, времен и народов: это—наука по существу своему *историческая*. Кто забывает об этом, кто старается культивировать такую экономическую науку, законы которой имели бы такое же значение в современной Англии, как и в среде огнеземельцев или между туземцами Австралии, тот,—продолжает Энгельс,—не придет ни к чему, кроме нескольких самых пустых и пошлых общих мест. Но есть люди, в глазах которых пошлейшие общие места и бессодержательнейшие тавтологии имеют значение важных истин. К числу этих людей принадлежит и Леонэ. Он не только питает величайшее уважение к общим местам, выдаваемым за «чистую экономию» нынешним манчестерством, но и хочет построить на их основе свою собственную теорию социализма. Так как общие места и тавтологии кажутся ему общими истинами, независимыми от условий времени и места, то он убежден, что, опершись на них, теория социализма приобретет прочность гранитной скалы.

XIV

И вот он берется за дело следующим образом.

«Соответственно гедонистскому постулату (т.-е. уже известному нам «закону наименьшего средства».—*Г. П.*), каждый экономический агент [1]) стремится достигнуть известной, выраженной в материальных благах суммы удовлетворений, равной той, которую (которой.—*Г. П.*) достигает другой, подобный ему, агент. На самом деле, если по закону конку-

[1]) Г. Кирдецов почему-то заменил слово «*агент*» словом «фактор». Но я не вижу в этом надобности, хотя и понимаю ту ассоциацию идей, которая побудила г. Кирдецова отказаться от «агента».

ренции... экономический агент *A* получает большую прибыль, чем *B*, то последний, с своей стороны, будет стремиться перенести свою деятельность в ту же область и в тех формах, что первый; символизируя же в *A* экономическую категорию капиталиста и в *B* — экономическую категорию пролетария, выходит, что *B* должен стремиться конкурировать с *A*. Следствием этого должно явиться уравнение прибылей обоих; однако, этот результат предотвращается тем благоприятным для *A* обстоятельством, что он, *A*, обладает внешними орудиями труда, в то время как *B* их всецело лишен. Но *капитал*, присвоенный *A*, есть не более, как препятствие: он не разрушает у *B* той силы эгоизма, которая побуждает его конкурировать с *A* [1]). Вследствие этого *B* и все находящиеся с ним в равных условиях индивидуумы производят давление с тем, чтобы устранить препятствие. Таким образом борьба сгруппированных в синдикаты единиц *B* вызывается *идентичной* силой в каждой отрасли промышленности. Эта именно идентичность и дает *синдикату* возможность развить полностью все силы классовой борьбы» (стр. 107).

Борьба эта приводит к экспроприации капиталистов, являющейся, с точки зрения нашего синдикалиста, не чем иным, как устранением того препятствия, которое мешает «экономическим агентам» воспользоваться всеми великими выгодами свободной конкуренции. Капитализм устраняется, как система, изменившая «вечным» заповедям буржуазного способа производства! Это бесподобно.

В книге «*L'economia sociale*» та же бесподобная мысль излагается много яснее и много короче. И там общество *мелких товаропроизводителей* («общество равных», по терминологии нашего итальянского Бабёфа — sui generis) принимает самый идеальный вид.

«Человек—эгоист. Поэтому он всегда старается употребить минимум часов (труда) для приобретения наибольшего удовольствия (продукта). И так как каждому человеку свойственно то же самое эгоистическое стремление, то никто не имеет возможности получить такую долю продукта, которая превышала бы доли, получаемые другими за такое же количество труда: если кто-нибудь откроет где-либо такую область применения труда, в которой он получит больший продукт, то другие эгоисты направят свои силы в ту же область и своей конкуренцией сделают то, что его продукт будет пропорционален его

[1]) Тут перевод «талантливого» г. Кирдецова из рук вон плох, и я вынужден исправлять его для того, чтобы сделать понятной читателю мысль Э. Леонэ.

труду. Вот почему при полноте конкуренции (data la completa concorrenza) всех людей все получают при равной единице издержек равную единицу продукта. Иначе сказать, собственность, или владение каждого (la proprieta o possesso di ciascuno), является результатом его собственного труда, и никто не получает прибылей от эксплуатации другого» [1]).

Словом, царство «полной конкуренции между людьми», очевидно, и есть та конечная цель, к которой должно стремиться современное рабочее движение. Но что же мешало до сих пор этому *идеальному* царству стать *действительным* царством? И что мешает теперь человечеству насладиться полнотою конкуренции? Ответ крайне прост и до прозрачности ясен: имущественное неравенство, монополия, капиталистическая собственность. Эта собственность препятствует установлению естественной гармонии интересов и вносит диссонанс в общественные отношения [2]). Она должна быть устранена, и только ее устранение даст надлежащий простор действию открытых либеральной школой естественных законов общественной экономии.

Так рассуждает наш автор [3]). И, опираясь на это свое рассуждение, он с торжеством об'являет, что «гедонистико-математическая экономия» (т.-е. манчестерство наших дней.—*Г. П.*) дает гораздо более сильное оружие критики капиталистической прибыли, нежели то, которое было выковано Марксом [4]). Я не стану разуверять его в этом; мне довольно указать на то, что его увлечение новейшей разновидностью манчестерства нисколько не ослабляет его «сродства» («l'affinità) с манчестерством доброго старого времени и даже с Бастиа, который называется у него представителем *оптимистического* направления в либеральной школе [5]). Я не знаю, читал ли г. Леонэ сочинения Бастиа, но всякий, кто внимательно прочитает «Социальную экономию» г. Леонэ, должен будет признать, что итальянский «революционный» синдикалист находится под сильнейшим,—непосредственным или

[1]) «L'economia sociale», p. p. 190—193.

[2]) Ibid., p. p. 191—192.

[3]) Сообразно этому своему рассуждению Э. Леонэ выставляет против капитализма тот упрек, что существование капиталистической прибыли «препятствует эгоистической деятельности человека» (стр. 199). Выдвигая этот упрек, он, разумеется, воображает, что чрезвычайно ловко поймал на слове буржуазных экономистов.

[4]) Ibid., p. 205.

[5]) Ibid, p. 119.

посредственным, это в данном случае все равно, — влиянием самого вульгарного и самого поверхностного из всех буржуазных экономистов «Франции и Наварры» [1]).

XV

Читатель знает, конечно, что г. С. Булгаков в своем «хождении по верам» попятился от марксизма к идеализму и даже, как прибавляют некоторые злые языки, к Саровской пустыни. О г. Леонэ приходится сказать, что он в политической экономии попятился от Маркса к Парэто и даже к Бастиа. В этом попятном движении, в этом *возврате к вульгарной экономии,* и заключается едва ли не важнейший теоретический результат того, что называется у нашего автора *синдикалистским пересмотром Маркса.* Я предоставляю читателю судить о том, какой именно знак следует поставить перед этим результатом: положительный или отрицательный, *плюс* или *минус,* и ограничусь вот каким замечанием:

«Революционные» синдикалисты гремят против «*интеллигенции*», которая, по их словам, только вносит смятение в ряды пролетариата, только сбивает его с правильного пути. И нельзя не признать, что *некоторая доля* упреков, посылаемых ими по адресу «интеллигенции», имеет вполне достаточное основание: участие интеллигенции в рабочем движении полезно для пролетариата *лишь при наличности известных условий, а когда эти условия отсутствуют, оно становится вредным, потому что тогда оно не ускоряет развития пролетарского самосознания, а замедляет его.* В числе этих условий самое главное место занимает *независимое, критическое отношение сближающейся с пролетариатом интеллигенции к идеологам господствующего класса.* «Интеллигент» может быть полезен рабочему классу *преимущественно,*—что бы не сказать *только,*—в качестве «*идейной* бациллы», т.-е. в качестве *идеолога.* И именно потому, что его роль может быть почти исключительно только ролью такой «бациллы», он непременно должен «совлечь с себя ветхого человека», непременно должен освободиться от влияния идеологов того класса, господству которого и надо положить конец. В противном случае «интеллигент» сам делается проводником идейного влияния этого класса, т.-е. сам будет способствовать *идейному*

[1]) Для примера рекомендую прочитать 84 страницу, где с серьезным и глубокомысленным видом повторяется одна из самых жалких пошлостей Бастиа, которой по всей справедливости возмущался Родбертус в своей переписке с Лассалем.

подчинению пролетариата буржуазии, т.-е. сам будет работать против той цели, которую он поставит себе, примыкая к рабочему движению. Но «совлечь с себя ветхого человека» вовсе не так легко, как это кажется многим и многим «интеллигентам». Для этого вовсе недостаточно заучить то положение, что интересы пролетариата враждебно противоположны интересам буржуазии и т. п. Для этого, вообще, недостаточно *запомнить* известные «*лозунги*», *заучить* известный *катехизис.* Заучивание и запоминание есть дело *памяти,* а тут с одной памятью ничего не поделаешь: тут необходимо *думать;* тут надо самостоятельной работой мысли составить себе стройное и последовательное миросозерцание, тут необходимо осветить все свои воззрения светом одного основного, всеохватывающего принципа. И в этом-то и состоит беда «интеллигенции», желающей добра рабочему классу; в этом-то месте и лежит камень ее преткновения. К самостоятельному и вполне последовательному мышлению способны лишь очень немногие ее представители, а девяносто пять сотых из них имеет,—чтобы употребить выражение покойного Каронина,—*пестрые мысли,* при чем эти «пестрые мысли» на половину или даже на три четверти заимствуются у той самой буржуазии, с которой пролетариат борется за свое освобождение. Таким образом, большинство «интеллигентов», примыкающих к пролетариату, всегда в большей или меньшей степени способствует распространению идей, вырабатываемых идеологами буржуазии. Иногда распространение такого рода идей ограничивается собственной средой «интеллигенции» и, повидимому, не имеет никакого практического значения: люди увлекаются декадентской поэзией, идеалистической философией и прочими продуктами современной умственной жизни «образованного» класса. Но не говоря уже о том, что самая возможность подобных увлечений свидетельствует о духовном сродстве переходящих на сторону рабочего класса «интеллигентов» с идеологами буржуазии, нужно помнить, что под нейтральным флагом взглядов, повидимому, не имеющих никакого отношения к борьбе классов в нынешнем обществе, «интеллигенты», зараженные этими взглядами, всегда проводят в рабочую среду много идей, самым непосредственным образом связанных с практическими вопросами движения. Но и это не самое важное. Самое важное то, что нынешняя интеллигенция,—и это можно, я думаю, сказать об интеллигенции всех цивилизованных стран,—обладая огромным идейным любопытством, побуждающим ее жадно бросаться на всякую идейную новинку, вместе с тем отличается ничтожной способностью вдумчивого *критического отношения к новым идеям.* Вследствие этого она сплошь

и рядом усваивает под видом новых и важных открытий в общественных науках,—и даже «вечных истин»,—такие теории, которые придумываются или откапываются в складах *идейного старья* исключительно с целью защиты отживающего свой век буржуазного порядка. Как на яркий пример печальных недоразумений этого рода, можно указать на усвоение теории новейшего манчестерства,—«чистой экономии»,—многими из «интеллигентов», искренно мнящих себя преданными и надежными идеологами пролетариата. Когда дело доходит до этого, тогда мнимые идеологи подобного калибра, несмотря на свои более или менее горячие пролетарские симпатии, становятся непосредственными проводниками буржуазных предрассудков в умы рабочих, и тогда нужен только ничтожный, иногда чисто случайный повод для того, чтобы начался идейный «кризис»... в среде тех же мнимых идеологов пролетариата. Такой «кризис» имел место несколько лет тому назад вследствие появления в печати нескольких пустых статей и одной плохой брошюры г. Э. Бернштейна.

Выступление в роли «критика Маркса» г. Э. Берштейна, т.-е. одного из тех людей, которых, по недоразумению, считали сведующими марксистами, всколыхнуло в Европе и Америке многое множество-таких «интеллигентов», которые, идя в рядах пролетариата, не имели, однако, ни охоты, ни способности для понимания и усвоения пролетарской идеологии нашего времени. Эти «интеллигенты» решительно восстали против «Марксовой догмы» и начали,—как говорится,—валить с больной головы на здоровую. Всякий пробел в их собственном понимании учения Маркса об'являлся недостатком, свойственным этому учению; всякий теоретический предрассудок, благоприобретенный путем духовного сближения с идеологами буржуазии, провозглашался важной научной истиной, оставшейся неизвестной Марксу и недоступной пониманию его нынешних последователей. Кажется, никогда еще не было на рынке идей такого сильного спроса на отжившие взгляды, общие места и бессодержательные тавтологии, и никогда еще люди, оперировавшие с духовными «ценностями», не стремились так сильно «*назад*»... под предлогом *поступательного* движения...

Мы уже знаем, что «революционный синдикализм» является одним из плодов этого, по-своему *бурного* времени. Этого не отрицает ни один из двух уже известных нам итальянских его теоретиков, т.-е. ни Арт. Лабриола, ни Э. Леонэ. Но ни тот, ни другой, конечно, не согласился бы признать, что свойства этого плода об'ясняются прежде всего недостатками того слоя итальянской интеллигенции, который, примыкая

к рабочему движению, носит, однако, густую и длинную буржуазную косу за своей спиною. А, между тем, так оно и есть на самом деле. Чтобы понять итальянский «революционный синдикализм» с его идейной стороны, надо знать, что каждому «интеллигенту» [1]), культивирующему теорию этого синдикализма, свойственны два атрибута: во-первых, крайне слабое понимание «традиционного социализма» вообще и марксизма в частности; во-вторых, непреодолимое духовное сродство, «affinità», с известной разновидностью идеологов итальянской либеральной буржуазии. Кто не забывает об этих атрибутах, тот, хотя и с большим трудом, — известно, что нет ничего труднее, как вдумываться в учения, лишенные внутренней стройности,—но все-таки может дать себе полный отчет в названном синдикализме как в идейном явлении.

Злая ирония судьбы заключается здесь в том, что именно тем самым людям, которые особенно громко кричат против интеллигенции, в высочайшей степени свойственны ее наиболее вредные и наиболее жалкие слабости.

XVI

«Вечные истины», возвещаемые новейшим «манчестерством», тощи, как знаменитые библейские коровы. С их помощью не может быть об'яснено никакое историческое явление. А так как с явлениями этого рода г. Леонэ все-таки приходится иметь дело, по крайней мере там, где подымается речь о ходе и задачах современного рабочего движения, то он видит себя вынужденным снова и снова обращаться к Марксу и снова всячески терзать его учение для того, чтобы приспособить его к своей точки зрения «либериста».

Так, говоря об отношении *экономической* борьбы пролетариата к его *политической* борьбе, Э. Леонэ приписывает Марксу ту мысль, что всякая *экономическая* борьба есть борьба политическая (стр. 132). Но Маркс сказал, что всякая *классовая* борьба есть борьба политическая. А это совсем другое. Это значит вовсе не то, что понятие *политической* борьбы всегда покрывается понятием борьбы экономической, а, *наоборот,* то, что когда экономическая борьба, мало-по-малу расширяясь и углубляясь, принимает, наконец, размеры движения целого класса против порабощающих его производственных отношений, тогда она

[1]) Как известно, итальянский «революционный» *синдикализм* есть движение «интеллигентское» по преимуществу. Рабочие же *синдикаты* идут в Италии, главным образом, за реформистами.

должна стать политической борьбой,—борьбой за обладание политической властью. Коренное изменение нынешнего способа производства, устранение свойственных капитализму производственных отношений, невозможно до тех пор, пока политическая власть находится в руках класса, существенно заинтересованного в их сохранении. Потому-то учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих и указывал пролетариату на завоевание этой власти, как на «великий долг трудящихся классов». Но само собою разумеется, что Э. Леонэ при своем «реалистическом» понимании Маркса не может признать эту мысль в ее истинном и прямом значении. Он подвергает ее логической пытке для того, чтобы добиться от нее показаний в духе «либеризма».

«Первая формулировка марксистской мысли,—говорит он,—заключалась в завоевании политической власти рабочим классом. Значительно углубляя значение термина «завоевание», научный синдикализм дает ему наиболее правильное истолкование, соответствующее, впрочем, и буквальному его смыслу. В своей односторонней избирательной деятельности социалистическая партия исказила первоначальное практическое значение принципа завоевания власти тем, что смешивала власть с конституированным государством буржуазии, т.-е. с использованием государственных механизмов буржуазии» (стр. 135—136).

Что хочет наш автор сказать словами: «смешивала власть с конституированным государством буржуазии»? В чем здесь «смешение»? Где ошибка? В том ли, что «конституированное государство» считается «механизмом» власти господствующего класса? Но это есть не более, как простое признание факта, потому что ведь государство, в самом деле, служит таким механизмом, как это признает, впрочем, и г. Леонэ, несколькими строчками ниже сам же ссылающийся на слова Энгельса: «государство, это—та организация, которая предпринимается [1]) буржуазным обществом для сохранения в целости общих условий системы капиталистического производства». Или, может быть, ошибка заключается здесь, по мнению г. Леонэ, в том, что неприятная ему партия считала возможным «использовать» для своих целей созданный развитием буржуазного общества государственный механизм, не делая в нем никаких изменений? Если это так, то г. Леонэ опять говорит *«то, чего не было»*, так как еще генеральный совет Международного Товарищества Рабочих в своем манифесте по поводу Парижской Коммуны [1]) категорически высказался в том смысле, что рабочий класс не может просто завладеть современным государственным механизмом и употребить его, как орудие общественного переустройства, но что ему необходимо переделать сообразно со своею целью само это политическое орудие. И со времени появления этого манифеста,—написанного, как известно, в 1871 году,—вряд ли кто из социалистов сомневался в этом, кроме разве некоторых «критиков Маркса».

[1]) Примечание для г. Кирдецова. Слово: «предпринимается» тут совсем неуместно, сказали бы вы хоть «создается».

Всякое орудие должно соответствовать той цели, которой оно служит. Это вполне понятно; но не менее понятно и то, что невозможно переделать никакое орудие, не взяв его в руки, не овладев им, не получив возможности распорядиться им по своему усмотрению. А эта «вечная истина» опять ставит нас лицом к лицу с вопросом о завоевании политической власти. И, чтобы разделаться с этим неотвязным «проклятым вопросом», г. Леонэ дает, наконец, следующий ответ на него:

«Не какая-нибудь более или менее многочисленная социалистическая фракция, не та или иная более или менее революционная социалистическая партия завоевывает и пользуется государственным механизмом для передачи ему управления производительными силами. Завоевание, или, лучше, приобретение государственной власти пролетариатом заключается в том, что последний непосредственно возводится во время революционного периода, во время перехода от настоящего к будущему, в руководители производством. Социалистическая революция, таким образом, означает перемещение общественной оси с политического управления государства на центральную власть пролетариата, т.-е. на ту пролетарскую власть, которая, как внутренний механизм, рождается из стихийной федерации всех его естественных органов—синдикатов» (стр. 136).

Но ответ ли это, полно?... Что это значит: переместить общественную ось с политического управления государства на центральную власть пролетариата? Если тут есть какая-нибудь мысль, то она так закутана в неуклюжую, беспомощную, псевдоученую терминологию, что до нее чрезвычайно трудно добраться. Общественная ось «переместится» на центральную власть пролетариата. Пусть будет так. Но, стало быть, «во время перехода от настоящего к будущему» у нас будет *власть* и притом центральная. Чем же эта власть отличается от той, о завоевании которой говорил учредительный манифест Интернационала? Как видно, тем, что она не будет иметь ***политического*** ха-

[1]) Автор этого манифеста был тот же Маркс.

рактера; иначе не имели бы смысла слова: «перенесение общественной оси с *политического* управления» и т. д. Но если центральная власть пролетариата не будет иметь *политического* характера, то как же должны мы представлять себе ее свойства? Э. Леонэ отделывается указанием на то, что пролетариат «непосредственно возводится в руководителя производством». Но какой смысл имеет здесь слово: *непосредственно?* Оно, очевидно, может иметь *только* один смысл: пролетариат «возводится» и т. д., *не завладевая* государственною властью; пролетариат *минует, обходит* эту власть в своем стремлении сделаться руководителем производства. Но ведь это легко сказать: *минует, обходит* государственную власть. А что, если она захочет *помешать* этому обходному движению? И ведь очень вероятно,—лучше сказать: вполне достоверно,—что она захочет, что она *не может не захотеть* помешать ему. Ведь мы с г. Леонэ очень хорошо знаем, что она именно затем и существует теперь, чтобы охранять капиталистический способ производства. Значит—столкновение неизбежно. А раз оно неизбежно, то нам остается только представлять его себе или на анархический лад—в виде *разрушения* государства, или же так, как представлял его себе автор «учредительного манифеста», т.-е. в виде *завоевания* пролетариатом *политической власти,* которая и употребляется им, *«как средство»* для достижения его «конечной», *экономической* цели. Третьего выхода нет и быть не может, и если г. Леонэ все-таки ищет его, если он все-таки надеется открыть его с помощью своей неуклюжей и тяжеловесной, псевдоученой фразеологии [1]), то он этим показывает лишь полную неспособность свою к ясному мышлению.

Кроме того, интересно знать, будет ли иметь «центральная власть» пролетариата *принудительный* характер? Если—*нет*, то что же изменится в том случае, когда ее совсем не будет? И чем отличается «концепция» нашего синдикалиста от старой, избитой анархической «концепции»? А если—*да,* то новая власть явится именно *политической* властью, о «приобретении» которой мы и ведем беседу с г. Леонэ. Правда, к «концепции» этой власти нас приведет окольный и весьма рискованный путь обхода существующей власти; но «концепция» все-таки будет налицо, и ее наличность лишний раз покажет нам, что даже «научные синдикалисты» не могут придумать такого способа устранения капитализма, который сделал бы излишним «приобретение» политической власти пролетариатом. Другими словами, в этом случае,—

[1]) Еще Пушкин справедливо говорит, что «тяжки слова пустые».

в случае признания принудительного характера интересующей нас власти,—мы придем к тому же, к чему давно уже пришел основатель Международного Товарищества Рабочих, но придем через болото манчестерского принципа государственного невмешательства и через пустыню анархического отрицания «политики», а это уж, конечно, не может способствовать прояснению наших понятий.

Однако будем справедливы. В основе того, что наговорил нам об этом предмете г. Леонэ, лежит дельная мысль, только выражена она очень плохо, вероятно, потому, что слишком плохо продумана. С устранением капиталистических отношений производства исчезнет разделение общества на классы, а с его исчезновением мало-по-малу изменится и характер той принудительной власти, от которой не может отказаться и никогда не откажется ни одно общество, желающее сохранить свое существование. Функция этой власти все более и более станет сводиться к *простому заведыванию производством,* вследствие чего власть эта все менее и менее будет походить на государственную власть, свойственную разделенному на классы обществу, и все более и более будет становиться выражением «общественного разума». Не *анархия,* а *панархия* является «конечной целью» политического развития человечества. Но существование нового общества,—с иными, новыми, отношениями производства,—составляет необходимое *предварительное* условие такого развития. А новое общество не возникнет, если пролетариат не приобретет политической власти. Вот почему смешно и нелепо было бы начинать с «разрушения государства», а еще смешнее, и еще нелепее—с его *игнорирования.*

Наконец, обратим внимание еще на следующее место в сделанной мною выписке. По словам г. Леонэ, власть должна быть «приобретена» не какой-нибудь *фракцией* или *партией*, а всем рабочим *классом.* Но если рабочий начнет стремиться к «приобретению» политической власти; если он выступит на арену политической борьбы, то он по необходимости сложится в *политическую* партию, партию рабочего класса. Другого пути нет. В *политической* борьбе без *политических* партий дело обойтись не может. Я знаю, разумеется, обычные разглагольствования синдикалистов на ту тему, что если уж необходима политическая борьба, то ее может вести федерация профессиональных союзов (синдикатов). Леонэ тоже говорит о такой федерации, называя ее к тому же *стихийной:* именно стихийная федерация синдикатов должна «приобрести», по его мнению, центральную власть. Но что значит—*«стихийная»?* Об этом очень стоит потолковать с г. Леонэ.

XVII

Обратимся опять к его книге «Синдикализм». В ней на стр. 118 говорится:

«Профессиональный синдикат, вытекающий из основного *факта* экономии, именно как необходимость, а не в силу чудесного влияния идей, придуманных в рабочем кабинете какого-нибудь утописта или любого социального апостола,—таким образом, синдикат становится тигелем классового сознания. Это сознание, плазмирующее и направляющее сознательную волю ассоциированных рабочих по направлению общества равных, не есть идеалистическая зараза, словесно произведенное распространение идей некоторых ясновидящих, предусмотрительных лиц, а само дитя дела, действия и синдикальной практики» (стр. 118).

Я не хочу останавливаться здесь на отмеченной уже мною выше неизлечимой внутренней противоречивости *философско-исторических* идей нашего автора; я не буду толковать о том, что сам себя побивает тот человек, который, стремясь придать рабочему учению «*волюнтарный*» характер, в то же время приурочивает все свои упования к *силе необходимости, противополагаемой им сознательным действиям отдельных лиц;* я не стану спрашивать, имеет ли сторонник «*волюнтарности*» логическое право презрительно говорить о «*распространении идей*». Я только отмечаю приведенные мною строки и читаю дальше:

«Из густых туч, если так позволительно выразиться, слепых интересов, толкающих рабочие массы к улучшению своих условий существования, выливается позже свет классового сознания; это совершается не вопреки прямому и частному эгоизму рабочих, а через посредство его выражения и благодаря его проявлению внутри неизбежной формы профессионального союза» (стр. 119).

Оставляя в стороне вопрос об эгоизме («закон об эгоизме», по странному выражению г. Кирдецова), мы видим, что профессиональный союз должен стремиться *охватить всех тех рабочих, которые, под влиянием «основного факта экономии», хотят бороться за улучшение условий своего существования.* И г. Леонэ тут совершенно прав, что с ним крайне редко случается. Эта «*стихийная*» борьба за улучшение условий существования ведет к тому, что «позже» из «густых туч слепых интересов выливается свет классового сознания». Это тоже вполне правильно, хотя и выражено нелепо, напыщенным «штилем». Но тут-то мы и подходим к ядру вопроса.

Дело в том, что не у всех же рабочих, об'единенных синдикатом, свет классового сознания выливается в одно и то же время из «густых туч» и т. д. Само собою понятно, что у одних этот свет «выливается» *раньше,* у других—*позже:* одни *уже* понимают необходимость устранения капиталистических отношений производства, а другие задумываются *только* о том, чтобы улучшить условия своего существования на основе капиталистических производственных отношений; в головах одних *уже* возникли правильные общественные взгляды, между тем как в головах других таких взглядов *пока еще* нет. И как ни пренебрегает наш «*волюнтарный*» автор *идеями,* но ясно, что и ему полезно спросить себя, нельзя ли как-нибудь «использовать» сознательность *передовых* рабочих. Я знаю, разумеется, что, по его мнению, сознательные рабочие должны, действуя в профессиональном союзе, толкать вперед бессознательных, способствовать прояснению их «светом классового сознания». И я очень рад, что он так думает: это показывает, что даже он, так плохо понимающий *в теории* историческое значение *идей,* все-таки видит себя иногда вынужденным отвести им *на практике* очень важную роль. Но я утверждаю, что, по своему печальному обыкновению, он и здесь не умеет быть себе верным. У него выходит, что передовые рабочие, понявшие, в чем состоит конечная цель движения, должны ограничиться деятельностью в профессиональных союзах. Но это было бы невыгодно для того же движения. Для него будет гораздо лучше, если передовые рабочие, *продолжая свою деятельность внутри* профессиональных союзов, в то же самое время сплотятся *в особую организацию,* которая явится как бы *авангардом* пролетариата. Отличительной чертой этого авангарда явится именно его сознательность, понимание им конечной цели движения. Если в профессиональный союз будут привлекаться,—и непременно *должны* привлекаться,—между прочим, и такие пролетарии, которые подчиняются только «закону об эгоизме» и думают только о наиболее выгодных условиях продажи своей рабочей силы, то в передовой отряд пролетариата войдут,—и непременно должны войти,—такие пролетарии, которые смотрят на дело уже не с точки зрения *личного или профессионального* «эгоизма», а с точки зрения «эгоизма» классового, который в данном случае совпадает с самым широким *альтруизмом,* потому что интересы рабочего класса совпадают теперь с интересами всего человечества, за исключением эксплоататоров. Передовой отряд пролетариата будет освещать дорогу всей пролетарской массе и вести борьбу за интересы всего класса в его целом. Он будет представителем классовой борьбы по преимуще-

ству. И один он только и может представлять ее надлежащим образом именно по той причине, что пока еще только он и сознает с надлежащей ясностью и широтою ее задачи: ведь это признает, — да что признает!—это категорически утверждает сам г. Леонэ. «Но всякая классовая борьба есть борьба политическая». Поэтому наша организация передовых рабочих, ведущая борьбу за интересы всего класса, а не за интересы отдельных *групп* или отдельных *профессий,* по необходимости примет политический характер, т.-е. станет или будет стремиться стать *политической партией.* Это до такой степени неизбежно, что процесс выделения в политическую партию рабочих, понявших конечную цель движения и условия осуществления этой цели, начинается, так сказать, самопроизвольно всюду, где сознание организованных в профессиональные союзы рабочих приближается в своем развитии к той точке, которую я охотно назвал бы точкой перехода количества в качество, стихийности в сознательность, чисто экономической борьбы в борьбу политическую, служащую средством великого экономического преобразования. Пример: современная Англия, особенно недавний Гулльский конгресс английской рабочей партии.

И именно потому, что этот процесс неизбежен, неразумно, нерасчетливо, вредно пытаться избежать его, а полезно, разумно, расчетливо способствовать тому, чтобы он совершился с возможно большей выгодой для всего движения. А еще того более следует избегать тех ошибок, которые могли бы сделать этот необходимый переход источником смуты и раскола. А источником смуты и раскола он становится каждый раз, когда начинается *противопоставление* партии профессиональным союзам. Такое противопоставление может произойти двояким путем: во-первых, можно пренебрегать *партией во имя союзов;* во-вторых, можно пренебрегать *союзами,* смотреть *на них* сверху вниз *во имя партии.* В первом повинны итальянские и другие *синдикалисты;* во втором—некоторые из наших российских *будто бы марксистов.* И те *и другие* сильно вредят движению, так что отрицательное отношение и к тем и к другим есть в некотором роде «начало премудрости» для организованного пролетариата.

Когда имеешь дело с теоретиками «революционного» синдикализма, нужно запастись терпением. Мы с читателем обнаружили немало терпения. Поэтому я хочу, для отдыха, посмеяться.

В приложении к своей книге г. Леонэ уверяет нас, что в Аргентине синдикальное движение, более чем где бы то ни было, приближается к типичной схеме прямой антигосударственной политики, какой она

вытекает из синдикалистской доктрины, изложенной нами на предыдущих страницах (стр. 169).

Это hoch komisch, как говорят немцы. Во-первых, взять Аргентину за идеал рабочего движения может *даже и между синдикалистами* только такой человек, который не знает, как обстоит дело с аргентинскими рабочими синдикатами: мы ясно видим из доклада, представленного аргентинской партией международному с'езду прошлого [1]) года в Штуттгарте, что профессиональное движение еще не вышло в этой стране из «*хаотического состояния*». Анархистам удалось там приобрести влияние на некоторую часть организованных рабочих и внушить им отвращение к «*политике*». Но симпатии г. Леонэ к анархистам,— тоже, ведь, «либеристы!» — вряд ли доходят до того, чтобы он мог *открыто* радоваться успехам анархизма. Другая же часть организованных рабочих Аргентины («Всеобщий рабочий союз») не отрицает *политического* действия и даже прямо *признает* его в своем уставе. Правда, «*Всеобщий рабочий союз*» до сих пор еще не дал,—как говорит названный мною доклад,—практического применения своим политическим взглядам. Уж не это ли обстоятельство так понравилось нашему автору? Если—да, то его радует просто-напросто *неразвитое состояние движения.* И в таком случае Боливия и Чили могли бы, пожалуй, доставить ему еще больше радости, нежели Аргентина.

Во-вторых, даже и Аргентина, с ее «хаотическим» состоянием рабочего движения, далеко не так близка к *идеалу* синдикализма, как это вообразил бедный Э. Леонэ. В ней — увы! — тоже есть, кроме зародышей *синдикальных* организаций, своя *партия,* первый с'езд которой состоялся в Буэнос-Айресе в 1896 году, и которая выступает даже на выборах. В 1896 г. она получила, правда, только 100 голосов, но в 1904 году за нее подано было 1.254 голоса, и ей удалось провести своего депутата, доктора Альфредо Л. Панацио. Словом, даже и в идеальную Аргентину проникла зараза «государственности» [2]).

Но как бы там ни происходило дело в Аргентине, а видно, что наша старая Европа очень мало утешает ходом своего рабочего движения нашего «либериста». И это, конечно, очень похвально со стороны старой Европы!

[1]) Прим. из сб. «От обороны к нападению». — Речь идет о международном с'езде 1907 года.

[2]) См. «L'internationale ouvrière et socialiste, Rapports soumis au congrès socialiste international de Stuttgart», Bruxelles 1907, vol. I, p. p. 87—88.

XVIII

В *теоретическом* отношении итальянский «революционный» синдикализм представляет собою нечто до последней степени бедное и прямо жалкое. В *практическом* отношении он тоже крайне слаб. Даже на недавнем с'езде железнодорожных рабочих,—в среде которых влияние «революционных» синдикалистов сильнее, нежели где-нибудь,—победа досталась так называемым *интегралистам,* т.-е. тому «центру» итальянской партии, который, отвергая крайности, стоит,—по известному и очень удачному выражению Энрико Ферри,—за реформы, но против реформистов, за синдикаты, но против синдикалистов. Огромное большинство итальянских рабочих отвергает «революционный» синдикализм. Ввиду этого могло бы, пожалуй, показаться непонятным, каким образом итальянская партия до сих пор не умеет справиться с горстью людей, которые при всем своем умственном убожестве и своей практической слабосильности все-таки грозят раз'единить силы пролетариата и при каждом удобном и даже неудобном случае показывают себя ее злейшими врагами. Другими словами: как ни слабо влияние «революционных» синдикалистов на пролетарскую среду в Италии, но все-таки оно сильнее, чем этого можно было бы ожидать ввиду полной, изумительной несостоятельности их взглядов. Чем же это об'ясняется?

В настоящей статье, посвященной критике синдикализма, *как теории,* я вынужден ограничиться изучением тех причин указанного мною явления, которые сами относятся собственно к *теоретической* области. И здесь мне представляется очень полезным рассмотрение основных положений новой книги Иваное Бономи: «*Le vie nuove del socialismo*», поскольку они касаются вопросов, выдвигаемых на очередь пропагандой синдикализма.

И. Бономи, — один из редакторов центрального органа итальянской партии «*Avanti!*»,—принадлежит к числу самых видных и образованных *реформистов.* Мне пришлось прочитать его новую книгу вскоре после того, как я «проштудировал» главнейшие теоретические произведения г. Э. Леонэ, и я испытал то впечатление, которое испытывает всякий, вступающий в разговор с умным взрослым человеком после продолжительной возни с неразвитым ребенком: даже там, где И. Бономи близко подходит ко взглядам «революционных» синдикалистов; даже там, где он повторяет их ошибки, он превышает их целою головою: его мышление гораздо более логично; его доводы несравненно более продуманы. И, тем не менее, прочитав его новую книгу, начинаешь понимать, почему теории «революционного» синдикализма приобрели в Италии гораздо больше значения, чем это можно было бы предположить ввиду их совершенно ничтожной внутренней стоимости.

Не родись пригож, говорит русский народ, а родись счастлив. Итальянский синдикализм очень не пригож, но он очень счастлив. Его счастье состоит в том, что его противники сами плохо вооружены в смысле теории.

Выше я привел формулу вождя «интегралистов» Э. Ферри: «за реформы, но против реформистов, за синдикаты, но против синдикалистов». Эта формула как нельзя более удачна. К сожалению, одной удачной формулы еще недостаточно для отстаивания целого направления в партии. Формула Ферри не является кратким выражением стройной системы взглядов: она подсказана верным политическим *инстинктом,* а не ясным социалистическим *сознанием.* Поэтому «интегралисты»,—пусть извинят они мне этот нелестный отзыв,—неудачно защищают свою удачную формулу. Недавно сам автор ее, Ферри, выступил в «Avanti!» против синдикалистов—и что же? Этот противник реформистов, в своей критике теории и практики «революционного» синдикализма, сам показал себя реформистом чистейшей воды и не выставил ровно ни одного довода, который не был бы заимствован из реформистского арсенала. Итальянские «интегралисты»—*эклектики* «с устремлением направо», т.-е. в сторону реформизма. И если их эклектизм до поры до времени обеспечивает им торжество на партийных с'ездах, где собираются люди, по большей части стремящиеся избежать крайностей, то он уже в настоящее время делает очень ненадежными их теоретические позиции в борьбе за принципиальные основы партийной программы и тактики [1]). И вот почему в спорах с синдикалистами им приходится делать заимствования в реформистском арсенале. И по той же самой причине наиболее серьезными противниками синдикализма в Италии приходится признать все-таки *реформистов.*

А как обстоит дело в реформистском лагере?

Что касается реформистов, то их борьба против «революционных» синдикалистов сильно затрудняется их весьма близким духовным родством с ними.

---

1) Прим. из сб. «От обороны к нападению». — Теперь в итальянской партии реформисты, — вероятно, надолго, — сделались господствующим течением, а Э. Ферри еще более усилил свое «стремление направо» до того, что возмутил даже реформистов.

Новая книга г. Бономи тем и поучительна, что в ней это близкое духовное родство реформистов с «революционными» синдикалистами обнаруживается с чрезвычайной ясностью.

В этом отношении наибольшего внимания заслуживает третья часть этой книги, озаглавленная: «*Le tendeze odiern del socialismo*» (Новейшие тенденции в социализме). Тут находится изложение того, что можно назвать *философией новейшей истории социализма с реформистской точки зрения*.

Автор подразделяет эту историю на три периода. *Первый период* характеризуется борьбой Бакунина с Марксом в Интернационале. По словом г. И. Бономи, Маркс выступал в этой борьбе представителем новой социалистической теории, между тем как Бакунин представлял собою старый утопический социализм [1]). Новой социалистической теории, однако, не суждено было победить в то время, потому что материковая Европа была еще слишком слабо развита в экономическом смысле. Борьба закончилась разрушением Международного Товарищества Рабочих.

Второй период характеризуется полным торжеством идей Маркса, для которых успехи капитализма на европейском материке проложили, наконец, достаточно широкий путь. В международном движении гегемония принадлежала в течение этого периода германской социал-демократии, внутренняя жизнь которой в свою очередь характеризуется принятием в 1891 г. Эрфуртской программы, написанной в духе ортодоксального марксизма. «В самом деле,—говорит г. И. Бономи,—эта программа представляет собою почти буквальное повторение основных положений Коммунистического Манифеста» (стр. 245—246). И тот же самый дух, который пропитывает собою Эрфуртскую программу германской социал-демократии, проник в социалистическую среду почти всех остальных европейских стран: Бельгии, Италии, Австрии, Швейцарии, России, Испании, Голландии, балканских государствах и даже Франции, хотя в этой последней стране марксизму и не удалось окончательно победить старые социалистические предания и учения. Гегемония германской социал-демократии продолжалась от Парижского международного с'езда 1889 г. до международного с'езда 1904 г. в Амстердаме. Амстердамский с'езд был апогеем этой своеобразной диктатуры. Но после него она

[1]) «Между тем, как Маркс предвидел появление нового исторического процесса, Бакунин покрывал красной краской старые бунтарские идеологии» (стр. 243).

клонится к упадку, и начинается *третий период* новейшей истории социализма, возникает социалистическое движение настоящего времени.

Главная черта *этого* периода и *этого* движения состоит в том, что теперь в самом деле выступает, наконец, на историческую арену тот деятель, появление которого предвидел и предсказал Маркс: *организованный пролетариат*. Социализм выходит из узкого круга партии, и его пределы расширяются до того, что он охватывает собою все вообще рабочее движение. «Двадцать лет беспрерывной пропаганды и беспрерывного воздействия,—поясняет г. Бономи,—привели к тому, что теперь рабочие организации, кооперативы и профессиональные союзы в состоянии сами заниматься своей политикой, не имея нужды в опеке, руководстве и представительстве со стороны партии, состоящей из последователей Маркса. Эта партия, конечно, не уничтожается, но она как бы поглощается рабочим движением, которое было вызвано ею, но которое не может теперь подчиняться ей, как это было прежде. Партия сохраняет свое существование, становясь органом, подчиненным воле профессиональных союзов и переставая быть руководительницей (l'organo directivo) этих последних» (стр. 251—252).

И с этого момента появляется так называемый *ревизионизм*. Учение Маркса, прежде принимавшееся партиями марксистов за неоспоримую истину, оказывается теперь противоречащим экономической действительности и инстинктивным стремлениям профессиональных союзов. И вследствие этого в интелегентные слои участников освободительной борьбы рабочего класса проникает сомнение. «Люди, привыкшие к критике, начинают делать критические вопросы. Не ошибочно ли предсказание возрастающей нищеты? Не опровергнуто ли историческим опытом учение о великих экономических кризисах, необходимых для социальной катастрофы? Не представляет ли собой обманчивой иллюзии также и диктатура пролетариата? И, таким образом, появляется *слева* Жорж Сорэль, со своим «Avenir des syndicats», в котором он во имя революционизма нападает на стремление социалистических партий к завоеванию политической власти в целях создания при ее посредстве коммунистического общества. И таким же образом проявлется *справа* Эдуард Бернштейн, во имя реформизма, который он наблюдал и изучал в Англии, т.-е. в стране, бывшей матерью профессиональных союзов, нападающий на политические пророчества марксизма и на тактические формулы партий, претендующих на правильное истолкование духа Марксова учения. С обеих сторон и с различных точек зрения на старую марксистскую партию нападают силы, ею же самою вызванные к

жизни. Профессиональные союзы противопоставляют свой опыт тактическим предписаниям Маркса и заменяют марксизм синдикализмом» (стр. 252—253).

Это в полном смысле слова драгоценные строки. Из них ясно видно, что *г. И. Бономи в сущности такой же синдикалист, как и г. Леонэ.* И тот и другой находит, что партия должна быть подчинена профессиональным союзам; и тот и другой рекомендует замену марксизма синдикализмом. Разница между ними лишь в том, что один проповедует «*революционный*» синдикализм, между тем как другой насквозь пропитан *реформизмом.* Это, во всяком случае, лишь *второстепенное* различие: оба стремятся к одному и тому же, но каждый стремится по-своему, каждый обнаруживает свой особый темперамент. Другими словами: тут мы имеем дело *лишь с двумя видами синдикализма.* Эти два вида синдикализма постоянно борются и даже очень враждуют между собою. Но кому бы из них ни досталась победа, во всяком случае победителем оказался бы все-таки *синдикализм.* Враждебное отношение реформистов к «революционному» синдикализму означает не более, как враждебное их отношение к революционному пониманию задач рабочего движения. И именно потому, и только потому, реформисты никогда не одержат окончательной победы над «революционными» синдикалистами: революционный инстинкт пролетариата всегда будет направлять известную долю пролетарских симпатий в сторону «революционных» синдикалистов. Если доля эта теперь не велика в Италии, то этим мы обязаны не реформистам, а самим «революционным» синдикалистам: жалкая утопичность их программы и тактики возмущает здравый смысл того самого пролетариата, который инстинктивно сочувствует тому, что он считает их революционизмом. И так будет до тех пор, пока пролетариат не поймет, что он ошибался, принимая за революционные стремления то, что, в действительности, представляет собою лишь революционную *фразу.* Когда он поймет это, тогда он окончательно повернется спиною к «революционным» синдикалистам, как уже повернулся он спиною к анархистам. И это будет большим шагом вперед в развитии его самосознания. Но не реформисты подвинут его к этому. Их собственное представление о революционной тактике до такой степени ошибочно, до такой степени наивно, что они совершенно искренно готовы считать «революционных» синдикалистов истинными представителями этой тактики. И с этой стороны их нападки на своих мнимо-революционных противников служат скорее рекламой в пользу этих последних. Окончательно победить «революционный» синдикализм можно только разоблачением перед рабочим классом его полнейшей несостоятельности, именно как теории, претендующей на революционное решение «рабочего вопроса»; это мог бы сделать *только марксизм.* Но марксизму очень не везет в Италии. «Интегралисты» имеют о нем крайне смутное понятие, а реформисты, как мы только что видели, провозглашают необходимость замены его синдикализмом.

Впрочем, я прошу читателя заметить, что из этих моих слов вовсе не следует заключать, будто я считаю *роформистов* хорошими или хотя бы только сносными знатоками Маркса. Далеко нет! Новая книга г. И. Бономи еще раз показала мне, как слабы они по этой части. Я заметил выше, что, взявшись за нее после «синдикализма» г. Леонэ, я испытал такое впечатление, как будто я после возни с неразвитым ребенком вступил в разговор с умным взрослым человеком. Но не все умные взрослые люди хорошо знают те предметы, о которых они берутся судить. Если в книге г. Бономи нет смешных нелепостей, наполняющих собою произведения г. г. Арт. Лабриолы и Э. Леонэ, то в ней ярко обнаруживается та органическая неспособность к правильному пониманию марксизма, которая свойственна реформистам всех стран.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вслушаться в рассуждения г. И. Бономи о новейшей истории социализма. В первом периоде этой истории на исторической сцене появляется, как мы знаем, Маркс со своей новой теорией. Эта теория пользуется общим признанием со стороны европейских социалистов в течение второго периода, а затем приходит в противоречие с действительностью и перестает удовлетворять умы, привыкшие к критике. Каковы же были те явления, которые будто бы показали, что действительный ход современной общественной жизни противоречит Марксовой теории? Это поясняет одна из сделанных мною выше выписок, где говорится о кризисах, о теории обнищания, о диктатуре пролетариев,—короче, где *безо всякой критики* повторяется все то, что так усердно и так бездоказательно твердят те «*критические*» умы, которые занимаются «*пересмотром*» Маркса. Мне уже не раз приходилось ломать копья с этими господами, и я считаю себя в праве отослать интересующегося этими вопросами читателя к своему сборнику «*Критика наших критиков*». Тут я только замечу, что г. И. Бономи, подобно всем другим родственным ему «критическим» умам, сначала *искажает* мысль Маркса, а потом *опровергает это искажение его мысли,* победоносно ссылаясь на современную нам экономическую действительность. Вообще говоря, нет ничего легче, как побеждать своих противников с помощью подобной «тактики». Но замечательно, что даже и эта «так-

тика» не всегда обеспечивает победу «критикам Маркса» вообще, и г. И. Бономи, в частности.

Возьмите, например, кризисы. Г. И. Бономи говорит о них таким тоном, как будто новейший опыт капиталистических стран показал ошибочность Марксовой теории кризисов. Но ведь это просто-напросто вздор, и очень жаль, что в своем отношении к этому вздору показывает так мало *критического* смысла человек, далеко не лишенный рассудка. Что касается взгляда Маркса на кризисы, как на явление, знаменующее собою существование глубокого противоречия между *производительными силами* капиталистического общества, с одной стороны, и его *производственными отношениями* —с другой, то этот взгляд все более и более подтверждается всем тем, что мы можем наблюдать теперь во время кризисов. А что касается той мысли Маркса, что эпохи кризисов обостряют классовый антагонизм, то нужно ли останавливаться на доказательстве этой мысли в настоящую минуту, когда кризис вызывает такие сильные волнения в среде северо-американских рабочих? [1])

Г. И. Бономи хочет уверить нас, что профессиональные союзы противопоставляют свой опыт тактическим предписаниям Маркса. Какие это союзы? Какой опыт? И каким предписаниям Маркса? Уж не опыт ли *английских* профессиональных союзов, которые, несмотря на все особенности своего исключительного положения и на все свои созданные этими особенностями предрассудки, самою силою вещей все настойчивее и настойчивее выталкиваются на путь, указанный им Марксом еще в эпоху Международного Товарищества Рабочих?

XIX

Впрочем, насчет «тактических предписаний Маркса» г. И. Бономи имеет вообще очень странное представление. Он выписывает следующее место из Марксовой книги «Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 г.»: «Революция прокладывала себе дорогу не в своих непосредственных трагикомических приобретениях, а, напротив, создавая сплоченную, могучую контр-революцию. Только в борьбе с этим противником разрушительная партия выросла в действительную революционную партию».

И отсюда г. Бономи делает тот неожиданный вывод, что Маркс хотел *с помощью диалектики* понять развитие всех вещей (che la dialectica gli servisse a intendere il divenire di tutte le cose) (стр. 18) [1]). Ну, а известно, что там, куда замешалась «*диалектика*», никакой уважающий себя реформист не ждет ничего хорошего! Раз взглянув на тактику с диалектической точки зрения, Маркс неизбежно должен был впасть в грубые ошибки. По мнению г. Бономи, с диалектическим взглядом Маркса совершенно несовместимы какие-нибудь надежды на частичные завоевания рабочего класса: такие завоевания всегда должны представляться марксистам не более, как трагикомическими. Таким образом, из представления, которое составил себе Маркс о революционном процессе, исключается всякое понятие эволюции (стр. 12 и 19). После этого вполне ясно, почему и в каком смысле профессиональные союзы не могли, по мнению г. Бономи, не восстать против тактических предписаний Маркса.

Диалектика привела к отрицанию *эволюции!* Это так ново и так... дико, что этому открытию г. Бономи мог бы позавидовать даже сам г. Леонэ. Чтобы написать это, недостаточно не иметь никакого понятия о диалектике и об ее влиянии на развитие научной мысли в девятнадцатом веке; необходимо иметь, кроме того, огромную способность к искажению Марксовой теории. Г. Бономи забыл, как видно, что уже в «*Нищете философии*» Маркс об'явил политические революции *следствием социальной эволюции,* а говоря об эволюции капиталистического общества, отвел широкое место именно профессиональным союзам. И тот же г. Бономи забыл, как видно, что то же Маркс уже в Коммунистическом Манифесте указывал на сокращение рабочего дня в Англии, как на серьезное завоевание английского пролетариата. Кроме того, г. Бономи мог бы с большой пользой для себя припомнить «Учредительный Манифест» Интернационала, где в таких сильных и ярких выражениях говорится именно о частичных завоеваниях рабочего класса, как о важных победах экономии труда над экономией капитала. Далее, не мешало бы ему вдуматься также и в те «тактические предписания», с которыми Маркс обращался к пролетариям всех стран от имени Международного Товарищества Рабочих. Одних этих «предписаний» совершенно достаточно для того, чтобы обнаружить перед всеми людьми, мало-мальски способными к логическому мышлению, всю несостоятельность «критических» замечаний г. Бономи о «диалектической» тактике Маркса. На-

[1]) Когда я пишу эти строки, во всех европейских газетах сообщаются известия о кровавом столкновении безработных с полицией в Филадельфии.

[1]) Глава, из которой я беру эту поистине непостижимую строку, носит многознаменательное под пером реформиста название: «Il processo dialectico nella concezione di Marx».

конец, если бы итальянский реформист дал себе труд хоть с небольшим вниманием отнестись к тем строкам, которые он выхватил из книги «*Классовая борьба во Франции*», то он увидел бы, что они относятся к тому, и только к тому, что происходило в Европе в определенное время, и не заключают в себе никаких «тактических предписаний» *на будущее время*. Непосредственно перед строками, приведенными г. Бономи, Маркс говорит:

«За немногими исключениями, каждый значительный отдел революционной летописи от 1848 до 1849 г. носит заглавие: *поражение революции*. Но в этих поражениях побеждена была не революция, побеждены были пережитки дореволюционного времени, результаты общественных отношений, не обострившихся еще в резкие классовые противоречия,— лица, иллюзии, взгляды, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, и от которых ее могла освободить не *февральская победа*, а только целый ряд поражений»... Далее следует то, что приведено и г. Бономи. Неужели же не ясно, что речь идет здесь именно об определенной эпохе, об эпохе 1848—1850 г. г.?

Конечно, можно оспаривать эти строки, даже и не придавая им значения общих «тактических предписаний». Но это уже другой вопрос, которого я здесь рассматривать не стану, хотя такие «приобретения», как участие представителей французского пролетариата во временном правительстве и Люксембургская Комиссия, в самом деле заслуживают названия трагикомических. Для меня важно теперь отметить лишь то, что г. Бономи тем успешнее «*критикует*» Маркса, чем больше он *коверкает его идеи*.

Решительно непонятно, откуда взял почтенный итальянский реформист, что Маркс высказывался за подчинение профессиональных союзов партии. Это просто-напросто неверно. В первой статье я уже показал, что Маркс, *наоборот*, стоял скорее за *нейтральность* профессиональных союзов. Но само собой разумеется, что он решительно высказался бы и против «поглощения» партии «рабочим движением». И тут он мог бы, если бы пришлось ему спорить с г. Бономи, сослаться на логику собственных рассуждений этого последнего.

Наш реформист утверждает, что теперь пределы социализма расширились до того, что охватывают собою все вообще рабочее движение. Это простая игра слов и притом весьма неудачная. Как думает г. Бономи, охватывает ли *социализм*, например, те рабочие организации, представители которых высказались на Гулльском конгрессе *против*

социализма? [1]) Я надеюсь, он скажет, что—*нет*. Тогда ясно, что у социалистов нет никакого основания для того, чтобы растворить в этих сравнительно *отсталых* организациях свою собственную, сравнительно *передовую* организацию. Напротив, они должны сохранить ее самостоятельность.

Наконец, было бы очень невыгодно для рабочего движения в его целом, если бы их сравнительно более передовая организация «*подчинялась* воле профессиональных союзов» именно потому, что эти последние должны быть открыты *для всех* рабочих, т.-е., между прочим, *и для малосознательных*. Подчинять сознательность стихийности прямо нерасчетливо. Но это не значит, что сознательность может *навязывать* себя стихийности в качестве руководительницы. Нет, подобное навязывание прежде всего показало бы, что сознательность сама еще плохо понимает свою роль, т.-е. страдает недостатком... сознательности [2]). Сравнительно передовая организация должна относиться к сравнительно отсталым с тем тактом, каким в такой высокой степени отличался руководимый Марксом Интернационал. Она должна стремиться не к *подчинению* себе сравнительно отсталых организаций, а к *приобретению* себе *влияния на них*. А это для нее возможно и легко именно потому, что она есть организация *сознательных*, т.-е. потому, что, отстаивая интересы рабочего класса *в настоящем*, она умеет также предвидеть и *будущность* его движения, и еще потому, что, как уже сказано выше, она всегда отстаивает интересы *всего рабочего класса*, а не интересы рабочих той или другой *отрасли труда*, той или другой *профессии* [3])

Г. Бономи утверждает, что «старые марксистские партии» отрицают за рабочими организациями право голоса в вопросах тактики и направления движения» (стр. 256). Это опять голая неправда, что чувствует и сам г. Бономи, прибавляющий вслед за этим: «или, самое большее,— удостоивают смотреть на профессиональный союз и на политическую партию, как на две ноги одного и того же организма». Это совсем не похоже на *отрицание* за профессиональными союзами *права голоса*. И тут г. Бономи верно передал взгляд большинства марксистов на этот

---

[1]) Задавая этот вопрос, я предполагаю, что их представители верно выразили их взгляды.

[2]) Примеры подобного навязывания можно было бы указать в истории нашего движения, куда наша мнимая сознательность вносит весьма нежелательные элементы Угрюм-Бурчеевщины.

[3]) По поводу этого вопроса я еще раз позволю себе сослаться на свою статью: «Маннгейм» [См. дальше в этом томе].

предмет [1]). Но что же противопоставляет он этому взгляду? Пресловутую фразу г. Бернштейна, заимствованную этим последним у г. Шульце-Геверница: «*движение—все, конечная цель—ничто!*» (стр. 256). Г. Бономи, как видно, и до сих пор не понял, во-первых, что *бесцельное* движение есть бессмыслица, а во-вторых, что так называемое стихийное движение рабочего класса,—никогда не бывающее, однако, *бесцельным,—имеет огромное историческое значение только в глазах тех людей, которые видят направление этого движения, т.-е. понимают его,*—сознаваемую, может быть, далеко не всеми его участниками,—*конечную цель.*

По словам г. Бономи, сущность реформизма может быть выражена также словами: *свобода опыта* (la libertà d'esperimenti, стр. 290). Но это уже совсем странно: марксизм ведь тоже никогда не восставал против «свободы опыта». Г. Бономи вернее определил бы сущность реформизма, если бы сказал, что она заключается *в полнейшей беззаботности насчет теории и в полнейшей неспособности взглянуть на новый «опыт» с теоретической точки зрения, опирающейся на все приобретения «опыта» предыдущего.*

Замена марксизма синдикализмом была бы равносильна огромному шагу назад в развитии пролетарской идеологии. И уж во всяком случае несомненно то, что нельзя побороть так называемый революционный синдикализм, противопоставляя ему *синдикализм на подкладке умеренности и аккуратности.*

[1]) Говорю — большинства, потому что лично мне это сравнение кажется не совсем точным. Я предпочел бы вслед за Марксом назвать профессиональные союзы *школой сознательности.*

О книге А. О. Оливетти

А. О. Оливетти, Проблемы современного социализма. Перевод с итальянского Г. К. под редакцией В. М. Шулятикова. С предисловием автора к русскому изданию. Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова. Москва 1908

Оливетти принадлежит к числу теоретиков итальянского синдикализма. Мы уже знакомы с двумя представителями этой теории—с Артуро Лабриола и Энрико Леонэ. Мы посвятили в «Современном Мире» каждому из них по большой статье; что касается А. О. Оливетти, то, говоря о нем, можно ограничиться небольшой рецензией, хотя путаницы понятий и у него более, чем достаточно.

Вот, посмотрите, например, что повествует он нам на первой же странице своего предисловия к русскому изданию: «Когда я приблизительно два года тому назад [1]) выпустил итальянское издание настоящей книги, я в первой же главе заметил, что социализм переживал в ту пору критический момент, который должен был вызвать или жизнь или смерть доктрины и движения. Энгельсова проповедь «фатализма» в ту пору уже окончательно себя дискретировала. Никто из борющихся социалистов не смел больше верить в автоматическое, фатально-роковое торжество социализма, осуществленное исключительно материальными силами капиталистического производства, так называемыми *законами* истории, независимо от воли и страсти людей».

Когда Энгельс проповедывал фатализм? Когда он верил в то, что социализм осуществится *исключительно* материальными силами капиталистического производства? Можно ли противопоставлять законы истории страстям и воле людей? Разве воля и страсти людей не подчинены «законам истории»? Напрасно стали бы вы искать прямого ответа на эти вопросы как в цитированном нами предисловии, так и вообще в книге Оливетти. Он думает, как видно, что в голове просвещенного читателя такие вопросы не должны даже и возникать. Нам остается

[1]) Это предисловие помечено ноябрем 1907 г.

поэтому самим потрудиться над выяснением того логического процесса, который привел нашего автора к странному убеждению в том, что Энгельс проповедывал «фатализм». На стр. 15 мы, как кажется, нападаем на след этого процесса. Мы читаем там вот что: «В течение долгого времени буржуазия рассматривалась нами, как класс, не способный к защите против социализма, который должен взять верх почти самой силой вещей, почти независимо от воли и напряженного усилия людей, в силу своего неизбежного, необходимого и ничем неудержимого движения.

«Вряд ли можно было бы привести более удачный пример подобной оптимистической и усыпляющей иллюзии, чем известное пророчество о ближайшем торжестве германского социализма, которое мы находим в знаменитом труде старика Энгельса в «Almanach du Parti Ouvrier» 1902 г.; обсуждая рост социалистических голосов в Германии, верный товарищ Карла Маркса предвидел к концу девятнадцатого столетия три миллиона социалистических избирателей».

Мысль, высказанная г. Оливетти в предисловии к русскому изданию, повторяется здесь в смягченном виде. Там Энгельсу приписывалось то «фаталистическое» убеждение, что социализм восторжествует исключительно материальными силами капиталистического производства; здесь «доброму старику Энгельсу» навязывается та «усыпляющая иллюзия», что социализм должен взять верх «*почти*» самой силой вещей, «*почти*» независимо от воли людей. Эти «почти» изменяют очень многое, но они не мешают нам видеть, что и здесь и там, г. Оливетти попадает в один и тот же просак, что и здесь и там он не понимает одного и того же взгляда Энгельса. То, что г. Оливетти с высокомерно-снисходительным пренебрежением называет фатализмом «доброго старика», оказывается оптимизмом, довольно понятным в человеке, которому суждено было видеть поразительно быстрый рост своей партии. Что оптимизм может вести к ошибкам, это мы видим на примере самого Энгельса: его пророчество насчет очень близкого торжества германской социал-демократии не сбылось [1]). Но быть *оптимистом* еще вовсе не значит быть *фаталистом*. Если Энгельс слишком уменьшил в своем воображении то расстояние, которое *отделяет* германскую социал-демократию от победы, то из этого еще отнюдь не следует, что он думал, будто ее победа будет достигнута «почти самой силой вещей, почти независимо от воли и напряженного усилия людей». Совершенно наоборот: высказывая свое оптимистическое убеждение в близости победы, Энгельс тем самым призывал немецких социал-демократов к новому напряжению воли. Г. Оливетти думает, как видно, что Энгельс надеялся на мирный закат буржуазного государства. Но это опять огромная ошибка. Страницы 18 и 19 знаменитого предисловия Энгельса к сочинению Маркса «Die Klassenkämpfe in Frankreich» ясно показывают, что Энгельс такой надежды не питал. У него выходило, хотя этого и не заметил, кажется, ни один «критик» Маркса, что господствующие классы Германии вынуждены будут порвать с этой роковой для них законностью, которой его товарищам выгодно было держаться при наличных условиях. Само собой разумеется, что раз господствующие классы порвали бы с этой законностью, то о мирном развитии уже не могло бы быть и речи. И именно потому, что тогда не могло бы быть и речи о мирном развитии, Энгельс закончил свое предисловие соображениями о роли римской армии в том перевороте, который привел к падению язычества и торжеству христианства. Подобные же соображения находим мы у него и в статье, цитируемой г. Оливетти. Он говорил в этой статье, что армия ускользает от германского правительства. Пусть он преувеличил скорость процесса этого ускользания; но ведь ясно, что говорил-то он о нем именно потому, что отлично понимал значение «воли», «страстей» и «усилия людей», а вовсе не потому, что он будто бы верил в «фатально-роковое торжество социализма, осуществленное исключительно материальными силами капиталистического производства». Нужно много «усилий» и немало «страстей» для того, чтобы не понять этого. А вот г. Оливетти не понял!

Комическая ошибка нашего автора сделается еще комичнее, если мы сопоставим ее со следующим его заявлением:

«Мы принимаем целиком историческую программу нашей партии, какой она шестьдесят лет тому назад была формулирована Марксом и Энгельсом в Коммунистическом Манифесте» (стр. 209).

Как же может г. Оливетти целиком принимать программу тех людей, т.-е. Маркса и Энгельса, один из которых был проповедником «фатализма» и верил, что социализм осуществиться «так называемыми *законами* истории, независимо от воли и страстей людей»? Как может одобрять он «доктрину» и «тактику», пропитанные «фаталистическим» духом?

[1]) Прим. из сб. «От обороны к нападению».—Впрочем, и тут нужно оговориться. А. О. Оливетти упрекает «доброго старика» Энгельса в том, что тот «предвидел к концу девятнадцатого столетия три миллиона избирателей». Но ведь мы пережили только первое десятилетие двадцатого века, а, между тем, число названных избирателей в Германии уже *превышало* указанную цифру.

Или, может быть, он скажет, что сам Энгельс к концу своей жизни изменил той исторической программе, которую он вместе с Марксом формулировал в Манифесте Коммунистической Партии? Сказать, конечно, все можно, но интересно было бы выслушать те доводы, которые привел бы в этом случае наш автор.

Можно наперед утверждать, что доводы эти были бы очень оригинальны. Г. Оливетти, вообще, большой оригинал. Вот, например, послушайте, что говорит он, критикуя реформизм: «Доктрина катедер-социализма восстала против манчестерской школы во имя *реалистической экономии*, враждебной *естественным* законам классической экономии [1]), точно так же, как реформизм во имя фактов практической политики восстал против социализма, против *катастрофических* и *анархистских* законов марксистской доктрины» (стр. 202).

Марксистская доктрина,—в выработке которой принимал, как известно, весьма деятельное участие «фаталист» Энгельс,—оказывается какой-то совокупностью «катастрофических и анархистских законов». Дальше этого в путанице понятий итти некуда. Разве же не знает А. О. Оливетти, что именно появление *марксизма* вырвало теоретическую почву из под ног «*анархистов*».

Мы всегда были решительными противниками того течения в современном социализме, которое у немцев обозначается словом «ревизионизм», а в Италии называется реформизмом. Нам пришлось сломить не одно копье в борьбе с представителями этого течения; но из этого не следует, конечно, что мы способны рукоплескать всякому вздору, который вздумает сказать против реформизма тот или другой синдикалист. И мы не можем не видеть, как изумительно слаб г. Оливетти в своей критике реформизма. Он пишет: «Как социалисты, мы верим в торжество социализма, наиболее вероятной истины сегодняшнего дня. Как социологи, мы знаем, что в сложной игре борющихся общественных сил социальный прогресс будет определен их равнодействующей, какая получится в итоге современного общественного конфликта. Но даже применяя принципы соединения их, несомненно, что если бы мы сами стали уменьшать нашу составную часть, то пропорционально выиграла бы от этого буржуазная составная часть и пропорционально же изменилась бы равнодействующая. Мы сами добровольно уменьшили бы вероятность

[1]) Говоря это, г. Оливетти ссылается в примечании на статью Helb'a в Ежегоднике Гольцендорфа и Брентано. Курсив в делаемой нами выписке принадлежит г. Оливетти.

нашей победы, сами положили бы меньшую тяжесть на чашку весов, которые должны определить меру нашего специфического действия» (стр. 200). Заметьте здесь слова: «мы сами добровольно уменьшили бы вероятность нашей победы». Эти слова показывают, что, по мнению нашего автора, реформисты «*добровольно*» уменьшают *пролетарскую* «составную часть» той равнодействующей, которая определяет собой общественное движение. Но это опять вздор. Приписывать реформистам «добровольное» уменьшение силы пролетариата, значить возводить на них нелепое обвинение и тем самым ослаблять,—хотя, очевидно, совсем не «добровольно»,—свою собственную позицию. Книга г. Оливетти изобилует такими, до последней степени смешными полемическими промахами.

Принимая «целиком историческую программу партии, как она шестьдесят лет тому назад была формулирована Марксом и Энгельсом в Коммунистическом Манифесте», наш автор в то же время утверждает, что «требовать социального законодательства от буржуазного государства значит, согласно народной поговорке, лезть в пасть волка, оставлять зайца под охраной собаки, вручать неприятелю собственное оружие, допускать petitio principii, методологическую ошибку, которая, как мы уже говорили, есть настоящая ошибка содержания» (стр. 201). На стр. 44 он выражается еще решительнее: «Всякое усиление власти государства производится на счет свободы граждан,—по этому пункту мы вполне согласны с анархистами и с чистыми, непримиримыми манчестерцами типа де-Молинари».

Маркс смотрел совсем не так. В написанном им первом манифесте Международного Товарищества Рабочих он доказывал, что английский «билль о десятичасовой работе не был только практическим успехом, но он был в то же время торжеством самого принципа: в первый раз и в открытом поле буржуазная политическая экономия была поражена политической экономией рабочих классов». А в докладной записке, представленной на первый конгресс Интернационала от имени английской федерации и написанной тем же Марксом, проповедуется вмешательство государства в отношение наемного труда к капиталу и говорится: «Проводя такие законы, рабочий класс не усиливает правительственную власть. Напротив, он подчиняет себе эту власть, которая теперь употребляется против него». Наконец в письме к Кугельману Маркс осмеивает французов, восставших против сокращения рабочего дня, как людей, отрицающих всякое вытекающее из классовой борьбы действие [1]).

[1]) *Gustav Jaeckh*, Die Internationale, стр. 36, 37.

Судите же после этого, имеет ли наш автор право утверждать, что синдикализм, который именуется у него «социализмом», «воодушевлен теперь больше, чем когда бы то ни было, тем духом, которым был проникнут целиком Манифест Коммунистической Партии» (стр. 157). Как бы не так!

Г. Оливетти уверяет, что он до своих убеждений «дошел путем глубоко научных исследований» (стр. 8). Этому поверит разве какой-либо наивный синдикалист. В другом месте он весьма скромно об'является, что его книга написана «ясным и пророческим языком» (стр. 7). Мы скажем, со своей стороны, что ясности в языке не может быть там, где нет ясности в мыслях, и что мы не знаем ни одного пророка, который обладал бы такой непреодолимой склонностью к фразерству, какую обнаруживает г. несравненный Оливетти.

Г. В. Чернов и Поль Луи

Виктор Чернов, Теоретики романского синдикализма. *Поль Луи*, История синдикализма во Франции. Книгоиздательство «Сотрудничество». Москва 1908

Как видно из только что выписанного нами двойного заглавия, книга, о которой мы собираемся говорить, состоит, собственно говоря, из двух книг: сочинения г. Виктора Чернова и сочинения Поля Луи. Первое должно служить предисловием ко второму. Предисловие по об'ему не уступает той книге, которую оно должно рекомендовать, пояснить и дополнить. С внешней стороны это очень некрасиво. Но это еще полбеды: беда же заключается в том, что вместо раз'яснений понятий предисловие вносит подчас немалую их путаницу.

Г. В. Чернов находит книгу Поля Луи вполне удовлетворительной и пока ничем другим незаменимой со стороны изложения фактической истории и современного состояния французского синдикализма. По его мнению, с этой книгой «безусловно необходимо познакомиться всякому, кто не хочет ограничиться только поверхностным взглядом на общую картину его (т.-е. синдикализма.—*Г. П.)* развития, а чувствует потребность вникнуть в нее более основательно, не останавливаясь перед тем, чтобы преодолеть многие страницы, наполненные «сухими» фактическими данными» (стр. VIII). Но он видит в ней очень крупный пробел, который и хочет заполнить своим предисловием. «Дело в том,—говорит он,—что освещение внутренней стороны истории французского синдикализма в ней представлено более чем скупо, а заключительная глава книжки, посвященная «доктринам синдикализма», является до крайности бледной и слабой. Она даже не дает никакого понятия о том, чем же собственно отличается революционный синдикализм от других революционных фракций современного социализма. Все его отличительные признаки являются затушеванными, все грани и острые углы—стертыми. Это об'ясняется, конечно, не неосведомленностью П. Луи, а исключительно той промежуточной, примирительной позицией, которую он занимает» (стр. VIII и IX).

Оба эти отзыва справедливы. Книга Поля Луи в самом деле удовлетворительна с фактической стороны и неудовлетворительна со стороны выяснения идей. Мы даже пойдем дальше г. Чернова и скажем, что с этой последней стороны заключительная, посвященная «доктринам синдикализма», глава книги Поля Луи (стр. 184—193) не только до крайности вредна и слаба, но прямо полна ошибок. Она изображает доктрину синдикализма в духе известной резолюции, принятой на конгрессе Французской Социалистической Партии в Нанси и гласящей, что синдикализм преследует ту же цель, что и социализм. Но это совсем не так. Цель синдикализма,—говоря это, мы имеем в виду французский, так называемый революционный синдикализм, о котором и распространяется главным образом Поль Луи,—цель синдикализма заключается в обращении средств производства в собственность синдикатов (профессиональных союзов); социализм требует обращения средств производства в общественную собственность. Эти две цели едва ли не так же далеко отстоят одна от другой, как, например, цель анархического «коммунизма», с одной стороны, и цель международной социал-демократии—с другой. Отождествлять цель синдикализма с целью социализма, значит не понимать того, в чем заключается социализм, или же умалчивать об одной из самых главных отличительных его черт в угоду тем или другим практическим соображениям, т.-е. *соображениям оппортюнизма*. И так оно и есть во Франции. Вопреки усилиям Гэда и его единомышленников, составляющих меньшинство в нынешней Французской Социалистической Партии, эта последняя усвоила по отношению к синдикализму до крайности оппортюнистическую тактику. Между тем как синдикалисты не перестают нападать на нее самым грубым и нередко самым несправедливым образом, она считает своей обязанностью говорить синдикалистам одни «приятности»,—как выражается один из героев Гончарова,— и уверять их в том, что в действительности никаких серьезных разногласий между ними и социалистами не существует. Само собою разумеется, что от этой удивительной тактики разногласия, существующие на самом деле между синдикалистами и социалистами, отнюдь не исчезают; они только получают одностороннее освещение, так что излагаются и комментируются одними синдикалистами. Не трудно понять, что развитие классового самосознания во французском пролетариате не только ничего не выигрывает от этого, а, наоборот, очень много теряет. И нам чрезвычайно жаль, что Поль Луи поддался влиянию оппортюнистической тактики французских «большевиков» до

такой степени, что сам явился в своей книге одним из ее представителей.

Главным «теоретиком» этой тактики является, конечно, Жорес, который из оппортюниста готов стать даже «революционером», поддерживая пресловутого «антипатриота» Эрвэ и его сторонников в партии. Замечательно, что «большевики» французского социализма,— блок жоресистов с бланкистами, — в глазах многих людей, увлекающихся фразой, являются *левым* крылом французской партии, между тем как французские «меньшевики», т.-е. марксисты или гэдисты, пользуются теперь у людей того же разряда репутацией умеренных или правых. Тут повторяется та же аберрация, которая имела место по отношению к Интернационалу, где Маркс представлял собою, по мнению многих «рассудительных» людей, умеренное течение в тогдашнем социализме, в противоположность Бакунину, бывшему вожаком «крайних». Нечто подобное же видели мы в течение последних лет и в России. Но здесь не место говорить об этом; вернемся к нашим книгам.

Отметив важный пробел в книге П. Луи, г. Чернов взялся за его пополнение. Но это, как уже сказано, плохо удалось ему. Так, оспаривая ту мысль синдикалистов, что люди должны группироваться по своим интересам, а не по своим идеям и мнениям, г. Чернов с пафосом восклицает:

«Итак, преступление уже в том, что люди соединяются в партии и кладут в основу этого соединения не голый *интерес*, не классовый *инстинкт*, а тот же интерес и тот же инстинкт, осознанный, обобщенный, превращенный в стройное социально-политическое credo. Это уже смертный грех против материалистической души марксизма, это уже дань «идеологии». Здесь как нельзя более ярко сказался присущий всякому материализму *дуализм*. Сознание, идеи для материализма суть как бы какие-то смутные тени, отбрасываемые настоящими «вещами», не более» (стр. XII).

Г. Чернов, в своем благородном негодовании против «материалистической души марксизма», страшно перепутал истинное положение дел. Марксисты совершенно неповинны в той смешной нелепости, против которой он здесь ополчается. С точки зрения Маркса, столь характерное для теоретиков синдикализма противопоставление «интересов» «идеям» не выдерживает критики по той простой причине, что, согласно материалистическому об'яснению истории, развитие «идей» обусловливается развитием «интересов» (понимая этот последний термин не в узком смысле себялюбия, а в широком смысле общественной экономики). Если, делая это противопоставление, синдикалисты все-таки ссы-

лаются на Маркса, то этим доказывается, что они не имеют ровно никакого понятия о материалистическом об'яснении истории. И только. И именно на эту сторону дела и нужно было обратить свое просвещенное внимание г. Чернову. Но он погорячился и, не сказав того, что следовало сказать, сказал то, чего говорить совсем не следовало.

Материалисты никогда не были повинны в дуализме, и идеи никогда не были для них какими-то «смутными тенями». Материалистический взгляд на этот предмет был прекрасно выражен словами Фейербаха: «что для меня, или суб'ективно, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то само по себе, об'ективно, есть акт материальный, чувственный». В этих словах выражается все учение материалистов об *единстве* субекта и об'екта, и тот, кто имеет о них хоть некоторое представление, не станет говорить ни о дуализме материалистов, ни о том, что они будто бы не понимают значения идей.

Пойдем далее. Коснувшись «ходячей аналогии» между Дарвином и Марксом, г. Чернов говорит: «В то время как первый дал нам исследование законов развития организмов путем борьбы за существование, последний дал нам исследование законов развития общества, руководимого лишь свободной игрой индивидуальных интересов. В этом смысле работа Маркса является прямым продолжением работы Дарвина: Маркс исследует то, что в современном обществе составляет прямое, лишь несколько видоизмененное продолжение зоологического, стихийного существования человечества»... (стр. XVII).

Наш, склонный к благородному пафосу, автор позабыл, что «работа Маркса» имеет в виду не одно только капиталистическое общество. Исторический материализм,—один из самых важных результатов работы Маркса,—старается дать об'яснение всему ходу исторического развития человечества. Он не отказывается взглянуть со своей точки зрения, например, на первобытное коммунистическое общество, далеко не руководившееся «лишь свободной игрой индивидуальных интересов». Но с г. Черновым всегда так случается: именно там, где он хочет исчерпать предмет, он всегда остается на его поверхности. И это его неизменно поверхностное отношение к предмету дает себя чувствовать всякий раз, когда он, наморщивши чело, заговаривает о марксизме. Вот еще хорошенький примерик: «Не то плохо,—повествует он (стр. CXXI),—что марксисты представляли себе будущее в виде колоссального крушения капиталистической системы, всей целиком, как бы от стремительного социального землетрясения, а лишь то»...—нам здесь не важно, что собственно плохо у марксистов, по мнению г. Чернова; мы считаем

лишь нужным поставить читателю на вид, что марксисты никогда не имели того утопического представления о будущем, которое навязывает им здесь наш автор. А вот еще. Г. Чернов цитирует следующие слова Маркса из III тома «Капитала»: «Свобода в этой области (т.-е. в области материального производства.—*Г. П.)* может заключаться только в том, чтобы человек стал существовать общественным, чтобы об'единенные производители регулировали такой свой обмен веществ с природою разумно, подчинили бы его своему общему контролю вместо того, чтобы давать ему властвовать над собою, как слепой силе; чтобы совершалось это с наименьшею тратою силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и наиболее ей соответствующих» (стр. XX). Этим словам Маркса он противопоставляет следующие мои слова: «По учению новейших материалистов, человеческой природе соответствует *всякий* экономический порядок, соответствующий состоянию производительных сил в данное время». И он ехидно замечает: «очевидно, для русских марксистов и Маркс—тоже слишком идеалист и суб'ективист» (стр. XX, примечание). Нет, г. Чернов, тут очевидно только то, что вы опять не понимаете того предмета, о котором говорите. В приводимой вами цитате из III тома «Капитала» речь идет об организации производства в будущем обществе. Эта организация должна быть наиболее достойна человеческой природы будущих производителей. Но это вовсе не значит, что, по мнению Маркса, человеческая природа остается неизменной. Маркс презрительно говорит в «Нищете философии»: «Г. Прудон не знает, что вся история есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы» (стр. 115 сделанного под моей редакцией русского перевода Веры Засулич). Не знает этого, как видно, и г. Чернов. Придем же к нему на помощь. Чем обусловливается беспрерывное изменение человеческой природы? Ответ: развитием производительных сил. Вот почему между развитием этих сил и развитием человеческой природы по необходимости устанавливается известное соответствие, как на это намекает Маркс, между прочим, на той же странице III тома «Капитала», с которой взята цитата г. Черновым. И вот почему я имел полное право сказать, что человеческой природе соответствует *всякий* экономический порядок, соответствующий состоянию производительных сил в данное время. Заметьте, что у меня предполагается *соответствие* экономического порядка состоянию производительных сил данного времени. Если бы такого соответствия не было, то данный порядок был бы устаревшим, отжившим порядком, не соответствующим также и человеческой природе производителей того

же времени. Неужели же это не ясно? Ясно, да только не г. В. Чернову.

Предупреждаем читателя: все, что говорит в своем предисловии г. В. Чернов о марксизме и марксистах, похоже на то, что мы сейчас указали: все основывается на непростительной путанице понятий и фактов. И это не только там, где речь идет о теории. Излагая *практические стремления* марксистов,—иностранных и русских,—г. В. Чернов еще более перемешивает быль с небылицей. Место не позволяет нам, к сожалению, приводить новые примеры. Мы ограничимся тем, что посоветуем читателю проверить с помощью более достоверных источников все то, что говорит г. В. Чернов в своем «предисловии» о марксистской теории и практике.

Что касается возражений, делаемых г. Черновым против теории романских синдикалистов, то их надо признать справедливыми в той мере, в какой они основываются на положениях научного социализма, но *только* в этой мере. А эта мера весьма невелика вследствие того, что, как мы уже видели, положения научного социализма часто принимают в голове—или, может быть, только в *изложении?*—Чернова до последней степени уродливый вид.

Еще одно. Справедливо восставая против проповедуемой Сорэлем теории «социального мифа», г. В. Чернов, к сожалению, забывает спросить себя: не состоит ли эта поистине жалкая теория в родстве с нашей российской суб'ективной социологией, всегда пользовавшейся такой горячей симпатией со стороны его, г. Чернова.

О книге Н. Критской и Н. Лебедева

Н. Критская и Н. Лебедев, История синдикального движения во Франции 1789—1907. С предисловием Эмиля Пужэ, редактора «Голоса Народа», органа Всеобщей Конфедерации Труда. Книгоиздательство «Союз Труда». Москва 1908

Г.г. Критская и Лебедев говорят в предисловии к своей книге, что они хотели ответить на вопросы: что такое представляет собою синдикализм? Каковы его цели? В силу каких причин он явился во Франции? И это, конечно, очень похвальное намерение. Жаль только, что ему не суждено было осуществиться. Книга г.г. Критской и Лебедева дает самое превратное представление о том, что такое синдикализм; она очень неумело освещает его цели и вводит читателя в заблуждение насчет тех причин, которыми вызвано было его появление на свет. Словом, это—совсем плохая книга.

Эта совсем плохая книга снабжена плохим предисловием г. Э. Пужэ, который видит заслугу г.г. Критской и Лебедева в том, что они представляют нам синдикализм «бьющим ключом из недр самого народа, не вытекающим из какой-либо предвзятой доктрины, но являющимся инстинктивным проявлением духа протеста, стремлением народа—часто бессознательным—к улучшению своего благосостояния» (стр. III). Видя в этом заслугу авторов интересующей нас здесь книги, г. Пужэ, разумеется, и сам должен смотреть на синдикализм, как на движение, «не вытекающее из какой-либо предвзятой доктрины». Но такому взгляду явно противоречат следующие его же слова:

«Постановление Амьенского конгресса Всеобщей Конфедерации Труда [1]) определило положение синдикалистского движения и ясно провозгласило, что согласование рабочих сил происходит не только *вне* политических партий или философских сект, но помимо них... совершенно в другом направлении. Нельзя не настаивать на громадном значении этого постановления. Полная индиферентность в вопросах ре-

[1]) Этот конгресс состоялся осенью 1906 г.

лигиозных, патриотических, политических и философских есть существенное свойство синдикализма, и это-то составляет его ценность и плодотворность, ставит его выше всех злободневных вопросов и волнений, делая из него великую силу будущего» (стр. IV).

Оставим в стороне вопросы *религиозные*, *патриотические* и *философские*, обратив внимание лишь на отношение «синдикализма» к *политическим* вопросам. «Синдикализм» относится к ним, по словам г. Пужэ, *с полной индиферентностью*. Почему же? Потому ли, что французские рабочие, увлекающиеся синдикализмом, *еще не доросли до интереса к политике?* Нет, у г. Пужэ выходит, что они *уже переросли этот интерес* и, повернувшись спиной к политическим партиям, пошли «совершенно в другом направлении», вследствие чего и сделались великой силой будущего. Политический индиферентизм такого рода может быть результатом лишь вполне определенного взгляда на отношение политики к экономике. А если это так, то ясно, что г. Пужэ не прав, когда говорит, что «синдикализм не вытекает из какой-либо предвзятой доктрины». На самом деле ему следовало утверждать прямо противоположное: он должен был бы сказать, что отличительную черту французского синдикализма составляет именно его отрицательное отношение к политике, являющееся результатом известной «предвзятой доктрины» и именно *доктрины анархизма*. Но г. Пужэ не хотел сказать это, и понятно—почему. Он сам анархист, и, в качестве анархиста, он существенно заинтересован в том, чтобы не ослаблять влияние «предвзятой доктрины» анархизма на умы увлекающихся синдикализмом французских рабочих. А влияние на них анархизма, несомненно, ослабело бы, если бы эти рабочие поняли что, отворачиваясь от политических вопросов, они действуют по анархической указке. Вот почему французские анархисты, т.-е., собственно, те из них, которые примкнули к синдикализму, охотно изображают свойственное ему и у них же заимствованное отрицательное отношение к политике в виде стихийного результата развития классовой борьбы. И нельзя не признать, что этот их тактический прием по-своему весьма удачен. Но если бы г. г. Критская и Лебедев сами не находились под влиянием все той же «предвзятой доктрины», то они поняли бы, что, противореча самому себе, г. Пужэ в то же время жестоко искажает истину, и что поэтому его предисловие не разъясняет настоящего положения дела, а, напротив, очень сильно затемняет его.

Как плохо поняли наши авторы роль «предвзятой доктрины» синдикализма во французском синдикальном движении нашего времени,

видно из тех многочисленных противоречий, в которые попадают они, говоря об этой роли. Так, например, на стр. 247 они с одобрением приводят слова, сказанные синдикалистом Лятапи на Амьенском конгрессе 1906 г.: «Здесь слишком много говорили о социалистах и анархистах, но есть еще чистые синдикалисты. Необходимо, чтобы конгресс заявил, что *существует новая социальная теория — синдикализм*» [1]). Далее Лятапи указывал, что деятельность синдикатов не ограничивается только повседневной реформистской работой, но что они борются также и за полное общественное переустройство. Лятапи приглашал конгресс высказаться именно об этой новой доктрине...» На стр. 313 авторы с неменьшим сочувствием говорят по поводу того же Амьенского конгресса: «На этом конгрессе рабочий класс определенно заявил, что он считает себя способным вести борьбу против всех форм эксплоатации без всякого постороннего руководительства, и что чисто пролетарская теория — синдикализм, отрицающая всю структуру современного общества, разнится как от социализма, так и от анархизма».

Синдикалистская теория, *взятая в целом*, в самом деле, отличается как от анархизма, так и от социализма в том смысле, что она представляет собою винигрет из положений, заимствованных у того и у другого. Но как бы там ни было, а ясно, что раз она существует и раз она признана единой «чисто пролетарской теорией», то нельзя уже утверждать, что синдикальное движение во Франции развивается независимо от какой бы то ни было «предвзятой доктрины». И нельзя говорить, как говорят наши авторы, что, «чуждый узкого доктринерства, синдикализм привлекает в свои ряды пролетариев из всех областей промышленности и земледелия, что он об'единяет их без различия их политических, философских и религиозных возрений, требуя только одного — желания улучшить свое положение» (стр. 314).

Это — очевидная неправда: современный французский синдикализм требует от рабочих не только одного желания улучшить свое положение, но также и признания той теории, которую Лятапи провозгласил на Амьенском конгрессе официальной теорией Всеобщей Конфедерации Труда. Что бы ни представляла собой синдикалистская теория: «самопроизвольный» ли продукт развития рабочего класса, или же неудачную теоретическую стряпню анархистов, примкнувших к синди-

[1]) Курсив в тексте.

кальному движению и логикой этого движения вынужденных признать некоторые основные положения социализма, но несомненно, что в настоящее время Всеобщая Конфедерация Труда уже имеет свою «предвзятую доктрину», которую она и навязывает рабочим, желающим улучшить свое положение. Нужно быть слепым, чтобы этого не видеть.

Дело нисколько не исправляется тем, что наши авторы провозглашают синдикализм «самостоятельной доктриной», которая будто бы представляет собою «синтез всего пролетарского мировоззрения» (стр. 312 и 313). Это одна «словесность», свидетельствующая лишь о том, что г.г. Критская и Лебедев очень не сильны в анализе и... в «синтезе». В самом деле, если на Амьенском конгрессе рабочий класс «определенно заявил», что он считает себя способным вести борьбу без всякого постороннего руководительства, то это заявление может иметь двоякий смысл:

Или оно означает, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса, и в таком случае оно представляет собою лишь простое повторение тех знаменитых слов Маркса, которыми начинается устав «Международного Товарищества Рабочих».

Или же это заявление просто-напросто значит, что синдикалисты отказываются сблизиться с социалистической партией, ставя ее на одну доску с политическими партиями буржуазии, и тогда это заявление приходится рассматривать, лишь как свидетельство о том, что в «доктрину» синдикализма целиком вошло одно из основных положений анархической теории: отрицание политики.

Как в том, так и в другом случае ни о какой «самостоятельности» синдикалистской доктрины, очевидно, не может быть и речи.

На самом деле заявление, о котором мы говорим,—т.-е. собственно резолюция Амьенского конгресса, отклоняющая всякое сотрудничество Всеобщей Конфедерации Труда с Французской Социалистической Партией,—должно быть понимаемо в смысле анархического отрицания политики. Это принципиальное отрицание политики и показывает нам, как сильно было влияние анархистов на будто бы самостоятельную доктрину синдикалистов. То же сильное влияние сказывается и во всех рассуждениях наших авторов, являющихся, как видно, убежденными синдикалистами. Они говорят: «В своей социальной борьбе за освобождение пролетариат встречает сильного защитника буржуазии—современное государство. Долгое время большинство рабочих надеялось... добиться улучшения своей судьбы с помощью правительственной власти. Рабочий

класс верил в благодетеля-государство и ждал от него разрешения социальных проблем. Но правительственная политика,—издание законов против рабочего класса, избиение стачечников правительственными войсками, заключение в тюрьму наиболее энергичных рабочих и полное игнорирование нужд пролетариата,—открыла глаза рабочим и заставила их признать, что политическая власть представляет простое отражение экономической организации общества и что безразлично, будет ли она монархической или республиканской, она всегда является лишь исполнителем воли господствующих классов. Синдикализм вполне освободился от веры в благодетельное вмешательство государства и с подозрением встречает все законы буржуазного правительства» (стр. 291).

В этих рассуждениях нет ровнехонько ничего «самостоятельного». Они целиком заимствованы у анархистов. Когда читаешь подобные рассуждения,—а их очень много в книге г.г. Критской и Лебедева,—то кажется, что читаешь какую-нибудь страницу из сочинений М. А. Бакунина. У Бакунина же заимствовали синдикалисты вообще, и наши синдикалисты в частности (т.-е. авторы разбираемой книги), ту логическую ошибку, которая составляет неизменную основу всех подобных рассуждений: *так как* политическая власть представляет собою простое отражение экономической организации общества, *то* она всегда является лишь исполнительницей воли господствующих классов. Это совсем неосновательный вывод. Во-первых, то обстоятельство, что политическая власть является простым отражением [1]) экономической организации общества, отнюдь не ручается за то, что политическая власть всегда будет простой исполнительницей воли господствующих, т.-е. эксплоатирующих, классов. А если «экономическая организация» общества в своем развитии приведет к тому, что пролетариат захочет и будет в состоянии взять политическую власть в свои руки? Будет ли она и в этом случае орудием эксплоатирующих классов? Ясно,—что нет; ясно, что в таком случае политическая власть явится орудием рабочего класса, и что лишь от сознательности этого класса будет зависеть более или менее удачное употребление в дело этого орудия. Но Бакунин никогда не понимал этого. Усвоив себе ту мысль Маркса, что политические отношения всякого данного общества определяются его экономической структурой, он сделал из этой правильной мысли тот неправильный вы-

[1]) Термин «отражение» здесь совсем неуместен, но нам нет надобности останавливаться на этом.

вод, что пролетариат должен быть равнодушен к политике. Этот чудовищно неправильный вывод,—следствие уродливого понимания материалистического об'яснения истории,—уже самим Бакуниным было положен в основу всей тактики анархистов, а от анархистов он, как мы это теперь видим, перешел к синдикалистам, и выдается нашими авторами за «самостоятельный» теоретический продукт развития рабочего движения. Нечего сказать, хороша самостоятельность!

Наши авторы утверждают далее, что «парламент, по мнению синдикалистов, представляет специфически буржуазное учреждение, где абсолютно невозможна борьба классов, возможно только их сотрудничество» (стр. 292, 293). В подтверждение этого они приводят следующие слова анархиста Пужэ: «внутреннее разложение парламентов, их незнание народных стремлений, а также их бессилие настолько общеизвестны, что на этом бесполезно настаивать» (стр. 293). Очень жаль, что они поверили Пужэ и сочли «бесполезным» остановиться на этой мысли. В ней очень много несообразного. Что значит бессилие парламента? То ли, что парламент не способен обнаружить силу там, где речь идет о защите интересов буржуазии? Конечно, нет. Сам Пужэ, конечно, не откажется признать, что парламенты вовсе не бессильны, как орудие защиты буржуазных интересов. А в таком случае остается предположить, что парламент бессилен, как средство выражения воли пролетариата. Но тогда возникает вопрос: чем же обусловливается это его бессилие? На этот вопрос мы не находим никакого ответа ни у наших авторов, ни у цитируемого ими Пужэ. Впрочем, позвольте, у Пужэ, в предисловии к разбираемой нами книге, мы встретили мысль, которая может быть, пожалуй, принята и за ответ на указанный вопрос: Пужэ превозносит политический индиферентизм сознательных рабочих. И если бы сознательные рабочие были в самом деле индиферентны в политическом отношении, то стало бы совершенно понятно, почему их воля не находит себе выражения в парламенте: именно потому, что они поворачиваются к парламенту спиной. Но на самом деле даже во Франции сознательные рабочие вовсе не так равнодушны к политике, как этого хотелось бы Пужэ. Поэтому нам приходится искать другого ответа на вопрос: в какой мере парламенты могут служить орудием защиты интересов пролетариата. Наши авторы цитируют следующие слова Мерейма: «Мы считаем парламент учреждением, только регистрирующим рабочую волю; все законы, издаваемые им, имеют ценность постольку, поскольку им придает ее рабочая сила» (стр. 293). Г.г. Критская и Лебедева, а с ними и сам Мерейм, думают, что эти слова поясняют и подтверждают мысль

о бессилии парламента. Но это—огромная ошибка. Слова Мерейма, наоборот, опровергают эту мысль; они говорят, что парламенты бессильны лишь до тех пор, пока не определилась рабочая воля и не окрепла рабочая сила. И это в известных пределах справедливо. Но отсюда следует совсем не то, что пролетариат должен отказываться от политики. Слова Мерейма о парламентах, как учреждениях, только регистрирующих рабочую волю, могут, пожалуй, быть поняты в том смысле, что там, где существует парламент, внутреннее развитие страны, вследствие точного регистрирования парламентом воли народа, не может подать повода к политическим «скачкам и катастрофам». Но это неверно, именно потому я и говорю, что слова Мерейма справедливы лишь в известных пределах. Однако это отнюдь не устраняет того чрезвычайно курьезного обстоятельства, что всякий раз, когда синдикалистам приходится высказать более или менее правильную политическую мысль, они приходят в противоречие со своим собственным принципиальным отрицанием политики.

На стр. 95 своей книги наши авторы говорят: «Парижская Коммуна была «*третьим поражением*» французского пролетариата, по выражению Бенуа Малона. Политическая власть находилась в руках рабочих, они были хозяевами всемирного города в течение целых 70 дней, но полная победа рабочего класса не может быть следствием захвата власти; необходимо, чтобы пролетариат ясно сознавал свои цели и был об'единен в свои собственные организации, которые сейчас же могли бы заменить учреждения современного общества и устроить производство и потребление на новых началах».

На стр. 301 мы встречаемся с тем утверждением, что социалистическое правительство неспособно было бы ввести социалистический порядок, потому что «для этого нужно вполне сознательное отношение рабочих, иначе декреты правительства останутся без изменения».

Тут каждое слово опять обнаруживает безнадежную путаницу понятий. Само собой разумеется, что полная победа пролетариата немыслима без ясного сознания им своих целей и без наличности сильных рабочих организаций. Само собой разумеется, что никакое правительство не может основать новый порядок там, где этого порядка не понимают те люди, которые должны участвовать в его осуществлении. Но почему же наши авторы думают, что при наличности сильных рабочих организаций и ясного сознания своих целей пролетариатом этому последнему не будет никакой надобности в обладании политической властью? Только потому, что они, к сожалению, находятся под сильнейшим

влиянием «предвзятой доктрины» синдикализма, составной частью которого служит, как мы видели, старое анархическое отрицание политики.

История французского синдикализма очень интересна и поучительна особенно для России, в которой профессиональное движение только еще начинается. Русским людям, сочувствующим этому движению, как нельзя более полезно будет вдуматься в судьбы и в «самостоятельную теорию» французского синдикализма. Но плохая книга г.г. Критской и Лебедева не принесет им ровно никакой пользы в этом случае. О ней приходится сказать то же, что мы сказали выше о предисловии к ней Пужэ: она не выясняет настоящего положения дела, а только затемняет его.

Ответ на анкету о всеобщей стачке [1])

Вам желательно узнать мое мнение о всеобщей стачке.

Вот оно:

Всеобщая стачка — всеобщей стачке рознь.

Всеобщую стачку можно рассматривать, как средство произвести социальную революцию путем одновременного прекращения работ во всех отраслях производства данной страны; в этом смысле она есть лишь утопическая и противоречивая идея.

Прекратив всю производственную деятельность, рабочие рисковали бы умереть от голода прежде, чем они уморили бы голодом буржуазию.

Это не все. Для того, чтобы рабочий класс устроил подобную стачку, его организация и дисциплина должны достигнуть наивысшего уровня развития. Но тогда пролетариат сделал бы непростительную и непонятную ошибку, если бы он ограничился *отказом от работ* вместо того, чтобы *делать свою революцию.*

Но всеобщую стачку можно рассматривать и с другой точки зрения.

Вместо того, чтобы рассматривать ее, как средство *делать* социальную революцию, ее можно рассматривать, как средство агитации, *расчищающей дорогу* для этой революции.

В этом случае революционному пролетариату не приходится скрестить руки и ждать до тех пор, пока буржуазное общество не падет от его бездействия. Пролетариат перейдет в нападение в тот момент, когда он увидит, что его ряды достаточно многочисленны, а неприятельские ряды достаточно дезорганизованы.

Всеобщая стачка в этом смысле не заменила бы собой политической борьбы пролетариата. Наоборот, *она только способствовала бы завоеванию политической власти всем пролетариатом.*

Наконец, в этом случае, стачка не должна быть всеобщей в строгом смысле этого слова. Она должна быть *достаточно распространенной*

[1]) См. *Г. Лагарделль,* Всеобщая стачка и социализм. Международная анкета.

для того, чтобы сделать возможной революционную борьбу пролетариата.

Я полагаю, что идея всеобщей стачки в этом смысле не заключает в себе ничего утопического, и что международная социалистическая партия была бы неправа, если бы она отвергла эту идею.

Мне хорошо известно, что, благодаря недавнему опыту бельгийских товарищей, многие наши товарищи относятся довольно скептически к этой идее. Но не нужно забывать того, что этот опыт производился при исключительно неблагоприятных условиях, и было бы странно думать, что эти условия будут представляться везде и повсюду.

Я позволю себе привести пример моей родной страны, где речь идет пока не о завоевании политической власти пролетариатом, а о борьбе с абсолютизмом: я скажу, что *крупные стачки*, имевшие место в наших южных городах летом 1903 года,—что эти стачки, несмотря на все ужасы вызванной ими репрессии, составляют эпоху в истории нашего рабочего движения.

Вот все, что я думаю о всеобщей стачке.

АНАРХИЗМ

Элизэ Реклю, как теоретик анархизма

Передо мною лежит книга покойного Элизэ Реклю «L'évolution la révolution et l'idéal anarchique» («Эволюция, революция и анархический идеал»), вышедшая в нынешнем году новым, *шестым* изданием. Уже один тот факт, что книга эта выдержала шесть изданий в четырнадцать лет,—ее первое издание появилось в 1892 году,—свидетельствует об ее успехе. Да и нельзя удивляться этому ее успеху. Элизэ Реклю по справедливости считался одним из самых выдающихся литературных представителей современного анархизма. Как теоретик, он уступал только нашему известному соотечественнику П. А. Кропоткину; а что касается литературного таланта, то он, без сомнения, занимал первое место между современными ему анархистами. Впрочем, литературный талант Элизэ Реклю известен даже очень многим из тех, которые вовсе не знакомы с его сочинениями, посвященными пропаганде анархизма. Достаточно прочитать несколько десятков страниц из знаменитой «Nouvelle Géographie», чтобы составить себе ясное представление об огромном литературном даровании ее автора. А к литературному таланту надо прибавить еще обаяние замечательной личности Элизэ Реклю, отличавшегося безупречной честностью и прямотой. Анархисты по справедливости гордились «своим» Элизэ Реклю, и понятно, что его книга, о которой я здесь говорю,—самое об'емистое изо всех произведений, написанных им на анархические темы, — должна была занять весьма почетное место в их библиотеках. Но ввиду этого понятно и то, что я хочу заняться ее критическим разбором. Ознакомившись с ее сильными и слабыми сторонами, мы тем самым ознакомимся с сильными и слабыми сторонами современной теории так называемого коммунистического анархизма [1]).

---

[1]) Кроме этого анархизма существует еще *индивидуалистический анархизм*. Самым выдающимся его представителем является теперь американец Бенджэмин Р. Тэкер, статьи которого об анархизме собраны в довольно об'емистый том, озаглавленный «*Instead of a book*.—By a man too busy to write one» («Вместо

I

По своим стремлениям Элизэ Реклю был убежденным *революционером*. Но он не противопоставлял революции *эволюцию,* как это делали некоторые наши революционеры, более или менее склонявшиеся к народничеству, напр., покойный П. Н. Ткачев, — и как это до сих пор делают некоторые «критики Маркса», об'являющие несостоятельным самое понятие: революция. Напротив, он думал, что *революции предполагают эволюцию, а эволюция обусловливает собою революции.* «Эволюция и революция, — говорит он в разбираемой книге, — суть два последовательных акта одного и того же явления, так как эволюция предшествует революции, а революция предшествует новой эволюции, которая породит будущие революции. Может ли изменение совершиться, не вызывая внезапных перемещений равновесия жизни? Не должна ли революция с такой же необходимостью следовать за эволюцией, с какой действие следует за решением действовать? Одна отличается от другой лишь временем своего появления» [1]). Реклю приводит в пример реку, запруженную обвалом. «Вода мало-по-малу накопится перед этим препятствием, так что путем медленной эволюции образуется целое озеро; потом вода просочится через запруду, и падение одного какого-нибудь камня вызовет катаклизм: плотина будет снесена потоком, а озеро опять станет рекою. Так совершится маленькая революция на земной поверхности» [2]).

Несколько выше Элизэ Реклю говорит, что «наука не видит никакой противоположности между этими двумя словами — эволюция и революция, которые очень похожи одно на другое, но которые в обыкновенной речи употребляются в смысле, совершенно отличном от их первоначального значения. Вместо того, чтобы видеть в них факть одного и того же порядка, отличающиеся друг от друга только размахом (l'ampleur) движения, люди боязливые, приходящие в ужас от каждой перемены, стараются придать этим двум терминам совершенно противоположный смысл. *Эволюция*, синоним постепенного и непрерывного развития в идеях и нравах, изображается так, как будто бы она представляла собою нечто противоположное этой страшной вещи—*революции*, означающей быстрые перемены в явлениях» [1]).

Наш автор спешит пояснить при этом, что только невежды могут думать, будто между революцией и эволюцией существует такая же разница, как между войной и миром, между мягкостью и насилием. «Революции могут происходить мирным путем, вследствие внезапного изменения среды, вызывающего быстрый переворот в интересах; точно так же эволюции могут совершаться с большим трудом, сопровождаясь войнами и преследованиями» [2]). Это очень полезно отметить для тех, которые склонны отождествлять силу с насилием, а революцию с дракой.

Известно, что современные «эволюционисты» весьма охотно повторяют слова Линнея: «non facit saltus natura». По этому поводу Элизэ Реклю замечает, что, без сомнения, природа скачков не делает, но что «каждая из эволюций совершается посредством перемещения сил в новом направлении». По его словам, общее движение жизни в каждом отдельном существе и в каждом ряде существ нигде не показывает нам непосредственного продолжения (une continuité directe), но всегда обнаруживает непрямую, так сказать, революционную последовательность. Ветка не вырастет на ветке в направлении длины этой последней; цветок не есть продолжение листка; пестик не составляет продолжение тычинки, а яичник отличается от тех органов, из которых он произошел и т. д. (стр. 18 — 19).

Остановимся пока на этом. В том, что наш автор говорит об отношении эволюции к революции, очень много верного. Но там встречается также очень много больших неясностей и ошибок, мешающих как читателю, так, очевидно, и самому автору благополучно свести в этом вопросе концы с концами. Реклю противоречит сам себе. С одной стороны, у него выходит, что между эволюцией и революцией нет «никакой противоположности» [3]), и что противоположность между ними придумана боязливыми людьми, приходящими в ужас при мысли о революции. А, с другой стороны, он сам же категорически заявляет, что революция есть «внезапное перемещение равновесия жизни», между тем как

книги.—Человека, слишком занятого, чтобы написать таковую»), Нью-Иорк 1897 г. Индивидуалистическое течение в анархизме чрезвычайно интересно, и я еще займусь им.

[1]) Стр. 15.

[2]) Стр. 15 — 16.

[1]) Стр. 4.

[2]) Стр. 5.

[3]) Реклю говорит, что противоположности нет между этими двумя *словами*. Но дело тут, разумеется, не в словах,—да и что за противоположность между словами? — а в тех понятиях, которые обозначаются этими словами. Реклю просто сделал описку.

эволюция состоит в медленном изменении. Это далеко-далеко не одно и то же. *Внезапное* противопоставляется здесь *медленному,* и раз мы принимаем существование такой противоположности, мы уже не имеем права говорить, что она есть не более, как выдумка невежд. Но Реклю не замечает этого коренного и весьма досадного противоречия. На самом деле он, — не замечая и не подозревая этого, — находится под влиянием того мнения, которое он же и оспаривает. Поэтому он оспаривает его неловко и непобедоносно. Он соглашается с Линнеем в том, что движение в жизни совершается путем «революционной» последовательности, а не путем непосредственного продолжения. Я оставлю без рассмотрения те доводы, которые он приводит в подтверждение этой мысли, и ограничусь анализом ее самой [1]).

Что такое непрямая последовательность, как, понятие, противоположное непосредственному продолжению? Ясно, что она есть не что иное, как *нарушение* непосредственного продолжения — *перерыв* его. А что же такое *перерыв,* если не *скачок?* Стало быть, «движение жизни» совершается скачками. А если движение жизни совершается скачками, то как же можно повторять за Линеем: non facit saltus natura? И разве тот «катаклизм», о котором говорит Реклю в своем примере реки, запруженной обвалом, не представляет собою самого несомненного скачка?

Признав, что природа скачков не делает, Реклю попадает в затруднительное положение человека, вынужденного отрицать ту самую мысль, правильность которой ему хочется доказать. Из этого затруднительного положения он пытается выйти посредством затушевыванья различий между теми понятиями, которые ему нужно различить одно от другого. Затушевывание различий между ними приводит к тому, что понятие «*революция*» признается логически правомерным лишь под тем условием, чтобы революция составляла с «эволюцией» факт одного и того же порядка и отличалась от нее «только размахом движения»,

[1]) Позволю себе, впрочем, следующее замечание: Реклю говорит, что пестик не составляет продолжения тычинки, а лист не есть продолжение цветка. Но различие состоит здесь в *функциях*, и весь вопрос заключается в том, создается ли различие функций путем одних *медленных изменений,* или же оно предполагает скачок. Примеры, приводимые Реклю, не разрешают этого вопроса, а только лишний раз напоминают о том, что его надо разрешить. Я уже не говорю о том, что пестик часто находится на другом индивидууме, чем тычинка, и уже по одному тому не может служить ее «продолжением».

т.-е. лишь *количественно.* Но разве эволюция сохраняет всегда тот же самый «размах движения»? Конечно, нет. В разных ее областях и фазах размах свойственного ей движения тоже не одинаков. Спрашивается: существует ли черта, отделяющая размах, свойственный эволюции, от размаха, свойственного революции? Если она существует, то между эволюцией и революцией есть *не только количественное* различие. А если ее нет, то понятие: «революция» сливается с понятием: «эволюция».

Реклю не дает ответа на этот вопрос, да и не может дать его. Он все больше и больше запутывается в своих различиях. На стр. 14-й он говорит:

«В самом деле, эволюция охватывает всю совокупность человеческих вещей, и революция тоже должна (!) охватывать ее, хотя и нет очевидного параллелизма между теми частными событиями, из которых слагается жизнь обществ». Здесь мы покидаем *почву логики* и переходим в область *долженствования и желания.* «Все роды прогресса солидарны между собой,—продолжает в том же духе наш автор,—и мы желаем всех их по мере наших сил и знаний: желаем прогресса социального и политического, нравственного и материального, прогресса в науке, в искусстве или в промышленности. Эволюционисты во всем, мы точно так же во всем революционеры, зная, что сама история есть лишь ряд исполнений, следующих за приготовлениями. Логическим следствием умственной эволюции, освобождающей умы, является фактическое освобождение индивидуумов во всех их отношениях к другим индивидуумам».

Я потому сделал эту длинную выписку, что здесь различие между эволюцией и революцией выступает перед нами в новом виде. Областью эволюции оказывается здесь *умственная* область,—область, в которой совершается «освобождение умов», — а революции отводится область *фактических отношений* между людьми. Но фактические отношения между людьми не всегда изменяются с одинаковой быстротою. «Размах» их изменений бывает различен, смотря по обстоятельствам времени и места. То же самое следует сказать и о процессе «освобождения умов»: его «размах» не везде и не всегда одинаков, значит, в каждой из этих двух областей может иметь место и эволюция, и революция; значит, мы опять оказываемся перед нашим вопросом о том, чем отличается революция от эволюции.

Реклю так и не справился с ним, хотя ответ на него был дан еще Гегелем, в его большой «*Логике*».

II

Гегель совсем отвергает ту мысль, что природа не делает скачков. Напротив, она делает их, по его учению, на каждом шагу. Возьмите хоть воду. В зависимости от своей температуры, она является *твердым телом* (лед), *жидкостью* (собственно вода) и *паром*. Переход воды в пар *подготовляется постепенно:* вода постепенно нагревается до точки кипения — но совершается он *вдруг, скачком*. И подобными скачками совершаются все изменения свойств. Количественные изменения сначала не сопровождаются изменениями качества; но с постепенным изменением количества приходит, наконец, такой момент, когда происходит изменение качества, и это изменение представляет собою скачок, *перерыв постепенности*. Если бы мы не знали такого рода скачков, то мы решительно не в состоянии были бы об'яснить происхождение вещей. Гегель ядовито осмеивает то учение о развитии, которое с ложным видом глубокомыслия признает одни только медленные, постепенные изменения. По его словам, люди, придерживающиеся этого учения, воображают себе вещи сначала очень маленькими, а потом заставляют их постепенно увеличиваться в своих размерах. Вследствие этого маленькая вещь постепенно становится большой, и это изменение ее размеров глубокомысленно считается об'ясняющим ее происхождение. Но на самом деле ее происхождение остается совершенно необ'яснимым, а вещь уже с самого начала *предполагается готовой*. Но это,—прибавляю я от себя,—значит не превзойти затруднение, а только *предположить* его превзойденным.

Революция, скачок, есть перерыв постепенности, и так как революция есть перерыв постепенности, она существенно отличается от эволюции, поскольку эта последняя тождественна с ***медленными изменениями количества***.

Нередко указывают на Ляйелля, который будто бы совершенно устранил из геологии *теорию катастроф*. Но при этом смешиваются две очень различные вещи. Ляйелль устранил из геологии ту теорию катастроф, которая была выработана Жоржем Кювье и согласно которой земля переживала время от времени революции, обновляющие ее флору и фауну и вызываемые неизвестными причинами. Ляйелль утверждал, что перемены, испытываемые земной поверхностью, должны быть об'ясняемы и об'ясняются действием тех самых сил, разнообразное влияние которых мы наблюдаем и в наше время. Вот и все. Знаменитый английский геолог был совершенно прав; но его теория устранила собственно

не катастрофы вообще, а лишь те катастрофы, с помощью которых Ж. Кювье об'яснил историю земной поверхности и ее обитателей. Ляйеллю и в голову не приходило сомневаться в возможности катастроф (т.-е. скачков) вообще. Подобное сомнение возможно было бы для него только в том случае, если бы он предварительно усомнился в том, что на нашей планете время от времени происходят землетрясения, горные обвалы, вулканические извержения и т. д. и т. д. Для человека в здравом уме и твердой памяти подобное сомнение просто-напросто немыслимо.

Точно так же любят ссылаться на Дарвина, который в своей знаменитой теории опирается на крайне медленные, постепенные изменения видов. Но замечательно, что нынешняя биология с большим сомнением относится именно к этой стороне учения Дарвина. Открытия де-Фриса, Армана Готье, Жирара и других показывают, что изменение видов совершаются подчас *очень быстро*. Эти открытия делают очень вероятной выдвинутую де-Фрисом теорию *спазмодического прогресса*,—теорию, в которой внезапные революции занимают очень видное место рядом с медленной эволюцией.

Элизэ Реклю был, повидимому, знаком с фактами, подтверждающими эту теорию. Он как будто намекает на них в своей книге. Но тогда тем более непонятно, каким образом он мог согласиться с Линнеем.

Вообще нужно заметить, что полное незнакомство с классической немецкой философией должно быть признано источником многих методологических и других ошибок Реклю. Мы уже видели, что его логика не всегда безупречна, что он, как сказал бы Гегель, не может быть признан мастером в обращении с мыслями. А, кроме того, я напомню читателю о промахе, сделанном нашим автором в предисловии к книге покойного Л. И. Мечникова: «Цивилизация и великие исторические реки». Реклю об'явил там, что содержащееся в этой книге учение о влиянии географической среды на историческое движение человечества составит эпоху в истории географической науки. Он совсем не знал, — как совсем не знал и сам Л. И. Мечников,—что в «Philosophie der Geschichte» Гегеля, в главе «Geographische Grundlage der Weltgeschichte», предвосхищены были почти все существенные положения теории Мечникова [1]).

---

1) Кстати, Элизэ Реклю относит Гегеля к числу тех, которые хотели, чтобы власть в обществе принадлежала философам. Гегель очень весело расхохотался бы, если бы услышал столь неосновательное обвинение.

Мы знаем теперь, что отношение революции к эволюции, — взятое с его формальной стороны,—осталось для Элизэ Реклю неясным. Посмотрим же, каким содержанием наполняет он эти два понятия.

«Эволюция предшествует революции, а революция предшествует новой эволюции, которая породит будущие революции». Это правильная мысль, до некоторой степени искупающая указанные мною ошибки Реклю. Но чем же обусловливается эволюция? Чем вызывается революция? Само собою разумеется, что на эти вопросы уже нельзя ответить одними формальными определениями. Эти вопросы должны быть поставлены на конкретную почву. Эволюция в природе не то, что эволюция в человеческом обществе. То же и с революциями. Поэтому я спешу заметить, что взгляды Реклю интересуют меня здесь исключительно в их применении к человеческому обществу.

III

Покойный М. А. Бакунин,—один из родоначальников нынешнего анархизма,—держался того убеждения, что развитие человеческого общества обусловливается в последнем счете его *экономическим* развитием. В своей полемике с Мадзини, — где он подробнее, чем в других своих сочинениях, изложил это свое убеждение, — он говорит: «Эта столь верная идея, высказанная и развитая двадцать лет тому назад Карлом Марксом, непременно должна оспариваться Мадзини, который, в качестве последовательного идеалиста, воображает, что в истории человечества, точно так же, как в развитии собственно материального мира, идеи... предшествуют фактам и создают их» [1]).

Бакунин опровергает даже ту мысль Мадзини, что «религии управляют миром», и что кастовое устройство индийского общества об'ясняется браманизмом, по учению которого различные касты произошли из различных частей тела Брамы. «Мадзини до такой степени идеалист, — говорит Бакунин, — что он даже не замечает, что, приводя в пример браманизм, он доказывает прямо противоположное тому, что ему хотелось бы доказать. Можно ли принять то нелепое предположение, что целый народ, бывший сначала свободным, мог *добровольно* подчиниться самому тяжелому и самому унизительному порабощению единственно потому, что служители религии убедили его, будто он был создан из ног Брамы? Разве это не было бы чудом?» [1]) Чтобы об'яснить подобное чудо, нужно было бы, по мнению Бакунина, допустить одно из двух: «или что народ Индии от природы любит рабство, стремится к нищете, страданиям и унижению подобно тому, как другие стремятся к свободе, богатству, наслаждениям и почестям. Но такой народ простонапросто невозможен, так как все, что живет,—не только люди, но самое последнее, самое ничтожное на земле,—инстинктивно и всеми силами восстает против всякого посягательства на его независимость, т.-е. на условия его существования и его естественного развития». Или же Брама, это воплощение вечного божества, употребил в дело все то могущество, которым он обладал, чтобы наложить на индийский народ это суровое рабство. Но это, конечно, еще менее возможно. Волей-неволей приходится предположить более вероятный и менее сверх'естественный ход событий. Со своей стороны, Бакунин думает, что индийские касты явились, как «последний результат длинной борьбы между различными элементами, между многими социальными силами, которые, после долгих взаимных нападений, кончили тем, что, худо или хорошо, уравновесились в известном общественном строе индусов» [2]).

Собственно говоря, Бакунин не доходит здесь до той, глубже всех других лежащей, причины, на которую он сам указывает, признавая исторический материализм Маркса, как на об'яснение исторического процесса. Ему не удается открыть причинную связь между религиозным учением браминов и *экономической историей* Индии. И вообще исторический материализм Маркса был понят им очень поверхностно и односторонне. Ниже я еще вернусь к этому, а теперь пока ограничусь тем замечанием, что Бакунин, по крайней мере, *старался* дать своим историческим и политическим взглядам новую, *материалистическую* основу и сознавал несостоятельность исторического *идеализма*. Не то с Реклю, который считал себя, однако, последователем Бакунина. В своей философии истории,—он сам употребляет это выражение на стр. 55 своей книги,—он остался ***идеалистом чистейшей воды,*** вроде французских просветителей XVIII века.

По его мнению, ни один факт в истории не установлен более твердо, чем тот, что внешняя форма общества должна изменяться пропорционально внутреннему напору (en proportion de la poussée intérieure). Что

[1]) «La théologie politique de Mazzini et l'Internationale», par *M. Bakounine*, membre de l'Association Internationale des Travailleurs. Première partie. Commission de propagande socialiste, 1871, стр. 78.

[1]) Ibid.,стр. 79.

[2]) Ibid., стр., 82.

же это за внутренний напор? Чем он обусловливается? «Соком образуется дерево, его листья и цветы; кровью создается человек; идеями делается общество»,—отвечает Реклю [1]). Это как раз тот взгляд, которого держались французские просветители XVIII столетия, на разные лады повторявшие, что c'est l'opinion qui gouverne le monde (мир управляется мнениями). И это у нашего автора не случайная обмолвка, не временная, преходящая неясность мысли. Нет, это у него твердое, продуманное убеждение. Поступательное движение человечества обусловливается ходом идей. Поэтому ход идей должен быть признан наилучшим мерилом прогресса. «Чтобы констатировать прогресс, надо было бы знать, насколько увеличилось в ходе истории число таких людей, которые думают и поступают, не обращая внимания на то, рукоплещут им, или же свищут» [2]).

Это напоминает историческую (тоже насквозь пропитанную идеализмом) теорию П. Л. Лаврова, как ее излагали его знаменитые в свое время «Исторические письма»: ход истории определяется деятельностью критически мыслящих личностей. Элизэ Реклю говорит это почти теми же самыми словами. «Нужно дойти до индивидуума, т.-е. до первоначальной клеточки общества, — утверждает он, — чтобы найти причины общей трансформации, с ее многообразными изменениями, соответствующими времени и месту» [3]). «В истории мы видим зрелище того, как свободный индивидуум, несмотря на те границы, которые поставлены ему во времени и в пространстве, успевает наложить свою личную печать на окружающий его мир, окончательно изменить его посредством открытия какого-нибудь закона, посредством совершения какого-нибудь дела, посредством употребления какого-нибудь нового приема, иногда даже посредством какого-нибудь прекрасного слова, остающегося в памяти вселенной (!). В истории легко можно различить след тысяч и тысяч героев, о которых известно, что они своими личными усилиями решительно содействовали коллективной работе цивилизации» [4]).

Итак, рядом с личной деятельностью героев шла еще коллективная работа цивилизации. Эту работу совершали, очевидно, люди, не обладавшие свойствами героев. И эти люди, не обладавшие свойствами *героев*, очевидно, составляли *толпу*. В чем же заключаются отличительные свойства толпы?

[1]) Стр. 193.
[2]) Ibid., стр. 53.
[3]) Ibid., стр. 69.
[4]) Ibid., стр. 66.

«Очень значительное большинство людей,—говорит Элизэ Реклю,— состоит из индивидуумов, живущих без усилия (sans effort), как живет растение, и нисколько не старающихся воздействовать, в дурную или в хорошую сторону, на окружающую их среду, в которой они купаются, как капля воды в океане» [1]).

Стало быть, герой отличается от человека толпы именно тем, что П. А. Лавров называет критической мыслью. Благодаря критической мысли, личность в огромной степени увеличивает свой удельный вес. «Не желая преувеличивать здесь личную ценность человека, ставшего сознательным в своих действиях и решившегося употребить свою силу для борьбы за свой идеал, мы должны признать, — заявляет наш автор,— что такой человек представляет собою целый мир по сравнению со множеством других, живущих в полуопьянении или в полной дремоте мысли и без малейшего внутреннего возмущения шествующих в рядах армии или в процессии богомольцев. В известный момент воля одного человека может преградить путь паническому (?) движению целого народа. Некоторые героические смерти должны быть отнесены к числу великих событий в истории народов; но насколько более важна была роль личностей, посвятивших свою жизнь общественному благу» [2]).

Чтобы не быть заподозренным в аристократизме, Реклю прибавляет, что, говоря о лучших людях, он имеет в виду вовсе не тех, которые обладают властью и богатством. Аристократы этого последнего рода всегда были тормазами прогресса. «Рассматриваемые с общей точки зрения, летописи человечества могут быть определены, как повествование о борьбе между теми, которые, поднявшись до господствующего положения, пользуются силой, приобретенной поколениями, и теми, которые с энтузиазмом стремятся к творческой деятельности». Прометей был прикован к скале богами, т.-е. *лучшими* в официальном смысле [3]).

На этот счет никакое сомнение невозможно: лучшие люди Реклю не имеют ничего общего с обладателями власти и богатства. Вполне верно и то, что критическая мысль, — а следовательно и критически-мыслящая личность, — играла чрезвычайно важную роль в истории человечества. Карлейль называл «героев» начинателями (beginners). Этим почетным именем можно назвать всех критически-мыслящих личностей. Но ведь история не tabula rasa, на которой «начинатели» пишут

[1]) Ibid., та же страница.
[2]) Ibid., стр. 67.
[3]) Ibid., стр. 73.

свое новое слово. Реклю сам признает, что если, с одной стороны, герои кладут печать на окружающую среду, то, с другой стороны, они испытывают на себе влияние среды [1]). Стало быть, мы видим здесь *взаимодействие между личностью и средой*. Но из кого состоит среда «с ее традиционной нравственностью, религией, политикой»? Тоже из личностей, хотя и бессознательных «в очень значительном большинстве». Чем же определяется «традиционная нравственность, религия, политика» *этих* личностей? *Их* идеи, очевидно, не могут быть об'яснены влиянием среды. Откуда же они берутся? Можно, пожалуй, утверждать, что «очень значительное большинство» людей настоящего времени имеет те идеи, которые пущены были в оборот героями предыдущей эпохи, и которые тогда казались вредными и опасными очень значительному «большинству». Это будет даже последовательно: так как общество «делается идеями», то естественно считать идеологов демиургами общества. Но откуда же берутся идеи идеологов? Это вопрос, на который идеализм не отвечает, да и не может ответить, потому что идеи являются для него последней, самой глубокой причиной общественного развития.

Не отвечает на этот вопрос и наш автор. Правда, у него встречаются такие строки: «Прежде народы видели последовательную смену событий, не стараясь открыть в ней какой-нибудь порядок; но теперь они познают их связь, изучают их неумолимую логику и начинают понимать, что им для своего освобождения тоже нужно действовать в определенном направлении» [2]). Это является как будто уклонением его от идеализма. То, что говорится здесь им о неумолимой логике событий, наводит на мысль о законосообразном ходе общественного развития. А сказанное у него дальше о том, что, изучая эту логику, люди определяют свой собственный способ действий, дает повод думать, что, по мнению Реклю, «народы» считаются теперь с этим законосообразным ходом. Тут есть зародыш правильного взгляда на общественную жизнь, и если бы Реклю до конца продумал написанное здесь им же самим, то он увидел бы себя вынужденным *отказаться от идеализма*. В самом деле, на чем основывается связь событий и их неумолимая логика? На ходе развития идей, если верно то, что общество делается идеями. А почему ход идей принимает то, а не другое направление? Почему он в данном месте и в данное время совершается очень быстро, а в другое время

[1]) Стр. 65.
[2]) Стр. 58.

или в другом месте становится крайне медленным? Тут тоже должна быть какая-то законосообразность, которая совсем не об'ясняется для нас апелляцией к идеям, «делающим общество», потому что такая апелляция заводит нас в заколдованный круг. Ясно, что тут мы должны выйти за пределы идеологий и перейти в какую-то другую область, определяющую собою законосообразный ход идейного развития. Какая же это область? ***Идеализм*** не может найти ее, так как, найдя ее, он перестал бы быть идеализмом [1]). ***Материализм*** же говорит, что эта область есть область тех отношений производства, которые возникают независимо от сознания и воли людей. Этими отношениями обусловливается вся совокупность прочих общественных отношений, вся «социальная структура», которая определяет собою свойства «социальной среды» и которая в своем развитии обнаруживает свою собственную об'ективную и действительно неумолимую логику. Кто понял законы этой логики, тому ясно, почему «коллективная работа цивилизации» совершается так, а не иначе, и тот уже не вернется к историческому идеализму.

Реклю не додумался до этого. Он остался историческим идеалистом, и его соображения о законосообразности общественного развития и о неумолимой логике общественных отношений только нарушали стройность его идеалистических взглядов. Вот, например, он говорит, что реформация была совершена известным классом, равно как и великая французская революция [2]). Это — неточное выражение. Все великие общественные движения являются *делом большинства*. Но то верно, что до сих пор *результатами* каждого такого движения пользовалось, главным образом, *меньшинство*, т.-е. известный *класс*. Это собственно и хочет сказать Реклю. И тут он прав; тут он как будто даже становится на точку зрения борьбы классов. А точка зрения борьбы классов заключает в себе некоторые весьма существенные данные для *материалистического* об'яснения истории. Уже возражения, которые Бакунин делал Мадзини и которые приведены мною выше, отчасти показывают, что идеализм неспособен удовлетворительно об'яснить возникновение общественных классов и их взаимные отношения. Но хотя сожительство идеализма с теорией борьбы классов и не может быть признано вполне

[1]) Но он может *подготовить* ее открытие. Так, идеализм Гегеля во многих отношениях подготовил появление материализма Маркса. Подробнее об этом см. в статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», напечатанной в нашем сборнике «Критика наших критиков» [Сочинения, т. XI].
[2]) Стр. 45.

законным в логическом отношении, однако, оно представляет собою не очень редкий случай в истории общественных теорий новейшего времени. Сэн-Симон и французские историки времени реставрации стояли на точке зрения классовой борьбы, не переставая быть идеалистами. Тоже надо сказать и о Реклю. Он — идеалист даже там, где говорит о борьбе классов. Его идеализм обнаруживается там даже с особенной ясностью. Почему реформация была «сделана» известным классом? Почему была сделана известным классом великая французская революция? Потому,—отвечает Реклю,—что до сих пор ни одна революция не была достаточно сознательна [1]). Итти в идеализме дальше невозможно [2]).

Я прошу читателя заметить, что материалисты вовсе не отрицают исторического значения идей. Последовательный материалист не откажется, пожалуй, повторить, что идеи делают общество. Но он повторит это с существенными оговорками. Он прибавит, что идеи, делающие общество, сами делаются им, и что они делают его сообразно тому, что требуется «неумолимой логикой» об'ективного развития общественных отношений. Сознание определяется бытием и, в свою очередь, способствует дальнейшему развитию бытия. Это, как видите, то же, да не то. Это дает нам, с одной стороны, возможность понять закономерность общественного развития, а с другой—основать на этом развитии нашу собственную новаторскую деятельность. Ставя перед собой, как конечную цель этой деятельности, обобществление средств производства, мы предвидим, что общественное «сознание» склонится в сторону такой социализации, потому что к ней направляется общественное «бытие» логикой своего собственного развития. Современные передовые представители рабочего класса потому называют свой социализм *научным,* что научное понимание общественного «*бытия*» дает им возможность определить будущее направление общественного «*сознания*»; другими словами, — потому, что оно позволяет им сделать сознательную и потому как будто бы свободную деятельность людей,—

[1]) Стр. 44.

[2]) Прибавлю еще, что, как и все идеалисты, Реклю не дает себе ясного отчета в конкретном содержании тех идей, которые «делали общество» в ту или другую историческую эпоху. Он говорит, что теперь «даже рабочие, примыкающие к христианским союзам, уже не довольствуются одной и голой на бога и на его святых, что и им нужны известные материальные гарантии» (стр. 220). Но когда же люди довольствовались одной верой в бога? Религия всегда имела очень определенное земное содержание.

точнее: данных общественных классов, — предметом *научного предвидения. Современный социализм научен только в той мере, в какой он делает предвидение возможным.*

IV

Другие требования пред'являли к «социальной науке» социалисты-*утописты*. Эта наука должна была помочь им, во-первых, выработать наилучший общественный идеал, а во-вторых, доказать окружавшему их обществу, что выработанный ими идеал в самом деле лучше всех других, т.-е. больше, чем все другие, удовлетворяет нуждам человеческой природы. И эти требования вполне соответствовали идеалистическому пониманию истории.

Для материалиста развитие *сознания* определяется развитием *бытия*. Поэтому он старается понять развитие бытия, чтобы предвидеть направление сознательной деятельности людей. Для идеалиста развитие бытия определяется развитием сознания. Поэтому он считает воздействие на сознание не только необходимым, — таким его считает и материалист, — но и *достаточным* условием для преобразования бытия в желательном направлении. Один требует от науки, чтобы она показала ему, *в каком направлении пойдет* общественное развитие Другой спрашивает ее, *куда лучше было бы направить* это развитие. Для одного наука служит прежде всего средством обнаружения закономерности действий общественного человека; другой ограничивает ее роль просвещением этого человека, изображением перед ним недостатков существующего порядка и красот идеала.

После всего того, что сказано мною выше об исторических взглядах Реклю, легко понять, что он должен был пред'явить к общественной науке именно те требования, которые пред'являли к ней социалисты-утописты.

По его словам, социальная наука мало-по-малу выступает (se dégage) из хаоса противоположных мнений и обнаруживает перед нами ту истину, что никакая революция не может совершиться, если ей не предшествует эволюция [1]). Мы уже знакомы с этим взглядом; но будучи изложен в «этой связи», как говорят немцы, он бросает яркий свет на всю «социальную науку» нашего автора. Реклю говорит: «Конечно, история рассказывает нам о целых миллионах так называемых дворцовых революций, состоявших в замене одного короля другим королем,

[1]) Стр. 58.

одного министра или одной фаворитки другим советником или новой любовницей. Но подобные перемены, не имевшие социального значения и касавшиеся только отдельных лиц, могли совершиться без того, чтобы масса интересовалась ими или их последствиями. Привыкший к повиновению, народ молчал, не вмешиваясь в государственные дела. Но революция, достойная этого названия, не может совершиться без деятельного и сознательного участия народа. Оттого и не удалась французская революция 1848 г., что ее не поддержали крестьяне, своим поведением показавшие, что их эволюция еще не достигла надлежащей степени» [1]). Точно так же парижская коммуна 1871 г. потому не могла восторжествовать, что на ее стороне была только половина Парижа, а в остальной Франции ей сочувствовали только промышленные города. Реакция потопила ее в крови.

«Отсюда следует, что теперь недостаточно повторять старые формулы «глас народа—глас божий» и т. п., испускать воинственные крики и потрясать знаменем. При известных обстоятельствах гражданин может быть нравственно обязан воздвигнуть баррикады для защиты своей страны, своего города, своей свободы. Но пусть не воображает он, что хотя бы самомалейший вопрос может быть разрешен пулями. Преобразования должны совершиться в головах и в сердцах прежде, чем привести в движение мускулы и стать историческими явлениями» [2]).

Это хорошо сказано и безусловно верно. Превращения должны совершиться сначала в головах. Новое общество не будет «сделано», если сознание пролетариата останется неразвитым. И я думаю, что анархистам было бы очень полезно читать и перечитывать только что приведенные мною прекрасные строки из книги Реклю. Эволюция идей необходима. Но для нашего автора *вся* общественная эволюция, которая должна предшествовать революции, сводится именно и исключительно к этой идейной эволюции. Ему и в голову не приходит, что при всяком общественном движении эволюция идей, подготовляющая революцию, сама обусловливается об'ективным ходом общественного развития. У него все упования приурочиваются к убеждению в том, что la raison finit toujours par avoir raison (разум, в конце концов, всегда побеждает), как говаривали французские просветители XVIII века. И вот почему все указываемые им «гарантии» будущего торжества его идеала имеют совершенно идеалистический характер.

[1]) Стр. 62.
[2]) Стр. 63.

V

«Революция приближается пропорционально внутренней работе умов», говорит Реклю [1]). А эта работа совершается беспрерывно. Недаром консерваторы жалуются на то, что идеи и нравы теперь уже не те, какими были в доброе старое время. И в этом заключается главная гарантия торжества анархического идеала! Конечно, это не значит, что, полагаясь на эту внутреннюю работу, анархисты могут скрестить руки на груди. Реклю напоминает им замечание одного заводчика по поводу выхода известной книги Жана Грава: *«Умирающее общество и анархия»*. Ехидный предприниматель сказал: «Умирающее общество имеет в себе достаточно жизни, чтобы истребить вас всех». Реклю признает, что если бы все «враги свободной мысли и личной инициативы» обладали энергией и логичностью этого заводчика, то они «может быть и одержали бы победу» [2]). К счастью, «человеческие группы», участвующие в эволюции, «нелогичны и не могут быть логичны, потому что все люди имеют различные интересы и привязанности: кто не стоит одной ногой в неприятельском лагере?» [2]). Говоря по правде, к числу нелогичных людей надо без колебания отнести и самого Реклю: ведь если *все люди* стоят одной ногой в неприятельском лагере, то, очевидно, что сторонники анархического идеала страдают этой слабостью так же, как и защитники буржуазного строя. А слабость, свойственная *обеим* борющимся сторонам, не изменяет взаимного отношения их сил. Но нелогичность в аргументации этого рода составляет, можно сказать, неот'емлемую черту умственной физиономии людей, придерживающихся идеалистического об'яснения истории. Она была в высшей степени свойственна французским просветителям XVIII века. И обусловливается она тем, что у идеалиста и не может быть логически безупречных доводов, «ручающихся» ему за победу его «идеала».

Основой всей его аргументации служит та мысль, что, в конце концов, разум всегда побеждает. А так как идеалист убежден в том, что его идеал разумен, т.-е. он представляет собою лишь modus разума, то получается силлогизм, тождественный с тем, которым доказывается смертность Сократа. Но убедительность этого последнего силлогизма основывается на совершенной неоспоримости большой посылки: *люди*

[1]) Стр. 194.
[2]) Стр. 196.
[3]) Та же страница.

смертны. Эту посылку *нет надобности доказывать*. А что касается положения, состоящего в том, что, в конце концов, разум всегда побеждает, то оно вовсе не представляется неоспоримым. Совсем наоборот. Если, как говорит Реклю, до сих пор ни одна революция не дошла до своего логического конца, потому что не была сознательной, то ведь это значит, что желанное «в конце концов» *еще ни разу* не имело места; что разум *еще ни разу* не одержал полной победы. Что же ручается нам за его *будущее* торжество? Неизвестно! Повторять, что разум, в конце концов, побеждает, значит совершать ошибку, известную в логике под именем petitio principii, т.-е. приводить в качестве доказательства как раз то положение, которое требуется доказать. Впрочем, идеалист обыкновенно и сам чувствует это с большею или меньшею ясностью, и потому он, — как утопающий за соломинку, — хватается за первые попавшиеся соображения, имеющие хоть некоторую, хотя бы самую слабую, внешность убедительности. Это мы и видим на примере Элизэ Реклю.

Он говорит, что сила сопротивления господствующих классов уменьшается их вырождением, их возрастающим бесплодием. «Жалуются на уменьшение числа детей в семьях. Но чем же вызывается это растущее, вольное или невольное, бесплодие, если не уменьшением мужественной силы и радости жизни?» [1]). Положим. Но пример античного Рима показывает, что вырождение и бесплодие высших классов представляет собою очень плохое ручательство за победу разума. И нельзя не удивиться, когда Реклю прибавляет, что если новое, возникающее общество не задыхается под давлением старого, то это происходит благодаря «этому частичному регрессу удовлетворенных и пресыщенных классов» [2]). Неужели же наш автор усомнился бы в торжестве своего идеала, если бы французская буржуазия была плодовитей?

Другое ручательство «прогресса революционной мысли» заключается, по его словам, в противоречивом характере существующего порядка вещей и... официального языка! «Официальный жаргон политических обществ, где все беспорядочно смешивается, до такой степени нелогичен и противоречив, что в одной и той же фразе говорится о «непререкаемых общественных свободах» и о «священных правах сильного государства»; точно так же в административном организме возможно существование мэров или синдиков, одновременно действующих в качестве уполномоченных свободного народа и в качестве лиц, обязанных передавать подчиненным общинам приказания правительства» [1]). Читатель сам видит, что не очень убедителен этот довод от нелогичности, составляющий к тому же лишь повторение предыдущего. А из подобных доводов состоят *все*, известные Реклю, «ручательства» за победу разума. Мы не будем продолжать их рассмотрение, а вернемся к «социальной науке».

[1]) Стр. 199.
[2]) Стр. 200.

VI

Эта наука должна, по словам Реклю, помочь людям в деле выработки идеала. Что же говорит она им? Прежде всего она указывает на необходимость удовлетворения материальных потребностей населения. Отовсюду в обществе раздается крик: хлеба! «Всякое другое соображение стушевывается перед этим коллективным выражением основной потребности живых существ» [2]). Реклю удивляется, каким образом люди, испытавшие материальную нужду, могли покорно выносить ее в течение долгого времени. Он об'ясняет их покорность влиянием *привычки* и *наследственности*. Голодные бедняки, с жадностью смотрящие на богатые магазины с'естных припасов и не смеющие наложить на них свою руку, «представляют собою людей, воспитание которых сделано наследственностью» (стр. 123). Но если это так, то естественно спросить себя: не останется ли наследственность, «воспитывающая» людей в покорности, сильнее, нежели те «гарантии» победы идеала, на которые указывает нам наш автор? Реклю не считает нужным ответить на этот естественный вопрос.

Заговорив о «хлебе», он касается известного учения Мальтуса об отношении между населением, с одной стороны, и средствами существования — с другой. Не вдаваясь в обстоятельное рассмотрение этого учения, Реклю замечает, что земля достаточно богата для того, чтобы накормить и одеть своих детей (стр. 135). Это, разумеется, справедливо; но легко было бы теперь придать этому возражению гораздо больше убедительности.

Далее, его социальная наука рекомендует нам свободу мысли, слова и действия. «Свободное мышление делает из эволюциониста революционера, разрывающего со всякой догматической церковью, со всеми обязательными установлениями, со всякой, — явной или тайной, — орга-

[1]) Стр. 200 — 201.
[2]) Стр. 120.

низацией, требующей от своих членов слепого подчинения [1]). Что же касается свободы слова и свободы действия, то они составляют прямые логические последствия свободы мысли. Стало быть, наш идеал дает каждому человеку полную и безусловную свободу выражать свои мысли во всем: в науке, в политике, в морали, без всякой другой оговорки, кроме той, которая гласит, что надо уважать личность другого; точно так же наш идеал дает каждому право действовать по своему усмотрению, «делать, что он хочет», естественно соединяя свою волю с волей других людей во всех коллективных предприятиях; его личная свобода не будет ограничена таким союзом; напротив, она увеличится, благодаря силе общей воли» [2]).

Реклю поясняет, что эта абсолютная свобода мысли, слова и действия несовместима с существованием таких учреждений, которые налагают стеснения на эти свободы. Это последовательно; но поскольку это относится к *абсолютной свободе действий,* это очень неясно. Возьмем пример. Наш автор восклицает: «Да, анархисты хотят уничтожить захват земли и ее продуктов, которые они отдадут всем (á tous), и, в этом смысле, счастье, которое они испытали бы, гарантируя всем пользование плодами земли, делает из них врагов собственности» [3]). Так. Но Реклю, который так любит говорить о «гарантиях», не дает себе труда пояснить нам, чем и как будет «гарантировано всем» пользование земными плодами. А пока пользование ничем не гарантировано, весьма позволительно усомниться в его *устойчивости.* Ведь если *каждый* будет «делать, что он хочет», то люди, «наследственность» которых «воспитала» в них стремление к «захвату земли», испортят, пожалуй, все дело. Анархисты говорят обыкновенно, что это невозможно, так как никто и не захочет вредить благу других. Но это крайне слабая «гарантия». Во-первых, люди, стремящиеся восстановить частную собственность, могут быть,— скажем, по «наследственности», — очень искренно убеждены в том, что ее восстановление нужно именно в интересах общего блага. Во вторых, отвечать, что никто не захочет вредить общему благу, значит не преодолевать трудность, а обходить ее, *закрывать на нее глаза.* Конечно, все будет хорошо, если... все будет хорошо. Но ведь это простая тавтология. Нет, вы скажите нам, как поправить дело, если что-нибудь окажется нехорошим; нет, вы об'ясните, как гарантировать общий интерес,

[1]) Стр. 141 — 142.
[2]) Стр. 143 — 144.
[3]) Стр. 145.

если кто-нибудь вздумает,—ведь каждый «делает, что он хочет» —его нарушить. Но именно этого-то и не говорят, именно этого-то и не могут сказать анархисты. И в этом-то и состоит первородный грех их «идеала». Это грех против логики.

Нередко приходится встречать людей, говорящих: «анархический идеал слишком хорош для того, чтобы его можно было считать осуществимым». Но это ошибка, обусловленная недостаточно вдумчивым отношением к предмету. Анархический идеал неосуществим не потому, что он слишком хорош, а потому, что он слишком *не хорош в логическом отношении;* потому что он заключает в себе *неразрешимое противоречие.* Круглый квадрат «неосуществим», — невозможен, — не потому, что он представлял бы собою слишком красивую геометрическую фигуру, а потому, что такая геометрическая фигура должна была бы соединить в себе два совершенно несовместимых признака. Кто говорит: «пусть каждый делает, что он хочет», тот тем самым отказывается от всякой мысли о каких бы то ни было серьезных гарантиях общественного блага. И если он, тем не менее, считает общественное благополучие возможным, то это об'ясняется разве только беспредельным оптимизмом, оставляющим далеко за собою оптимизм Панглоса, и не выдерживающим самого легкого прикосновения логической мысли.

Реклю говорит, что в нынешнем обществе распределение продуктов отдано в жертву личному капризу и ожесточенной конкуренции спекулянтов и торговцев [1]). И на это вполне справедливо указывали еще социалисты-утописты. А как будет организовано распределение в анархическом обществе? Оно будет отдано в жертву правила: «пусть каждый делает, что хочет». Откуда же видно, что новый способ распределения будет лучше старого? Решительно ниоткуда!

Да что распределение! Прежде, чем *распределять,* надо *произвести.* Как должно быть организовано *производство?* Мы уже знаем: оно будет делом коллективных предприятий, в которых каждый индивидуум естественно соединит свою волю с волей других людей. Но это слова, слова, слова, — как сказал бы принц Гамлет. Что значит — естественно соединять свою волю? Каковы будут права и обязанности членов коллективных предприятий? И *кем* они будут санкционироваться? Если каждый имеет право делать все, что он хочет, то очевидно, что нечего и санкционировать: все права и обязанности, возникающие на почве совместной деятельности и совместного сожительства людей, исчезают в одном

[1]) Стр. 137.

беспредельном «праве» личного усмотрения. А на личном усмотрении вряд ли может покоиться сколько-нибудь сложный производительный организм.

Турецкий султан «делает, что он хочет» [1]). Значит ли это, что он живет согласно требованиям анархического идеала? Этого не скажет, разумеется, ни один анархист. Почему не скажет? Очевидно, потому, что, следуя правилу: «делай, что хочешь», турецкий султан нарушает права других людей. Из этого следует, что право «делать, что хочешь», должно иметь известные границы. А если это так, то спрашивается, *кто же намечает эти границы?*

Если их проводит каждый *индивидуум по своему усмотрению,* то я не знаю, почему предосудительно поведение турецкого султана, который именно по своему усмотрению устанавливает пределы своего права делать, что ему хочется.

А если эти пределы должно устанавливать *общество,* то я не понимаю, почему анархисты, и Элизэ Реклю в их числе, восстают против «обязательных постановлений». Ведь должны же иметь смысл «обязательных постановлений» те пределы, которые общество поставит усмотрению отдельных лиц? В противном случае незачем устанавливать эти пределы. А если они не установлены, то *нет и свободы, а есть только произвол.*

Я уже в другом месте [2]) говорил, что ошибочно в методологическом смысле рассматривать права индивидуума, отвлекаясь от его отношений к другим людям. Право есть норма, выражающая взаимные отношения людей. Чтобы можно было говорить о праве, нужна, — даже для самого отвлеченного мышления, — наличность, по крайней мере, *двух* людей. Права Робинзона на его необитаемом острове были беспредельны именно потому, — и только потому! — что остров был необитаем.

Реклю принадлежит к числу анархистов, признающих только *договор,* а не *закон.* Но что такое договор? Это—сделка, налагающая на лиц, в нее входящих, известные *обязательства,* исполнение которых обеспечивается *законом. Договорные отношения предполагают закон, а не исключают его.*

Что законы могут быть из рук вон плохи, это в высшей степени почтенная по своему возрасту истина. Но что всякий закон плох именно потому, что он—закон, это огромное заблуждение. Свобода может стать

[1]) Теперь это уже анахронизм.

[2]) См. мои «Письма о тактике и о бесстактности».

действительной только в том случае, если она найдет свое выражение в законе. И не только свобода. Чтобы устранить капиталистические производственные отношения, необходим закон, обращающий средства производства в общественную собственность. Анархисты любят ссылаться на первобытные общества, будто-бы не знавшие закона. Эти общества на самом деле не знали только *писаного закона;* но в их среде существовало *обычное право,* представлявшее собою совокупность известных норм, нарушение которых считалось преступлением. Большая ошибка думать, что, например, в обществе краснокожих индейцев Северной Америки каждый делал «что он хотел» [1]). Всякое первобытное общество имело своих *изгоев,* которыми делались нарушители норм обычного права [2]). Но само собою разумеется, что отношения, существующие в цивилизованном обществе, слишком сложны для того, чтобы они могли регулироваться неписаным правом. Поэтому всякая мечта о возвращении к обычному праву является самой несбыточной из утопий.

VII

Надо заметить, однако, что не все анархисты отрицают обязательность правовых норм. Нынешний теоретик *индивидуалистического* анархизма, Бенджэмин Р. Тэкер,—едва ли не самый последовательный изо всех ныне здравствующих анархистов,—считает ее необходимым. «*По теории Тукера* (Тэкера), — говорит Пауль Эльцбахер, — *нельзя ничего возразить против права в виду личного блага и равной свободы всех* [3]). Правовые нормы должны быть признаваемы, т.-е. такие нормы, которые основаны на воле всех, и исполнение которых должно быть вынуждено всеми средствами, даже тюрьмой, пыткой и смертной казнью» [4]). Вон оно как! Отсюда следует, что по Тэкеру, индивидуум имеет право делать далеко не все то, что он хочет. Но Тэкер вообще очень сильно расходится с анархистами толка Реклю. Он признает также и *частную собственность,* обнаруживая и в этом отношении несравненно большую

[1]) См., например, у *Пауелля* в его «Wyandot government: a study of tribal society» (First annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution), стр. 65, где описываются обязанности членов краснокожего рода в процессе земледелия.

[2]) Ср. у того же *Пауелля,* стр. 67—68, где описывается порядок об'явления преступника изгоем.

[3]) Курсив Эльцбахера.

[4]) «Анархизм» Берлин, стр. 225.

последовательность, чем анархисты-«коммунисты». Но о нем в другой раз. Теперь нам надо еще вернуться к Элизэ Реклю.

Замечательно, что этот последний совсем не дает себе труда подвергнуть сколько-нибудь серьезному анализу те возражения, которые естественно вызываются внутренней противоречивостью его идеала. Он как будто совсем не замечает этой противоречивости. Он *не рассуждает:* он *верит*. Вера есть «невидимых вещей извещение, уверенность в невидимом, как бы в видимом». У Реклю было так много этой уверенности; он был так сильно «извещен» насчет анархии, что в логике он просто-напросто не чувствовал никакой нужды. Он верил, что эволюция приведет к революции, а революция к торжеству анархического идеала. И если ему иногда, может быть, и приходило в голову, что эволюция общественных отношений совершалась до сих пор совсем не в сторону анархизма, то он отмахивался от этой мысли с помощью уже знакомого нам теоретического положения, гласящего, что движение жизни никогда не показывает нам непосредственного продолжения, а везде обнаруживает непрямую последовательность: яичник не похож на те органы, из которых он произошел и т. д. Это, — несколько странно формулированное, — положение, вообще, говоря, верно; но как «гарантия» торжества анархического идеала оно слабее слабого.

VIII

К числу тех истин, которые сообщает нам «социальная наука», относится,—по мнению анархистов вообще и Элизэ Реклю в частности, — и та истина, что власть портит людей: такова природа человека. Вот почему Реклю и требует безусловной свободы действия. Если бы свободное усмотрение индивидуумов подвергалось *ограничению*; если бы существовали обязательные *нормы* права, то этим самым было бы признано существование общественной власти, обязанной охранять эти нормы. Но «социальная наука» утверждает, что от власти никогда и нигде нельзя ждать ничего хорошего.

Известно, что все школы утопического социализма всегда опирались на соображение о природе человека в отличие от научного социализма, один из основателей которого, — Маркс, — выставил то неоспоримое положение, что природа человека не есть что-либо неизменное, и что, *воздействуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу*. С точки зрения научного социализма доводы, опирающиеся на соображения о природе человека, совсем неубедительны. Но они

всегда очень *характерны* для того, кто их приводит, и поэтому нам не мешает ознакомиться с тем, что говорит Элизэ Реклю против принципа власти.

Человеческая природа такова, что власть непременно испортит человека. Хорошо. Но *почему же* она испортит человека? Потому, что она дает ему возможность притеснять других людей. Это ясно. Но в таком случае надо сказать вообще: природа человека такова, что он притесняет других людей, когда имеет к этому возможность. Что же следует из этого свойства человеческой природы? То, что не надо давать человеку возможность притеснять других людей. Этот вывод и делают анархисты, отвергая принцип власти. Но если природа человека такова, что он притесняет других людей везде, где он *может* притеснять их, то осуществление принципа «делай, что хочешь», — торжество анархического идеала, — дает сильному полную возможность притеснять слабого. А это значит, что осуществление названного принципа «делай, что хочешь», грозит людям очень неприятными последствиями. Но от этого неизбежного вывода анархисты отмахиваются обеими руками. Поэтому у них выходит, что власть, — *частный случай возможности притеснять людей,* — развращает человека, а свобода «делать, что хочешь — *та же возможность, но уже в ее общем виде,* — создаст на земле царство небесное. Это одно из многочисленных противоречий анархизма, мимо которых проходит наш автор, даже не подозревая их существования.

При всем том тот же Реклю признает, что в истории были «случаи, в которых власть начальников, королей, князей или законодателей оказывалась хорошей по своему существу (en soi) или, по крайней мере, довольно чистой от всякой примеси. В этих случаях общественное мнение, воля тех, которые стояли ниже (la volonté d'en bas), общая мысль вынуждала правителей к действию. Но в таком случае инициатива этих правителей была кажущейся; они уступали давлению, которое могло быть вредным и которое на этот раз было полезно... Современная история Европы, особенно Англии, дает нам множество примеров полезных мероприятий, обязанных своим существованием совсем не доброй воле законодателей, так как принять их вынудила законодателей анонимная толпа [1]).

Это—чрезвычайно интересное признание. Если законодатели могут иногда принимать полезные мероприятия, то из этого неотразимо сле-

[1]) Стр. 31—32.

дует, что могут быть и хорошие законы. А, кроме того, оказывается, что развращающая людей власть может быть полезна для общества, если только она находится под влиянием разумного общественного мнения, если она руководится «волей тех, которые стоят ниже». Остается только осведомиться у Реклю, почему же общественное мнение не всегда оказывает на власть благодетельное влияние. И он не оставляет без ответа этого вопроса. Он говорит, что «колебание толпы так же часто направляется в сторону прогресса, как и в сторону регресса» [1]). Но если это правда, то ведь «власть» в этом уже совсем не виновата. Факт тот, что если «воля тех, которые стояли ниже», направлялась в сторону прогресса; и если эта воля могла оказать давление на законодателей, то получились полезные для общества результаты. А это равносильно признанию несостоятельности анархического отрицания *всякой* власти.

Этот новый логический промах Реклю, с такою ясностью обнаруживающий шаткость выводов, полученных им с помощью его «социальной науки», напомнил мне следующее место из «*Записок революционера*» П. Кропоткина. Рассказывая о своей службе в Иркутске, П. Кропоткин говорит:

«Я стал секретарем двух комитетов: для реформы тюрем и всей системы ссылки и для выработки проекта городского самоуправления... Один из этих комитетов, для выработки проекта самоуправления, состоял из читинцев, выбранных всем населением города. Короче сказать, наша работа была очень серьезна. И даже в настоящее время, глядя на нее в перспективе нескольких десятилетий, я искренно могу сказать, что если бы самоуправление дано было по тому скромному плану, который мы выработали, — сибирские города имели бы теперь совсем другой вид» [2]).

Из этого видно: 1) что законодательная работа может быть «очень серьезна»; 2) что некоторые законы могут быть полезны для общества,— до такой степени полезны, что способны придать ему «совсем другой вид». Этот двоякий вывод показывает, что каковы бы ни были «свойства человеческой природы», но все-таки сильно ошибаются анархисты, в принципе отрицающие всякую власть и всякое законодательство.

Мне скажут, пожалуй, что законодательные проекты, выработанные в Иркутске П. Кропоткиным, хороши были именно тем, что

[1]) Стр. 32.

[2]) *П. Кропоткин*, Записки революционера, С.-Петербург, 1906 г., стр. 15.

вводили *самоуправление*. Я спорить и пререкаться не стану. Я сам как нельзя более твердо убежден в том, что самоуправление гораздо,— несравненно! — лучше бюрократического режима. Но анархисты не раз доказывали, что самоуправление вовсе еще не означает торжества анархического идеала. Да оно так и есть. Разве, в случае осуществления проекта П. Кропоткина, в сибирских городах не было бы таких *правовых норм,* которым обязаны были бы *подчиняться* жители? Разве этот проект говорил: «делай, что хочешь»? Я не знаю этого проекта; но я с уверенностью говорю, что в нем не было ничего подобного. Да и не могло быть.

IX

До сих пор Реклю выступал перед нами в качестве самого несомненного идеалиста, общим характером своего мышления,—поскольку оно имело своим предметом человеческое общество, — сильно напоминавшего французских просветителей XVIII века. В этом смысле он попятился далеко назад, сравнительно с М. А. Бакуниным, который, как мы уже знаем, сознавал несостоятельность идеализма. Но и Реклю кое-что слышал об историческом материализме. И слышал именно от Бакунина. В разбираемой мною книге он, правда, совсем не вспоминает об этом материализме. Но он ссылается на основное положение этого материализма, нападая на тактику социал-демократов, в предисловии к книге Домелы Ньевенгайса: «*Социализм в опасности*». В этом предисловии есть, между прочим, следующие строки:

«Посмотрите на такую могучую личность, как Карл Маркс, во имя которого фанатики сотнями тысяч воздевают руки к нему (?), клянясь религиозно охранять его доктрину! Целая партия, целая армия, имеющая десятки депутатов в германском парламенте, разве не толкуют теперь марксистскую доктрину именно в обратном смысле, чем ее понимал сам учитель? Он заявил, что экономическая сила определяет политическую форму обществ, а теперь от его имени утверждают, что экономический фактор будет зависеть от большого числа членов партии в политических собраниях» [1]).

Из этих строк видно, как детски беспомощна была мысль ученого географа Реклю в непривычной для него области социологии. Он думал, что если экономическая «сила» определяет собою политическую форму

[1]) *Домела Ньювангайс (Ньевенгайс)*, Социализм в опасности. С предисловием Э. Реклю, Выпуск I, СПБ. 1906 г., стр. IV—V.

общества, то «экономический фактор» совсем уже не зависит от «политических собраний». Почему же не зависит? Разве следствие не может влиять, в свою очередь, на причину? Это не было ясно и ему самому. Он просто повторил здесь то, что твердил еще М. А. Бакунин, одобрявший исторический материализм, но, к сожалению, понявший его в том смысле, что политические отношения общества не имеют никакого влияния на его экономику, и потому обвинявший в преступной непоследовательности Маркса, который утверждал, как известно, что завоевание пролетариатом политической власти должно послужить средством его экономического освобождения. Совершенно произвольное и до последней степени неправильное понимание Бакуниным исторического материализма до сих пор лежит в основе всех упреков, направленных анархистами против марксизма, будто бы во имя того же марксизма. Мне самому еще приходилось слышать от покойного Н. И. Жуковского, что, признав «политику», Маркс уподобился Канту, который в своей «*Критике чистого разума*» опроверг все доказательства бытия божия, а в «*Критике практического разума*» сам признал это бытие. Это сравнение было бы хорошо, если бы придать ему обратный смысл, т.-е. если сказать: как Кант в «*Критике практического разума*» остался верен той точке зрения, на которую он стал в «*Критике чистого разума*», так Маркс в своей политической деятельности был верен основным положениям своего исторического материализма. Легко было бы показать, что именно вследствие этой верности своим основным положениям исторического материализма Маркс должен был оставить неудовлетворенными социалистов-идеалистов всевозможных оттенков, начиная с оппортюнистического и кончая самых «крайних». Так же легко было бы показать и то, что Бакунин, упрекавший Маркса в непоследовательности, остался на практике неисправимым *идеалистом*. Я отчасти уже сделал это [1]), но теперь место не позволяет мне распространяться об этом предмете. Я только скажу, что именно причинная зависимость «политической формы» общества от его экономики и заставляет марксистов смотреть на завоевание пролетариатом политической власти, как на главнейшее средство его экономического освобождения. Почему те классы общества, в руках которых сосредоточивается «экономическая сила», стремятся забрать политическую власть в свои руки? Не потому ли, что она служит для них средством дальнейшего упрочения и защиты своей экономической позиции? Кажется, что так. А кто

[1]) См. мою брош. «Анархизм и социализм», гл. «Бакунин» [Сочин., т. IV, стр. 207].

находит, что это так, тем самым признает, что «политика» может влиять и влияет на «экономику». А ведь это и требовалось доказать.

Это последнее соображение заставляет меня отметить еще вот какую сторону дела. Анархисты охотно признают, что высшие классы пользуются своей политической властью для эксплоатации рабочего класса. Но если это правда, — а это святая истина, — то отсюда следует, что эта власть не только не вредна, а очень полезна *для высших классов*. Стало быть нельзя говорить: существование политической власти вредно для общества; надо говорить так: политическая власть полезна тем классам, в руках которых она находится, и вредна для тех, против кого она направляется. А это значит, что те, против кого она направляется, должны взять ее из рук своих угнетателей и сделать ее орудием своего освобождения. Это именно тот неизбежный практический вывод, который делают марксисты и который отказывается сделать анархическая логика.

X

Анархисты думают, что политическая власть не может служить орудием *освобождения* пролетариата именно по той причине, что она служит теперь орудием его *угнетения*. Но и это большая ошибка. Политическая власть стесняла некогда буржуазию в интересах светской и духовной аристократии; а потом наступило такое время, когда политическая власть сделалась орудием переустройства всего общества в буржуазном духе. Ведь это известно каждому школьнику.

Характер политической власти изменяется в зависимости от того, *в чьих руках она находится*. В абсолютных монархиях она была не такова, какою она стала, попавши в руки буржуазии. А попавши в руки пролетариата, она будет не такою, какою она является в руках буржуазии. Маркс очень хорошо сказал в своей брошюре «Гражданская война во Франции», что «рабочий класс не может просто овладеть государственной машиной и воспользоваться ею для своих собственных целей», но что, напротив, овладев ею, он должен перестроить ее сообразно своим собственным социальным целям. Так представляется дело при правильном понимании отношения «политической формы» к «экономической силе».

Я нарочно употребил здесь выражение Реклю: «экономическая сила», чтобы указать на его огромную неточность. Что такое экономи-

ческая сила? Это крайне неясно с точки зрения исторического материализма. Политические отношения общества определяются характером его *производственных отношений*. А в капиталистическом обществе эти отношения таковы, что они все более и более увеличивают численность и сознательность пролетариата и тем дают *об'ективное* ручательство за победу экономически «слабых» над экономически «сильными», эксплоатируемых над эксплоататорами. Но уже отсюда видно, что победа пролетариата возможна будет только тогда, когда его борьба с буржуазией выйдет за пределы чисто *экономической* борьбы, — в этих пределах сила всегда останется, в конце концов, на стороне буржуазии,—и вступит в область политики. Тогда она даст ему власть, а вместе с властью также и практическую возможность обратить средства производства в общественную собственность, т.-е. разбить экономическую силу буржуазии. Потому-то Маркс и говорил, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Кто дал себе труд серьезно вдуматься в «летописи истории», тот легко убедится в этой неоспоримой истине. Но хотя Реклю и любил ссылаться на эти «летописи», однако он плохо выяснил себе их мысль. Идеалистические очки, сквозь которые он смотрел на историческое развитие человечества, чрезвычайно ослабляли ясность его взгляда и крайне суживали его поле зрения.

Теперь мы достаточно ознакомились с «*социальной наукой*» Реклю. Мы убедились, что она совершенно лишена действительно, — и единственно, — *научной* основы, состоящей в понимании того, что сознательная деятельность общественного человека необходимо определяется теперь причинами, лежащими за пределами идеологий. Не имея *такой* основы, «социальная наука» Элизэ Реклю осталась тем, что французы называют наукой *нравственно-политической*. Известно, что в нравственно-политических науках» речь идет собственно не о том, чтобы понять закономерное развитие человечества, а о том, чтобы преподнести человеческому роду ряд более или менее поучительных примеров и дать ему ряд более или менее хороших советов. Подобных примеров и советов очень много в книге нашего автора. На них основан весь его «идеал». Но так как его поучения редко совпадают с истинным смыслом приводимых им примеров, то его советы оказываются далеко не всегда осуществимыми, а его идеал противоречив.

С нашим автором отчасти повторилась история Крыловской щуки, взявшейся за неподходящее для нее кошачье ремесло. Реклю был прекрасным географом и очень плохим социологом. Правда и то, что если бы он был *хорошим* социологом, то он подошел бы к своему предмету совсем с другой стороны и тогда... тогда он не выступил бы в качестве теоретика анархии.

В том-то и беда анархизма, что его «наука» совсем не научна. Оттого-то его теоретики,—между которыми есть, бесспорно, вполне честные, очень умные и даровитые люди, — и запутываются в самых безвыходных противоречиях.

Анархист - индивидуалист

Вениамин Тэкер. (Эпиграф). «Свобода не дочь, а мать порядка» (Прудон). Вместо книги.—Написано человеком, слишком занятым, чтобы писать книгу. Перевод и редакция М. Г. Симановского. Москва 1908 г.

Вениамин (по английскому произношению — Бенджэмин) Тэкер должен быть признан самым видным, а вернее сказать, единственным видным теоретиком *индивидуалистического* анархизма. Этот анархизм очень мало известен в Западной Европе и еще менее известен в России, где со словом анархизм обыкновенно связывается представление о так называемом *коммунистическом* анархизме. А между тем, индивидуалистический анархизм заслуживает большого внимания уже по одному тому, что он доводит анархическую мысль до ее логического конца. И мы настойчиво рекомендуем нашим читателям сочинение, оригинальное название которого мы только что выписали.

Говоря, что Бенджэмин Тэкер доводит анархическую мысль до конца, мы этим не хотим сказать, что анархическая мысль избавляется им от всех свойственных ей противоречий. Нет, хотя Тэкер гораздо последовательнее других анархистов,—например, нашего соотечественника П. Кропоткина, — но и ему не удается вполне избавиться от нелогичности, вообще свойственной анархической мысли. Вот интересный пример. В речи «Отношение государства к личности», прочитанной в институте пасторов-унитариев 14 октября 1890 года, Тэкер говорит: «Анархисты не только утилитаристы, но эгоисты в наиболее полном и крайнем значении этого слова. Единственной мерой прирожденного права, по их мнению, является только сила. Всякий человек... и вся группа людей, будут ли это китайские головорезы или конгресс Соединенных Штатов, имеют право, если в их руках сила, убивать или принуждать других людей, или подчинить весь мир своим целям. Право общества на порабощение индивида и право индивида на порабощение общества неравны между собою только потому, что их силы неодинаковы» (стр. 19-я). Несколькими строками ниже мы читаем: «итак, анархисты вопрос права считают исключительно вопросом силы». Это очень ясно и *по-своему* вполне последовательно. Но вот на стр. 72-й мы слышим от того же Тэкера следующее: «Анархизм признает право индивида или любого числа индивидов определять, что никто не должен насиловать равной свободы своего сочлена. За этими пределами он не признает никакого права контроля над индувидуальным поведением». На стр. 74-й он же говорит: «Анархизм именно и предполагает охрану и осуществление естественного права свободы и не предполагает ничего противоположного или еще чего-либо иного». И совершенно в том же духе он высказывается на стр. 382-й: «Социалисты утверждают, что «день работы, воплощенный в форме капитала», уже был вполне вознагражден обладанием этим капиталом; что если собственник ссужает его другому в пользование, и тот повредит его, разрушит или потребит какую-либо часть его, то собственник имеет право на возмещение за этот вред, разрушение или потребление; и что если он получает излишек сверх возвращенного в неприкосновенности капитала, то его рабочий день оплачивается вторично». Поди—пойми! С одной стороны, мерой права служит *сила,* и, следовательно, нет никакого *естественного права.* А с другой стороны, естественное право есть, и анархизм «именно и предполагает» его охрану и осуществление. Кака же это так? Где выход из этого противоречия? Логического выхода из него не существует; его нельзя *разрешить,* его можно только *об'яснить,* т.-е. определить тот логический путь, который привел Тэкера к его неразрешимому противоречию.

Какой же это путь? Повидимому,—вот какой. Подобно всем социалистам-утопистам, анархисты обыкновенно кладут в основу своих построений *отвлеченный принцип.* Таким принципом для анархистов служит принцип свободы индивидуума. Но по мере того как развивается общественная наука, становится все более и более очевидным, что искать решения того или другого общественного вопроса в том или другом отвлеченном принципе значит в сущности никогда не решить его. Ход развития общественной жизни может быть понят только тем, кто смотрит на него с *конкретной* точки зрения, т.-е. с точки зрения тех общественных *нужд,* а следовательно, и тех общественных *задач,* которые возникают в самом процессе этого развития. Общественная наука имеет дело не с отдельными личностями, а с общественными группами, внутренние и внешние отношения которых определяются, в последнем счете, условиями их существования. Но теми же самыми условиями определяются, в конце концов, и понятия группы вообще и в частности ее понятия о праве. Вот почему «сила» и «право» далеко не всегда

так противоречат друг другу, как это представляется людям, смотрящим на этот вопрос с отвлеченной точки зрения. Сознание этого мелькало, как видно, в голове Тэкера; он, как видно, чувствовал несостоятельность свойственного анархистам утопического метода и хотел утвердиться на конкретной точке зрения. Такой конкретной точкой зрения представлялась ему точка зрения силы. Перейдя на эту точку зрения, он начал презрительно относиться к принципу прирожденного права и об'явил, что сила является единственной мерой этого права. Нельзя сказать, чтоб это было очень удачным опытом конкретного мышления; но опыт, хотя бы и не весьма удачный, был все-таки сделан. Оставалось продолжать его, исправляя то, что оказывалось неудовлетворительным в его результатах. Как же можно было продолжать этот опыт? Очень просто. Заменив понятие права понятием силы, Тэкер должен был спросить самого себя: откуда же берется, чем определяется сила общественного человека? А этот вопрос вплотную привел бы его к вопросу о тех коренных причинах, от которых зависит ход и направление общественного развития. Но у Тэкера недостало терпения,—а вероятно, также и теоретической подготовки,—для занятия вопросами этого рода. Перейдя на точку зрения силы, он и туда перенес с собою свойственную анархистам привычку к отвлеченному мышлению, т.-е. остался таким же утопистом, какими являются анархисты, держащиеся точки зрения *права*. Поэтому его попытка найти для себя более конкретный метод мышления осталась совершенно бесплодной, и он увидел себя вынужденным вернуться к той самой точке зрения права, которую он в цитированной нами выше речи «Отношение государства к личности» отверг с таким высокомерным презрением. А вернувшись на точку зрения права, — отвлеченного права отвлеченного индивидуума, — он по необходимости должен был притти, по крайней мере, к некоторым из тех абсурдов, к которым приходят в своих построениях анархисты. Как на пример таких абсурдов, мы укажем на то его мнение, согласно которому принудительное воспитание противоречит духу анархизма. Что значит принудительное воспитание и почему оно противоречит духу анархизма? А вот слушайте.

Один народный учитель обратился к Тэкеру со следующими вопросами:

1. «Если родитель морит голодом, мучит или калечит свое дитя, активно нападая на него к его ущербу, то справедливо ли вмешательство других членов группы с целью недопущения такого нападения?»

2. «Если родитель не заботится о доставлении своему дитяти пищи, крова и одежды, пренебрегая, таким образом, тем долгом самоотвержения, который предполагается вторым выводом из закона равной свободы, то справедливо ли вмешательство других членов группы с целью принуждения его к исполнению долга?»

3. «Если родитель преднамеренно стремится к тому, чтобы помешать своему дитяти достичь умственной или нравственной зрелости, безотносительно к зрелости физической, то справедливо ли вмешательство других членов группы с целью недопущения такого нападения?»

4. «Если родитель не заботится о доставлении своему дитяти возможности достичь умственной зрелости, — предполагая, что умственная зрелость может быть определена, — то справедливо ли вмешательство других членов группы с целью принуждения его к доставлению такой возможности?»

5. «*Если признать,* что умение читать и писать, т.-е. умение изображать и об'яснять постоянные знаки мышления, есть *необходимое* проявление зрелости, и если родитель не заботится о доставлении своему дитяти возможности научиться читать и писать или отказывается использовать возможность, уже имеющуюся, то справедливо ли вмешательство других членов группы с целью принуждения его доставить или использовать возможность?»· (стр. 186-я).

По поводу этих вопросов Тэкер замечает, что он не может решить, справедливо ли вмешательство, «не решив раньше того, имеется ли в данном случае нападение или нет». Но он прибавляет, что если б его вопрошатель решился заменить слова: «справедливо ли» словами: «согласно ли с политикой анархизма?», то он дал бы ему на его вопросы следующие ответы:

1. «Да».
2. «Да, в достаточно серьезных случаях».
3. «Нет».
4. «Нет».
5. «Нет» (стр. 188-я).

Итак, другие члены группы могут вмешаться, если отец морит голодом, мучит или калечит своего ребенка. Если он только не заботится о доставлении ему пищи, крова или одежды, то тут вмешательство возможно «в достаточно серьезных случаях». Если же, наконец, родитель мешает умственному или нравственному развитию ребенка, то здесь никакое вмешательство недопустимо. Почему же это так? Вот почему. «Всегда свобода, говорят анархисты. Не применять силы иначе, как против нападающего; а в тех случаях, когда трудно решить, является ли данный обидчик нападающим или нет, все же не применять силы, если

только необходимость немедленного решения не столь настоятельна, что сила нужна для спасения жизни» (стр. 187-я). Таково общее правило. «Приложив это правило к рассматриваемому нами теперь вопросу, мы сейчас же ясно увидим, что физическая сила не должна быть применяема к такому дурному обращению с детьми, которое влечет за собою их умственную и нравственную приниженность, так как последствия такого обращения более или менее отдаленны. Наоборот, дурное обращение с детьми в смысле их физического мучения, если только оно достаточно серьезно, может вызвать применение физической силы (стр. 187—188).

С точки зрения индивидуалистического анархизма, всеобщее обязательное образование является, как видите, нарушением свободы... невежественных или злонамеренных родителей. Это, конечно, большие и весьма вредные пустяки. Излишне доказывать это. Но все же не мешает обратить внимание на то, каким путем Тэкер пришел к этим большим и весьма вредным пустякам. Его привел к ним тот отвлеченный принцип, согласно которому общество имеет право вмешаться только там, где есть нападение. Сам по себе этот принцип, пожалуй, и не дурен. Но беда в том, что этот недурной принцип, вследствие своей крайней отвлеченности, ровно ничего не определяет и не решает. Весь вопрос состоит в том, кого следует признать нападающим. А что касается ответа на этот вопрос, то на него даже и не намекает указанный Тэкером отвлеченный принцип. Вот почему этот вопрос решается Тэкером с помощью каких-то других соображений, приводящих его к тому убеждению, что всякая данная общественная группа нарушила бы права родителей, если бы захотела помешать им осудить своих детей на невежество или на безнравственность. Соображения эти коренятся, очевидно, в том старом, можно сказать, варварском понятии, что родители должны иметь над детьми совсем или почти неограниченную власть. Исходя из отвлеченного принципа *свободы,* Тэкер неожиданно для себя пришел к защите принципа *власти.* Подобные пассажи нередко случаются с анархистами и происходят по той простой причине, что анархические рассуждения основываются обыкновенно, как мы уже сказали, не на конкретных общественных отношениях, а на отвлеченных принципах. Это — обычная ошибка утопистов; но анархисты, — эти декаденты утопизма,—доводят утопический метод до абсурда.

Сила не может быть применена иначе, как против нападающего. Но раз сделано нападение, применение силы может итти, по мнению Тэкера, очень далеко. Он не отрицает «ужаса» виселицы, гильотины

или электрического кресла для казни преступников. Правда, по его словам, они вызывают в нем такое же отвращение, как и во всяком другом человеке. Но он все-таки доказывает, что смертная казнь не есть убийство. «Я настаиваю,—говорит он,—на том, что нет ничего священного в жизни нападающего на вас индивида. Нет никакого сколько-нибудь состоятельного принципа социальной жизни, который воспретил бы индивидам, являющимся об'ектом нападения, защищаться какими только они могут способами» (стр. 216-я).

Это новое отвлеченное положение может быть признано только с большими оговорками. Оно верно лишь, как отрицание пресловутого принципа «непротивления злу насилием», к которому, кстати сказать, Тэкер относится с большой и вполне заслуженной иронией. Но допустим на минуту, что высказанное Тэкером новое отвлеченное положение безусловно справедливо. Что выйдет?

Если можно *казнить* нападающего, то, очевидно, можно применить к нему и то или другое *полицейское воздействие*. Выходит, стало быть, что в своих стремлениях анархизм совсем не так далеко уходит от существующей теперь действительности, как это может показаться с первого взгляда. Тэкер твердит: «сила нападения есть принцип государства, тогда как сила защиты есть одна из сторон принципа свободы» (стр. 511-я). Но оказывается, что во имя «защиты» можно будет сделать то же самое, что делается теперь во имя нападения. Где же разница? Ее и здесь не найдешь с помощью абстракций.

Интересно, что Тэкер отказывается признать анархистами Кропоткина и его единомышленников, потому что они «отрицают свободу производства и обмена, самую важную из всех свобод — без которой все другие свободы не имеют никакой или почти никакой цены» (стр. 498-я). Как это разумеется само собою, «анархисты-*коммунисты*» не согласятся признать такой упрек правильным; но эти слова Тэкера имеют свой, очень серьезный смысл. Он ссылается на следующие строки Кропоткина: «Экспропорция—вот что должно быть лозунгом будущей революции, если она хочет исполнить свою историческую миссию. Полная экспроприация для всех тех, кто имеет хоть какую-нибудь возможность эксплуатировать человека. Возвращение в общую собственность нации всего того, что может служить в руках отдельного лица орудием эксплуатации». В этой выписке выражено, по замечанию Тэкера, «отрицание права на индивидуальное производство и обмен» (стр. 496-я). И это совершенно справедливо. Тэкер мог бы прибавить, что тот, кто об'являет средства производства общественной собствен-

ностью, тем самым провозглашает известный *закон,* определяющий взаимные отношения людей в обществе. И он мог бы спросить анархистов-коммунистов, не противоречат ли их стремления к изданию такого закона тому их убеждению, что не должно быть вообще никаких законов, так как всякий закон вреден по своему существу.

Смысл басни сей таков, что если индивидуалистический анархизм страдает многими противоречиями, то еще больше противоречий замечается в «коммунистическом» анархизме, и что в сравнении с единомышленниками Кропоткина единомышленники Тэкера должны быть признаны людьми последовательного образа мыслей. «Коммунистический» анархизм, это — круглый квадрат или сапоги всмятку, т.-е. нечто совершенно не примиримое с логикой.

Предисловие к брошюре «Сила и насилие.— К вопросу о революционной тактике»

Весной 1894 года, когда французские анархисты возмущали весь цивилизованный мир своей «пропагандой действием» и когда я, по поручению Vorstand'a германской социал-демократической партии, написал брошюру *«Анархизм и социализм»,* старый Либкнехт предложил мне написать для центрального органа наших немецких товарищей статью на тему о революционной тактике. Я охотно исполнил это предложение и послал Либкнехту статью: *«Сила и насилие»,* тогда же появившуюся в «Vorwärts'e». Либкнехт писал мне, что он очень доволен ею, а итальянские товарищи перевели ее на свой язык и издали в Милане под заглавием: «La tactica rivoluzionaria» (Forza e violenza). Теперь товарищ З. перевел ее на русский язык и просил меня взять на себя редакцию его перевода. Я сделал это тем охотнее, что моя статья-брошюра была первоначально написана по-французски, потом переведена на немецкий язык, затем с немецкого ее перевели на итальянский, а с итальянского уже на русский: шансы не совершенно точной передачи моей мысли становились, поэтому, довольно велики.

Так как в то время, когда я писал эту статью, анархическая тактика была у всех на устах, то я и не раз указывал на нее в подтверждение своей мысли. На Западе теперь в таких ссылках уж не было бы, пожалуй, большой надобности: анархизм там притих. Но в России они пригодятся, потому что анархизм,—который Желябов в своей защитительной речи так хорошо назвал ошибкой молодости нашего революционного движения, — опять начинает распространяться в нашем отечестве. Нашим сознательным рабочим нужно, стало быть, знать в чем состоит коренное отличие нашей тактики от тактики анархистов.

А выяснив себе это, наши сознательные рабочие без труда увидят также, почему я так не одобряю тактики наших бывших «большевиков».

В этой тактике слишком мало марксизма и, наоборот, слишком много бланкизма и даже анархизма.

Бывшие «большевики» говорят, что я отстаиваю теперь, в виду переживаемых нами событий, не ту тактику, какую я отстаивал прежде. Но это показывает, что они не понимают, каковы были мои прежние тактические взгляды. Прочтите эту брошюру, и вы увидите, что когда я писал ее, — а это было, как я уже сказал, еще весною 1894 года,—я смотрел на социал-демократическую тактику совершенно так,—*до мелочей так*,—как я смотрю на нее в настоящее время.

Мне было очень отрадно убедиться в том, что мои тактические взгляды разделяют Либкнехт и итальянские марксисты. И мне не менее отрадно видеть, что они не нравятся последователям Ленина: каждое из этих двух столь различных обстоятельств представляется мне одинаково надежным показателем их истинности.

Предисловия к брошюре «Анархизм и социализм»

(Ко 2-му изданию)

В феврале 1894 г. я получил от книгоиздательства «Vorwärts» в Берлине предложение составить брошюру об анархизме, обратившем в то время на себя внимание всего цивилизованного мира своей «пропагандой действием». Написанная первоначально по-французски, рукопись была переведена на немецкий яз. Э. Бернштейном. Вскоре брошюра была переведена на итальянский язык и Элеонорой Маркс—на английский. От последней я узнал, что мой незабвенный учитель Фридрих Энгельс ревностно содействовал изданию брошюры. Позднее был опубликован и французский текст товарищами, издающими социал-демократическую газету «Jeunesse Socialiste». Кроме того, статья появилась и на других европейских языках.

Таким образом, произведение было принято социал-демократическим миром с симпатичным участием. Иначе отнеслись к нему анархисты. До сих пор еще не надоело им утверждать, что я ложно понимаю теорию анархизма и клевещу на их практическую деятельность. Однако они до сих пор не дали доказательств справедливости их утверждений. Поэтому у меня нет основания изменить свое понимание анархизма. Как и прежде, я убежден, что в теоретическом отношении анархизм покоится на почве утопизма, а в практическом отношении влияет отрицательно на борьбу за освобождение пролетариата. Во время последнего заседания амстердамского конгресса Ван-Коль высказал взгляд, что анархисты—наши злейшие враги. Конечно, это выражение следует принять cum grano salis. Ибо прямые и открытые защитники капитализма представляют никак не менее враждебную силу, нежели посредственные защитники его—анархисты. Однако, вне всяких сомнений, что анархисты—наши непримиримейшие враги. Поэтому наш долг никогда не упускать из вида эту противоположность между нами и ими, для того

чтобы избежать ошибок, которые, напр., делает д-р Фридеберг в своей критике парламентаризма, приближаясь в ней иногда к точке зрения анархистов. Непростительная ошибка думать, что можно найти в рабочем движении нейтральную почву совместной деятельности с анархистами.

В заключение, пожалуй, вспомню следующий курьез. В 1894 г., т.-е. в том же году, в котором появилось мое сочинение *против* анархизма, я был выслан из Франции, как анархист... Правительство «de la défense républicaine» и до сих пор еще не находит достаточных оснований, чтоб отменить «указ» о моей высылке.

Женева, 14 сентября 1904.

(К 3-му изданию)

Настоящая брошюра была написана в 1894 г. и носит на себе печать той эпохи, когда пропаганда действием была особенно сильна. Так как эта пропаганда была очень вредна для рабочего движения не только там, где она сильнее всего велась, но и везде, где о ней говорили, то я, конечно, не мог сохранить спокойного тона «беспристрастного» наблюдателя в брошюре об анархизме. Я довольно строго критиковал анархистскую тактику. В настоящее время о «пропаганде действием» уже почти не говорят, и если бы мне пришлось писать эту брошюру теперь, она была бы написана в гораздо более спокойном тоне.

Несмотря на это, я и теперь не нахожу нужным смягчить свои тогдашние выражения, так как это дало бы повод к очень нежелательному недоразумению. Анархисты могли бы подумать, что я изменил свои взгляды на анархизм. Я ничего не изменил и не мог бы этого сделать. Анархистская тактика и анархистская мораль теперь заслуживают такого же строгого осуждения, как и тогда. Если теперь они вызывают меньшее негодование, то лишь потому, что теперь они меньше практикуются. Но это ни в коем случае не говорит в их пользу. Наоборот, это обстоятельство показывает, что мы, социал-демократы, были правы, когда утверждали, что они не устоят. На стр. 78 своей брошюры я говорил, что беспристрастному человеку очень трудно сказать, где кончается анархист и начинается бандит, и я прибавил, что «проблему эту тем труднее решить, что *есть немало людей, которые в одно и то же время являются и «бандитами» и «анархистами»*.

Это было беспощадно, и, может быть, теперь я бы выразился иначе. Но *по существу* я бы и теперь сказал то же самое. В 1894 г. я для подтверждения моего взгляда привел пример покойного Элизэ Реклю, который, хотя и не решался вполне одобрять действия знаменитого разбойника Равашоля, но все же относил его к числу «героев с редким великодушием» и восторгался «его мужеством, его сердечной добротой, его величием души». На это я иронически заметил, что «гражданин Реклю очень сомневается и не может с уверенностью сказать, где кончается его товарищ и начинается бандит». Читатель согласится со мной, что в данном случае не могло быть более едкой иронии. А что видим мы теперь? Анархистский еженедельник «Le Libertaire» печатает в № от 29 мая с. г. «Мысли» знаменитого анархиста Эмиля Анри, который между прочим говорит: «Если человек в современном обществе становится сознающим свои действия мятежником,—а таким был Равашоль,—то это происходит потому, что он мысленно проделал работу болезненной критики, выводы которой имеют повелительную силу, и обойти их можно только трусостью. Он сам держит весы, он сам решает, имеет ли он право или нет питать ненависть и быть дикарем или даже диким зверем». Приводя эти строки без всякой оговорки, редакция «Libertaire» этим доказывает, что она согласна с их содержанием и что по отношению к Равашолю у нее нет даже той уверенности, которая чувствовалась у Элизэ Реклю.

Редакция анархистской газеты называет Равашоля известным мятежником и потому считает его своим товарищем. И разве я не имел права сказать, что и теперь, в лето от Р. Х. 1911, так же как и в 1894 г., есть анархисты, которые не только не знают, но «сознательно» не хотят знать, где кончаются их товарищи и начинаются бандиты.

Более того. В 1894 г. я писал, что истинная мораль анархистов—это мораль коронованных особ: «Sic volo, sic jubeo!» (так я хочу, так я приказываю!). А что доказывает факт, что редакция «Libertaire» без оговорки перепечатывает цитированные мною мысли Эмиля Анри? Что для нее «известный мятежник», подобный Равашолю, имеет право делать все, что ему вздумается, потому что он сам является судьей своих действий — что он в своем роде сверхчеловек. И разве я не имел права сказать, что сегодня, в лето от Р. Х. 1911, как и в 1894 г., есть анархисты, мораль которых совершенно совпадает с моралью абсолютных монархов?

Если теперь я опять повторяю это с холодным презрением, между тем как 17 лет тому назад я писал то же самое с негодованием, то это об'ясняется только тем,—как я уже сказал,—что анархистская мораль

и анархистская тактика все более и более теряют свою актуальность и все более отходят в область истории.

Анархизм умирает, но он не принадлежит к числу тех мертвецов, о которых по латинской пословице: «aut bene aut nihil»—либо хорошо, либо ничего не говорят. Мы не имеем права молчать по отношению к этому умирающему, хотя мы не можем сказать о нем ничего хорошего, кроме того, может быть, что иногда лично очень уважаемые люди по недоразумению становятся анархистами. Мы не имеем права молчать об умирающем анархизме, потому что, во-первых, такими действиями, как попытка ограбления банка в Montreux, которую правительство Столыпина приписывает русским революционерам и которая оказала неоценимую услугу реакционному русскому правительству, он вне всякого сомнения доказал, что он все еще имеет влияние, и, кроме того, еще и потому, что в Западной Европе он нашел себе наследника в «революционном» синдикализме.

Известно, что «революционный» синдикализм в латинских странах, в особенности во Франции и в Италии, силен, поскольку можно вообще говорить о силе при довольно слабом течении в действительности. Но именно там теоретиками его являются или прежние анархисты, или люди, которые быстро склоняются к анархизму и отказываются от своей прежней более или менее социалистической позиции. Так, например, итальянец Арт. Лабриола в своей книге: «La Commune di Parigi, raccolta di otte conference (Lugano 1907)» [1]) говорит категорически, что для него прудонизм «является совершенной и ясно определенной теорией пролетарского социализма»—una perfetta e precisa teoria del socialismo proletario. Он прибавляет, что синдикализм нашего времени в значительной степени является возвращением к прудонизму. Лабриола не решается еще окончательно порвать с Марксом. Так, в другом месте он требует, чтобы мы все вернулись к Марксу «без всеобщего избирательного права и парламентской системы, к Марксу 1848 и 1871 г.г.». Нет надобности доказывать, что Маркс, который еще в 1847 г. в «Misère de la Philosophie (Нищета философии) дал уничтожающую критику Прудона, не мог год спустя видеть в прудонизме «ясную, определенную и совершенную теорию пролетарского социализма». Но для всякого «склонного к анархизму теоретика» Маркс без всеобщего избирательного права и парламентарной системы представляет то большое удобство, что предоставляет известную свободу фантазии в области «революционной» тактики.

[1]) Парижская Коммуна, Сборник из восьми лекций.

Тактика «революционного» синдикализма сильно напоминает тактику старого анархизма. Хотя покушения в ней не занимают еще места, старый анархистский путчизм играет еще в нем значительную роль. Путчизм был одной из важнейших форм «анархистской пропаганды действием».

Даже генеральная стачка, которую «революционные синдикалисты так охотно противоставляют «парламентаризму» и которую они провозглашают самым действительным средством эмансипации рабочего класса, приобретает в их речах и брошюрах печальное сходство с анархистскими путчами. Наконец, «революционные синдикалисты переживают в своей критике парламентаризма старые анархистские аргументы, главной характерной чертой которых является их удивительная слабость. Это—прирожденное свойство, которое проявляется все отчетливее по мере того, как развивается политическое сознание пролетариата и увеличивается его политическая организация.

Чтобы немецкий читатель мог судить о тесном родстве «революционного» синдикализма со старым анархизмом, мы напомним речь, которую произнес Виктор Гриффюэльс 3 апреля 1897 г. на международной конференции синдикалистов в Париже. В этой речи тогдашний секретарь Confédération générale du Travail поставил себе задачу показать, в чем заключаются существенные характерные черты французского синдикализма и почему он возбуждает внимание пролетариев других стран. Для этой цели он сравнил «французский рабочий класс с германским рабочим классом». По его мнению, «в Германии имеется *масса членов профессиональных союзов,* во Франции же—*синдикализм,* теория, охватывающая и об'ясняющая всю деятельность рабочего класса». И так действительно обстоит дело: в Германии *сильные профессиональные союзы,* во Франции вместо этих союзов *синдикалистская теория.* Тот, кто не ослеплен этой теорией, ни минуты не колеблясь, признает, что в этом отношении в Германии дело поставлено несравненно лучше, чем во Франции. Более того: проведенная Гриффюэльсом параллель похожа на саркастическую критику Франции. Между тем он видит в этом преимущество своей страны и добросовестно старается об'яснить своим слушателям, как дошла несчастная Германия до своего печального положения.

«Германский рабочий,—говорит он,—не знает свободного духа свободной критики, который является нашей отличительной чертой, и его всегда держит в узде страх и боязнь. Благодаря своему тяжеловесному уму, он тяжеловесен в действии и медлителен в движении». Французский рабочий, наоборот, «отличается смелостью и независимостью. Его ничто

не страшит. Он не признает никакого авторитета, он чужд благоговения, всякого чинопочитания». В заключение Гриффюэльс советует своим слушателям не слишком много предаваться размышлениям, так как, «кто слишком много раздумывает, тот никогда ни на что не решается», а кроме того «никогда нельзя всего предвидеть» [1]).

Вся эта болтовня заимствована у Бакунина. Как все утопические социалисты, анархисты в своих выводах исходят из абстрактного принципа. Их принцип заключается в принципе абсолютной свободы индивидуума. В своем отстаивании этого принципа они доходят до абсурда. Но они по крайней мере остаются верными своему исходному пункту. «Революционный» синдикализм, наоборот, совершенно непоследователен. Он кокетничает с анархистским принципом абсолютной свободы индивидуума, но в то же время заменяет анархистский девиз: «делай то, что тебе нравится», категорическим императивом: «повинуйся постановлениям твоего синдиката». Он разделяет отвращение анархизма ко всяким законам, но в то же время требует, хотя бы только своими действиями, законов для защиты интересов рабочего класса. В 1906 г. революционные синдикаты Парижа манифестировали в пользу закона о воскресном отдыхе с лозунгом: «Vive la loi!» [2]). Эта непоследовательность, диктуемая самой логикой жизни, ясно доказывает несостоятельность анархистской теории, лежащей в основе доктрин «революционного» синдикализма наших дней. Чтобы сохранить хотя бы ничтожное влияние на ход рабочего движения, симпатизирующие этой теории принуждены в каждом отдельном случае изменять ей.

1) «Syndicalisme et socialisme», p.p. 55—58 (Bibliothèque du Mouvement Socialiste).

2) Правда, итальянские синдикалисты приняли на своем конгрессе в Ферраре в 1907 г. резолюцию, что законодательство об охране труда не только бесполезно для пролетариата, но даже вредно. Но итальянский революционный синдикализм все более и более превращается в чистейшей воды анархизм.

СОЦИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Почему нет социализма в Соединенных Штатах?

Werner Sombart, Warum gibt es in den Vereinigten Staaten keinen Socialismus?

Эта книга представляет собою отдельное и мало измененное издание статей В. Зомбарта, печатавшихся в «Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik» (B. XXI). По поводу этих статей написаны были Каутским его статьи «Der amerikanische Arbeiter» («Американский рабочий», «Neue Zeit 24 Jahrgang, B. I, №№ 21, 22, 23, 24), столь поучительные во многих отношениях, несмотря на очевидную неправильность некоторых соображений, высказанных автором о ходе экономического развития России. Теперь, когда издание статей В. Зомбарта сделало их более доступными «широкой публике», с ними непременно должен познакомиться всякий, кто интересуется вопросом всемирного рабочего движения. Надо надеяться, что они скоро появятся на русском языке.

Мне уже пришлось цитировать эту книгу месяц тому назад, говоря о программе «трудовиков» [1]). Но там я по необходимости ограничился одной выпиской из нее, теперь же я хочу поговорить о ней несколько подробнее.

Я не принадлежу к числу безусловных поклонников В. Зомбарта. Далеко нет! Мне хорошо известна неисправимая ограниченность его кругозора; для меня давно ясен буржуазный характер его общественных симпатий. В области «*бытия*» мы с ним принадлежим к совершенно различным лагерям, что, разумеется, не может не влиять на наше «*сознание*». Ко мне и к некоторым моим единомышленникам В. Зомбарт относится с большою строгостью и, смею сказать, со столь же большою несправедливостью. Во втором издании своей книги, посвященной социализму и социальному движению в Европе, он разбранил нас, что назы-

[1]) Статья, на которую я здесь указываю, вошла в сборник «Новые письма о тактике и бестактности».

вается, на все корки. Но я не памятозлобен, подобно Сквознику-Дмухановскому, и, в своем качестве «узкого» марксиста, я стараюсь всегда отдавать должное своим врагам и противникам. Я считаю В. Зомбарта одним из самых замечательных представителей современной экономической науки. Он имеет очень много знаний, а главное—он умеет хорошо пользоваться своими знаниями. Он чрезвычайно талантлив. Так, например, кто знает двухтомное сочинение Левассера «L'Ouvrier américain» (Paris 1898), тот найдет мало нового в тех главах книги В. Зомбарта, которые посвящены экономическому и общественному положению американского рабочего. И все-таки он с удовольствием прочтет их, потому что они, как и вся книга, хорошо написаны. В. Зомбарт мыслит гораздо последовательнее, «складнее», нежели эклектик Левассер. Он стоит на буржуазной точке зрения. Но к об'яснению социальных явлений он довольно удачно применяет метод Маркса, поскольку этому не препятствует указанная мною ограниченность его буржуазного кругозора. Он понимает, что «общественный человек» (это выражение принадлежит, как известно, Марксу) изменяет свои чувства и понятия сообразно тому, как изменяется его экономическая жизнь. *В этой жизни* и ищет В. Зомбарт об'яснения *психического склада* американского рабочего. Почему в Америке до сих пор нет сильной социалистической партии? Некоторые глубокомысленные экономисты отвечали на этот вопрос указанием на свойства англо-саксонской расы: эти свойства таковы, что англо-саксонская раса не способна увлекаться социализмом. А почему у нее такие свойства? Потому, что она практична. А из чего видно, что она практична? Между прочим, из того, что она не увлекается социализмом. Это старая песня. Почему опиум усыпляет? Потому,—отвечает Мольеровский персонаж,—что он имеет усыпляющие свойства. Как человек, вкусивший от Марксова древа познания добра и зла, В. Зомбарт ясно видит смешную несостоятельность подобных об'яснений. Он спрашивает себя: да верно ли то, что американский рабочий принадлежит к англо-саксонской расе? И у него выходит, что это не верно,—не верно потому, что в Соединенные Штаты иммигрируют далеко не одни англо-саксы. Ценз 1900 года показал, что в той части населения Северо-Американских Соединенных Штатов, которая состояла тогда из иммигрантов, выходцы из Англии составляли 8,1%, а из Шотландии—2,3%; напротив, иммигранты из Германии составляли 25,8%; из Ирландии—15,6%; из России и Польши—7,8% и т. д. Толкуйте же после этого об англо-саксонской расе! Скажут, пожалуй, что эти цифры относятся только к настоящему времени, а прежде процентный состав иммиграции был другой. Но и это

соображение совсем не так убедительно, каким оно может показаться на первый взгляд.

«Если мы даже примем во внимание всю иммиграцию в течение XIX столетия, то и тогда участие в ней англо-саксонской расы окажется меньшим, чем это обыкновенно принято думать,—говорит В. Зомбарт;—оно доходит (даже со включением ирландцев, которые, наверно, составляли тут более половины) лишь до 33,58%» (стр. 38). Стало быть, в продолжение жизни последнего поколения в Соединенные Штаты вселились целые миллионы выходцев из таких стран, которые отличаются процветанием в них социализма. В числе таких выходцев *немцам* принадлежит весьма почетное место. Почему же немцы, очень склонные к социализму в Германии, оказались очень мало склонными к нему в Северной Америке? Ведь их раса не изменилась. Ясно, значит, что раса тут ни при чем, ясно, что ответа на вопрос о том, почему нет в Соединенных Штатах сильной социалистической партии, надо искать не в свойствах той или другой *расы,* а в особенностях северо-американской общественной *жизни.* Вот эти-то особенности и исследует В. Зомбарт в своей книге. Он указывает на демократический характер северо-американских политических учреждений; он отмечает чрезвычайно благоприятное экономическое положение северо-американского рабочего сравнительно с европейским и, наконец, отмечает влияние того факта, что на западе Соединенных Штатов существовало множество свободных земель, давших пролетарию возможность «бежать на свободу» от капитализма. Этим фактом задерживалось, по мнению В. Зомбарта, развитие классового самосознания северо-американских наемных рабочих, а следовательно и замедлялся рост социализма. Но пространство свободных земель с течением времени все более уменьшалось, между тем как колоссальное развитие капитализма все более обостряло противоречия, свойственные северо-американскому обществу. Поэтому причины, задерживавшие рост социализма в Соединенных Штатах, все более устранялись или даже превращались в свою собственную противоположность. В. Зомбарт думает, что в недалеком будущем социализм пышно расцветет в Северной Америке (стр. 142).

Все это очень интересно, и потому я еще раз настоятельно советую читателю ознакомиться с новой книгой В. Зомбарта, дополняя ее чтение чтением указанных выше статей К. Каутского.

Еще одно замечание. В. Зомбарт обещает показать в одном из своих будущих исследований, что, в «об'ективном смысле», нигде в мире рабочий не подвергается такой сильной эксплоатации со стороны капита-

листа, как в Соединенных Штатах (стр. 130—131). Это исследование будет еще более интересно, чем разбираемая мною книга. Оно даст новый материал для обоснования теории, гласящей, что, по мере развития капиталистического общества, положение пролетариата *относительно ухудшается*, несмотря на то, что его материальное положение *улучшается* в *абсолютном* смысле этого слова. Этой теории держался, как известно, Маркс, и ее же держатся современные марксисты [1]). В. Зомбарт принадлежит к числу тех писателей из буржуазного лагеря, которые, несмотря на свое отрицательное отношение к практическим стремлениям современного социализма, оказываются вынужденными признавать теоретическую правильность многих его положений. Правда, это не мешает им отворачиваться от практических выводов, логически вытекающих из этих, ими же признаваемых, теоретических положений. Но тут ничего не поделаешь: тут виновата неисправимая буржуазная ограниченность, ее же не прейдеши!

[1]) Ср. мой ответ г. П. Струве в сборнике «Критика наших критиков» [Сочинения, т. XI].

О книге В. Зомбарта «Пролетариат»

Werner Sombart, Das Proletariat. «Die Gesellschaft». Sammlung sozialpsychologischer Monographien, herausgegeben von Martin Buber. Frankfurt am Main, Literarische Anstalt Rütten und Loening

Так называемые французами *нравственно-политические науки* приобретают *научный характер* только в той мере, в какой им удается обнаружить *причинную связь*, существующую между общественным «*мышлением*», с одной стороны, и общественным «*бытием*», с другой, т.-е. между *психологией* данного народа и его *общественными отношениями*. Данных для обнаружения этой связи уже немало собрано, например, в истории религии, литературы и искусства. Но *систематическая* разработка этого предмета является еще делом будущего. До сих пор слишком мало сделано для научного изучения общественной психологии. И тем большего внимания заслуживает то немногое, что делается в этой области. Предпринятое М. Бубером издание социально-психологических монографий представляет собою интересную попытку. Правда, монографии эти, повидимому, не будут об'единены одною руководящей нитью, и их издатель едва ли даже и сознает, насколько необходима такая мысль. Но между писателями, привлеченными им к делу, есть люди, обладающие не только знаниями, но и пониманием того метода, которого должна держаться общественная психология, чтобы сделаться *наукой*. К числу таких людей, несомненно, принадлежит и Вернер Зомбарт, написавший монографию о пролетариате.

Вернер Зомбарт недаром внимательно изучал Маркса. Не имея ничего общего с социализмом, он хорошо усвоил, однако, ту мысль основателя научного социализма, что психология общественного человека об'ясняется, в последнем счете, его экономией. Эта мысль и легла в основу его монографии. Это уже очень хорошо. И с этой стороны его пример очень заслуживает подражания. Хорошо было бы, если бы, вдохновившись примером В. Зомбарта, другие исследователи занялись психоло-

гией других общественных классов в ее связи с экономическим положением этих классов.

Но общественная психология—предмет щекотливый. Ученый, изучающий ее, в то же самое время испытывает на себе ее влияние, так как неизбежно сам тяготеет по своему положению, взглядам и симпатиям к тому или другому общественному классу. Испытывает на себе это неизбежное влияние и В. Зомбарт. Этот богатый знаниями и талантливый писатель насквозь пропитан *буржуазными* взглядами. А буржуа всегда смотрит на пролетария *сверху вниз:* недаром же пролетарий принадлежит к «*низшему*» классу общества. Если буржуа—не злой человек и не считает себя призванным отстаивать в принципе эксплоатацию «слабых» «сильными»,—в духе, скажем, покойного Ф. Ницше,—то он может проникнуться глубокой симпатией к пролетарию, осужденному на тяжелый труд и беспрерывные лишения. Конечно, тот факт, что один общественный класс присваивает себе плоды труда другого класса,—так что *собственность* оказывается, по остроумному выражению Лассаля, *чужим добром*,—всегда будет представляться идеологу буржуазии таким фактом, об устранении которого могут задумываться только ограниченные «догматики». Но добрый идеолог буржуазии готов от души пожалеть о тяжести цепей, сковывающих рабочий класс, и придумать ту или другую «формулу» для уменьшения этой тяжести. Он трогательно опишет бедствия своего «меньшого брата», хотя очень мало поймет в тех душевных движениях, которые предшествуют борьбе этого брата за свое освобождение и сопровождают ее. Поэтому очерк психологии пролетариата, делаемый буржуазною рукою, по необходимости будет страдать большими недостатками. И это как нельзя лучше видно на новом сочинении В. Зомбарта. В нем есть очень хорошие страницы. Это те страницы, где изображаются испытываемые рабочим классом материальные лишения. Впрочем, и тут оказываются прямо неожиданные пробелы: например, автор, который, разумеется, не имеет недостатка в сведениях по этому предмету, почему-то не указывает на то, в какой мере все эти лишения сокращают среднюю продолжительность жизни рабочего сравнительно со средней продолжительностью жизни «хороших господ». Этот странный пробел об'ясняется, должно быть, тем, что внимание В. Зомбарта сосредоточивается собственно на психологии рабочего класса. Но именно Зомбарту, более или менее удачно применяющему материалистический метод к изучению общественной психологии, не следовало упускать из виду то общественное явление, в котором так ярко выражается разница в материальном положении эксплоатируемых, с одной стороны, и эксплоататоров — с другой. Странно также, что наш автор не останавливается на *преступности* в пролетарской среде. Неужели и преступность не имеет отношения к психологии низшего класса? Но положительно хороши, — местами даже очень хороши,—у Зомбарта те страницы, где он изображает разложение, под влиянием новых экономических условий, тех понятий и тех чувств, которыми характеризуются более ранние ступени экономического развития и которые наследуются пролетарием от своих предков, трудившихся при других производственных отношениях. Чего-нибудь оригинального вы не встретите и на этих хороших страницах: все, что вы найдете там верного и важного в общественно-психологическом отношении, давно уже было ярко и сильно высказано в «Манифесте Коммунистической Партии». Но кратко выраженное Марксом и Энгельсом подробно развито В. Зомбартом, и это уже немалая заслуга. В сочинениях гениальных основателей научного социализма вообще очень много разбросано таких мыслей, более подробное развитие которых могло бы явиться серьезной заслугой со стороны ученых специалистов. Надо заметить, однако, что здесь, на этих страницах, посвященных описанию того, как складывается пролетарская психология, должна была с особенной силой сказаться буржуазная ограниченность нашего талантливого автора. Он силен в изображении процесса исчезновения в пролетарской душе *старых* чувств и понятий, завещанных предшествовавшими, *не*пролетарскими поколениями. Но он прямо слаб в изображении того, как заменяются в этой душе *старые* чувства и понятия *новыми,* как возникает в ней *новая* нравственность, складываются *новые* идеалы. Пролетарская душа выходит в изображении В. Зомбарта слишком «*пустынной*». То, что наполняет ее новым содержанием, частью непонятно ему, а частью несимпатично. Он сожалеет о том, что пролетариат утрачивает *религиозные* верования, а горячее, чуждое рефлексии увлечение рабочих новыми идеями рассматривается им, как признак полузнания, проявление догматизма. Что делать! От себя не уйдешь. Давно уже прошло то время, когда идеологи буржуазии сами беззаветно увлекались новыми идеями. Теперь они с сомнением относятся ко всему, кроме преимуществ того общественного порядка, при котором одни трудятся, а другие... культивируют свой скептицизм...

В заключение—несколько цифр. Число «чистокровных пролетариев»,—т.-е. таких, которые работают в чисто капиталистических предприятиях, посвященных промышленности, торговле и разного рода сообщениям,—доходит в Германии до 3.900.000 человек, при чем сюда от-

носятся и рабочие, занятые в предприятиях, принадлежащих государству и муниципалитетам. Вместе со своими семьями пролетарии этого рода составляют от 13 до 14% населения. Число рабочих, трудящихся в сельско-хозяйственных капиталистических предприятиях, гораздо труднее поддается учету. В. Зомбарт полагает, что число это простирается до 1½ миллиона. Прибавляя это число к выше указанным 3.900.000, мы получаем 5.400.000 или,—так как это ведь приблизительные цифры,—около 5½ миллионов. Чисто капиталистическими В. Зомбарт называет такие предприятия, в которых работает *более* 20 человек. Но он сам замечает, что к разряду капиталистических следовало бы отнести также и многие из предприятий, занимающих *менее* 20 рабочих. Он думает, что в предприятиях этой категории работает,—в земледелии, промышленности, торговле и т. д.,—круглым счетом 2.000.000 «чистокровных пролетариев». Вместе с выше перечисленными получается, стало быть, около 7.500.000. В общей сумме германского населения пролетарии эти составляют, по Зомбарту, от одной пятой до одной трети.

Но рядом с «*чисто*кровными пролетариями» существуют еще и «*по*лукровные». К этому разряду Зомбарт относит всех тех лиц, которые, так или иначе, находятся в зависимости от капитала. Сюда же принадлежит, по его определению, и беднейшая часть «самостоятельных» производителей в ремесле и в сельском хозяйстве. Если сложить число всех этих зависящих от капитала людей с числом «*чисто*кровных пролетариев», то выйдет, что они, со своими семьями, составляют около 67,5%,—несколько более двух третей,—населения Германской империи. Это, прибавим мы от себя, огромная армия, которая уже теперь могла бы иметь огромнейшую силу, если бы все ее составные части ясно поняли ход общественного развития и отказались от всяких попыток «повернуть назад колесо истории». Но «*мышление*» отстает от «*бытия*». Даже между «чистокровными пролетариями» еще много таких, которые идут за буржуазией. И несравненно больше их в рядах мелких, будто бы самостоятельных, производителей в городе и в деревне. Эти люди в большинстве случаев еще отказываются встать на *чисто*-пролетарскую точку зрения и, бросая палки под колеса пролетариата, стараясь задержать ход общественного развития, тем самым отдаляют время своего собственного освобождения.

Еще одно. На стр. 55-й своей монографии В. Зомбарт указывает на то, что в пролетарской среде по самым условиям ее существования,—необходимость с ранних лет собственным трудом зарабатывать себе хлеб насущный,—должен распространяться свойственный нашему времени

«сильный индивидуализм». Это так. Но необходимо заметить, что характер индивидуализма изменяется в зависимости от того, в какой среде он пускает корни. Пролетарский индивидуализм совсем не похож на буржуазный. Пролетариат—индивидуалист преимущественно в том смысле, что жизнь рано и сильно развивает в нем *чувство самостоятельности*, буржуазный же индивидуализм равносилен развитию чувства *себялюбия, эгоизма*. Легко было бы осветить эту параллель очень яркими примерами. Но наш автор совсем упустил ее из виду. И это жаль. Если бы он задумался над нею, то увидел бы, что в «опустошенной» душе пролетария много богатого содержания, а еще больше богатейших возможностей.

Борьба рабочих за политическую свободу в Англии

По поводу книги *Е. Кувшинской,* Борьба рабочих за политическую свободу в Англии. Издание «Библиотеки Обществознания». СПБ. 1905 г.

Это интересная и живо написанная книга. Мы настойчиво рекомендуем ее всем тем, которые хотят ознакомиться с историей рабочего движения в Англии. Но именно потому, что мы настойчиво рекомендуем ее читателям, мы считаем себя обязанными отметить недостатки этой интересной и очень живо написанной книги.

Начнем с мелочей. Г. Е. Кувшинская не тверда в произношении английских географических названий. Так, на стр. 8-й она, перечисляя некоторые промышленные округа Англии, говорит о *Лейсестершире,* между тем как на стр. 5-й тот же округ называется *Лейчестерширом,* а город, от которого происходит его название, на этой же странице и на многих других именуется, — как и следует,— *Лейстером.* Это неудобно для тех читателей, которые, не владея английским языком, не знают, как же называется на самом деле местность, упоминаемая г. Е. Кувшинской. Таких читателей немало было у нас и прежде, а теперь число их будет все более увеличиваться по мере того, как умножается *читатель-рабочий.* Об интересах этого читателя необходимо подумать.

Мы заметили несколько таких описок в книге г. Е. Кувшинской. Но это, повторяем, мелочи. Серьезным и самым главным недостатком ее книги является *неясность ее тактических взглядов,* сильно отражающаяся и на ее изложении.

Дело вот в чем. Г. Е. Кувшинская совершенно справедливо думает, что интересы пролетариата в капиталистическом обществе непримиримо противоположны интересам буржуазии. Не менее справедливо думает она, что сознание пролетариатом этой непримиримой противоположности составляет необходимое условие его оосвобождения от ига

капитала. Наконец, она вполне права, полагая, что чем яснее сознает рабочий эту противоположность, тем лучше понимает он необходимость политического выступления его класса в виде особой, *классовой* партии. Но когда г. Е. Кувшинская применяет эти неоспоримые истины к оценке политических движений в Англии прошлого века, она рассуждает по меньшей мере *неясно.* И, как это всегда бывает, *неясность* ведет за собою кажущуюся или действительную *противоречивость.* Так, например, в книге г. Е. Кувшинской целая глава,—именно, глава третья,—посвящена изложению того, каким образом английский рабочий класс помог буржуазии «пробраться к власти». Мы узнаем оттуда, что уже в конце двадцатых годов прошлого века,—накануне агитации в пользу парламентской реформы 1832 года,—в среде английских рабочих было много убежденных сторонников всеобщего избирательного права. Узнаем мы также, что «парламент, в котором преобладали помещики, внушал рабочим полное недоверие», так как «опыт показывал им на каждом шагу, что парламент в его тогдашнем составе не имел ни малейшей склонности считаться с просьбами и требованиями рабочего класса» (стр. 42—43). Далее автор замечает: «Однако, в среде рабочих уже в то время нашлись люди, понимавшие непримиримую противоположность интересов капитала и труда. Для них вопрос о поддержке реформы, основанной на имущественном цензе и дающей избирательное право буржуазии, осложнялся опасением, не увеличит ли эта реформа политического влияния класса, интересы которого враждебны рабочим»? (Стр. 43). Как на пример человека, правильно понимавшего интересы пролетариата, г. Е. Кувшинская указывает на бывшего наборщика Хетерингтона. Она говорит, что Хетерингтон видел в предстоявшей тогда парламентской реформе победу буржуазии и называл поддержку буржуазии (рабочими) пагубной ошибкой, создающей рабочим «столько тиранов, сколько в стране имеется лавочников» (стр. 43—44). И эта мысль Хетерингтона приводится ею безо всяких оговорок, равно как и та, что «лучше умереть так, как мы жили до сих пор, племенем презренных отщепенцев общества, стоящих вне закона, чем подчиняться впредь средним классам» (стр. 45).

Но это мысли *неправильные.* «Тирания лавочников» была предпочтительнее для пролетариата, нежели тирания «помещиков», парламент которых,—как мы уже слышали это от г. Е. Кувшинской,—совсем не считался с нуждами и требованиями рабочих. Сама по себе «тирания лавочников», разумеется, отвратительна, как, впрочем, и тирания «помещиков». Но от тирании лавочников ближе к уничтожению всякой ти-

рании. В этом смысле она предпочтительнее. Наши народники и субъективисты семидесятых и восьмидесятых годов этого не понимали и потому готовы были даже отказаться от политической свободы, лишь бы не накликать на Россию «тирании лавочников». В их взгляде на этот вопрос было немало общего со взглядом Хетерингтона. Правда, Хетерингтон уже понимал значение для рабочего класса всеобщего избирательного права, а также и других политических прав, между тем как наши народники относили все эти права к числу вредных для «народа» буржуазных «*выдумок*». И в этом отношении он смотрел на дело несравненно правильнее, нежели они. Но и он, подобно им, находился под влиянием *утопического* социализма и не умел взглянуть на дело с точки зрения *развития*, с которой смотрит на все вопросы общественной жизни *научный* социализм. И этого недостатка во взгляде Хетерингтона и его тогдашних единомышленников совсем не отмечает г. Е. Кувшинская, вследствие чего нам представляется неясным и ее собственный взгляд: можно подумать, что она разделяет заблуждение Хетерингтона и его товарищей; можно подумать, что она хочет повторить вслед за ними: *лучше старый порядок, нежели тирания лавочников*. Но кто делает *такие выводы* из того совершенно правильного положения, что интересы пролетариата противоположны интересам буржуазии, *тот еще не понимает интересов пролетариата во всей их очень сложной совокупности*.

Маркс, своим гениальным взглядом охвативший всю очень сложную совокупность этих интересов, рассуждал иначе. В статье «*Морализирующая критика и критическая мораль*» он говорит: «Рабочие знают, что уничтожение буржуазных имущественных отношений не достигается сохранением—феодальных. Они знают, что революционное движение буржуазии против феодальных сословий и абсолютной монархии может лишь ускорить их собственное революционное движение. Они знают, что их собственная борьба с буржуазией может начаться лишь в тот день, когда победит буржуазия... Но они не могут ни на одну минуту видеть в ней свою собственную конечную цель. Что рабочие смотрят на дело именно так, это блестяще доказали английские чартисты во время недавнего движения против хлебных законов. Ни одной минуты не верили они измышлениям и фантазиям буржуазных радикалов, ни на одну минуту не отказывались они от своей борьбы против них; но *они вполне сознательно помогали своим врагам одержать победу над неприятелями* [1]), а на другой день после отмены хлебных законов

[1]) Курсив наш.

на поле битвы стоят уже не тории и виги, а фритредеры и чартисты. И последние завоевали места в парламенте против буржуазных радикалов.

Нам нет надобности разбираться здесь, прав ли был Маркс, приписывая всем вообще чартистам изложенный в только что приведенных нами строках взгляд на то значение, которое имеет для пролетариата победа буржуазии над защитниками старого порядка. Для нас достаточно того, что воззрение основателя научного социализма совсем не похоже на заимствованное у социалистов-утопистов воззрение Хетерингтона. И мы очень жалеем о том, что г. Е. Кувшинская не сумела оттенить,—а, пожалуй, даже и понять,—коренное различие этих двух воззрений. Это особенно полезно было бы у нас теперь, когда наши «большевики», под предлогом непримиримого отношения к буржуазии, отказываются рассуждать, как Маркс, и рассуждают, как Хетерингтон и другие социалисты-утописты.

Не мешает вдуматься и в то мнение Хетерингтона, что лучше умереть племенем презренных отщепенцев общества, чем подчиниться «лавочникам». Спрашивается, может ли «умереть» целый класс? Ответ: может, но только тогда, когда исчезнут те производственные отношения, которыми обусловливается его существование. В тогдашней Англии далеко было до исчезновения производственных отношений, обусловливающих собою существование пролетариата. Стало быть, о смерти этого класса, *как класса*, не могло быть и речи. Что же могло означать это Хетерингтоново «лучше умереть»? Повидимому, только то, что рабочий класс должен противиться политическим планам «лавочников», не отступая и перед борьбой с оружием в руках. И о такой борьбе не раз речь идет в изложении г. Е. Кувшинской. Известно, что в партии чартистов были две фракции, из которых одна *принципиально* отстаивала так называемые мирные средства, а другая признавала в качестве крайнего средства употребление «физической силы». Г. Е. Кувшинская говорит, что сторонниками употребления «физической силы» были преимущественно рабочие, между тем как его принципиальными противниками являлись входившие в партию чартистов буржуазные элементы. И это,—насколько мы знаем,—в самом деле было так. Но этим еще не все сказано. Надо спросить себя, *возможно* ли было тогда успешное употребление пролетариатом «физической силы»? Г. Е. Кувшинская не дает на этот вопрос прямого ответа; однако, в ее книге содержится немало данных для его решения. Ее девятая глава, носящая название: «*Бессилие чартистов в борьбе с правительством*», изображает дело в таком виде, что тогдашняя невозможность победо-

носного вооруженного восстания английского пролетариата бросается в глаза всякому непредубежденному читателю. А если победоносное восстание пролетариата было тогда *невозможно*, то ясно, что и рекомендовать его, как средство, подлежащее употреблению «в ближайшем будущем», *не следовало:* само собой разумеется, что не правы были участвовавшие в чартистском движении буржуазные элементы, *принципиально* осуждавшие употребление «физической силы». Доктринерство «мирных средств» так же смешно и нелепо, как и всякое другое доктринерство: иногда бывает так, что употребление «физической силы» гораздо целесообразнее, нежели применение «мирных средств». Тут все зависит от обстоятельств времени и места. Но так как тут все зависит от обстоятельств времени и места, крайне ошибочно было бы считать «физическую силу» каким-то преимущественно пролетарским способом борьбы. Мы говорим это потому, что г. Е. Кувшинская сама как будто не разобралось в этом вопросе. Описывая неудачную демонстрацию 10 апреля 1848 г., она замечает: «Так кончился знаменательный день 10 апреля, с которым у одних было связано так много надежд а у других так много опасений. Привилегированные классы ликовали. Они считали прекращение демонстрации в решительный момент явным отступлением рабочих. Ведь чартистские ораторы так много говорили о грозном выступлении рабочих масс 10 апреля. В своих речах они часто называли этот день днем решительного столкновения. И вдруг отступление... Впечатление получилось в высшей степени отрицательное, и в этом всего более были виноваты те, кто грозил вооруженным восстанием в ближайшее же время, но ничего не сделал для его подготовки» (стр. 204). Но что значило «подготовить» вооруженное восстание при тогдашнем состоянии английского рабочего движения? В этом весь вопрос. А на этот вопрос отвечает, например, такой факт. Когда в 1839 году парламент оставил без внимания петицию о хартии, О'Брайен, советовавший пролетариату «вооружаться, чтобы для него не было необходимости прибегать к оружию», рекомендовал также всеобщую политическую стачку. «Однако, — говорит г. Кувшинская, — мысль о всеобщей стачке не встретила готовности поддержать ее среди рабочих масс. Большинство опрошенных на многочисленных митингах рабочих отвечали, что не считают себя в силах выдержать продолжительную забастовку, и указывали при этом на неорганизованность рабочих масс» (стр. 155). Но неорганизованная рабочая масса вряд ли могла победить и в борьбе посредством «физической силы». Не правда ли?

Тогдашняя Англия не похожа была в этом отношении на тогдашнюю Францию. Стало быть, тот, кто захотел бы «подготовить» победу посредством «физической силы», должен был бы прежде всего взяться за долгую работу организации рабочей массы. А взявшись за эту долгую работу, он по необходимости перестал бы толковать об употреблении «физической силы» в ближайшее время. Это именно тот вывод, который, казалось бы, сам собою вытекает из того, что рассказывает нам г. Кувшинская, но который странным образом как будто ускользает от ее внимания: рабочая масса, входившая в партию чартистов, была совершенно не организована: те же рабочие, которые были организованы в профессиональные союзы, не принимали участия в чартистском движении. В этом и заключалась одна из двух главнейших причин «бессилия чартистов в борьбе с правительством». Другою причиной был низкий уровень *сознательности* в рабочей массе. Г. Кувшинская говорит: «чартистская агитация велась с наибольшим успехом в годы промышленных кризисов 1837, 1839, 1842, 1847—1848» (стр. 138).

Это всегда так бывает: в годы промышленных кризисов недовольство рабочего класса обостряется. Но г. Кувшинская прибавляет: «в период промышленного под'ема чартизм угасал» (та же стр.). А так бывает только там, где недовольство рабочих недостаточно ярко освещается сознательностью; немецкая социал-демократия не «угасает» во время промышленного под'ема. И пока сознание английского рабочего оставалось на такой низкой ступени, у него совсем не было шансов победы. Значит, и с этой стороны всякие толки об употреблении «физической силы» в ближайшее время были тогда неосновательны. Достоинство исторического труда г. Кувшинской было бы гораздо выше, если бы она выяснила себе указанные нами две главнейшие причины «бессилия» чартизма. Но так как эти причины не были ясны для нее, то она ссылается на такие причины, которые собственно ничего не выясняют. Главную причину слабости чартистской партии она видит в том, что эта партия представляла собою, по ее выражению, *блок* буржуазных элементов с рабочими. Само собою разумеется, что буржуазным элементам,—поскольку они не представляют собою исключений, как известно, только подтверждающих общее правило, — нечего делать в пролетарской партии. Но, во-первых, обилие буржуазных элементов в такой партии само служит доказательством зачаточного ее состояния. Пример: наша российская рабочая партия. Во-вторых, иное дело *слияние* буржуазных элементов с рабочими *в одну партию*, а иное дело «*блок*», который, — если правильно употреблять это слово, — означает, что

существует *не одна*, а по крайней мере *две* партии, идущие *врозь* и только *бьющие вместе*.

Могут ли данные партии, идущие *врозь*, бить *вместе*, и выгодно ли им совместное битье—это зависит от обстоятельств. Но считать совместное битье вредным при *всяких обстоятельствах*, значит впадать в жесточайшую ошибку. И столь же ошибочно сваливать на блок те неудачи чартистов, которые обусловливались общим состоянием английского пролетариата или отсутствием организованности в его рядах.

Г. Кувшинская как будто совершает обе эти ошибки. И это очень жаль, потому что они сильно вредят ее интересной книге.

Вредит книге и то, что мы назвали бы *схематизмом суждений*. Характеризуя тактические взгляды Ловетта, г. Кувшинская замечает: «Принадлежность Ловетта к «рабочей аристократии» роковым образом предрасполагала его занимать промежуточное положение, не входя всецело ни в ряды буржуазии, ни в ряды рабочих» (стр. 184). А вот на 197 стр. наш автор рассказывает о чартисте Эрнесте Джонсе, который был родственником *короля* и воспитан *при королевском дворе* и тем не менее обеими ногами стал на точку зрения пролетариата. Что же следует из этих двух примеров? То ли, что настоящему аристократу легче усвоить себе пролетарские взгляды, нежели «аритократу» из рабочей среды? Или же то, что г. Кувшинская неудачно применяет исторический материализм к об'яснению истории умственного и нравственного развития отдельных лиц? Нам сдается, что вернее это последнее предположение.

Г. Кувшинская имеет все данные для того, чтобы писать хорошие книги. Ей недостает пока одного: *дисциплины мысли*. Но, ввиду этого важного недостатка, мы, настойчиво рекомендуя ее книгу читателям, скажем: *факты* берите у г. Кувшинской, а *выводы* из этих фактов делайте сами: это будет гораздо вернее.

Предисловие к брошюре Отто Ланга «Социализм в Швейцарии»

Предлагаемый краткий очерк социалистического движения в Швейцарии принадлежит перу одного из самых выдающихся представителей этого движения. Всякий, кто интересуется социализмом, прочтет его с интересом и с пользой. Но этому очерку не мешает предпослать некоторые предварительные замечания.

Начнем с частностей. На странице 18-й автор говорит, что организации швейцарских рабочих, занятых в текстильной промышленности, значительно препятствует обстоятельство, что между этими рабочими много женщин. То же говорит он дальше о рабочих, занятых производством платья, уборов и предметов потребления. И это, конечно, справедливо. По многим и весьма понятным причинам женская половина пролетариата с гораздо большим трудом проникается сознанием своих классовых интересов, чем мужская. Это было замечено не только в Швецайрии, но решительно везде, где начиналось рабочее движение. Не нужно думать, однако, что трудности, существующие с этой стороны, непреодолимы. Нет, несмотря на многочисленные препятствия, затрудняющие развитие их самосознания, женщины-работницы все-таки не остаются недоступными для социалистического влияния. Они начинают организовываться. Это мы видим везде, — видим также и в Швейцарии. Уже в конце шестидесятых годов женщины, — именно женщины, работающие в текстильной промышленности, — принимают участие в стачках. И уже на первом швейцарском рабочем с'езде,—в июне 1873 года,— было представлено несколько женских организаций, существовавших в Женеве. В 1880 году в Цюрихе образовался «*Союз портних и швей*» (Verein von Schneiderinnen und Näherinnen), который скоро превратился, впрочем, в производительную ассоциацию. В 1885 г. возникло несколько профессиональных союзов в разных местах Швейцарии, а в 1890 году эти союзы об'единены были взаимной организационной связью.

И, как всегда бывает в таких случаях, организация увеличила силу сопротивления рабочих гнету капиталистической эксплоатации. В девяностых годах швейцарским работницам удалось одержать победу в нескольких стачках (в 1898 г. в Бургдорфе, в 1900 г. в Киассо, в 1901 г. в Гёнге и т. д.).

Само собою разумеется, что *женские* рабочие организации примыкают к более многочисленным, сильным и опытным организациям *мужчин*. Они входят в швейцарский «Рабочий союз». Не чуждаются они также и собственно социалистического движения. Так, они были представлены на Цюрихском международном социалистическом с'езде 1893 г.

В настоящее время женские рабочие организации существуют в Базеле, Берне, Бургдорфе, Фрауэнфельде, Горгене, Гёнге, Кринсе, Шаффгаузене С.-Галлене, Цивилле, Винтертуре и Цюрихе. К ним примыкают женщины, занятые в шелковом и часовом производствах, в башмачном, вязальном и красильном промыслах, в шитье платья и т. д. Но несомненно то, что до сих пор женщины несравненно хуже организованы, чем мужчины. По словам В. Концет, состоящей секретарем «Центрального союза швейцарских женских организаций», эти организации охватывают теперь *едва ли более одной сотой части всего числа женщин, занятых в швейцарской промышленности* [1]). Это очень мало, и швейцарской социал-демократии необходимо сделать энергичное усилие для того, чтобы сообщить более широкий размах освободительному движению женщин-работниц. Тут ей надо будет обнаружить много такта. Чем менее благоприятно для умственного развития женщины то положение неполноправного существа, на которое она осуждена в нынешнем обществе, тем затруднительнее *непосредственное* влияние на нее широких освободительных идей нашего времени. Чтобы она заинтересовалась этими широкими идеями, надо связать их с ее узкими, но зато чувствительными для нее повседневными нуждами.

Когда-то наши народники говорили, что воздействовать на крестьян в освободительном смысле сможет лишь тот, кто сумеет опереться на их ближайшие требования. Это положение повторяли впоследствии, — изменив его сообразно своей *пролетарской* точке зрения, — наши марксисты так называемого экономического направления. Эти последние говорили, что социал-демократия должна внести политическое содержание в экономическую борьбу рабочих. Им жестоко «влетало» за то с разных сторон. Но, *взятое само по себе*, это положение неоспоримо. По содержанию своему оно имеет очень много общего с тем, что имел в виду Лассаль, говоря: «Там, где юридические отношения, переходя в область частного права, теряют, повидимому, всякую связь с политикой, в них *оказывается гораздо более политического, чем в самой политике*, потому что они представляют собою тогда элемент *социальный*» [1]). Наши «экономисты» очень грешили тем, что *не умели надлежащим образом связать экономику с политикой*. Но в руках того, кто умеет найти эту связь, в руках того, кто умеет внести в экономическую борьбу свет политического сознания, конфликты, «переходящие в область частного права», могут послужить могучим орудием развития самосознания в пролетариате. И это хорошо понимают вожаки западно-европейских рабочих.

[1]) См. ее статью «Arbeiterinnenvereine» в «Handwörterbuch der schweizerischen Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung», herausgegeben von D-r. N. Reichesberg, Band I, S. 101.

В. Концет упрекает швейцарских пролетариев в том, что они сами недостаточно понимают важность женского движения в пролетарской среде. Нам кажется, что этот упрек не лишен основания. В отношении к женщине швейцарский рабочий нередко разделяет почти все предрассудки мелкой буржуазии. Это, конечно, чрезвычайно большое зло, очень вредно отзывающееся на интересах всего движения. Каким образом можно было бы устранить его? Для этого нет и не может быть другого средства, кроме распространения более правильного взгляда на «женский вопрос» между швейцарскими рабочими. Но здесь мы наталкиваемся на одно весьма серьезное препятствие.

Наш автор говорит (стр. 30): «Вообще, приходится отметить тот факт, что в идейном мире рабочего «государство будущего» играет гораздо менее значительную роль, чем это принято думать... Это во всяком случае всецело относится к швейцарскому рабочему. «Конечная цель» — к сожалению — не имеет для него большого значения. Мысль о катастрофе, о внезапном перевороте весьма далека от него, и в словаре его обычных выражений не нашло себе места красивое и многозначительное слово: «диктатура пролетариата». Поскольку его интересует «государство будущего», он может его себе представить лишь как результат органического развития. Но вопрос о том, какую форму примет более отдаленное будущее, теряет для него почти всякий интерес рядом с вопросом дня».

[1]) См. «System der erworbenen Rechte», Leipzig 1880, erster Theil, Vorrede, S. VII.

В применении к Швейцарии это справедливо, хотя, — как мы увидим это сейчас, — выражение этой справедливой мысли приняло у нашего автора не совсем правильный вид. Швейцарский рабочий в самом деле мало интересуется «конечной целью», «диктатурой» и т. д.; но Отто Ланг ошибается, думая, что вопрос об этой цели равносилен вопросу о том, какую форму примет более отдаленное будущее. О *какой* конечной цели идет здесь речь? О конечной цели *чего?* О конечной цели рабочего движения. А что такое это движение? Представляет ли оно собою такое общественное явление, которое будет иметь место лишь в «более отдаленном *будущем*», или же оно имеет место теперь, относится к *настоящему* времени? На этот вопрос всякий ответит без малейшего колебания: рабочее движение есть дело настоящего времени. А если это так, то ясно, что и вопрос о конечной цели этого движения имеет огромную важность *уже в настоящее время*. Пока рабочему классу не ясна конечная цель его собственного движения, до тех пор это движение остается *бессознательным* в весьма значительной степени. А бессознательное движение обречено на многие и жестокие ошибки; оно не может иметь ту силу, которую обнаруживает движение пролетариата, совершающееся при полном свете сознания. Вот почему пролетариат *уже теперь* должен выяснить себе свою конечную цель, и вот почему там, где ему, по той или другой причине, не удается сделать это, его движение *уже теперь* обнаруживает такие недостатки, которые *уже теперь* замедляют его дальнейшие успехи. К числу этих недостатков относится, между прочим, и плохое понимание *рабочими* важности освободительного движения *работниц*.

Чтобы распространить между швейцарскими рабочими более правильный взгляд на «женский вопрос», нужно вообще приучить их к более широкому способу мышления. А когда они привыкнут к такому способу мышления, тогда и к «конечной цели» они станут относиться уже не с тем равнодушием, на которое указывает Отто Ланг.

Заметим кстати, что этот последний сам не очень хорошо уяснил себе вопрос о «конечной цели». Мы уже видели, что у него выходит, будто этот вопрос приобретает практическое значение, но только в отдаленном будущем. Мы видели также, что это ошибка. Теперь укажем на другую ошибку нашего автора.

Он говорит, что «мысль о катастрофе», о «внезапном перевороте», весьма далека от швейцарского рабочего, который представляет себе государство будущего лишь как результат органического развития. Но кто же из сколько-нибудь серьезных представителей современного международного движения пролетариата говорит о «*внезапном* перевороте»? Кто из них мечтает о такой «катастрофе», которая *не была бы результатом органического развития?* И, наконец, на каком основании Отто Ланг противопоставляет «катастрофы» органическому развитию? На все эти вопросы наш автор не дает удовлетворительного ответа, да, к сожалению, и не мог бы дать его, потому что он сам еще не совсем разобрался в этой области.

В природе, равно и в истории, органическое развитие нисколько не исключает и «катастроф», т.-е. скачков; напротив, оно подготовляет их. И если противники рабочего движения приписывают его теоретикам такое представление о «катастрофах», по смыслу которого они являются чем-то противоположным «органическому развитию», то это не более как злая и нелепая напраслина. Отто Лангу следовало бы оценить ее по достоинству, а между тем он сам как будто верит ей, по крайней мере до некоторой степени. Это большой промах. И этот большой промах его об'ясняется тем, что в Швейцарии даже вожаки рабочего движения, в огромнейшем большинстве своем, слишком мало занимаются практикой, ошибочно считая ее чем-то излишним. И если эти вожаки серьезно захотят расширить взгляды швейцарских пролетариев, то им необходимо будет предварительно изменить свое собственное отношение к теории.

Еще одна ошибка О. Ланга, стоящая в теснейшей связи с неясностью его теоретических взглядов. В самом начале своей брошюры, рассуждая о том, в какой мере швейцарский политический строй способствует или препятствует успехам ее рабочего движения, он делает следующую оговорку:

«Но прежде, чем подробнее остановиться на этом вопросе, следует отметить некоторые ***внешние причины,*** определяющие течение и направление партийной жизни и классовой борьбы». И затем он переходит к рассмотрению этих «внешних причин». Они сводятся у него к общему характеру *экономических отношений* Швейцарии. Но разве же экономические отношения могут быть отнесены к числу *внешних причин* там, где речь идет о влиянии политического строя на ход общественных движений? Ни в каком случае. Эти будто бы внешние причины и разрешают весь вопрос. В самом деле, посмотрите, что выходит у Ланга.

По его словам, демократическая конституция создает благоприятные *об'ективные* условия для развития сильного социалистического движения, но с другой стороны она неблагоприятно отражается на *суб'ективных* условиях, необходимых для такого движения. В каком же

смысле влияет она на эти суб'ективные условия? Она располагает людей к слишком умеренному образу мыслей и действий, поглощая все их внимание мелочными вопросами житейских будней. Но почему же она вызывает в них такое расположение? В этом весь вопрос. А на этот вопрос дают удовлетворительный ответ именно только «внешние причины» Ланга. Из очерка экономических отношений Швейцарии, делаемого им в самом начале его брошюры, видно, что Швейцария есть классическая страна *мелко-буржуазного хозяйственного строя*. Известно, что при таком строе отсутствуют резкие противоречия классовых интересов, известно также, что в обществе, разделенном на классы, именно противоречие классовых интересов и служит тем «фактором прогресса», который двигает его вперед, расширяет общественную мысль и возбуждает общественные страсти. Понятно, стало быть, почему жители мелкобуржуазных стран отличаются спокойным, умеренным, а иногда и прямо «филистерским» образом мыслей и действий. Тайна швейцарского «темперамента» лежит не в политическом строе Швейцарии, а в ее экономике. О. Ланг упустил это из виду. Поэтому экономика и представилась ему в виде «внешней причины».

То правда, что в Швейцарии политический строй, с своей стороны, способствует *притуплению,*—как выразился бы г. П. Струве,—и без того небольших общественных противоречий. Но это уже второстепенная причина, главная же заключается именно в отсутствии глубокого разделения швейцарского общества на классы, в его мелко-буржуазном характере.

Когда появится в Швейцарии такое глубокое разделение, тогда ее демократизм нисколько не помешает ее пролетариату отделаться от той умственной дремоты, которая характеризует его теперь. Напротив, тогда демократическая конституция будет очень сильно *содействовать его окончательному пробуждению*. Поэтому надо признать, что О. Ланг ошибается, когда говорит, что демократический строй всегда неблагоприятно отражается на «суб'ективных условиях», необходимых для роста рабочего движения. На самом деле все зависит здесь от того, свойственны ли данному обществу глубокие экономические противоречия. Если свойственны, то «политика» «неизбежно» действует в одном направлении *с экономикой*. Это полезно помнить.

Вот те замечания, которые мы хотели предпослать брошюре О. Ланга. Сделав их, мы еще раз рекомендуем эту брошюру вниманию читателя. Он найдет в ней много интересного.

Предисловие к переводу письма К. Маркса к И. Б. фон-Швейцеру

(О лассальянстве и о профессиональных союзах рабочих)

(От переводчика)

Предлагаемое здесь письмо Маркса к И. Б. фон-Швейцеру, насколько я знаю, до сих пор не было переведено на русский язык. Во всяком случае оно очень мало известно в России, и я считаю крайне полезным обратить на него внимание читателей «Звезды».

Но не мешает сказать предварительно несколько слов о тех обстоятельствах, при которых оно было написано. В то время, — в 1868 г.,—в движении сознательного германского пролетариата было два резко враждебных одно другому течения: во-первых, то, которое вело свое начало от Лассаля и еще при жизни этого последнего привело к возникновению «Всеобщего германского рабочего союза», во-вторых, то, во главе которого стояли Бебель и Либкнехт и которое тогда еще не отделилось от мелко-буржуазной «Немецкой народной партии», хотя на V с'езде союза примыкавших к этому течению немецких рабочих союзов, состоявшемся в Нюренберге осенью 1868 г., уже приняты были в качестве программы главные положения устава Международного товарищества рабочих [1]). Течение, во главе которого стояли Бебель и Либкнехт, было гораздо ближе к Марксу, нежели лассальянское течение, руководимое И. Б. Швейцером. Тем не менее, Маркс, как это видно из предлагаемого здесь письма его, старался тогда ограничиться ролью беспристрастного в дуэли и твердил о необходимости примирения между

[1]) Положения эти приняты были при оппозиции весьма значительного меньшинства с'езда. Говоря в своем письме *о нюренбергском большинстве*, Маркс имеет в виду большинство, принявшее на только что названном с'езде программу Интернационала.

враждующими братьями. Его примирительные советы не приносили непосредственной практической пользы, — враждовавшие между собою братья помирились значительно позже, — но они интересны для историка, как свидетельство о том, что Маркс умел быть «примиренцем» (пусть простит мне читатель это неуклюжее, но ходячее у нас теперь выражение), когда этого требовали интересы пролетариата.

Гамбургский с'езд, о котором говорится в письме, происходил 22—26 августа 1868 года [1]). На одном из его закрытых заседаний рассматривался вопрос о стачках. Фрицше предложил проект решения, в котором говорилось, что хотя стачки не могут устранить современного (капиталистического) способа производства, однако они представляют собою средство, ведущее к развитию классового сознания работников и (при условии правильной их организации) к устранению самых вопиющих общественных зол, напр., чрезмерного удлинения рабочего дня, детского труда и т. д. [2]). Это предложение было принято после оживленных прений. Но с'езд отверг, большинством 3255 голосов против 3044, предложение того же Фрицше о созыве общегерманского рабочего с'езда для организации профессиональных союзов. Тогда Фрицше и Швейцер заявили, что они созовут рабочий с'езд в своем качестве членов рейхстага, а не в качестве членов Всеобщего германского союза. Маркс намекает на это в своем письме, говоря, что Швейцер принужден был «раздвоить свою особу», об'явить, что в одном месте он действует как глава секты, а в другом как орган классового движения. Это «раздвоение особы» Швейцера вызвало бурные прения по вопросу о том, не представляет ли оно собою нарушение партийной дисциплины. Швейцер сказал, что если ему запретят созыв рабочего с'езда, то он должен

[1]) На нем были представлены 36-ю делегатами 83 местности с 7724 членами, правильно уплачивавшими взносы. (См. *Мерингъ*, История германской социал-демократии, т. III, стр. 169). Правда, 50—60 местностей, примкнувших к союзу в течение предшествовавшего года, не имели представительства на с'езде; правда и то, что, как сказано выше, лассальянцы представляли собою только одно из двух течений германского рабочего движения, но все-таки как далеко это от тех сотен тысяч, о которых мечтал Лассаль и которые, действительно, входят теперь в состав германской социал-демократической рабочей партии!

[2]) См. *Мерингъ*, назван. сочинение, т. III, стр. 340. Ср. также *J. Schmöle*, Die sozial-demokratischen Gewerkschaften in Deutschland seit dem Erlasse des Sozialistengesetzes. I Theil, Iena. 1896. Стр. 34.

Примечание.—Если память меня не обманывает, есть русский перевод этого сочинения.

будет выйти в отставку [1]). Эта угроза подействовала: гамбургский с'езд почти единогласно об'явил, что его решение не означает запрета Швейцеру и Фрицше созывать рабочий с'езд в своем качестве депутатов [2]). Пользуясь этим, названные лица тотчас же после лассальянского с'езда обратились к рабочим Германии с воззванием, в котором приглашали на общегерманский рабочий с'езд 26 сентября того же 1868 года, имеющий собраться в Берлине. «Здесь, — говорит Мерингъ, — предполагалось обсудить все, что имет отношение к забастовкам, и основать обширную, самостоятельную организацию всего рабочего населения Германии для общих действий путем забастовок [3]). Швейцер выработал для этого нового с'езда проект организации профессиональных союзов и послал его Марксу. Печатаемое здесь письмо содержит в высшей степени поучительную критику этого проекта [4]).

По поводу письма Маркса к Швейцеру историк германской социал-демократии говорит:

«Маркс порицал Швейцера за то, что он ставит классовому движению требование занять подчиненную роль по отношению к сектантскому движению. Этот упрек был вполне справедлив, поскольку Швейцер хотел отвести профессиональному движению роль второстепенного средства для политической организации. Но он был несправедлив, поскольку Маркс говорил в этом письме о Лассале, как об основателе секты, и о Всеобщем германском рабочем союзе, как о сектантском движении» [5]).

Я не могу рассматривать здесь взгляды Мерингъ на Лассаля и на Всеобщий германский рабочий союз. Замечу лишь вот что: если Швейцер вполне заслуживал упрека за то, что хотел отвести профессиональному движению роль второстепенного вспомогательного средства для политической организации, то еще более (если это возможно) заслуживал упрека Всеобщий германский рабочий союз, едва не запретивший Швейцеру браться за организацию профессионального движения. И если бы нужно было характеризовать ошибку, сделанную в этом случае назван-

[1]) Он, как известно, был председателем Всеобщего германского рабочего союза

[2]) *Мерингъ*, там же, стр. 340 и 341.

[3]) Там же, стр. 341.

[4]) О том, как вредно отразился централизм Швейцера на только что начинавшемся германском профессиональном движении, см. в интересной книге *Густава Майера*, Johann Baptist von Schweitzer und die Sozialdemokratie. Iena 1909. О берлинском рабочем с'езде говорится в 3-м томе названного сочинения *Мерингъ*, стр. 351 и 352.

[5]) *Мерингъ*, там же, стр. 353—354.

ным союзом, то пришлось бы заметить, что он погрешил именно значительной склонностью к сектантству.

Что касается Лассаля, то разумеется он обладал слишком большим умом для того, чтобы быть сектантом в полном смысле этого слова. Вопрос можно поставить только следующим образом: не сделал ли Лассаль таких ошибок, благодаря которым возник и временно упрочился дух сектантства в том направлении германского рабочего движения, которое справедливо связывается с его именем? А на этот вопрос приходится ответить утвердительно: да, некоторые ошибки этого рода были сделаны Лассалем. И эти ошибки, несомненно, стояли в тесной причинной связи с теми слабыми сторонами Лассалевской агитации, на которые указывает Маркс в своем письме: слишком сильные уступки непосредственным влияниям времени и т. п. Конечно, мы теперь как нельзя более далеки от того скептицизма по отношению к «чартистскому кличу: всеобщее избирательное право», какой виден в письме Маркса. Но это все-таки частность; главное все-таки то, что, как говорит Маркс, у Лассаля, вследствие неудовлетворительности исходной точки его агитации, «государство» правращалась в «прусское государство» и что он «вынужден был делать уступки прусской королевской власти, прусской реакции (феодальной партии) и даже клерикалам».

Наконец, для русских читателей настоящего времени вопрос о том, заслуживает ли или не заслуживает Лассаль названия основателя секты, интересен лишь в *историческом* смысле; вопрос же о том, каковы вообще отличительные признаки сектантства, представляет огромный *практический* интерес. Маркс прекрасно определяет эти признаки, и его письмо служит для нас, русских, как бы предостережением.

Еще одно. Маркс упрекает Швейцера в том, что он слишком поспешил с созывом берлинского рабочего с'езда. Меринг, как видно, не признает и этого упрека правильным. Он пишет:

«Однако, Швейцер и Фрицше имели основательные причины ковать железо, пока горячо. Они хотели, чтобы полки их были уже организованы и боевая касса полна, прежде чем раздастся сигнал к борьбе. Затем им чрезвычайно важно было возможно скорее создать «бесповоротный факт» ввиду противодействия в рядах собственной партии... Но в особенности важно было расстроить хитрую игру прогрессистской партии, готовившейся как раз в тот момент овладеть пролетарским стачечным движением и направить его на ложные пути» [1]).

[1]) *Меринг*, там же, стр. 349.

Железо надо ковать, пока оно горячо. Это неоспоримо; тут Меринг совершенно прав. Но, спрашивается, не следовало ли взяться за ковку железа, столковавшись предварительно с теми деятелями германского рабочего движения, которые принадлежали к направлению Бебеля - Либкнехта? Маркс думал, что, да. «Вы должны были, — пишет он Швейцеру, — столковаться с вожаками вне лассальянского круга, выработать вместе с ними план и создать конгресс. Вместо этого, вы поставили только альтернативу, — или открыто примкнуть к *вам*, или выступить *против вас*. Самый конгресс явился лишь дополненным изданием гамбургского конгресса». Я не знаю, что можно возразить против этого.

Письмо Маркса впервые напечатано было в «Neue Zeit» (№ I, XV Jahrgang, I Band. 1896—1897) Эдуардом Бернштейном, снабдившим его своим предисловием и примечаниями. Некоторые из этих последних воспроизведены мною, как «*примечания издателя*».

Теперь перейдем к письму.

Маннгейм

С'езды имеют «свою судьбу», как и книги, как и все на свете. И их судьба, как и судьба всего на свете, часто бывает, поистине, удивительна. Взять хоть последний с'езд германских социал-демократов. Правое крыло этой партии,—так называемые ревизионисты,—говорит, что они одержали в Маннгейме победу над марксистами. И это их мнение поддерживается буржуазной печатью разных стран. Но, как и следовало ожидать, буржуазные публицисты идут гораздо дальше социал-демократических оппортюнистов. Если верить тому, что говорят теперь эти публицисты, то можно подумать, что, в лице германской социал-демократии, социал-демократия всего мира открыто признала в Маннгейме свое бессилие и решительно отказалась от своей прежней тактики. Некоторые, весьма «солидные» газеты,—например, «Temps»,—доходят в этом случае до того, что прямо искажают решения Маннгеймского с'езда. Но даже и те буржуазные органы, рвение которых не простирается до этого крайнего предела, все-таки совершенно неверно истолковывают принятые в Маннгейме решения. Исключения встречаются, правда, и тут, однако, они так редки, что только подтверждают собою общее правило. И этому совсем нельзя удивляться. Весьма естественно, что буржуазия не понимает тех соображений, которыми руководствуются вожаки сознательного пролетариата: на то она и буржуазия. Но было бы крайне вредно, если бы ей удалось и на этот раз,—как ей удается это, к сожалению, слишком часто,—внести путаницу и в анти-буржуазные головы. Вот почему я считаю нужным поговорить здесь о некоторых решениях Маннгеймского с'езда.

«Гвоздем» этого с'езда был, как известно, вопрос о всеобщей стачке, в свою очередь, тесно связанный с вопросом об отношении социал-демократической партии к профессиональным союзам. Этим двум вопросам я и посвящу свою статью, при чем, — по причине, которая обнаружится самим ходом изложения, — я начну со второго.

I

В каком отношении должна стоять партия к профессиональным союзам? Об этом было много писано и говорено на самых различных языках, и тем не менее в среде социал-демократов всех стран до сих пор остается немало ошибочных представлений на этот счет. Это лишний раз показали прения, вызванные обсуждением этого предмета в Маннгейме. Из них обнаружилось, что в этом случае даже некоторые марксисты недостаточно выяснили себе мысль своего учителя. Постараемся же прежде всего припомнить эту мысль.

Некоторые думают, что марксизм логически ведет к *пренебрежению* профессиональными союзами. Не далее, как в Маннгейме, бельгиец Ансель,—известный «*оппортюнист*», деятельность которого имеет, однако, очень много *революционного* содержания,—сказал мне, выражая свое удовольствие по поводу настроения с'езда: «Дайте нам сначала организовать рабочую массу, а потом пусть идут к ней со своей пропагандой марксисты». И когда я возразил ему, что марксисты не меньше его единомышленников дорожат организацией *массы*, без которой для них и нет социалистического движения, он удивился: «alors, nous sommes d'accord!» («Тогда мы согласны между собою!»)—воскликнул он с удовольствием. Ансель, как видно, позабыл, что еще в своей «*Нищете философии*» Маркс, оспаривая Прудона, горячо отстаивал профессиональные организации рабочих.

«Экономисты и социалисты,— говорит он там, имея в виду тогдашних социалистов-утопистов, к которым принадлежал также и Прудон,— единогласно осуждают коалиции рабочих»... Но, несмотря ни на тех, ни на других, вопреки учебникам и утопиям, коалиции ни на минуту не переставали итти вперед и увеличиваться вместе с развитием и ростом современной промышленности. Можно даже сказать в настоящее время, что степень развития коалиций в данной стране с точностью указывает место, занимаемое ею в иерархии всемирного рынка. Англия, где промышленность достигла наивысшей степени развития, имеет также самые обширные и наилучшим образом организованные коалиции».

Далее он показывает историческую необходимость возникновения рабочих союзов.

«Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раз'единяет их интересы. Но охрана заработной платы от падения,—этот общий им всем и противоположный хозяйскому интерес,—соединяет рабочих на одной и той же

мысли сопротивления: *коалиции*. Таким образом, коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы быть в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлось лишь поддержание заработной платы, то потом, по мере об'единения самих капиталистов на идее обуздания рабочих, отдельные коалиции этих последних формируются в группы и, ввиду всегда об'единенного капитала, сохранение союза становится для них необходимее самой охраны заработной платы от падения. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе,— настоящей междоусобной войне,— соединяются и развиваются все необходимые элементы будущих битв. Дойдя до этой ступени, коалиция принимает политический характер».

В «Манифесте Коммунистической Партии» мы встречаем совершенно тот же взгляд на профессиональные организации рабочих.

«Пролетариат,— сказано там,— проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается с самым его существованием.

«Сначала рабочие борются поодиночке; потом сплачиваются рабочие одной фабрики; далее — одной отрасли промышленности в известной местности против отдельных буржуа, непосредственно их эксплоатирующих. Они нападают не только на буржуазные условия производства, но и на самые орудия труда; они разбивают машины, уничтожают иностранные товары, конкуренция которых лишает их заработка, поджигают фабрики, стараясь поддержать клонящееся к упадку положение средневекового работника.

«На этой ступени развития рабочие представляют собою рассеянную по всей стране и раз'единенную конкуренцией массу. Массовые движения рабочих не являются тогда следствием самостоятельного их сплочения, но вызываются буржуазией, которая для достижения своих политических целей должна и еще может приводить в движение весь рабочий класс. На этой ступени рабочие борются, следовательно, не с своим собственным неприятелем, они побивают врагов своих врагов—остатки абсолютной монархии, поземельных собственников, непромышленную буржуазию, мелких представителей среднего сословия. Все историческое движение концентрируется, таким образом, в руках буржуазии; каждая победа, которую удается одержать, есть победа буржуазии.

«Но с развитием промышленности увеличивается не только численный состав пролетариата: он группируется в большие массы, сила его растет, и он более сознает ее наличность. Интересы и жизненное положение рабочих все более и более приводятся к одному уровню, между тем как машинное производство все более и более стирает различие между всеми отраслями труда и почти повсюду низводит рабочую плату до одинаково низкой степени. Усиливающаяся конкуренция предпринимателей и вызываемые ею промышленные кризисы обусловливают более сильные колебания заработной платы; с возрастающей быстротой развивающееся усовершенствование машин делает жизненное положение рабочих все менее и менее обеспеченным; столкновения между отдельными работниками и капиталистами все более и более принимают характер столкновений двух общественных классов. Рабочие начинают устраивать стачки для совместной борьбы против буржуа; совокупными силами отстаивают они свою заработную плату. Они устраивают даже постоянные ассоциации, которые могли бы поддерживать их в минуту активной борьбы. Местами борьба эта переходит в открытые восстания.

«Иногда рабочие остаются победителями, но не надолго. Существенным результатом их борьбы является не непосредственный успех, но все более возрастающее сплачивание их между собою. Ему способствует вызываемое развитием крупной промышленности улучшение средств сообщения, которое приводит в соприкосновение работников различных местностей.

«Только это соприкосновение и нужно, чтобы борьбу рабочих отдельных местностей, повсюду носящую один и тот же характер, превратить в классовую борьбу целого народа. Но каждая классовая борьба есть борьба политическая».

Этот взгляд на роль профессиональных союзов в истории движения современного пролетариата подал у нас повод к большому и вредному недоразумению, лежавшему в основе всех теоретических рассуждений наших так называемых экономистов. Приведенные мною страницы были истолкованы этими «экономистами» в том смысле, что политическая борьба должна и может быть начата социалистами лишь на известной стадии развития пролетариата. Отсюда—пресловутая «теория стадий». В брошюре «*Об агитации*» эта теория была изложена чуть не подлинными словами «Манифеста Коммунистической Партии». Потому-то огромное большинство наших тогдашних товарищей и приняло ее за самый несомненный, самый подлинный марксизм. Но тут произошло именно большое недоразумение.

«Теория стадий» заключала в себе *часть* мысли Маркса; но *только одну ее часть,* и потому являлась *искажением всей* этой мысли. В «теории стадий» осталось совершенно невыясненным, как должна относиться деятельность *социал-демократической партии* к изображенному Марксом, в указанных выше сочинениях, движению *рабочего класса.* Более того, для деятельности названной партии эта *теория совсем не оставляла места.* И в этом состоял ее коренной недостаток. И благодаря этому ее недостатку, люди, всей душой преданные делу пролетариата, могли, под ее влиянием, повторять вслед за идеологами левого крыла мелкой буржуазии: «для успеха рабочего движения нет надобности в существовании с.-д. партии». И именно потому, что эти люди повторяли эту глубоко ошибочную мысль, они, незаметно для себя, совершенно покидали ту почву марксизма, на которую им хотелось опереться обеими ногами.

Отношение *партии к классу* выяснено Марксом и Энгельсом во второй главе «Манифеста».

Там мы читаем: «Коммунисты не составляют какой-либо особой партии, противостоящей другим рабочим партиям.

«У них нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата.

«Они не выставляют никаких особых принципов, сообразно которым они хотели бы формировать движение пролетариев.

«Коммунисты отличаются от других рабочих партий только тем, что, с одной стороны, в движении пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата, с другой стороны, тем, что на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариев против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в его целом.

«Таким образом, коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения. Ближайшая цель коммунистов та же, что и других рабочих партий: организация рабочего класса, свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти».

Тут на первый взгляд также может, пожалуй, показаться, что авторы «Манифеста» были против создания особой коммунистической,— по нынешней терминологии, социал-демократической,— партии. Они,

повидимому, так и говорят, что коммунисты какой-либо особой партии не составляют. Но если это так, то почему же цитируемое мною знаменитое произведение их называется «Манифестом Коммунистической *Партии?* Ясно, что дело тут не так просто, как это кажется с первого взгляда. Когда Маркс и Энгельс говорят, что коммунисты не составляют особой партии, то эпитет: *особая* надо понимать,—как это видно из окончания то же фразы,— в смысле *противоположности другим рабочим партиям.*

Такой *противоположности* не было и не могло быть, потому что другие рабочие партии *тоже* представляли [1]), более или менее широко, более или менее полно, интересы рабочего класса, а у коммунистов,— повторяю, по нынешней терминологии это значит: у социал-демократов,— «нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата». Но если коммунистическая партия не *противостоит* другим рабочим партиям, то она все-таки *находится в известном отношении* к ним. Каково же это отношение? Оно сводится к тому, что «на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариата против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в целом» и таким образом представляют собою «самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть пролетариата». Стало быть, искомое отношение оказывается *отношением передового отряда к остальному войску,* отдельные части которого,—«другие рабочие партии» и вообще организации,— могут, в свою очередь, подвигаться вперед с неодинаковой быстротою. Но надо теперь же заметить, что это передовой отряд особого рода: сравнительно со всеми другими частями войска,—с «остальной массой пролетариата»,—он имеет «то преимущество, что понимает условия, ход и общие результаты рабочего движения». В нем сосредоточивается *руководящая мысль этого движения.* И это налагает на него особые обязанности, правильное исполнение которых в высшей степени важно для хода и исхода всего движения.

Носители руководящей мысли естественно должны играть роль *руководителей.* Но рабочий класс—не тайное общество заговорщиков, вручающее «дирижерскую палочку» тому или иному лицу или группе лиц,— «диктатору или комитету»,—и поддерживающее дисциплину в своих рядах посредством более или менее грозных параграфов устава. Им руководит не тот, кто формально облечен властью руководителя, а тот,

[1]) Например, чартизм в Англии.

кто приобретает фактическое влияние на его мысль. А кто же имеет фактическое влияние на нее? В конце концов—тот, кто видит лучше и дальше других, тот, в чьем «*сознании*» яснее и полнее отражается ход развития «*бытия*». А нам уже известно, что ход развития «бытия» яснее и полнее всего отражается в головах социал-демократов. Следовательно, социал-демократы и должны стремиться к тому, чтобы приобрести руководящее влияние на мысль пролетариата. А как могут они приобрести такое влияние на его мысль? Так же, как хороший воспитатель приобретает влияние на мысль своего воспитанника, содействуя развитию *собственного сознания* этого последнего. Стало быть, социал-демократическая, — «коммунистическая», — партия и должна стремиться приобрести влияние на пролетариат, *содействуя развитию его классового сознания*. Вот в чем заключается ее главнейшая задача.

Нечего и говорить, что решение этой задачи должно облегчаться возможно более широкой *организацией сил пролетариата*. Но как ни важна эта вторая задача, ее решение приходится оценивать с точки зрения первой и более общей задачи: организации, *задерживающие* развитие классового сознания пролетариата, должны быть решительно отвергаемы социал-демократами.

II

Сказанное мною можно выразить иначе.

В «*Нищете философии*» Маркс говорит:

«Экономические условия превратили сперва массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, по отношению к капиталу масса является уже классом, но сама для себя она еще не класс. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазисах, сплоченная масса вырабатывается в класс—для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба между классами есть борьба политическая».

Итак, сначала пролетариат является «классом в себе»; его интересы противоположны интересам эксплоататоров, но он еще *не сознает* этой противоположности во всей ее широте и глубине. Борьба развивает его сознание, делает его «классом для себя». И по мере того как он делается «классом для себя», его борьба принимает *политический характер*. Роль же рабочей партии состоит здесь в том, что она всеми

своими силами и всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении, *способствует* этому развитию сознания пролетариата, этому превращению «класса в себе»—в «класс для себя», борьбы *экономической в* борьбу *политическую*.

Этому превращению стараются помешать эксплоататоры, существенно заинтересованные в том, чтобы сознание пролетариата оставалось неразвитым. Различные партии эксплоататоров вступают поэтому *в борьбу с рабочей партией*, стремящейся приобрести влияние на умы рабочих. *И эта борьба за политическое сознание пролетариата сама имеет политический характер*. Не в том смысле, что ее непосредственным предметом являются политические права или политическая *власть*, а в том, что она, развивая сознание рабочих, создает предварительное *условие*, необходимое для завоевания пролетариатом политических прав и политической власти. Таким образом, хотя борьба пролетариата, *как целого класса*, становится политической только на одной из последних стадий,—если не на самой последней стадии,—своего развития, но борьба *рабочей партии*, как *передового отряда* пролетариата, обязанного развивать политическое сознание всего *этого класса, должна быть политической с первых же своих шагов*. Наши «экономисты» этого не понимали и потому говорили, что политическая борьба пока еще неуместна в России. Их коренная ошибка заключалась, повторяю, в том, что им было совсем не ясно, как должна относиться *партия* к представляемому ею *классу*. Вследствие этой ошибки они и не видели надобности в существовании социал-демократии.

«Экономисты» говорили: мы должны только на один шаг опережать рабочую массу. Но от нас ли зависит расстояние, отделяющее нас от массы? Если рабочая партия хорошо поняла «условия, ход и общие результаты движения», а остальная часть рабочего класса еще совершенно чужда такого понимания, то эту партию отделяет от нее очень много «шагов» [1]). Это, конечно, неудобно во многих отношениях. Но как пособить этому горю? Другого средства нет: надо помочь массе как можно скорее сделать эти шаги. А чтобы помочь ей сделать их с наименьшей затратой сил и времени, необходимо с полной ясностью поставить перед собою свою *конечную цель*. Равнодушное отношение к этой цели, которое стараются обыкновенно оправдать тем,

[1]) Здесь взят, конечно, крайний случай, возможный лишь в *гипотезе*. Но он взят именно потому, что с особенной яркостью изображает то отношение между партией и классом, какое должно установиться в *действительности*.

что масса еще не созрела для ее понимания, представляет собою оппортюнизм, граничащий с изменой. Чем больше ускользала бы конечная цель из нашего собственного поля зрения, тем более затруднительным становилось бы для нас это содействие превращению пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя». А что наши «экономисты» сильно грешили грехом равнодушного отношения к конечной цели современного рабочего движения, а потому и вообще к социал-демократической программе, это хорошо показывают многочисленные данные, обнародованные мною в брошюре «Vademecum».

Но оставим экономистов. Они были нужны мне лишь как пример, хорошо поясняющий мою мысль. Теперь же, когда мысль эта, надеюсь, ясна для читателя, пора применить ее к решению тех вопросов, о которых спорили немецкие товарищи в Маннгейме.

В Германии теперь нет никаких рабочих партий, кроме социал-демократии, но зато в ней есть теперь очень сильные и чрезвычайно быстро развивающиеся *профессиональные союзы*. Как же должна относиться к ним социал-демократическая партия?

Маркс стоял за ***нейтральность*** профессиональных союзов [1]). И это понятно. Если социал-демократия обязана содействовать превращению пролетариата из бессознательного класса в сознательный, то она не может требовать от него, чтобы он, как целый класс, тотчас же усвоил себе ее программу. Чтобы усвоить эту программу, т.-е., чтобы понять условия, ход и общие результаты рабочего движения, надо достичь такой высокой ступени развития, до которой достигают сначала только отдельные *группы*, а потом один за другим отдельные *слои* пролетариата. Остальная, огромнейшая часть его в течение долгого времени остается далеко назади. Но и она, эта огромная, более или менее отсталая часть, не может не бороться со всеми эксплоататорами, и эта ее борьба развивает, как мы видели, ее классовое сознание. Профессиональные союзы являются плодом этой борьбы и одним из ее орудий. Поэтому социал-демократия обязана поддерживать профессиональные союзы, ведя деятельную пропаганду между их членами, но отнюдь не навязывая им своей программы. Такое навязывание чрезвычайно сузило бы русло профессионального движения, т.-е. помешало бы рабочим вступать в ту, как выражается Маркс, «школу социализма», которая лучше всего подготовляет их к полному усвоению социалистической программы [1]). А это означало бы, что социал-демократы неразумным рвением *задерживают* распространение своих идей, т.-е. *затрудняют решение своей собственной задачи*.

[1]) Напоминаю читателю, что есть нейтральность и нейтральность. Маркс смотрел на нейтральность профессиональных союзов совсем не так, как смотрят на нее буржуазные экономисты и политики. Это забывают многие не только у нас в России но и за границей, особенно в Болгарии.

Не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. В этом,—*и, разумеется, только в этом*,—смысле Маркс сказал, что один шаг в развитии рабочего движения важнее целой дюжины программ. Как я уже об'яснил в другом месте, это вовсе не значило, что Маркс не придавал значения программам, напротив, он считал их очень важным фактором развития классового сознания. Но таким фактором программы служат лишь тогда, когда они усиливают революционизирующее влияние жизни, а не тогда, когда они ослабляют его. Навязывание профессиональным союзам социалистической программы именно ослабило бы это влияние, восстановляя часть рабочих против социализма. Потому Маркс и стоял за нейтральность этих союзов.

Деятельность Маркса в Интернационале показывает нам, с каким неподражаемым тактом умел он подходить к пролетариату с пропагандой своих идей. В этой деятельности он был как нельзя более далек от навязывания рабочим своих социалистических взглядов. Если сравнить программу («устав») Международного Товарищества Рабочих с программой, обнародованной в «Манифесте Коммунистической Партии», а этот манифест с первым Манифестом Интернационала, то можно, пожалуй, подумать, что Маркс стал к началу шестидесятых годов более «умеренным», чем был он в 1848 году. Некоторые буржуазные идеологи, повидимому, и подумали это. Да и не одни буржуазные идеологи. Бакунин и анархисты, с одной стороны, а бланкисты—с другой, тоже увидели в его тактике проявление оппортюнизма: разница лишь в том, что буржуазные писатели одобряли этот мнимый оппортюнизм, а революционеры-утописты осуждали его. Излишне, я думаю, доказывать, что в

[1]) Этому как будто противоречат примеры Англии и Соединенных Штатов, где очень сильны *профессиональные союзы* рабочих и сравнительно слабо *социалистическое* движение. Но эти две страны до сих пор находились, и в значительной степени еще находятся, в исключительном экономическом положении, которым и объясняется отсталость мысли их пролетариата. Что касается Соединенных Штатов, то это признает даже г. Вернер Зомбарт, который говорит, что все моменты, задержавшие развитие социализма в этой стране, теперь исчезают или превращаются в свою собственную противоположность и что вследствие этого есть все основания ожидать в будущем широкого развития социализма в Соединенных Штатах. (См. его книгу: «Warum gibt es keinen Sozialismus in den Vereinigten Staaten». Tübingen. 1906, S. 141—142).

шестидесятых годах прошлого века Маркс оставался таким же Марксом, каким был в *сороковых*. Перемена произошла не в *нем*, а в тех *общественно-политических условиях*, при которых ему приходилось действовать. В шестидесятых годах ему представилась возможность приобрести идейное влияние на такой сравнительно широкий слой всемирного пролетариата, который был еще совершенно недоступен для него прежде. И это обстоятельство заставило Маркса заговорить другим языком. В «Уставе» и в первом Манифесте Интернационала он только *намекал* на то, что было ясно и решительно высказано им в 1848 году. Он не хотел, да и не мог, выступать перед «пролетариями всех стран» в виде сектанта, с тупым упорством отстаивающего каждую *букву* своего учения. Для него важно было пропитать сознание рабочих его *духом*. А эта цель гораздо лучше достигалась той осторожной манерой изложения, которой он держался в своих замечательных публицистических трудах шестидесятых годов. Скажу прямо: он не хотел *запугивать* рабочих; он *считался с оппортюнистическим настроением* тогдашнего пролетариата передовых стран. И именно этим он облегчил себе *борьбу с оппортюнизмом*.

Это может показаться парадоксом. Но пора же понять, что и оппортюнизм не есть нечто однородное, неизменное, определенное раз навсегда. Вот, например, иное дело *оппортюнизм рабочего*, а иное дело—*оппортюнизм «интеллигента»*. Рабочий,—я разумею умного рабочего,—проникается оппортюнизмом преимущественно потому, что *еще не видит всей глубины антагонизма классовых* интересов, лежащего в основе капиталистического общества. Интеллигент,—я разумею умного интеллигента,—делается оппортюнистом преимущественно потому, что *видит названный антагонизм во всей его глубине* и инстинктивно *опасается его социально-политических последствий*. Один остается радикалом *в возможности* («в себе»); другой сохраняет в себе *только одну возможность*: возможность *дальнейшего* попятного движения. Первого социал-демократ *обязан щадить;* со вторым он обязан бороться «до последнего издыхания». Мягкое отношение социал-демократа к оппортюнизму рабочего, *еще не сознавшего своего классового положения*, будет способствовать превращению пролетария-оппортюниста в пролетария-радикала; мягкое отношение социал-демократа к оппортюнизму «интеллигента» только усилит влияние этого последнего на рабочих и тем самым замедлит развитие их классового сознания. И там, и тут—оппортюнизм, но там он имеет совсем другую природу, чем тут, поэтому и относиться к нему надо тут совсем иначе, нежели там. Так и поступал

Маркс и так же поступают немецкие марксисты. Это доказывается дрезденским с'ездом, с одной стороны, и маннгеймским—с другой.

III

Но об этом ниже. Теперь же посмотрим, в какой мере сказанное мною до сих пор помогает решению вопроса об отношении социал-демократической партии к профессиональным союзам.

В заседании 26 сентября (н. с.) Давид восстал в Маннгейме против того мнения, будто «профессиональные союзы, это—средство, а социал-демократия, это—цель». Он сказал, что, как политическая партия, социал-демократия тоже есть только средство. Это совершенно верно, но это ничего не доказывает. Никому из марксистов не приходило в голову утверждать, что профессиональные союзы, *как экономические организации*, должны служить средством для достижения цели: *политической партии*. С точки зрения Маркса, *политическая* борьба, наоборот, служит *средством* для достижения *экономической* цели: обобществления средств производства. Но, как мы уже видели, борьба, которую ведут профессиональные союзы, развивает классовое сознание рабочего и приводит его к усвоению социализма. В этом смысле профессиональные союзы и являются «школой социализма». И как школа есть *средство* для приобретения знаний, которые являются *целью*, так и профессиональные союзы служат средством превращения пролетариата из бессознательного класса в сознательный, из «класса в себе»—в «класс для себя». Давид прибавил потом: «само собою разумеется, что профессиональные союзы должны быть проникнуты социалистическим духом». Это «*должны*» получает правильный смысл только в том случае, если мы смотрим на профессиональные союзы именно как на средство полного развития пролетарской мысли.

Из этого не следует, конечно, что в глазах марксиста не имеют значения те частные завоевания, которые делаются рабочими с помощью профессиональных союзов. Нет, эти завоевания существенно важны. Но они существенно важны тем, что обеспечивают возможность дальнейшего развития сознания пролетариата. Они тоже — средство.

В том же заседании Кварк заметил: «партия не должна говорить: мы идем впереди, а профессиональные союзы должны следовать за нами». Он был прав: не следует говорить это, потому что это бестактно; а бестактно это потому, что могло бы оттолкнуть от профессиональных союзов тех пролетариев, которые *еще не усвоили* себе социалистической

точки зрения. Но те члены этих союзов, которые *уже доросли* до нее, обязаны понимать, что рабочая партия есть передовой отряд, следовать за которым непременно должна остальная часть рабочих, если только она хочет до конца отстаивать свои классовые интересы. А это иногда начинали как будто забывать некоторые вожаки немецких профессиональных союзов, слишком охотно ограничивавшие свое поле зрения «мелкой работой» (Kleinarbeit) [1]). И это забвение поддерживалось влиянием на них оппортюнистов из интеллигенции, т.-е. того же Давида и компании. И этому забвению Каутский хотел положить конец, предложив свое дополнение к проекту резолюции Бебеля-Легиена. Вожаки профессиональных союзов потому и воспротивились этому дополнению, что увидели в нем для себя нечто вроде урока и упрека. Они добились того, что Маннгеймский с'езд принял только одну часть предложенного Каутским дополнения, при чем против остальной его части решительно высказался сам Бебель. В своем интервью с представителем французской социалистической партии, г. Раппопортом, Давид об'явил этот факт победой ревизионизма. И так же понял его орган наших кадетов — «Речь». Но на самом деле вожди профессиональных союзов добились своего только *по форме; по существу* же они, устами Бёмельбурга и Рейхеля, открыто признали справедливость мысли Каутского. Таким образом, о поражении этого последнего не может быть и речи. А если сам Бебель счел нужным сделать формальную уступку вожакам профессионального движения, то это об'ясняется тем, что подобная уступка не могла ничему повредить ввиду совершенно недвусмысленных на этот раз принципиальных заявлений самих вожаков профессиональных союзов.

Всякий согласится с тем, что и Каутский говорил в Маннгейме не тем языком, каким он говорил в Дрездене. Это опять-таки вполне понятно. В Дрездене немецкие марксисты столкнулись с оппортюнизмом «интеллигентов», и они беспощадно атаковали его по всей линии. В Маннгейме им пришлось иметь дело с оппортюнизмом рабочих организаций. И они обнаружили большую мягкость. Это только показывает, что они поняли тактику своего учителя.

Решение, принятое в Маннгейме по вопросу о профессиональных союзах, показалось немецким ревизионистам чем-то вроде исторического вознаграждения за Дрезден; но в действительности Маннгейм только дополнил то, что было сделано Дрезденом. Если бы марксисты держались

[1]) См. знаменитую резолюцию Кёльнского съезда германских профессиональных союзов.

в Маннгейме другой тактики, если бы они отказались даже от формальных уступок профессиональным союзам, то они чрезвычайно усилили бы позицию оппортюнистов и, пожалуй, дали бы им возможность выйти победителями в одном из будущих своих столкновений с ними. Но немецкие марксисты не сделали этой ошибки и тем самым нанесли новое поражение «интеллигентскому» оппортюнизму. Мне сдается, что оппортюнисты-интеллигенты в глубине души сами чувствуют это, и что если Давид провозглашает себя победителем, то он лишь делает, по французскому выражению: bonne mine au mauvais jeu.

Дункер, доказывавший на с'езде, что надо принять дополнение Каутского, заметил, между прочим: «То, что в нем сказано, само собою разумеется. Такие вещи не говорятся, но делаются». Но раз это было так, то ведь отсюда вытекало не то, что дополнение Каутского следовало принять, а то, что следовало действовать в его духе, но отказаться от его включения в резолюцию. Вероятно, подобным же соображением руководствовался и Бебель, высказавшийся против второй части дополнения. «Что социал-демократы, входящие в состав профессиональных союзов, должны распространять между своими товарищами социалистические идеи, это, действительно, само собою разумеется [1]). Но совсем не говорить об этом невозможно после Кёльнского с'езда: примем первую часть дополнений Каутского. Однако, не надо, чтобы наше напоминание об этой истине показалось вожакам профессиональных партий обидным, хотя бы и без достаточного основания. Это помешало бы их действию в желательном для нас смысле. Поэтому отклоним вторую часть дополнения Каутского». Вот как должен был рассуждать Бебель в Маннгейме. И Дункер не может не согласиться, что если вождь германского пролетариата в самом деле рассуждал так, то это были совершенно в духе его же, Дункера, речи. Такие вещи обыкновенно не говорятся, но делаются, а если уж надо говорить их, то иногда полезно быть лаконичным.

Кроме своего дополнения, Каутский предложил еще поправку к проекту резолюции, внесенному Бебелем-Легиеном. Эта поправка гласит, что профессиональные союзы так же необходимы, как и социал-демокра-

[1]) Съезды немецкой социал-демократии не раз постановляли, что члены партии должны вступать в профессиональные союзы. Таким образом, передовой отряд пролетарской армии, каким является социал-демократическая партия, имеет не только ту особенность, что в нем сосредоточивается основная мысль всего движения, но еще и ту, что его члены одновременно входят также и в состав остальных частей войска. Это необходимо помнить.

тическая партия, между тем как в проекте говорилось, что союзы по своему значению не уступают партии. С'езд принял эту поправку — и, конечно, очень хорошо сделал. Он устранил этим тот ошибочный взгляд на профессиональные союзы, который, как я сказал выше, иногда высказывают даже некоторые марксисты.

Профессиональный союз, *как таковой,* имеет целью борьбу с предпринимателем за более выгодные для рабочего условия продажи ему, предпринимателю, рабочей силы. Если все поле зрения рабочего ограничивается такой борьбой, то это значит, что он мирится с лежащим на его шее ярмом капитала и заботится только о том, чтобы несколько уменьшить его вес. Другими словами, это значит, что пролетарий еще мирится с капитализмом. Он перестает мириться с ним только тогда, когда начинает задумываться о полном устранении системы наемного труда, о полном устранении капиталистических отношений производства. Но *такая* цель, что бы там ни говорили более или менее зараженные анархизмом французские «революционные» синдикалисты, недостижима с помощью одной экономической борьбы, одних профессиональных союзов. Ее достижение невозможно без перехода политической власти в руки пролетариата. Сознав это, рабочий отнюдь не перестает, конечно, быть членом своего профессионального *союза,* но уже не ограничивается точкой зрения такого союза, а делается сознательным членом социалистической *партии.* Но если он делается таким членом лишь по достижении более высокой ступени классового сознания, то неправильно было бы сказать, что союзы *не уступают партии* по своему значению. Такая формулировка исчерпала бы собою не социал-демократический взгляд, а взгляд тех, как говорят теперь в Англии, *рабочих либералов* (labour liberals), которые, стоя на точке зрения *капиталистического* общества, признают, однако, что рабочий должен отстаивать свои интересы и посредством профессиональных союзов, и посредством политической борьбы. В глазах таких «либералов» значение политической партии, действительно, равно значению профессиональных союзов. Социал-демократу дело представляется иначе. Он охотно признает, что профессиональные союзы так же необходимы, как и организация пролетариата в особую политическую партию. Но та политическая партия, в которую *он* зовет рабочих, вписала в свою программу полное устранение тех производственных отношений, на почве которых пролетариям приходится продавать свою силу, а их профессиональным союзам приходится бороться за лучшие условия ее продажи. Поэтому пролетарий, который прежде ограничивался одной профессиональной борьбой, а потом делается, кроме того, сознательным членом социалистической партии, тем самым показывает, что он достиг более высокой ступени развития. А высшая ступень развития имеет больше значения, чем низшая.

Но этого мало. Там, где не вмешиваются какие-нибудь исключительные экономические условия, логика профессиональной борьбы *сама толкает* рабочего на высшую ступень классового сознания, за пределы чисто профессиональной борьбы.

Резолюция Бебеля-Легиена тоже хотела выразить эту последнюю мысль. Но поправка, предложенная Каутским и принятая с'ездом, очень удачно устранила неловкую формулировку, которая могла значительно затруднить ее правильное понимание.

IV

Теперь, когда нам выяснилось, каково должно быть отношение партии к профессиональным союзам, мы без труда поймем и смысл той части главнейшей резолюции Маннгеймского с'езда, которая относится к «массовой стачке».

Кто делает стачки вообще? Рабочие.—Кто может сделать «массовую стачку»? Тоже рабочие. — Какую роль должны играть в «массовой стачке» организованные рабочие — профессиональные союзы? — Самую главную: они должны составить ядро стачечной армии. Так ли это? Несомненно, так. Хорошо, пойдем дальше.

Как должна отнестись к вопросу о массовой стачке социал-демократическая партия в том случае, если по той или по другой причине профессиональные союзы не обнаруживают большой склонности к ней? Очевидно, что она должна отнестись к этому вопросу с очень большой осторожностью: грозить врагам стачкой вопреки профессиональным союзам, от поведения которых будет зависеть ход и исход всего дела, значит упиваться фразами, размахивать картонным мечом.

В чем же должно выразиться осторожное отношение партии к этому вопросу? Во-первых, в раз'яснении профессиональным союзам того, что их тактика зависит не только от их воли; что «массовая стачка» может быть *навязана им,* при известных политических обстоятельствах, врагами пролетариата. Во-вторых, в стремлении показать этим союзам, что партия сама хорошо понимает всю серьезность и всю рискованность того политического действия, которое называется «массовой стачкой»; что она прибегнет к этому действию только в крайно-

сти и считает преступлением всякую легкомысленную игру в «массовую стачку», всякий необдуманный призыв к ней.

Раз'яснение немецким профессиональным союзам первого пункта было делом Бебеля на Иенском с'езде, раз'яснение им второго пункта было его делом на с'езде в Маннгейме.

Кто видит противоречие между тем, что говорил Бебель в Иене, и тем, что говорил он на Маннгеймском с'езде, тот просто-напросто не уяснил себе обстоятельств дела.

Молодой Либкнехт заметил, что устами Бебеля в Маннгейме говорила его седая голова, а не его молодое сердце. Но разве молодое сердце должно быть легкомысленным? И разве не легкомысленно было бы «трубить наступление» ввиду того настроения профессиональных союзов, которое так ясно обнаружилось на их последнем, Кельнском, с'езде? Как ни молодо сердце Бебеля, но он никогда не походил на тех молодых и старых «вождей», — особенно многочисленных в политически неразвитых странах, — которые всегда готовы итти, по выражению известной военно-сатирической песни, «спросту, прямо к мосту», не справляясь ни о том, каковы силы и настроение их собственных рядов, ни о том, каковы позиции неприятеля. Бебель *не увлекается фразеологией, ему нужна победа;* победа предполагает серьезный и хладнокровный *расчет,* расчет же делается *не сердцем, а головою.*

Один из присутствовавших в Маннгейме представителей иностранных социал-демократических партий пожелал нашим немецким товарищам в своей корреспонденции о с'езде побольше «боевой готовности» (Schlachtfertigkeit). Но что же такое — боевая готовность? В чем она состоит? В чем она выражается? В горячих ли приказах по армии, или же в надлежащей организации боевых сил? Кажется, что в организации. Но именно это и доказывал Бебель в своих речах на Маннгеймском с'езде. Он не «трубил отступления», как поняли некоторые органы печати, а только раз'яснял, *какие условия необходимы для победоносного наступления.* На эту сторону дела он обращал внимание своей партии еще в Иене; но так как некоторые, — можно даже, пожалуй, сказать: многие, — из его товарищей все-таки забывали о ней, то в Маннгейме ему пришлось останавливаться на ней дольше, развивать свою мысль подробнее, выражаться сильнее. Это и подало повод говорить об его «отступлении». Но, повторяю, на самом деле никакого отступления не было.

Жизнь сыграла тут с Бебелем ту злую и неумную шутку, которую она часто играет с вождями, одаренными широким политическим смыслом. Они видят необходимость известного нового приема борьбы и указывают на него своим товарищам. Но они видят при этом и то, что употребление в дело этого нового приема возможно *только при наличности известных условий.* А между их товарищами оказываются люди, усвоившие их вывод, но не соображающие, каким путем пришел он к нему. Они кричат о новом приеме и забывают об условиях, необходимых для успешного употребления его в дело. Этим они существенно искажают мысль своих вождей, которым приходится, поэтому, на время оставить в покое *противников* своей идеи и ополчиться на ее, не по разуму усердных, *сторонников.* Тогда эти последние сердятся и кричат, что вожди «уже не те», что они «устали» и т. п. «Это — старая история, однако, она всегда остается новой»... и всегда до последней степени скучной, глупой...

Впрочем, говоря о том, как стоит вопрос о «массовой стачке» в Германии, надо помнить, что, по замечанию центрального органа немецкой социал-демократии, за нее в последние месяцы гораздо решительнее высказывались *ревизионисты,* чем марксисты. Этот факт служит новым подтверждением того, что радикализм данного приема борьбы еще вовсе не доказывает радикализма лиц, его отстаивающих. Римляне недаром утверждали, что когда двое говорят одно и то же,—это не одно и то же.

Резолюция, принятая в Маннгейме по вопросу о всеобщей стачке, имеет то огромное преимущество, что ей обеспечено сочувствие германских профессиональных союзов. Хотя она и заявляет, что между Иеной и Кельном, — т.-е. между резолюцией, принятой в прошлом году с'ездом партии, и резолюцией, принятой в том же году с'ездом профессиональных союзов, — не было никакого разногласия, но на самом деле разногласие, несомненно, существовало: союзы обнаружили гораздо меньшую склонность к массовой стачке, чем партия. Маннгеймское заявление о том, что разногласия не было, свидетельствует лишь о том, что такого разногласия уже нет, что дело уже улажено в *настоящую минуту.* Разногласие же могло быть устранено двумя путями: *или* партия *отступила* бы до позиции профессиональных союзов, *или* же профессиональные союзы, после раз'яснений, данных Бебелем, *подвинулись бы вперед* до позиции партии. Кто вспомнит, например, речи Бёмельбурга на Кельнском с'езде и кто сравнит их с тем, что тот же Бёмельбург говорил в Маннгейме, тот должен будет признать, что произошло именно движение вперед профессиональных союзов. А это как раз то, что было нужно.

Иные утверждают, что подвинулись вперед собственно только *вожаки* этих союзов, так как *массе* их членов двигаться не было надобности: она и прежде разделяла точку зрения партии. Если это в самом деле так, то тем лучше. Но, во-первых, очень трудно судить, в какой мере это так; во-вторых, если бы Бебель был даже вполне уверен в том, что это так, то и тогда он не мог бы и не должен был бы «трубить» немедленное «наступление». Он слишком хорошо знал, что безусловно необходимая для успешного наступления работа организации *еще не закончена*. Достаточно сказать, что железнодорожные служащие в Германии еще не организованы.

Бебель был прав, говоря, что положение дел в Германии совсем не похоже на положение дел в России. Мы переживаем теперь тот момент, когда против защитников «старого порядка» идут все живые силы населения. В Германии, наоборот, пролетариат находится в изолированном положении, невыгоды которого могут быть отчасти искуплены только широтой и стройностью организации. Да и в России опыт весьма убедительно показал, что «массовая стачка» есть такое оружие, в обращении с которым нужно быть до крайности осмотрительным.

Тем не менее я готов признать, что Бебель с меньшим оптимизмом смотрит теперь на возможность успеха «массовой стачки», чем год тому назад. Его «седая голова» тут ни при чем или,—так как вожди *западного* пролетариата никогда не отказываются от услуг головы,—роль его седой головы свелась тут к тому, что она приняла во внимание некоторые важные уроки жизни.

В иенской своей речи Бебель высказал твердое убеждение в том, что «масовая стачка» может иметь совершенно мирный характер. Поведение германских «сфер» во время известных событий нынешнего года «показало, что на мирное течение такой стачки трудно рассчитывать в Германии: «сферы» сделают там с своей стороны все, чтобы вызвать пролетариат на активную борьбу. Но *активная* борьба требует несравненно больше сил, нежели «революция скрещенных рук». Отсюда неотразимо следует тот, в высшей степени важный, тактический вывод, что «революция скрещенных рук», которая явится лишь предисловием к активной борьбе со «сферами», может быть начата *только* тогда, когда силы пролетариата будут достаточно велики для того, чтобы он мог от стачки с успехом перейти к неизбежному активному столкновению. А это значит, что всякая торопливость в деле стачки имела бы роковые последствия для всего германского рабочего движения. Поэтому

Бебель и должен был с особенной энергией «тормозить» некоторых своих товарищей, обнаруживших склонность слепо верить тому, что стены иерихонские пали от трубного звука. *Чем труднее предстоящая борьба, тем старательнее надо готовиться к ней,* — вот что добавил Бебель в Маннгейме к тому, что было сказано им в Иене.

Но в таком случае, возразят мне, «массовая стачка» откладывается до греческих календ, а резолюция Маннгеймского с'езда представляет собою лишь свидетельство о смерти ее идеи.

Я отвечу на это, что так могут думать только ревизионисты, убежденные в том, что знаменитый «Zusammenbruch» уже невозможен. А кто не разделяет этого убеждения, кто знает, как сильно обостряются общественные противоречия в современной Германии, так быстро идущей по пути экономического развития, тот не согласится с этим и тот увидит в решении, принятом на Маннгеймском с'езде, весьма серьезную программу практических действий, выработанную ввиду предстоящих германскому пролетариату весьма серьезных столкновений.

— Если это так, то Бебелю не следовало отклонять внесенного Либкнехтом предложения относительно пропаганды против милитаризма,—скажут опять люди, верующие в иерихонские трубы.—Наконец, его заявление насчет вмешательства Германии во внутренние дела России тоже не отличается надлежащей энергией.

Отвечаю: разногласие между Бебелем и Либкнехтом по вопросу о пропаганде против милитаризма вовсе не имеет принципиального характера. Оно касается лишь практической организации этой пропаганды. Бебель не только признал в принципе ее необходимость, но не без основания прибавил, что германская социал-демократия ведет ее энергичнее, чем какая-нибудь другая социалистическая партия в мире.

Что же касается вмешательства имперского германского правительства в русские дела, то надо помнить пословицу: соловья баснями не кормят. Вопрос не в том, *что говорят теперь* немецкие социал-демократы о таком вмешательстве, а в том, что они *в состоянии будут сделать*, если оно произойдет. Сделать же они будут в состоянии тем больше, чем сильнее и прочнее станет организация их сил и чем шире распространится их влияние в среде немецкого народа. В этом вся «суть». Поэтому и не следует придавать преувеличенное значение той *форме*, которую получают в том или другом случае относящиеся сюда заявления немецких социал-демократов. Форма часто зависит от внеш-

них обстоятельств. По *существу* же они сделают все зависящее от них для того, чтобы помешать германскому мечу убить русскую свободу. В этом нельзя было сомневаться *до* Маннгейма и в этом еще менее можно сомневаться *после* того, что сказал там Бебель [1]).

[1]) Статья эта была уже написана, когда я прочитал в «Neue Zeit» в № от 6 октября (н. с.) 1906 г. ст. К. Каутского: «Der Parteitag von Mannheim». Мне было очень приятно убедиться в том, что, за исключением некоторых частностей, Каутский сошелся со мною в оценке Маннгеймского с'езда.

Август Бебель

Письмо в редакцию «Современного Мира»

Вы хотите иметь от меня статью о Бебеле. У меня теперь очень мало свободного времени, но я все-таки не могу отказать себе в удовольствии посвятить несколько страниц памяти человека, которого глубоко уважали даже его политические враги и на которого я привык смотреть в некоторых отношениях, как на своего учителя.

I

Едва ли есть надобность повторять здесь, что Бебель родился 22 февраля 1840 г.; что, сын унтер-офицера, он явился на божий свет пролетарием в полном смысле этого слова; что он рано осиротел и сделался токарем по ремеслу; что уже двадцатилетним юношей он примкнул к рабочему движению, но сначала был противником социализма и лишь постепенно проникся его учением, которое защищал потом с редкой энергией и выдающимся талантом вплоть до самой своей смерти. Все это и все этому подобное ваши читатели, вероятно, знали раньше, а если нет, то, конечно, узнали из повседневной печати тотчас же после смерти гениального токаря. Позвольте же мне, избегая ненужных повторений, остановиться на тех сторонах его славной деятельности, о которых очень мало распространялась повседневная печать не только в России, но и за границей.

Кто не читал книги Бебеля «Женщина и социализм»? Или, по крайней мере, кто не слыхал о ней? Она выдержала в Германии до шестидесяти изданий и была переведена едва ли не на все языки цивилизованного мира. Воспоминания Бебеля («Aus meinem Leben»), к сожалению, оставшиеся неоконченными, разошлись в огромном числе экземпляров и читаются с захватывающим интересом. Словом, этот богато-одаренный природой человек был очень известен как писатель. Но еще

более известен был он как политический деятель. И не подлежит ни малейшему сомнению, что его политическая деятельность гораздо более замечательна, нежели деятельность литературная. Он был политическим борцом прежде всего. Замечу мимоходом, что это бросается в глаза, между прочим, и при чтении той части его воспоминаний, которая относится к годам его юности. Она ясно показывает, что склонность к политическим выступлениям обнаружилась у него раньше и сказывалась сильнее, чем склонность к научным и литературным занятиям. Характерно, что уже первое народное собрание, на котором присутствовал он,—собрание 19 февраля 1861 г. Лейпциге,—пробудило в нем инстинкт политического оратора. Впрочем, не только—политического оратора, но также и пролетария. На этом собрании выступили некоторые рабочие, оспаривавшие мнение докладчика, *Профессора* Гирцеля. «Хотя я и не был согласен с этими ораторами,—говорит Бебель,—но на меня производило сильное впечатление то, что рабочие могли с такой силой выступать против ученых людей, и мне самому захотелось уметь говорить так» [1]).

Но если верно то, что в Бебеле политический деятель всегда преобладал над писателем, то не менее верно и то, что его политическая деятельность никогда не спускалась до уровня близорукого эмпиризма. Этот сын народа, обязанный своим образованием гораздо больше тюрьме, нежели школе, прекрасно знал цену теории. И ему посчастливилось найти, через посредство Либкнехта, таких руководителей в теоретической области, которые дали ему возможность осветить свою практическую деятельность ярким светом самой передовой идеи нашего времени. Такими руководителями послужили для него Маркс и Энгельс.

Маркс и Энгельс были, как известно, материалистами, умевшими взглянуть с материалистической точки зрения *не только на природу, но и на историю*. Этим они отличались, например, от французских материалистов XVIII в. и даже от Фейербаха. Фейербах, в своем восстании против Гегеля провозгласивший, что не сознание определяет собою бытие, как это выходит согласно идеализму, а, наоборот, бытие определяет собою сознание,—Фейербах по своему взгляду на движущие силы общественного развития оставался очень близким к историческому идеализму французских просветителей вообще и французских материалистов указанной эпохи в частности. У него, как и у них, в конце концов, оказывалось, что миром правит «мнение». Поэтому его материализм был, — подобно французскому материализму, — непоследовательным: на материалистической основе у него воздвигалась идеалистическая надстройка. Он сам выражал это словами: «Rückwärts stimme ich den Materialisten bei, aber nicht vorwärts [1]).

[1]) «Aus meinem Leben». Zweite durchgesehene Auflage. Stuttgart 1911. T. I, S. 52.

Эта непоследовательность, вносившая двойственность в миросозерцание материалистов прежнего времени, устранена была только в материализме Маркса и Энгельса. Главная,—и, поистине, колоссальная, — заслуга этого материализма заключается в ясном обнаружении того, что *сознание определяется бытием не только в природе, но также и в истории*. Только с тех пор, когда обнаружена была эта чрезвычайно важная истина, материализм сделался стройным и последовательным миросозерцанием. Это стройное и последовательное миросозерцание не встретило сочувствия со стороны идеологов буржуазии. Но идеологи пролетариата, можно сказать, инстинктивно тяготели к нему, поскольку не поддавались буржуазному влиянию. Бебель принадлежал к числу тех идеологов пролетариата, которые не боялись мыслить последовательно. Поэтому, сбросив с себя влияние буржуазии в социально-политической области, т.-е сделавшись социалистом, Бебель, повидимому, уже рано додумался также и до материализма в его новейшем виде, до материализма Маркса и Энгельса. Во всяком случае, когда, в конце прошлого века, начались споры последователей этих мыслителей с так называемыми ревизионистами и когда я выступил в немецкой печати на защиту материализма против Конрада Шмидта, защищавшего, под предлогом «критической философии», плохо переваренный им идеализм, — Бебель печатно заявил, что хотя ему мало приходилось заниматься вопросами этого рода, но он думает, что истина на моей стороне. Нечего и говорить, как отрадно мне было это сочувствие Бебеля в такое время, когда начали колебаться многие из самых надежных, как нам казалось, единомышленников наших...

Но Маркс и Энгельс не довольствовались работой теоретической мысли, как ни плодотворна была эта работа в их лице. Весьма замечательно, что уже в так называемых тезисах о Фейербахе, написанных весною 1845 г., Маркс выставляет следующее положение: «Философы только *об'ясняли* мир так или иначе, но дело в том, чтобы *изменить* его». Понятно, что изменить мир невозможно иначе, как путем практической деятельности. И мы знаем, что Маркс и Энгельс посвящали этой деятельности много времени и сил. Еще менее мог удовольство-

[1]) Т.-е. он был согласен с материалистами только до известной точки, только в том, что касалось природы, а начиная от этой точки, там, где речь заходила об общественном развитии, Фейербах покидал материалистическую точку зрения.

ваться теорией Бебель, бывший, как я уже сказал, практическим деятелем прежде всего. Едва ли погрешу преувеличением, сказав, что теория имела для него цену, главным образом, потому, что помогала ему разбираться в практических вопросах. Он пользовался теорией, как факелом, освещавшим его политический путь. Но он никогда не выпускал из своих рук этого факела. Я не знаю, был ли до сих пор в международном социализме другой практический деятель, умевший так хорошо, как Бебель, применить к политике то основное положение материализма, что не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание.

II

Пока политический деятель убежден, что миром правит «мнение», он видит в своих руководящих принципах самостоятельную историческую силу, способную преодолеть все, даже самые неблагоприятные, условия места и времени. Французские просветители XVIII в. твердили, играя словами: «la raison finit toujours par avoir raison» (разум всегда оказывается правым) [1]). С точки зрения последовательного материализма сам разум представляется продуктом исторического развития. Поэтому отдельные выводы разума, — т.-е., между прочим, и все политические принципы,—всегда имеют не абсолютное, а только относительное значение, определенное условиями места и времени. Политический деятель, правильно усвоивший себе исторический материализм, никогда не будет склоняться к утопизму. Этим об'ясняется то, что политическая деятельность Бебеля, твердо державшегося основных положений Марксова материализма, никогда не была хотя бы в самомалейшей степени утопической. В известном смысле он был самым «реальным» изо всех «реальных» политиков. Конечно, — только в известном смысле. Обыкновенно реальные политики отличаются страшной близорукостью. Они понимают, что значение всякого данного политического принципа определяется условиями места и времени. Но они видят *только условия нынешнего дня, совсем не принимая в соображение условий будущего*. Оттого, практичные сегодня, они оказываются крайне непрактичными завтра или послезавтра. Решительные враги утопизма, они сами

[1]) Игра слов здесь в том, что понятие: *быть правым* передается словами *avoir raison*, т.-е. *иметь разум*; таким образом, выходило, что разум всегда кончает тем, что имеет разум. Эту игру слов охотно повторяли наши суб'ективные социологи.

являются утопистами, но только утопистами навыворот. Чтобы недалеко ходить за примером, можно указать на так называемых ревизионистов. Они от всего сердца стремятся стать реальными политиками, но они близоруки. Их социально-политический взор никогда не простирается за пределы текущего дня. Поэтому чуть не каждый новый день до очевидности обнаруживает изумительную непрактичность их мнимой практичности. Вспомните спор об участии социалистов в буржуазных министерствах. Ревизионисты с сожалением смотрели на марксистов, находивших вступление Мильерана в министерство Вальдека-Руссо по меньшей мере несвоевременным. В таком их отношении к социалистическому министериализму они видели совершенно непростительное доктринерство. И нельзя не признать, что участие социалистов в буржуазном министерстве должно было представляться им очень полезным делом, пока они ограничивали свои соображения практическими вопросами данной минуты. В той стране, где совершался этот «социалистический опыт», реакция высоко подняла голову во время дела Дрейфуса. Дать ей отпор было, в самом деле, полезно. Оставалось только определить те условия, при которых отпор явился бы наиболее сильным. На первый взгляд казалось, что наиболее сильным он будет в том случае, когда пролетариат, для борьбы с реакцией, теснейшим образом соединит свои усилия с усилиями республиканской буржуазии. Участие социалистов в буржуазном министерстве рассматривалось ревизионистами именно как самый производительный способ соединения политических усилий этих двух классов. Вот почему ревизионисты энергично отстаивали такое участие. Мы видели это на Парижском международном с'езде 1900 г. Но то, что не могло не казаться полезным и даже необходимым, пока соображения социалистов ограничивались злобой текущего дня, представлялось в совершенно другом свете с точки зрения *будущности рабочего движения*. Так, не трудно было предвидеть, что коалиционному министерству придется стать в то или другое положение по отношению к экономической классовой борьбе, происходящей в современном обществе независимо от тех или иных парламентских комбинаций. Не менее очевидно было, что буржуазное министерство станет поддерживать в этой борьбе именно буржуазию, хотя бы в его состав и входило известное социалистическое меньшинство. Ко времени Парижского с'езда 1900 года буржуазное министерство Вальдека-Руссо, включившее в свой состав социалиста Мильерана, уже два раза стреляло в рабочих: сначала в одной из французских колоний (на острове Мартинике), потом—в Шалоне-на Соне. Какое же впечатление могли произвести, какое впечатление про-

изводили эти расстрелы на французских рабочих? Рабочие не удивлялись тому, что буржуазные политические деятели вроде Вальдека-Руссо принимали сторону буржуазии. Это было в порядке вещей. Но их не могло не возмущать то обстоятельство, что в министерстве, стоявшем на стороне предпринимателей, продолжал преспокойно заседать социалист. Это должно было сделать их недоверчивыми по отношению к социалистической партии. К тому же недоверие поддерживалось и укреплялось пропагандой *анархистов*, никогда не упускавших случая повредить социалистам. И мы в самом деле видим, что именно со времени пресловутого «социалистического опыта» Мильерана во Франции значительно усилился анархический синдикализм, свивший себе довольно прочное гнездо во «Всеобщей Конфедерации Труда». Словом, с точки зрения *будущности* рабочего движения невыгоды социалистического министериализма должны были представляться несравненно более серьезными, нежели его временные выгоды, ослепившие ревизионистов. Вот почему марксисты, не закрывавшие глаз на злобу грядущего времени, отнеслись к Мильерану недоверчиво, а некоторые из них и совершенно отрицательно. Бебель был болен во время Парижского международного с'езда и потому не принимал в нем участия. Мне думается, что если бы он был в состоянии приехать в Париж, то он, вероятно, выступил бы против проекта резолюции, оставлявшего слишком много лазеек для оппортюнистического политиканства и, к сожалению, принятого большинством голосов [1]). Но это только предположение, а вот факт. На международном с'езде в Амстердаме (1904 г.) Бебель выступил главным противником Жореса, упорно и талантливо защищавшего близорукую политику оппортюнизма. Можно с полной уверенностью сказать, что если в Амстердаме международный марксизм одержал победу над международным ревизионизмом, то этим он в очень большой степени обязан был Бебелю.

В том-то и состоит главная отличительная черта Бебеля, как практического деятеля, что его политика никогда не была оппортюнистической. Прежде, чем выступить противником Жореса в Амстердаме, он не раз наносил тяжелые удары социалистическому оппортюнизму в Германии: напомню его неоднократные стычки с Фольмаром и его решительное выступление против Бернштейна на партийном с'езде 1899 года в Ганновере.

[1]) Против него голосовали Гэд. Вальян и некоторые другие. В числе этих других был—я и... Энрико Ферри, сделавшийся теперь горячим сторонником участия социалистов в буржуазном министерстве. Говорят: времена меняются, и мы с ними. Но Ферри поспешил измениться прежде, чем изменились «времена»...

III

Правда, среди радикальных элементов немецкой социал-демократической партии нередко находились люди, огорчавшиеся тем, что они называли умеренностью Бебеля, и со вздохом сожаления утверждавшие, что «он уже не тот». Но мнимая умеренность Бебеля огорчала их единственно потому, что сами они оставались *утопистами*. И когда он выступал против таких людей,—а он энергично выступал против них всякий раз, когда их утопизм грозил толкнуть немецкий пролетариат на ложную дорогу,—его борьба с ними была не чем иным, как борьбой научного социализма с утопическим в сфере практического действия. Вспомним времена давно прошедшие. После принятия германским рейхстагом исключительного закона против социалистов (в октябре 1878 г.), Бебелю, вместе с другими вожаками немецкой социал-демократии, пришлось выступать против Иоганна Моста и его единомышленников. Но чего хотели Мост и те, которые одобряли его будто бы радикальную тактику? Они требовали от своей партии перехода на тот путь мнимореволюционной деятельности, который в очень короткое время привел их к анархизму. Нужно ли говорить, что правы были не «мостиянцы», а Бебель, Либкнехт и другие вожаки, знавшие, что не всякий тот, кто кричит: «революция!», «революция!», является на самом деле революционером. Что представляло бы собой теперь германское рабочее движение, если бы большинство его тогдашних участников подчинилось влиянию Моста?

А вот другой пример, относящийся ко времени, непосредственно следовавшему за отменой указанного исключительного закона. Тогда возникло в германской партии течение так называемых *молодых* (der Jungen). «Молодые» также мнили себя бог знает какими радикалами и также скорбели о том, что Бебель «уже не тот». Но что же собственно дали они германскому рабочему движению? Ничего, кроме нескольких более или менее звонких революционных фраз и нескольких совершенно несбыточных, при тогдашних условиях, тактических требований. «Молодых» раздражало, что освободительное движение пролетариата шло в Германии не так скоро, как им этого хотелось, и они винили в этом Бебеля, Либкнехта и других испытанных вожаков германской социал-демократической партии. Им казалось, что те тормозят движение, противятся его ускорению, между тем как, на самом деле, вожаки противились не ускорению движения, от них вовсе и не зависевшему, а только некоторым нетерпеливым движениям молодых академиков, не

имевших правильного понятия о данных условиях освободительной борьбы пролетариата, да по своему утопическому настроению вовсе и не расположенных считаться с этими условиями. Само собою понятно, что псевдо-революционные фразы «молодых» не могли не вызвать осуждения со стороны Бебеля. Но пока «молодые» ограничивались критикой старого образа действий, он, со своей стороны, боролся с ними оружием критики. К сожалению, они не удовольствовались одной идейной борьбой. Они стали дискредитировать партию в лице ее центральных учреждений. Тогда дело приняло другой оборот. Несколько молодых людей, проявивших особенное усердие по части такого дискредитирования, были исключены из партии. Бебель тоже добивался их исключения. Он не любил шутить там, где речь заходила о партийной дисциплине.

Как смотрел он на обязанности социал-демократа по отношению к своей партийной организации, можно видеть еще из следующего. Известно, что на Иенском партийном с'езде 1905 г. Бебель выступил докладчиком по вопросу о массовой стачке, как об одном из орудий самозащиты пролетариата в борьбе с реакцией. С'езд принял по этому вопросу решение, гласившее, между прочим, так:

«Партийный с'езд заявляет, что особенно в случае покушения на всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право или на право коалиций обязанность всего рабочего класса—пользоваться всеми средствами защиты.

«Одним из самых действительных средств борьбы для отражения подобных политических преступлений против рабочего класса или для завоевания важных основных прав в целях его освобождения партийный с'езд признает, в подходящих случаях, самое широкое применение массового прекращения работы».

Это решение истолковано было некоторыми членами партии в смысле *непосредственного призыва* к массовой стачке. Но Бебель понимал его совсем не в таком смысле. Решение, которое он отстаивал в своем докладе, самым недвусмысленным образом указывало на то, что для успешности массовой стачки «безусловно необходимо как можно большее распространение политической и профессиональной организации рабочего класса и непрестанное воспитание и просвещение масс рабочей литературой и устной и печатной агитацией». Это значило, что в глазах с'езда и его докладчика массовая стачка требует подготовки, и было ясно, что подготовка к ней не может явиться делом одного дня. Но раз нашлись люди, в своем революционном нетерпении плохо понявшие резолюцию с'езда, Бебелю опять пришлось «тормозить». Это было

тем более необходимо, что профессиональные союзы Германии тоже склонны были понимать иенское решение, как непосредственный призыв к стачке, и, всецело занятые делом своей организации, были недовольны им. Чтобы выяснить истинный смысл иенской резолюции, центральный комитет партии вошел в сношение с Общей комиссией профессиональных союзов. Его переговоры с нею в течение некоторого времени оставались неопубликованными. Слух о переговорах проник в печать и, по обыкновению, вызвал много недоразумений и много упреков по адресу Бебеля. Стали говорить, что центральный комитет, членом которого он состоял, вел переговоры с Общей комиссией о том, чтобы *отменить* решение иенского с'езда о массовой стачке. Это подозрение тем особенно обижало Бебеля, что оно приписывало ему нарушение партийной дисциплины. Выступив докладчиком по тому же самому вопросу на партийном с'езде следующего 1906 года в Маннгейме, он сказал, что если бы указанное обвинение было справедливо, то нельзя было бы достаточно резко осудить центральный комитете вообще и его, Бебеля, в частности. «Ибо,—говорит он,—в таком случае наш образ действий и, в частности, лично мой был бы не чем иным, как изменой партии». Бебель отказывался представить себе, каким образом партийные учреждения, через несколько месяцев после партийного с'езда, который принял известное решение, определившее политику партии, могли бы пуститься в переговоры с другими учреждениями *для отмены* этого решения. Еще хуже была бы роль того человека,—т.-е. самого Бебеля,—который защищал проект этого решения, добился его принятия, а потом вступил в заговор против него. «Можно было ожидать,—воскликнул Бебель,—что, по крайней мере, некоторые партийные газеты зададут себе вопрос, позволительно ли заподозревать в подобной измене и низости человека, целый век боровшегося за партию». Подобное понятие о партийной дисциплине до сих пор является одним из самых существенных условий могущества германской социал-демократической партии. Жаль только, что оно распространилось пока еще не во всех странах, где существует рабочее движение.

Коснувшись иенского с'езда 1905 г., считаю не лишним напомнить здесь довольно забавный эпизод, вызванный мнением Бебеля о всеобщей стачке. Один из представителей правого крыла партии, довольно известный Роберт Шмидт, еще до с'езда высказывался как противник массовой стачки. В своем докладе Бебель напомнил, что этот товарищ 15 лет тому назад принадлежал к «молодым», т.-е., стало быть, выступал крайним «революционером». Отметив, как изменилось теперь настрое-

ние Шмидта, Бебель прибавил, что, согласно Евангелию, на небе больше радуются одному покаявшемуся грешнику, чем девяносто девяти праведникам. На эту шутку Шмидт возразил тоже шуткой: он признал, что действительно принадлежал когда-то к «молодым» и питал смелое намерение «внушить товарищу Бебелю более революционное настроение». А в настоящее время он, Роберт Шмидт, более чем удовлетворен тем успехом, который имели его тогдашние усилия. Этот обмен шуток, возбудивший громкую веселость с'езда, завершился серьезным и очень характерным заявлением Бебеля. Он сказал в своем заключительном слове:

«Роберт Шмидт, шутя, признался, что его радует то благодетельное влияние, которое он имел в свое время на меня и на Зингера в смысле сообщения нам более радикальных взглядов. Это была недурная шутка, но—только шутка. Зингер и я не радикальнее теперь, чем были пятнадцать лет тому назад. Этим я, во всяком случае, отличаюсь от многих таких товарищей, которые, подобно Роберту Шмидту, некогда были ультра-радикальными, а теперь принадлежат к самым умеренным. Старый опыт показывает, что ультра-радикалы чаще всего переживают внезапные превращения». (Живое одобрение со стороны с'езда.) «Если бы я хотел касаться личностей, я мог бы указать таких, которые говорят теперь очень радикально, но за будущий радикализм которых я не могу поручиться». (Смех.)

Все это было как нельзя более справедливо. На глазах Бебеля совершилось много удивительнейших превращений. Люди, некогда обвинявшие его в непозволительной умеренности, начинали обвинять его в излишнем радикализме, а он оставался все тем же Бебелем и прямо шел к своей цели, руководясь твердо установленными и глубоко продуманными принципами. К тому, чем отличается он, по его словам, от людей, внезапно перелетевших с крайнего левого крыла партии на крайнее правое, он мог бы еще прибавить, что они подчинялись изменчивым *настроениям*, а он следовал неизменным *принципам*.

IV

Я уже указал, в чем состояла природа этих принципов. Они представляли собою лишь практические выводы из той основной теоремы материализма, что не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. Держась этой теоремы, можно было с полной уверенностью утверждать, что пролетариат, — как и всякий другой

класс,—непременно будет тяготеть к таким политическим взглядам, которые соответствуют его положению и его нуждам. А так как его положение и его нужды определяются ходом экономического развития общества, то его политическому представителю надо принять этот ход развития за точку отправления во всех своих программных построениях и во всех своих тактических соображениях. Но ход экономического развития всякого данного общества не зависит от воли отдельных лиц или отдельных групп лиц. Следовательно, от их воли не зависит и тактика, которой они могут разумно держаться в каждое данное время. Тот тактический прием, который хорош при одних условиях, становится дурным при других. Все зависит от обстоятельств. Благодаря перемене обстоятельств, разум становится безумием, благодеяние—мучением. Таким образом, ***высшим критерием тактических приемов становится их целесообразность.*** Бебель сделался великим политиком именно благодаря тому, что умел найти наиболее целесообразную для данного времени тактику. Я уже обращал внимание читателя на ту ловкость, с которой он умел проходить между Сциллой утопического радикализма и Харибдой близорукого оппортюнизма. Он знал, что тактика зависит от условий времени и места. Однако он считался с условиями не только настоящего, но также и будущего времени. В этом заключалась вся тайна его великого тактического превосходства как над утопическими радикалами, так и над близорукими оппортюнистами.

В своем заключительном слове к докладу Иенскому партийному с'езду о массовой стачке Бебель говорит:

«Для нас, социал-демократов, понятие «революционный» определяется не средствами, а целями. Но никогда еще ни одно движение во всемирной истории не отличалось таким ясным сознанием своей цели, какое свойственно современному движению пролетариата. Участники этого движения своей сознательностью далеко превосходят участников тех движений, которые совершались в прежние исторические эпохи». Тут же Бебель рассказал, как удивляли его некогда своей политической незрелостью буржуазные представители революционного движения 1848—1849 г.г. Люди, постоянно толковавшие о революции и тираноубийстве, крайне плохо разбирались в политических вопросах. Бебель был вне себя от удивления, убеждаясь в том, что «старики», боровшиеся во время революции, просидевшие в каторжной тюрьме четыре-пять лет и более, оставались в полном неведении и в полной неясности насчет того, что касалось государства и правительства. Следует думать, что подобные впечатления сильно укрепляли недоверие Бебеля к револю-

ционной фразе. «В массе сознательных рабочих дело обстоит иначе»,— с гордостью прибавлял вожак немецкого пролетариата.

Он имел право прибавить это. Сознательные немецкие рабочие, действительно, хорошо понимают конечную цель своей борьбы, равно как и средства к ее достижению. Но самое это обстоятельство представляет собою новый, никогда небывалый факт. «С тех пор, как совершаются революции во всемирной истории, никогда еще не было такого народного движения,—говорит Бебель,— великая масса участников которого была бы так просвещена, так осведомлена, так хорошо знала бы сущность государства и общества и законы, ими управляющие, как это знают участники современного социалистического движения. Это единственное в мире явление». Освободительное движение рабочего класса было бы самым революционным изо всех происходивших в истории движений даже и в том случае, если бы оно протекало самым мирным образом. Оно все-таки привело бы к такому коренному переустройству общества, какого еще не знала история.

Последователей научного социализма, учеников Маркса и Энгельса, часто обвиняли в том, что они проповедывали фатализм. Но ведь Бебель был один из самых убежденных и самых последовательных марксистов, а между тем в его взглядах нельзя было найти ни одного атома фатализма. Тот совсем не похож на фаталиста, кто больше всего ценит в современном рабочем движении *сознательность его участников*. Сознательность личности—высший признак ее развития. А фаталист не заботится о развитии личности.

Не сознание определяет собой бытие, а бытие определяет собою сознание. Это так. Но из этого отнюдь не следует, что сознанию нет места в историческом движении человечества. Будучи определено бытием, сознание, с своей стороны, влияет на дальнейшее развитие бытия. И когда речь заходит о таком перевороте в общественном бытии, который на языке науки называется устранением капиталистических отношений производства, тогда становится как нельзя более ясным, что он предполагает чрезвычайно высокую степень сознательности производителей. Бебель превосходно понимал это. Оттого и радовала его сознательность германского пролетариата.

Но если это так, то перед нами является новая черта его тактики. Хорошо было в его глазах все то, что было целесообразно, а целесообразно было все то, что содействовало развитию самосознания рабочего класса. Поэтому, обсуждая целесообразность данного тактического приема, Бебель раньше всего спрашивал себя, как повлияет он на указанное

самосознание: если он ускорит его развитие, то он хорош; если он замедлит его, то он дурен. Фейербах говорил когда-то: «что такое теория? что такое практика? Теория—то, что остается только в моей голове; практика—то, что из моей головы переходит в головы ближних». Самым *практичным* делом нашего времени является именно содействие переходу освободительных идей из «моей» головы в головы тех «моих» ближних, которые по самым условиям своего бытия не могут не приняться за их проведение в общественную жизнь.

Это наиболее практичное дело есть в то же время и величайшая политическая мудрость. Бебель неизменно следовал ее указаниям. Для него даже верный политический принцип, т.-е. такой принцип, который служил верным теоретическим выражением существующей в действительности тенденции общественного развития,—даже он в его глазах приобретал наибольшую ценность тогда, когда начинал проникать в сознание рабочей массы. Ввиду этого становится понятным, что людям, не сумевшим отделаться от утопического образа мыслей, Бебель не мог не казаться подчас очень умеренным. Взять хоть вопрос о массовой стачке. У Бебеля были зоркие глаза. Он ясно видел, по крайней мере, в последние годы своей жизни, что в Германии близится такое время, когда массовая стачка может оказаться совершенно неизбежной для пролетариата. И то, что видел, он высказал в своем докладе Иенскому партийному с'езду. Но разговоры о массовой стачке вызвали тревогу в профессиональных союзах, как сказано выше, поглощенных тогда вопросами своей организации. И вот, в следующем году, в своем докладе партийному с'езду в Маннгейме, Бебель старается успокоить эти союзы. Он поясняет, что резолюция, принятая в Иене, отнюдь не хочет побудить рабочих к немедленному массовому прекращению работы, а, напротив, рекомендует им предварительную работу организации своих сил. Те маленькие утописты, мнившие себе большими радикалами, которые поняли иенскую резолюцию именно как непосредственное приглашение рабочей массы к стачке, были очень недовольны и очень смущены тем, что во время своего маннгеймского доклада Бебель обращался,— как сказал один из них, — «главным образом, направо». Мне случилось быть на этом с'езде, и я тогда же сказал порицателям Бебеля: «Вы были бы правы, если бы могли указать средство сделать массовую стачку без участия в ней организованной в профессиональные союзы рабочей массы». Такого средства мне не указали, да, разумеется, и не в состоянии были указать. Я уехал из Маннгейма в том твердом убеждении, что настоящий радикализм тогда, как и прежде, был представлен

именно Бебелем и его ближайшими единомышленниками. Пока рабочая масса еще не освоилась с данным, хотя бы и превосходным, тактическим приемом, истинный радикализм заключается совсем не в том, чтобы навязывать ей этот прием, а в том, чтобы, нимало не скрывая от нее своего взгляда на него, подготовить ее к его усвоению.

V

Сознательный пролетариат непременно должен организовать свои силы. Он организует их в двух областях: в области непосредственной *экономической борьбы* с предпринимателями (профессиональные союзы) и в области *борьбы политической* (рабочая партия). Вопрос об отношении профессиональных союзов рабочих к рабочей партии издавна играл и до сих пор продолжает играть немалую роль в социал-демократической литературе. Приходилось высказываться о нем и Бебелю. Уже в 1872 г., в ожидании предстоявшего тогда с'езда профессиональных союзов в Эрфурте, он поместил в № 46 социал-демократической газеты «Volksstaat» статью, до сих пор заслуживающую внимания, в особенности русских читателей. Бебель писал в ней:

«Нельзя отрицать, что *организованное* профессиональное движение в Германии порядочно отстало. Этому немало способствует разделение рабочего класса на различные фракции и ожесточенная взаимная борьба. Худо уже то, что рабочие выступают друг против друга в различных социально-политических организациях, но еще хуже, если,—что неизбежно бывает в таких случаях,—рабочие одной и той же *отрасли*, даже одной и той же *фабрики* или *мастерской*, разделены на два или три лагеря и враждуют друг с другом». Бебель проповедывал *единство профессиональных союзов*. Он тем более настаивал на их единстве, чем больше значения придавал он профессиональным организациям рабочих. Он говорил: «В профессиональных союзах заключается *будущее рабочего движение*. В этих союзах массы доходят до классового самосознания, учатся вести борьбу с капиталом; такие союзы естественным путем, без всякого внешнего воздействия, превращают рабочих в социалистов».

Это очень много. Но это еще не все. Научившись дорожить единством в своих профессиональных союзах, рабочие станут стремиться к нему и в своей политической организации. (Не забудьте, что эту свою статью Бебель писал в то время, когда в германской социал-демократии происходила ожесточенная борьба лассальянцев с эйзенахцами.) «В профессиональных союзах заключается средство *устранить* существующий

ныне раскол среди рабочих,—говорил Бебель. — Когда, наконец, рабочие убедятся в необходимости профессиональных организаций, они вскоре увидят, что политическому наускиванию уже не будет места; потребность в об'единении и соглашении вскоре возрастет и без труда победит сопротивление тех элементов, которые лично заинтересованы в этом наускивании» [1]). После об'единения германской социал-демократии Бебель не переставал оттенять необходимость единства профессиональных организаций. В мае 1900 г. он прочитал в берлинском доме профессиональных союзов доклад, из которого я заимствую здесь следующие места.

Бебель говорил своим слушателям-рабочим: «На фабрике или вообще в промышленном предприятии работают рабочие с различными религиозными и политическими убеждениями, а часто и различных национальностей; поэтому профессиональный союз должен принимать в свои члены рабочих *без различия их религиозных и политических* взглядов, *а равно и их национального происхождения*. Слияние всех без исключения сотоварищей по профессии в одну организацию должно быть первой заповедью его политики; нарушая этот принцип, он не может выполнить своих задач или может их выполнить только в недостаточной мере».

Из этого следует, что профессиональные союзы не должны находиться в организационной связи с каким-нибудь религиозным обществом или с политической партией. Дверь профессионального союза должна быть открыта для рабочего совершенно независимо от того, к какой партии он принадлежит.

«Профессиональный союз не имеет никакого права спрашивать его об его политических убеждениях или предписывать ему, к какой партии он должен принадлежать вне профессионального союза. Если профессиональные союзы сумеют обеспечить ему необходимую степень взаимной терпимости, то будущее сулит нам процветание и успехи».

Так думал Бебель. Его упрекали в том, что он рекомендует *нейтральность* профессиональных союзов. Но нейтральность нейтральности

[1]) Я совсем не расположен к полемике в этой статье, посвященной памяти Бебеля; но я считаю позволительным сделать следующее замечание pro domo sua. Весной 1905 г. я, ввиду наших тогдашних расколов, писал, что только дальнейший ход рабочего движения положит им конец, и что наше будущее — в (начинавших тогда возникать) открытых рабочих союзах. Из этого один глубокомысленный публицист сделал тот вывод, что я восставал тогда против партии. Но разве восставал когда-нибудь против партии Бебель, утверждавший, как мы сейчас видели, что будущее рабочего движения — в профессиональных союзах? Что поделаешь! Не все публицисты одинаково догадливы.

розь. Та нейтральность, которую отстаивал Бебель, вовсе не исключала классовой борьбы пролетариата. Напротив. Бебель прямо говорил: «Я утверждаю, что *партийная* политика и религиозные вопросы должны быть чужды профессиональным союзам; но я утверждаю также, что они тем шире и тем энергичнее должны проводить *рабочую* политику—политику классовой борьбы».

Это требует пояснения. Постараюсь сделать его словами самого Бебеля. Профессиональная организация ставит государству целый ряд требований, которых она не может добиться своими собственными силами: требование свободы союзов, собраний и стачек; страхование рабочих на случай старости, болезни, несчастных случаев, неспособности к труду; охрана производителей в процессе производства и т. д. «Словом, все те социальные и экономические условия, которыми затрагиваются интересы значительного числа или всех рабочих, подлежат обсуждению профессионального союза, как рабочей организации, в прессе и на собраниях. Надо согласиться, что это—широкая область политической деятельности, а что все упомянутые вопросы будут обсуждаться только с классовой точки зрения рабочего, тому порука заключается в самом профессиональном союзе. Профессиональные союзы, и особенно профессиональная печать, должны посвящать этим вопросам тем большее внимание, что, оставаясь на почве самопомощи, нет никакой возможности внести в эту область какие-либо изменения и улучшения. Поэтому политическая деятельность в пределах намеченных здесь задач есть обязанность профессиональных союзов.

Такое отношение Бебеля к профессиональным союзам тоже огорчало некоторых его близких товарищей, и они даже печатно спорили с ним по этому поводу. Но Бебель и тут оставался верен себе.

Выше я сказал, что он всегда держался правила не навязывать рабочей массе те или другие желательные для него тактические приемы, а подготовлять ее к их усвоению. Взгляд Бебеля на отношение профессиональных союзов к партии явился лишь обобщением этого золотого правила: профессиональный союз не навязывает социализма рабочим, а так ведет свое дело, что социалистами делаются даже такие рабочие, которые вошли в него, будучи пропитаны буржуазными предрассудками. Суб'ективная логика рабочего не может не подчиниться об'ективной логике его положения. Не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собой сознание. Если Бебель никогда не забывал об этом в своих стараниях повлиять на рабочую массу, то это происходило, может быть, и оттого, что он слишком хорошо помнил *историю своего собственного умственного развития:* ведь он сам примкнул к рабочему движению, оставаясь врагом социализма, и его собственная суб'ективная логика должна была уступить об'ективной логике борьбы наемного труда с капиталом.

В своем докладе Иенскому партийному с'езду о массовой стачке он еще раз коснулся *своего* понимания нейтральности профессиональных союзов. Он заявил там, что проповедует не то, что союзы должны быть нейтральными по отношению к политическим вопросам, а то, что они не должны смотреть на себя, как на придаток к какой-нибудь политической партии, так как им следует принимать в свою среду всех рабочих независимо от их политического образа мыслей. При этом он прибавил, что берется так редактировать в течение целого года печатный орган того или другого профессионального союза, чтобы, ни разу не произнося слова: «социал-демократия», обратить своих читателей в социал-демократов. Эти слова очень характерны для агитационных приемов Бебеля.

Не мешает заметить, что взгляд Бебеля на отношение профессиональных союзов к партии был также и взглядом Маркса. В своем разговоре с группой рабочих, принадлежавших ко Всеобщему немецкому союзу металлистов, Маркс сказал: «Профессиональные союзы никогда не должны быть связаны с каким-нибудь политическим союзом или находиться в зависимости от них, если хотят выполнить свою задачу. Поставить их в такую зависимость — значит нанести им смертельный удар», и т. д. [1]).

Пора кончать, хотя я далеко еще не исчерпал всего того, что можно и что следовало бы сказать о Бебеле. Я излагал его взгляды, не распространяясь об его личности. Чернышевский написал когда-то, приступая к характеристике Белинского, что есть такая степень уважения к человеку, когда уже не хочется хвалить его именно потому, что никакие похвалы не выразят всей полноты нашего чувства. То же самое испытал я, садясь за статью о Бебеле. Мое уважение к этому замечательному человеку так велико, что я не могу хвалить его. Скажу только

---

[1]) Разговор этот Маркс вел с рабочими, находясь проездом в Ганновере. Один из его собеседников воспроизвел этот разговор в газете «Volksstaat» 1869 г. Рукописный отчет о нем был, повидимому, прежде напечатания показан Марксу, обещавшему, в случае надобности, подтвердить его правильность (см. об этом в книге *Августа Брингмана:* «Geschichte der deutchen Zimmerer-Bewegung». Stuttgart 1903, T. I, S. 364 — 365). Разговор Маркса с металлистами приведен в книге г. *Тотомианца* «Формы рабочего движения».

одно: по мнению Бебеля, нынешняя сознательность рабочей массы в передовых странах культурного мира представляет собой нечто небывалое в истории. К этому можно прибавить, что еще никогда, ни в одну историческую эпоху, трудящаяся масса не выдвигала из своей среды таких замечательных борцов, каким был Август Бебель. Тот факт, что германский пролетариат оказался в состоянии поставить на защиту своих интересов такого борца, служит одним из самых ярких свидетельств его политической зрелости. Недаром рабочие всех других стран видят в этом пролетариате своего гегемона.

Предисловие к брошюре Фр. Энгельса: Крестьянский вопрос во Франции и Германии

Предлагаемая вниманию читателя работа Энгельса, как и все произведения этого автора, не нуждается ни в каких рекомендациях. Но полезно будет сделать по ее поводу несколько предварительных замечаний.

По-немецки она была напечатана в № 10 «Neue Zeit» за 1894 год. Со времени ее появления в разных капиталистических странах вышло довольно много официальных и неофициальных исследований о положении крестьянства. Ввиду этого иной читатель может, пожалуй, предположить, что она устарела. Но такое предположение было бы ошибочно. Новые исследования, пролившие немало нового света на аграрный вопрос, в общем вполне *подтвердили* взгляд Энгельса на положение мелкого крестьянина при господстве капитализма. Правда, вероятные социальные *последствия* этого положения представлялись нашему учителю, повидимому, не совсем такими, какими они кажутся теперь нам. Он с уверенностью говорил о том, что мелкая крестьянская собственность осуждена на *исчезновение*. Но факты, обнаруженные новыми исследованиями, показали, что под влиянием очень многих и очень сложных причин,—а главным образом под влиянием так называемого *сельскохозяйственного кризиса*,—процесс *исчезновения* мелкой крестьянской собственности местами (например, во Франции) становится очень медленным, а местами (например, в Германии) и совсем прекращается. Защитникам капитализма и поющим с их голоса «ревизионистам» это бесспорное обстоятельство подало, как известно, повод утверждать, что «Марксова догма» была опровергнута жизнью, по крайней мере, в ее отношении к земледелию. Мы не можем входить здесь в подробный разбор этого мнения и потому отсылаем читателя к сочинениям: Каутского (Die Agrarfrage, Stuttgart, 1899), Вандервельда (La propriété foncière en Belgique, Paris 1900); L'exode rural, Paris 1903; Essais sur la question

agraire en Belgique, Paris 1903), Саймонса (The american farmer, Chicago 1902), Кживицкого (Kwestia Rolna, Warszawa 1903) и, наконец, к нашей «Заре», где было напечатано несколько критических статей и библиографических заметок, посвященных новейшей литературе по аграрному вопросу. Мы скажем здесь лишь следующее. Во-первых, *замедление и,—как частный случай замедления,—остановка* процесса исчезновения мелкой крестьянской собственности есть следствие таких явлений общественно-экономической жизни, которые сами как нельзя лучше и как нельзя больше подтверждают справедливость Марксова учения о развитии капиталистического общества. Поэтому как нельзя более странно считать его доводом *против* этого учения. Шар, наполненный водородом, поднимается вверх, а не падает на землю. Это—факт. Но что он означает? То ли, что на этот шар не распространяется действие закона тяготения? Наоборот: только его действием и может быть об'яснено движение шара. Вот то же и с мелкой крестьянской собственностью. Ее судьба только тогда и станет понятной, когда мы примем во внимание *рост* капитализма, в свою очередь лучше всего об'ясняемый именно с помощью учения Маркса.

Значит, *говоря вообще,* защитникам капитализма и идущим у них на пристяжке «ревизионистам» ликовать все-таки нечего: учение Маркса *в общем* остается нимало не поколебленным. **Но это еще не все. Даже и** в том, что касается собственно аграрных отношений, судьба мелкого крестьянского землевладения колеблет учение Маркса несравненно меньше, чем это делают люди, во что бы то ни стало желающие об'явить его поколебленным.

Эти люди приписывают автору «*Капитала*» ту мысль, что в капиталистическом обществе *концентрация поземельной собственности неизбежна по самой природе процесса капиталистического развития.* Но Маркс нигде не высказывал такой мысли. В своем качестве одного из самых замечательных диалектиков XIX столетия он превосходно знал, что в общественной экономии, как и повсюду, все зависит от обстоятельств времени и места. В 1850 году он,—в рецензии на книгу Э. де-Жирардэна: «Le Socialisme et l'impôt»,—писал, что если во Франции уже началась концентрация мелкого землевладения, то в Англии *крупное землевладение гигантскими шагами идет к новому раздроблению.* Это мало похоже на вульгарное представление об относящейся к землевладению и земледелию «догме» Маркса. Но к этому он,—как будто затем, чтобы не оставалось уже ровно никакого сомнения насчет его взгляда,—прибавлял, что *пока существуют буржуазные производственные отношения,*

земледелие должно постоянно переходить от концентрации к раздроблению и наоборот. Мы очень просим читателя запомнить это [1]). Если бы теперь в какой-нибудь капиталистической стране в самом деле начался переход от крупной поземельной собственности к мелкой, то и в этом случае мы должны были бы сказать, что перед нами происходит одно из тех явлений, *возможность которых в капиталистическом обществе была указана Марксом более пятидесяти лет тому назад.* Вот только и всего. А отсюда до *колебания* его «догмы», как до звезды небесной, далеко.

Таким образом,—и вопреки настойчивым уверениям догматиков буржуазного апологетизма и мелкобуржуазного «ревизионизма»,—вопрос о том, происходит или не происходит в данной стране концентрация землевладения, есть для Маркса *вопрос факта,* а вовсе не *вопрос «догмы».* На основании того, что происходило в *современном ему* капиталистическом обществе, Маркс решал впоследствии этот вопрос в *положительном* смысле не только для Франции, но и для Англии [2]). А *нам,* на основании того, что освершается в *наше время,* приходится говорить,—как мы и сделали это выше,—о замедлении или даже об остановке процесса концентрации поземельной собственности. Не желая противоречить истине, мы и не можем говорить иначе. Но читателю ясно теперь, что говоря так, мы ничуть не расходимся с Марксом: *вывод* получается у нас несколько другой, но *метод* остается тот же,—и тот же *основной взгляд* на развитие капиталистического общества.

Необходимо помнить, кроме того, что факты указывают именно *только* на замедление или, в крайнем случае, *только* на остановку процесса концентрации землевладения. Так, даже в Германии, где мелкая крестьянская собственность обнаружила наибольшую живучесть и где

---

[1]) Запомнить это нужно. Тем более нужно, что этого по большей части не знают даже беспристрастные историки идей. Так, г. *Мишель Ожэ-Лярибэ* ничего не упоминает об этом в своей интересной книге: «Petite ou grande propriété? Histoire des doctrines en France sur la répartition du sol et la transformation industrielle de l'agriculture», Monpellier 1902. А между тем в ней целая глава посвящена Марксу.

[2] См., например, написанный им первый манифест Международного товарищества рабочих, где указывается на то, что в Англии и Уэльсе, в промежуток от 1851 до 1861 г., число землевладельцев понизилось с 16.934 до 15.066, «так что концентрация землевладения за десять лет возросла на одиннадцать процентов». Маркс заметил, что *если* сосредоточение землевладения в немногих руках будет увеличиваться так же быстро, то решение поземельного вопроса будет очень упрощено. Как видим, он выражается осторожно и не дает неизменных схем.

разноцветные «критики Маркса» особенно громко поют, вопиют, взывают и глаголят о крушении «догмы», ими же самими приписанной Марксу, торжество мелкой крестьянской собственности и мелкого землевладения оказывается весьма и весьма сомнительным. В 1882 г. хозяйства, обнимающие от двух до пяти гектаров, — мелкие крестьянские хозяйства в собственном смысле, — составляли 18,6% общего числа хозяйств; а в 1895 г. они составляют 18,28%. В 1882 г. хозяйства этого разряда занимали 9,64% общей земельной площади, а в 1895 г. им принадлежало 9,57%. В 1882 г. на их долю приходилось 10,01% сельско-хозяйственной площади, а 13 лет спустя — 10,11%. Итак, *число хозяйств* относительно уменьшилось на 0,32%, но зато общая площадь стала *больше* (опять — *относительно)* на 0,03%, а сельско-хозяйственная площадь *возросла* на 0,1%. Не ошибитесь, читатель: дело идет именно о десятых и сотых долях процента. Изумительный «прогресс», в прах повергающий Маркса! И не забудьте, что этот поистине лилипутский «прогресс» сам в значительной степени об'ясняется (например, в Остэльбии) *капиталистическими нуждами крупного хозяйства,* между тем как в промышленно-развитых частях империи (например, в рейнской и саксонской провинциях Пруссии) замечается даже *регресс мелкого крестьянского хозяйства,* сопровождаемый *ростом средних и крупных крестьянских хозяйств* [1]). Уже один этот факт должен был бы вызвать у г.г. «критиков» опасения насчет дальнейшей судьбы «прогрессирующего» мелкого хозяйства. Ведь промышленно-развитые страны и округа очень часто указывают путь, предстоящий менее развитым странам. Но что прикажете? Г.г. «критики» ослеплены своей «догмой», и с ними ровнехонько ничего не поделаешь.

Франция считается классической страной мелкого землевладения. Правда, без весьма существенных оговорок называют ее такой страною одни только наивные люди, люди же «себе на уме» знают, что в действительности мелкое землевладение играет в ней довольно жалкую роль. В этом отношении чрезвычайно характерно признание г. Эйнара в заседании палаты депутатов 21 мая 1891 г. «Существует предрассудок,— сказал он,—который я не намерен разбивать, потому что он никому не вредит и даже приносит пользу. Он состоит в том, что Франция—страна землевладельцев». Эйнар готов был признать правильность этого определения, но он утверждал, что *мелким* землевладельцам в этой счастливой стране принадлежит только *четвертая часть* земель, между тем как остальные *три четверти* сосредоточены в руках средних и крупных собственников. И он был прав. По данным 1882 г. очень мелкие собственники,—участки которых не превышали одного гектара,—составляли во Франции 38,2% всего числа землевладельцев; но им принадлежало не более 2,2% земельной площади. Мелкие собственники,—от одного до десяти гектаров, — по числу составляли 46,5%, а имели только 22,9% всех земель. Среднее землевладение доходило до 12,8% *числа собственников* и 29,9% *площади.* Наконец, крупная поземельная собственность, число обладателей которой не превышало 2,5% числа собственников, составляла 45% всех земель «страны землевладельцев». Это, как видим, уже довольно почтенная *концентрация.* Говорят, что с 1882 г. положение дел изменилось к лучшему, так как мелкая собственность будто бы выиграла и по отношению к числу, и по отношению к площади. Но это просто-напросто *не верно.* В период 1882—1892 г.г. *число* мелких собственников *уменьшилось* на 17.472 *(было* — 2.635.030, *оставалось* — 2.617.558), а площадь принадлежащих им земель *сократилась* на 121.520 гектаров. Ввиду огромного числа мелких собственников во Франции такое уменьшение надо признать *незначительным;* но при всей незначительности оно все-таки есть уменьшение, а совсем не *увеличение.* В указанный промежуток времени увеличение замечалось в разрядах *крупного* землевладения, с одной стороны, и *очень мелкого,* с другой. Число очень мелких собственников поднялось с 2.167.667 до 2.235.405, а пространство принадлежащей им земли с 1.083.833 до 1.327.253 гектаров. Но что это за «землевладельцы»? Если уже мелкий собственник, имеющий *в среднем* менее пяти гектаров, часто лишен возможности существовать обработкой собственного участка и вынужден продавать свою *рабочую силу* тому или другому *предпринимателю,* то *очень мелкий* [1]) собственник, на долю которого достается в среднем менее *полугектара,* получает от своей земли лишь совсем малую часть дохода, а остальную, наибольшую часть *должен добывать работой по найму,* если только у него нет,—а это бывает крайне редко,—каких-нибудь побочных и более богатых источников дохода. Заметим еще, что так как число подобных «землевладельцев» простирается во Франции до необыкновенно внушительной цифры 2.235.405, то их, — вопреки

[1]) Приведенные данные о Германии заимствованы из официального издания: «Die Landwirtschaft im Deutschen Reich. Statistik des Deutschen Reiches», Neue Folge, Band 112.

[1]) Разряды: очень мелкий, мелкий, средний и крупный собственник установлены официальной французской статистикой, из которой и заимствованы приведенные нами данные о движении поземельной собственности во Франции в 1882—1892 г.г.

очень полезному... для буржуазии предрассудку о том, что Франция есть страна землевладельцев, — приходится признать *почти-пролетариями*, интересы которых в сущности совпадают с интересами *полных пролетариев*, занятых в промышленности и в сельском хозяйстве. Пролетарская программа, отстаивающая интересы *наемного труда* и стремящаяся к замене *капиталистических* отношений производства *социалистическими*, имеет для них несравненно больше значения, чем *мелко-буржуазная* программа, усиливающаяся, с помощью тех или иных заплат, оградить интересы *мелкой собственности*. Но как бы там ни было, а неоспоримо то, что рост числа этих будто бы землевладельцев не имеет ничего общего с ростом землевладения *крестьянского*, в настоящем смысле этого слова. А если к этому прибавить, что с 1882 по 1892 г. *крупная* собственность увеличилась на 197.300 гектаров, то сделается совершенно ясно, что данные французской статистики плохо способствуют ниспровержению «марксовой догмы».

Во всех странах капиталистической Европы сельско-хозяйственный кризис, вызванный ростом международного капитализма, привел к понижению *доходности* и,—как это само собою разумеется,—ценности земель. Вследствие этого капиталистам,—за немногими исключениями,—нет выгоды вырывать землю из рук крестьянина и приниматься за ее непосредственную эксплоатацию. Капитал,—опять таки, за некоторыми исключениями,— лучше обделывает свои дела, оставляя ее в руках мелкого производителя, но за то выжимая этого последнего, как губку. Отсюда происходит одно из двух. Или,—как мы сказали выше,—замедляется процесс экспроприации крестьянина, или крестьянин лишается своих прав *собственности* на землю в пользу капиталиста, но зато продолжает обрабатывать ее в качестве *арендатора*. Этот последний случай мы видим в Бельгии и, как кажется, в Голландии, где число мелких арендаторов чрезвычайно сильно растет по отношению к числу крестьян, обрабатывающих свои собственные участки [1]). Мы можем, следовательно, сказать, что, задерживая процесс исчезновения мелкого производителя, сельско-хозяйственный кризис в то же время увеличивает

[1]) В 1880 г. в Бельгии 65,1% обрабатываемой площади обрабатывалась арендаторами; в 1895 г. в руках арендаторов было уже 68,9% той же площади. (См. *Em. Vandervelde*, La propriété foncière en Belgique, p. 274). В Голландии в 1885 г. *собственники* обрабатывали только 59,53% всей земли, приходящейся на хозяйства, обнимающие более одного гектара (для более мелких хозяйств данных нет); в 1895 — только 57,41%. (См. четвертый отдел уже цитированного выше 112 тома статистики Германской империи, стр. 61).

косвенную зависимость этого производителя от капитала. Достаточно небольшого размышления для понимания того, что рост *косвенной* зависимости производителей от капитала не имеет того общественно-революционного значения, какое свойственно увеличению *прямой* их зависимости от него в процессе производства. Стало быть, сельско-хозяйственный кризис *замедляет* процесс революционизирования производственных отношений в земледелии. Впрочем, мы выражаемся не совсем точно. Надо говорить так: сельско-хозяйственный кризис *до сих пор замедлял этот процесс*. А как будет дальше, это еще не известно, и есть некоторые основания думать, что со временем он *не станет замедлять и начнет ускорять его*. Думать так нам дает повод та же *Бельгия*, где не только происходит относительное увеличение числа арендаторов, но с 1880 г. замечается также уменьшение числа *мелких* хозяйств (до пяти гектаров) и увеличение более крупных (свыше десяти гектаров). «С 1880 г. произошло противоположное тому, что происходило от 1866 г. до 1880, когда число мелких хозяйств значительно увеличилось, между тем, как число крупных значительно уменьшилось. В настоящее время мелкая поземельная собственность исчезает перед крупной» [1]). Что, если и в других странах европейского материка начнется подобное же движение? Тогда ведь пропадет даже и тень возможности оспаривать «марксову догму».

Но это все-таки дело будущего. А теперь мы заметим, что, хотя косвенная зависимость производителей от капитала далеко не так революционизирует их головы, как прямая, но от этого их *экономическое* положение не делается легче. Даже и оставляя землю в руках крестьянина,—собственника или арендатора,—капитал, из приносимого ею дохода, берет себе доли, соответствующие *ренте* и *прибыли*, оставляя производителю, своим трудом создающему этот доход, не более, а иногда даже и менее того, что соответствует *заработной плате*. Поэтому и «самостоятельный» мелкий крестьянин очень часто является таким же по существу, но только гораздо *менее сознательным* невольником капитала, как и фабричный рабочий [2]). Г.г. «критики Маркса» обнаруживают огромную наивность или неслыханный цинизм, когда умиляются устой-

[1]) Annuaire statistique de la Belgique, tome XXX, p. XL.

[2]) Относительно французского крестьянина Маркс указывал на это еще в начале пятидесятых годов! «Крестьянская парцелла стала лишь предлогом, позволяющим капиталисту извлекать из земли прибыль, проценты и ренту, не заботясь о том, останется ли на долю земледельца хотя бы одна заработная плата». («Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта», перевод Б. Кричевского, стр. 113).

чивостью мелких хозяйств. Устойчивость эта покупается страшно дорогой ценою. На этот счет английская комиссия, занимавшаяся изучением причин сельско-хозяйственного кризиса, занесла в свои доклады много очень поучительных свидетельств. В Англии, в период 1885—1893, несколько *уменьшились,* по числу и по занимаемой ими площади, крупные фермы (занимающие больше 300 акров, т.-е. 120 гектаров) и мелкие (до 20 акров, т.-е. 8 гектаров), средние же фермы, по размерам своим заключающиеся между указанными пределами, несколько *увеличились* и по числу и по площади. В низшем разряде этих средних ферм встречается, впрочем, немало таких, которые ***не прибегают к наемному труду, обходясь собственными силами фермерских семейств.*** Хозяйства такого рода—идеал консерваторов и ревизионистов. Каково же живется обладателям таких семейств? Некоторые свидетели, выслушанные сельско-хозяйственной комиссией, говорили, что они меньше всех остальных пострадали от кризиса, но из показаний других свидетелей видно, что это не совсем верно. Так, мистер Раулэндсон заметил, что «на первый взгляд более мелкие фермеры, имеющие свои собственные фермы и обрабатывающие их без наемных рабочих, пострадали менее других; но если вы глубже вглядитесь в дело, то вы найдете, что их сыновья не получают заработной платы, довольствуясь одеждой и небольшими карманными деньгами, и я не думаю, что многие из них находятся в таком же хорошем положении, как годовые рабочие» [1]). Ц. Е. Рид сказал, что «единственный способ, посредством которого мелкие фермеры удерживаются на своих позициях, состоит в том, чтобы работать за двоих рабочих, а тратить на себя не больше, чем тратит один». По его словам, дети таких фермеров хуже воспитаны и трудятся больше, чем дети наемных рабочих [2]). М. Фокс находил, что в некоторых округах от кризиса «пострадала» не земля (sic), а сыновья и дочери фермеров, отдающие делу обработки лучшие свои силы, но не получающие никакого вознаграждения в настоящем и имеющие лишь слабую надежду на него в будущем». М. Фокс очень осмотрительно прибавил: «Будущее покажет, долго ли они при таких условия сохранят желание оставаться у своих родителей» [3]). М. Гоп, говоривший о положении крупных и мелких фермеров в Роксбурге и в девяти других шотландских графствах, показал, что мелкие фермеры обыкновенно платят за каждый акр нанимаемой

[1]) Royal Commission on Agriculture, Final Report, London 1897, p. 34.
[2]) Там же, та же страница.
[3]) Там же, стр. 35.

ими земли больше, чем крупные, и что, по собственным словам этих фермеров, при такой высокой ренте они не могли бы сводить концы с концами, если бы обязаны были оплачивать по рыночной цене труд своих семейств. Многие фермеры этой местности утверждали, «что ни сами они, ни их семейства совсем не имеют какого-нибудь определенного времени для работы, а работают от рассвета до ночи, и что, даже поступая так, они лишь с величайшим трудом сводят концы с концами» [1]). М. Белл заявил, что по его мнению, материальное положение мелких фермеров хуже, чем положение рабочих, а М. Мак-Киннель «выразил сомнение в том, чтобы им жилось лучше, чем обыкновенным пахарям» [2]).

Словом, мы едва ли преувеличим, если сравним этих независимых хозяев с пролетариями, испытывающими на себе прелести «потогонной системы» (Sweating system). Недаром некоторые сведущие люди называют мелкое фермерство британским рабством (british slavery)[3]). Теперь и решайте, прав ли был Энгельс, говоря, что при нынешнем положении всемирного хозяйства упрочивать положение мелких производителей значит укреплять ту цепь, на которой они сидят. Нам возразят, пожалуй, что положение мелкого английского фермера именно тем и худо, что они работают не на собственной земле, и потому обязаны платить ренту. Но, во-первых, в некоторых из вышеприведенных случаев речь шла именно о собственных фермах, а во-вторых, в том-то и дело, что крестьянин-«собственник» европейского материка редко свободен от платежа ренты, которая только носит иное имя, называясь *процентами* на *денежный капитал,* занятый им у частного лица или в гипотечном банке. Энгельс указывал на тяжелую зависимость этого крестьянина от *ростовщика.* Справедливость этого указания вполне подтверждается новыми исследованиями. Для примера укажем хоть на книгу Блонделя, который пишет: «Надо пожить в немецких деревнях, чтобы составить себе понятие о тирании ростовщиков в некоторых из них; нужно видеть ростовщика на деле, чтобы понять, до какой степени верно, что крестьянин стал его вещью. Его вполне позволительно сравнить с пауком, притаившимся в углу своей паутины и бросающимся на муху, сделавшую неосторожное движение! Средневековое крепостничество не было хуже гнусной зависимости, под игом которой стонет задолжавший крестьянин. По-

[1]) Там же, та же страница.
[2]) Там же, стр. 36.
[3]) Там же, та же страница.

стоянно тяготеющая над ним угроза разбивает всю его энергию»[1]). Конечно, развитие кредита подрывает тиранию ростовщика. Но один французский экономист давно уже и справедливо заметил, что кредит совсем не спасает, а, напротив, убивает поземельную собственность, и это особенно справедливо именно теперь, когда сельско-хозяйственный кризис так сильно дает себя чувствовать землевладельцам. Достаточно вспомнить о росте гипотечных долгов.

Было время, когда долги эти довольно легко переносились поземельной собственностью Западной Европы. То было тогда, когда росли цены на сельско-хозяйственные произведения и когда вызванное этим увеличение доходности земель вело к улучшению хозяйства. Так продолжалось с тридцатых до конца семидесятых годов, когда началось падение хлебных цен. Чем ниже падали цены, тем более понижалась доходность земель и тем большую *долю* дохода составляли подлежащие уплате проценты по гипотечному займу. Вследствие этого положение землевладельцев делалось все более и более затруднительным, а затруднительность их положения побуждала их к новым займам. И вот мы видим, что гипотечные долги беспрерывно возрастают. В Пруссии в течение *семи лет* (1886/87—1892/93) гипотечный долг увеличился на 1093,05 миллионов марок [2]). И замечательно, что, по крайней мере, в Германии в последнее время особенно быстро растет именно задолженность мелкого землевладения. Некоторые об'ясняют это тем, что крупное землевладение уже раньше дошло почти до последнего предела задолженности, так что ему очень трудно теперь двигаться дальше в этом направлении; но если бы это было и так, то судьба все более и более обременяемой теперь долгом мелкой поземельной собственности от этого не стала бы более обеспеченной. Неоспоримым остается тот факт, что в нынешнем обществе земледелие попадает все в большую и большую зависимость от промышленности, а мелкий сельский хозяин от капитала. И именно поэтому и в той же мере остается неоспоримой та мысль Энгельса, что только антисемиты и им подобные шарлатаны могут выставлять программу, сулящую золотые горы мелкому крестьянину, *как таковому*. Пока существует капиталистическое общество, не будет такой силы, которая смогла бы избавить мелкого производителя от бед, неизбежно вызываемых развитием этого же общества. Поэтому социал-демократы, не желающие покупать избирательные успехи ценою обмана избирателей, должны прямо поставить мелкому крестьянину на вид, что избавление принесет ему только *революция* пролетариата, которая положит конец господству капиталистических производственных отношений. Крестьянин, усвоивший себе это убеждение, всегда будет желанным товарищем рабочего. Но, усваивая себе это убеждение, крестьянин *покидает точку зрения своего собственного класса и становится на точку зрения пролетариата.*

Защитники существующего порядка вещей долго питали себя надеждой, что мелкий крестьянин совершенно неспособен проникнуться этим убеждением. Действительность показывает, однако, что эта отрадная надежда была не вполне основательна. Немецкая социал-демократия не имеет, как это всем известно, особой программы «для крестьян»; тем не менее она начинает привлекать к себе внимание и сочувствие земледельческого населения, что ясно и хорошо обнаруживается статистикой прошлогодних выборов в рейхстаг [1]). Ее приобретения здесь пока еще сравнительно не велики, но,—как говорит Энгельс в предлагаемой брошюре,—социал-демократии по самой сущности дела нельзя было ожидать здесь быстрых успехов. То, что удалось завоевать ей в чисто земледельческих округах, важно больше как симптом, ясно показывающий, что и немецкая деревня не застрахована от социализма.

Энгельс говорит также, что самым надежным союзником промышленного рабочего является *сельский пролетарий*. Еще недавно в справедливости этой мысли сомневались довольно многие социал-демократы (особенно в Бельгии). Сельский пролетарий, едва ли не наиболее угнетаемый изо всех пролетариев и живущий в условиях наименее благоприятных для умственного развития, казался таким приниженным, таким забитым и покорным, что мысль о привлечении его под социалистическое знамя представлялась несбыточной. Но капиталистические отношения и здесь,—хотя, конечно, медленнее, чем в промышленных округах,—начинают обнаруживать свою революционную силу. В Италии, в Венгрии и во Франции сельский пролетарий и почти-пролетарий,—т.-е. мелкий крестьянин, *живущий преимущественно продажей своей рабочей силы*,—оказывается гораздо более восприимчивым к социалистической пропаганде, чем крестьянин, получающий средства к существованию пре-

[1]) «Etudes sur les populations agraires de l'Allemagne et la crise agricole», Paris 1897, pp. 395 — 396.

[2]) См. статью *фон-дер Гольца*, Hypothekenschulden в первом томе «Wörterbuch der Volkswirtshaft», стр. 1076—77, и его же «Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik», Jena 1899, S. 44.

[1]) См. интересную статью *Akademikus'a:* Statistische Nachklänge zu den Reichstagswahlen. «Neue Zeit» от 19 декабря 1903, S. S. 368 — 369.

имущественно от обработки своего участка. О пролетарском характере «крестьянского» движения в Венгрии и Италии мы уже говорили в статьях: «Пролетариат и крестьянство», напечатанных в фельетонах «Искры» за 1903 год. Теперь мы отметим то, что происходит у виноградарей нижнего Лангедока. В последнее время землевладение сосредоточивается там в руках крупных предпринимателей, а некогда самостоятельные мелкие собственники все решительнее и решительнее становятся в положение наемных рабочих [1]). Сообразно с этим там возникают организации для защиты интересов наемного труда, и социалистические идеи,— хотя, к сожалению, главным образом в односторонне виде революционного синдикализма,—быстро проникают в деревни. Движение лангедокских виноградарей возникло под сильнейшим влиянием городских рабочих. Но это влияние стало заметным и привело к серьезным практическим последствиям только с тех пор, когда в тамошней деревне возникли капиталистические отношения производства [2]).

Подобно виноградарям нижнего Лангедока, дровосеки центральных департаментов Франции тоже об'единяются в синдикаты и тоже усваивают социалистические идеи. Но и они вербуются главным образом из сельских пролетариев и почти пролетариев [3]). Продавцы рабочей силы

[1]) См. интересную работу *Ожэ-Лярибэ*, Les ouvriers de la viticulture languedocienne et leurs syndicats. Mémoires et Documents du Musée social, novembre 1903.

[2]) Заметим, что, по словам Оже-Лярибэ, мелкий собственник, имеющий менее двух гектаров, может сводить концы с концами только путем постоянной продажи своей рабочей силы. Его «собственность» служит для него источником кабалы «В настоящее время у кого есть клочок виноградника, тот имеет и долги. Мелкая собственность поденщиков ведет лишь к тому, что лишает их независимости, по тому что часто они должны тому самому землевладельцу, который их нанимает». Но дело тут, как видно, не только в долгах. «Землевладельцы, раскрывшие перед нами это достойное жалости положение, спрашивают, не лучше было бы, если бы рабочий не имел никакой собственности, потому что во время кризиса он страдает не меньше своих богатых соседей и лишен возможности отлучиться на искания работы в другом месте («Les ouvriers de la viticulture» etc. в Memoires et Documents du musée social, 1903, № 9, p. 293).

Avis для глубокомысленных экономистов вроде цюрихского профессора *Юл. Пляттера*, который в своих «Grundlehren der Nationaloekonomie» (Berlin 1903, стр. 394 — 395) насмехается над Энгельсом, утверждавшим, что обладание собственным домом может *ослаблять позицию пролетария в его борьбе с нанимателем за рабочую плату*. Ведь собственный домик часто именно привязывает рабочего к данному месту.

[3]) См. книгу *Л. Г. Роблэна*, Les bûcherons du Cher et de la Nièvre, leurs syndicats. Paris, 1903. Русскому читателю мы тем настойчивее рекомендуем эту книгу,

и здесь оказались более восприимчивыми к социализму, чем мелкие собственники [1]).

Странно, поэтому, что до сих пор в социалистическом мире Западной Европы не совсем исчезло то мнение, что в деревне мелкий собственник скорее откликнется на призыв рабочей партии, чем пролетарий. Такое мнение, очевидно, поддерживается лишь сознательной или бессознательной склонностью к «ревизионизму». Люди, твердо держащиеся точки зрения пролетариата, не могут теперь не замечать его несостоятельности. Мы с удовольствием узнали, что на аграрном с'езде бельгийской социалистической партии, состоявшемся в конце ноября прошлого года, мнение это, нашедшее себе убежденного защитника в лице тов Дебарси, встретило сочувствие лишь меньшинства делегатов, значительное же *большинство* их приняло решение, предложенное Вандервельдом и гласящее так: «Пропагандисты, действующие в сельских округах, никогда не должны упускать из виду, что рабочая партия есть, по самому определению своему, партия класса; что, следовательно, она должна защищать интересы всех эксплоатируемых, но прежде всего живущих в деревнях промышленных и сельско-хозяйственных рабочих и тех мелких крестьян, условия жизни и труда которых приближаются к условиям существования наемных рабочих». Поясняя предложенный им проект решения, тов. Вандервельд очень верно заметил: «Никто не помышляет о том, чтобы исключить из рабочей партии мелких крестьян. Речь идет о том, чтобы определить, к какому классу мы должны прежде всего обратиться со своей пропагандой. И вот, я утверждаю: прежде всего к наемным рабочим и к тем крестьянам, которые приближаются к ним по условиям своего существования». Эта мысль, одобренная, как уже сказано, значительным большинством с'езда, тождественна с тем, что говорится в предлагаемой брошюре Энгельса.

Выходит, что для «Запада» брошюра эта до сих пор сохранила все свое значение. Но читатель спросит нас, пожалуй, какое значение может

что она дает наглядные примеры того, каким образом экономическая борьба родит политическое сознание в отсталых слоях пролетариата передовых капиталистических стран. Эти примеры могли бы способствовать разрешению практически важного вопроса о том, какова может и должна быть роль *партии* в воспитании представляемого ею *класса*. Известно, что у нас нередко рассуждали об этой роли самым отвлеченным и потому самым доктринерским образом.

[1]) Книга Роблэна тоже недурно могла бы раз'яснить профессору Юл. Пляттеру, каким образом мелкая собственность нередко ведет к понижению заработной платы, получаемой собственниками.

иметь она для нас, российских социал-демократов: ведь всем и каждому давно и хорошо известно, что *Россия не Запад*.

Ответ ясен. Эта брошюра покажет нам, до какой степени не понимают задач современного социалистического движения те люди, которые, ссылаясь на то, что в земледелии будто бы не оправдались «предсказания Маркса, придумывают теперь особый крестьянский, «аграрный» социализм. Эти люди в огромном большинстве случаев находятся в лагере «ревизионистов» и совсем не сочувствуют *революционным* стремлениям пролетариата [1]). У нас, — недаром же «Россия не Запад», — крикливыми носителями идей особого «аграрного» социализма явились люди, именующие себя социалистами-революционерами. Но читатель-социал-демократ прекрасно знает, как обстоит дело с революционностью этих господ. Кто-то,—если не ошибаемся, тов. Мартов,—в высшей степени метко сказал, что их «партия» носит свое двойное название единственно потому, что социализм ее не революционен, а революционность не имеет ничего общего с социализмом. В самом деле, по своим взглядам на аграрный вопрос в западных странах эти «революционеры» солидарны именно с «ревизионистами», т.-е. с *антиреволюционным* минусом западной социал-демократии. Почему это так? Потому, что и нельзя сочувствовать революционным стремлениям пролетариата, не становясь на точку зрения этого класса. А они очень далеки от нее. Они стоят не на точке зрения пролетариата, а на точке зрения *«всех вообще трудящихся»*, к которым принадлежат, по их определению, между прочим, и самостоятельные мелкие собственники, живущие трудами рук своих и не эксплоатирующие наемного труда. Но в предлагаемой брошюре Энгельса справедливо сказано, что мелкий собственник этого разряда является теперь *пережитком*, завещанным буржуазному обществу старым, *докапиталистическим* способом производства. Современный пролетариат был вызван к жизни не чем иным, как разложением тех производственных отношений, которые были свойственны этому старому способу. Становиться на точку зрения этих отношений, значит,—по выражению Манифеста Коммунистической Партии,—*стремиться повернуть назад колесо истории*. А точка зрения этих отношений есть именно свойственная «социалистам-революционерам» точка зрения «всех трудящихся».

[1]) Читателя, желающего убедиться в этом, мы отсылаем к очень пухлой, претенциозной и широковещательной, но—увы!—очень бедной содержанием книге доктора *Альфреда Носсига*, Die moderne Agrarfrage, Berlin—Bern 1902. Она едва ли не лучше сочинения знаменитого г. Бернштейна показывает теоретическую несостоятельность и практический консерватизм ревизионистских стремлений.

Вот почему и вот в каком, совершенно точном, научном смысле слова мы называем их социалистами-реакционерами. Читатель видит, что, давая им такое имя, мы руководствуемся не политическим задором, а вполне определенными теоретическими соображениями. При этом мы вовсе не думаем утверждать, будто они лгут, называя себя революционерами. Нет, огромное большинство их состоит, конечно, из искренних людей [1]). Они искренно ненавидят существующий в России общественный и политический порядок и искренно стремятся к «социальной» революции, но они не понимают задач и условий этой революции. Отказываясь стать на точку зрения *пролетариата*, они поневоле и без собственного ведома становятся на точку зрения *мелкой буржуазии*. Они только терминологией отличаются от мелко-буржуазных партий, выступивших в революционные эпохи на исторической сцене Западной Европы [2]). А в сущности они—родные братья тех французских демократов 1848 года, о которых мы встречаем у Маркса следующий интересный отзыв: «Но демократ, представляющий мелкую буржуазию, т.-е. *промежуточный класс*, в котором притупляются интересы двух различных классов, воображает себя выше классовых противоречий вообще. Демократы (как и наши социалисты-реакционеры.—*Г. П.*) признают существование привилегированного класса, но они со всей остальной нацией образуют *народ* (трудящийся «класс» наших социалистов-реакционеров.—*Г. П.*). Они—защитники народных *прав*, их интересы—*народные интересы*. Им поэтому незачем накануне борьбы анализировать интересы и положение различных классов. Им незачем особенно осторожно взвешивать свои собственные средства (известно, что нашим с.-р. такое взвешивание всегда представлялось изменой революции.—*Г. П.*). Им стоит ведь только дать сигнал—и народ со всеми своими неисчерпаемыми силами бросится на *угнетателей*. А если на деле их интересы оказываются никому неинтересными, а их сила—бессилием, то или в этом виноваты губительные софисты, разделяющие *нераздельный народ* на различные враждебные лагери (подобно тому, как мы, не менее губительные социал-демократы, подразделяем *народ* на *пролетариат* и *непролетарские* слои.—*Г. П.*), или армия была слишком обесчеловечена, слишком ослеплена, чтобы видеть в чистых целях демократии свое собственное благо, или какая-нибудь де-

[1]) Ниже читатель увидит, почему мы не решаемся сказать это обо всех без исключения социалистах-реакционерах.

[2]) Да и это отличие не так велико, как можно было бы ожидать. Маркс говорит, что в Германии в сороковых годах каждый оппозиционно-настроенный буржуа называл себя *социалистом*. L'habit ne fait pas le moine.

таль в исполнении помешала всему, или же непредвиденная случайность на этот раз расстроила дело» [1]). Мелко-буржуазные демократы всегда и везде считали свою *ограниченность* признаком *широты* своих социальных стремлений. Эта психологическая черта как нельзя более свойственна нашим социалистам-реакционерам. Да оно и неудивительно: одинаковые причины вызывают одинаковые действия.

Ограниченность, мнящая себя *широтой*, сама по себе комична. Но она доходит до геркулесовых столбов комизма, когда пытается пересоздать современное ей революционное движение по своему образу и подобию. Конечно, ее усилия заранее осуждены на неудачу, подобно тому, как были заранее осуждены на неудачу реакционные стремления славного рыцаря, воспетого Сервантесом. Но на них не мешает иногда обратить внимание, чтобы еще вернее оценить тех, кто их делает. Поэтому напомним читателю об одном из упреков, который выставляется социалистами-реакционерами против аграрной программы нашей партии. По их словам, главный ее недостаток заключается в том, что она буржуазна. Но как понимать этот упрек? Думают ли наши противники, что мы и в социалистическом обществе хотели бы сохранить частную собственность на землю? Нет, они этого не могут думать, если имеют хотя бы малейшее понятие о научном социализме, решительными сторонниками которого мы были и будем: нашей конечной целью является обращение в общественную собственность *всех* средств производства, а, следовательно, *и земли*. Мы полагаем, что это требование,—осуществление которого подготовляется неотвратимым ходом развития капиталистического общества,—целиком лежит в интересах *пролетариата* и вовсе не выражает интересов *буржуазии*. И, кажется, мы правы. А если это так, то в чем же дело? По какому случаю шум? По тому случаю, что мы не выдумали особой *крестьянской социалистической* программы, которая указала бы нам путь к *«социализации» земли ранее революции пролетариата*, долженствующей обратить в общественную собственность *все* средства производства. А это равносильно требованию *осуществить «аграрный» социализм в буржуазном обществе*. Но кто же может выставить такое странное требование? Только тот, чей социализм сам исполнен буржуазного (т.-е., собственно, мелко-буржуазного) духа. Значит, упрекая нас в буржуазности, г.г. социалисты-реакционеры тем самым разоблачают свою собственную буржуазную сущность. *Сама себя раба бьет, что не чисто жнет*. Это ли не верх комизма?

[1]) «Восемнадцатое брюмера», стр. 44.

Г.г. социалисты-реакционеры и сами чувствуют, что с точки зрения современного социализма дело обстоит не особенно ладно с их аграрно-«социалистическими» требованиями. Это чувство заставляет их радостно приветствовать все те будто бы критические замечания, которые,—с голоса буржуазных и реакционных экономистов,—направляются «ревизионистами» против марксизма вообще и особенно против «Марксовой догмы» в области аграрного вопроса. Тут,—как и во многих других случаях,—они являются самыми естественными и самыми надежными союзниками «ревизионистов», их родными братьями, чем еще раз ясно показывают, насколько поверхностны и половинчаты их революционные стремления. Они надеются, что г.г. «ревизионисты» своей «критикой» расчистят почву для *утопии*, лежащей в основе их аграрного социализма. Эта утопия представляет собою наследство, завещанное нашему революционному движению народническим его периодом, и сводится к тому, что наша крестьянская община может сделаться исходной точкой для развития в сторону социализма производственных отношений, существующих в сельском хозяйстве. Так как эта ветхозаветная утопия, под влиянием марксистского анализа, давно уже утратила свою первобытную свежесть и разлетелась по всем швам, то г.г. социалисты-реакционеры, в целях ее обновления, судорожно цепляются за новую утопию, придуманную «ревизионистами» и сводящуюся к вере в чудодейственную силу различного рода товариществ, основываемых пролетариатом в недрах капиталистического общества. «Ревизионисты» считают эти товарищества одним из могущественных средств «опустошения» капиталистического порядка. Эти товарищества служат им одним из самых главных козырей в «критике Маркса». «Ревизионисты» твердят, что Маркс не сумел оценить миссию таких товариществ. Но замечательно, что на эту «*критику*» Маркс ответил *анти-критикой* еще в такое время, когда огромное большинство г.г. «ревизионистов» еще и на свет не родилось. Находясь под свежим впечатлением событий 1848 г., он указывал на *доктринерские эксперименты* вроде *меновых банков и рабочих ассоциаций*, вызванные тем, что, разбитый в июне 1848 г., пролетариат отказывался от «мысли революционизировать старый мир могучими средствами этого мира в их совокупности, а стремится к своему освобождению—за спиною общества, частным путем, в пределах ограниченных условий своего существования» [1]). Хотя самая идея рабочих ассоциаций изменилась с тех пор, но и до наших дней несомненно

[1]) «Восемнадцатое брюмера», стр. 16.

то, что практикуемое «ревизионизмом» *противопоставление* их революционному марксизму вызывается доктринерской узостью мысли и полным отсутствием революционной энергии. Но это, конечно, не мешает нашим социалистам-«революционерам» и в этом случае стоять на стороне «ревизионистов»: новый материал для оценки истинного характера их будто бы революционных стремлений.

Социально-«революционные» публицисты сами замечают неловкость своего единомыслия с «ревизионистами» и стараются доказать читающей публике, что вера в чудотворную силу товариществ, долженствующих привести к «социализации» крестьянского земледелия, после «социальной» революции,—которая совершится *при сохранении товарно-капиталистического хозяйства*,—не чужда и марксистам. Иногда мы наталкиваемся при этом на изумительные ссылки. Так, например, в № 14 «Революционной России» напечатано:

«Перемена тактики по отношению к деревне и крестьянству с его привязанностью к земле в известных пределах была узаконена даже одним из отцов научного социализма, Ф. Энгельсом. Вопреки догме, согласно которой только пролетаризация приведет к социализму,—догме, которая особенно распространена в России,—Энгельс признал в статье «Die Bauernkriege in Frankreich und Deutschland» возможность для крестьян врасти в государство будущего другим путем. «Мы можем,—говорит Энгельс,—предложить крестьянам *самим* вводить крупное производство, но не за счет капитала, а за их собственный общественный счет». Как на пример, он указывает на пример датских социалистов и т. д.» [1]). Публицист «Рев. России» ссылается как раз на ту работу Энгельса, которую мы издаем теперь в русском переводе. Читатель сам может судить поэтому, много ли *правды* в этой ссылке. О датских социалистах Энгельс говорит только то, что они уже двадцать лет тому назад стали разрабатывать план организации производственных сельско-хозяйственных товариществ между мелкими крестьянами. *Он не высказывает своего мнения о том, к чему привели усилия датских социалистов,* ограничиваясь беглым замечанием, что в Дании мелкое крестьянское землевладение играет второстепенную роль. Что же касается тех стран, где оно распространено очень сильно, то упрочение и развитие сельско-хозяйственных товариществ приурочивается им к одному непременному условию, о котором не счел нужным упомянуть публицист «Рев. России»: *к захвату власти рабочим классом, к диктатуре пролетариата.* У Энгельса прямо сказано,

[1]) «Рев. Россия» № 14, стр. 7—первый столбец.

что в каждом отдельном случае организация таких товариществ будет зависеть от обстоятельств, при которых общественная власть перейдет в наши руки. И вообще все это рассуждение является у него ответом на вопрос, *как* отнесемся «мы»—социал-демократы—к мелкому крестьянину *в тот день, когда власть достанется нам.* И, как бы опасаясь, что его мысль исказит какой-нибудь мелкий буржуа, стремящийся к упрочению мелкого землевладения, Энгельс спешит повторить основную мысль всей своей статьи, заключающуюся в том, что мы никоим образом не можем дать мелкому крестьянину обещание поддерживать его *собственность* и его *хозяйство* против превосходных *сил капитализма* [1]). Вот оно, правдолюбие «Рев. России»!

В «партии» социалистов-реакционеров есть два, очень не похожих один на другой, разряда лиц.

Один из них придерживается «древнего благочестия» без всяких фраз и откровенно не понимает научного социализма. Миросозерцание людей этого разряда чуждо всякого элемента строгого мышления, их взгляды очень ветхи, но сами они отличаются по большей части цельностью и искренностью. Это—почтенные тени прошлого, безвозвратно минувшего времени, по странному, но в то же время трогательному недоразумению вообразившие себя призванными к новой жизни и к торжеству над социал-демократической ересью. Это—недалекие, но честные фронтовики российского разночинского движения. Другой разряд состоит из лиц, вкусивших от древа новейшей социал-демократической литературы. Они читают Маркса и Энгельса (фронтовики только «не соглашались» с этими писателями), «критикуют» их с голоса буржуазной интеллигенции Запада и с точки зрения своих собственных, доморощенных предрассудков усердно распространяют аграрные идеи ревизионистов и не менее усердно приводят фальшивые цитаты в подтверждение и прославление своей эклектической идейной окрошки. Это—софисты социалистически-реакционной «партии». Об *их* искренности нельзя говорить иначе, как в насмешку.

Чтобы закончить, еще два слова. В приложении мы помещаем две страницы из книги Энгельса: «Der deutsche Bauernkrieg» (Немецкая крестьянская война), написанной им в самом начале пятидесятых годов [2]). Достаточно пробежать эти страницы, чтобы увидеть, что у *Энгельса и тогда был тот же самый взгляд на крестьянство, который высказан в*

[1]) См. стр. 14—15 предлагаемой брошюры.

[2]) Тов. В. Перова переводит эту книгу на русский язык.

предлагаемой брошюре. Это показывает, насколько основательно высказанное публицистом «Р. Р.» убеждение о том, что ко времени написания этой брошюры Марксова «догма» подверглась изменению в голове Энгельса, который будто бы решился переменить «тактику по отношению к деревне». Московские барышни времен Фамусова словечка в простоте не говорили: «все с ужимкой». Цитируемый публицист «Рев. России» тоже не говорит о марксизме ни одного словечка в простоте: *все с пере...иначением*.

Двадцатипятилетие смерти Маркса

Заметки публициста

Я пишу эти строки под непосредственным впечатлением международного чествования памяти Маркса по случаю 25-летия его смерти. Чествование это, несомненно, вышло грандиозным: в цивилизованных странах всего мира идеологи пролетариата выразили свое, конечно, вполне искреннее и, очевидно, очень большое уважение к памяти того великого человека, который не только кликнул,—вместе со своим неизменным другом Энгельсом,—знаменитый клич: «*пролетарии всех стран, соединяйтесь!*», но и выковал могучее духовное оружие для борьбы пролетариата с буржуазией. А когда исполнилось, в 1901 г., 25-летие со дня смерти М. А. Бакунина, то оно почти совсем не было отмечено в пролетарской печати. Это показывает, в чью пользу решила история «великий спор» между Марксом и Бакуниным, приведший к распадению старого Интернационала. В настоящее время программа Бакунина, — которую Маркс справедливо характеризовал, как «мешанину поверхностных идей, нахватанных справа и слева» [1]),—разделяется, в более или менее измененном виде, лишь немногочисленными кучками анархистов и, *отчасти*, так называющими себя революционными синдикалистами, между тем как программа Маркса об'единяет огромнейшее большинство сознательных пролетариев. И это понятно. Бакунин был последним крупным представителем *утопического социализма*, неизбежно вырождавшегося в *сектантство*, а,—как справедливо замечает тот же Маркс в только что цитированном письме,—«развитие социалистического сектантства и развитие действительного рабочего движения всегда находятся между собою в обратном отношении». Со времени распадения первого Интернационала, рабочее движение выросло в колоссаль-

[1]) См. его письмо к Ф. Больте от 29 ноября 1871 г. (*«Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге* и др.», перевод с немецкого под редакцией и с предисловием П. Аксельрода. С.-Петербург 19[illegible]8, стр. 46).

ной степени, и именно его рост и его всесторонние успехи и показали, что в «великом споре» между Бакуниным и Марксом истина была на стороне этого последнего. В письме к Зорге от 27 сентября 1873 года Маркс говорит: «Сами события, неизбежный ход развития позаботятся о возрождении Интернационала в лучшей форме». И события, действительно, позаботились об этом. Интернационал в самом деле возродился в новой форме, более соответствующей условиям нынешнего рабочего движения. По справедливому замечанию т. Э. Вандервельда, к нему примыкает теперь 25 национальностей и миллионы организованных рабочих. Во всем цивилизованном мире нет такой силы, которая могла бы остановить успехи нового Интернационала. Будущее принадлежит «пролетариям всех стран», об'единяющихся под красным знаменем международной социал-демократии!

В сотрудничестве с Энгельсом Маркс положил основу *научному социализму*. Главная отличительная черта научного социализма состоит в том, что он представляет собою не что иное, как теоретическое выражение об'ективного хода общественного развития. До какой степени программа Маркса соответствовала ходу этого развития, видно, между прочим, из того, что в ее пользу свидетельствуют даже те явления в жизни международного социалистического пролетариата, которые на первый взгляд кажутся противоречащими ей. Так, например, учение уже упомянутых мною «революционных» синдикалистов есть возврат к прудонизму и бакунизму, местами совершающийся, правда, под весьма сильным влиянием новейшего манчестерства (чистой экономии», «австрийской школы»). А так как «революционный» синдикализм все-таки должен быть признан заметным общественным явлением в некоторых странах Европы,—недаром же кокетничают с ним оппортюнисты французского социализма,—то на первый взгляд могло бы показаться, что современный ход рабочего движения не так уже сильно противоречит программе Бакунина, как это утверждаем мы, марксисты. Однако, это могло бы казаться именно только на первый и к тому же невнимательный взгляд.

Я не буду распространяться здесь о том чрезвычайно, однако, знаменательном факте, что, тяготея к Прудону и Бакунину, теоретики «революционного» синдикализма могут в то же самое время тяготеть к «чистым» идеологам современной буржуазии. Я ограничусь ссылкой на то, что попытки вернуть пролетарскую теорию и практику «назад к Бакунину» яснее и убедительнее всяких рассуждений обнаруживают противоречие между *программой Бакунина*, с одной стороны, и *требованиями современного пролетариата*—с другой.

Как известно, Бакунин решительно отрицает пользу *государственного вмешательства* во взаимные отношения капитала и наемного труда. Не менее отрицательно относится он и к таким требованиям, как сокращение рабочего дня и т. п. И в этом отношении анархисты в течение долгого времени были верными последователями Бакунина. Уже весною 1872 г. на конгрессе в Сарагоссе испанские анархисты отвергли всякие совещания по поводу восьмичасового рабочего дня на том основании, что «они ознаменовали бы собою ограничение великой цели—полного упразднения всякого наемного труда» [1]). В полном согласии с этим, очень авторитетный... в глазах анархистов Жан Грав пишет: «Требовать, чтобы государство вмешивалось в отношения между трудом и капиталом, значит—итти наперекор всякой логике: это вмешательство может оказаться выгодным только для тех, чьи интересы государство призвано защищать... Если рабочий день будет уменьшен до восьми часов, говорят нам защитники реформы, это уменьшит безработицу, происходящую от перепроизводства, и даст возможность рабочим подпокажется вполне правильным, но для всякого, кто попытается дать себе отчет в явлениях, связанных с современным строем нашего, так называемого, общества, скоро станет ясна ошибочность его». Далее Грав сам «пытается дать себе отчет» в этих явлениях и, сославшись, между прочим, на «*Капитал*» Маркса, приходит к тому выводу, что добиваться сокращения рабочего дня могут только люди, готовые «попусту терять время, гоняясь за преобразованиями, которые ровно ничего не преобразуют». По его словам, анархисты стремятся «внушить рабочим, что им нечего ждать от подобного рода детских забав и что единственный путь к преобразованию общества, это—разрушение управляющих им учреждений [2]). И это вполне верно,—точнее, это *было* вполне верно до тех пор, пока анархисты не увидели себя вынужденными считаться с требованиями рабочей массы. Анархисты в самом деле пытались убедить пролетариат в том, что добиваться восьмичасового рабочего дня значит увлекаться «детской забавой» [3]). Однако, доводы, представлявшиеся столь убедительными с их сектантской точки зрения,

---

[1]) *Иежк* (*Ежк*), Интернационал, С.-Петербург, 1906 г., стр. 39. Это отношение сарагосских бакунистов к восьмичасовому дню напоминает отношение наших «большевиков» к вопросу *об ответственном министерстве*.

[2]) ***Жан Грав***, Умирающее общество и анархия. Издание группы коммунистов-анархистов. Женева 1901, стр. 162 — 167.

[3]) Там же, стр. 167.

не убедили пролетариата, так что им самим пришлось принять участие в столь резко осужденной и осмеянной ими «детской забаве». Анархисты, утвердившиеся во французских синдикатах, поддерживают не только требование восьмичасового дня, но также и—horribile dictu!—целого ряда *законов,* защищающих интересы наемного труда. И когда, добившись того или другого из подобных *законов,* французские рабочие синдикаты хотят воспрепятствовать нарушению его капиталистами, они демонстративно выходят на улицу с криком: «да здравствует закон!» Этот, поистине возмутительный, с анархической точки зрения, крик раздавался в Париже не далее, как в ноябре 1906 г., во время демонстрации в защиту закона об еженедельном отдыхе. Я не знаю, в какой мере привыкло к нему теперь анархическое ухо, но я знаю, что анархисты *должны* мириться с ним, если не хотят утратить всякое влияние на французские профессиональные союзы. Анархисты должны были «поклониться» тому, что они «сжигали». А это значит, что жизнь и тут осудила Бакунина и оправдала Маркса, утверждавшего в памятной записке, представленной Генеральным советом Интернационала Женевскому конгрессу этой организации: «Проведением подобных законов (т.-е. законов, ограждающих интересы наемного труда.—*Г. П.)* рабочий класс не укрепляет правящей власти. Рабочий класс, наоборот, подчиняет себе эту власть, которою теперь пользуются против него. Общим законодательным актом рабочий класс достигает того, чего напрасно добивались бы бесчисленные изолированные индивидуальные попытки» [1]).

Стало быть, если учение современного «революционного» синдикализма и является в значительной степени возвратом к Бакунину, то следует помнить, что бакунизм, проповедуемый революционными синдикалистами, отрицает то, что составляло душу Бакунинской тактики. Само собою понятно, что учение «революционного» синдикализма ровно ничего не выигрывает от этого в смысле стройности и последовательности: наоборот, оно делается сбивчивым и противоречивым. Только итальянские синдикалисты имели мужество открыто высказаться, — в постановлении своего последнего, феррарского, с'езда,—*против* государственного вмешательства. Но итальянские синдикалисты тем отличаются от французских, что не имеют почти совсем никакого влияния на профессиональные союзы. Они пока остаются сектой, а секта может, ничего не теряя, последовательно итти... к абсурду.

[1]) *Ежк,* назв. соч., стр 39.

«Революционный» синдикализм воскрешает Бакунина главным образом для борьбы с социалистической *партией,* как *политической* организацией пролетариата. Но кто, хотя бы скрепя сердце, поддерживает требование государственного вмешательства, тому просто-напросто нельзя уйти от «политики».

Маркс справедливо говорит: «Всякое движение, в котором рабочий класс, как *класс,* выступает против господствующих классов и старается вынудить их к чему-либо внешним давлением, есть уже политическое движение. Напр., попытка добиться уменьшения рабочего дня на отдельной фабрике или в отдельной мастерской от отдельного капиталиста путем стачки и т. п.—чисто экономическое движение; напротив, движение в пользу *закона* о восьмичасовом рабочем дне и т. п. есть *политическое* движение. Таким-то образом из разбросанных повсюду экономических движений в среде рабочих вырастает ***политическое*** движение, т.-е. *классовое* движение для осуществления классовых интересов в общей форме, в форме, обладающей всеобщей общественно-принудительной силой» [1]).

Французские рабочие, организованные в профессиональные союзы, настойчиво добиваются осуществления своих классовых интересов в форме, обладающей общественно-принудительной силой. Их знаменитое action directe (непосредственное действие) ставит себе именно эту задачу. И в этом смысле можно сказать, что влияние на них «революционных» синдикалистов отнюдь не препятствует им заниматься *политикой,* т.-е. *на деле отрицать программу Бакунина и бакунистов.* Но это влияние мешает им *сознательно отнестись к своей собственной политической борьбе,* т.-е. понять ее *конечную цель.* И поскольку они *не понимают* этой конечной цели, постольку они еще *признают* Бакунинскую программу. Но это является простым следствием их политической отсталости, и всякий новый шаг в деле развития ими своего политического сознания будет вместе с тем и новым шагом к отрицанию бакунизма вообще и «революционного» синдикализма в частности.

В политической борьбе каждого данного класса есть своя логика. *Логики* политической борьбы пролетариата не одолеют *паралогизмы* синдикалистских теоретиков. «Политическое движение рабочего класса естественно имеет целью завоевание им политической власти» [2]). Этого не понимают рабочие, подпавшие под влияние синдикалистов. Стремление к завоеванию политической власти кажется им делом, достойным

[1]) Письмо к Больте от 23 ноября 1871 г. «Письма К. Маркса» и т. д. стр. 50.
[2]) Маркс в том же месте.

лишь своекорыстных политиканов. Но так как им все-таки приходится апеллировать к политической власти для защиты своих классовых интересов, то их отказ от ее завоевания на деле способствует лишь сохранению ее в руках политиканов и защитников существующего общественного порядка. Из этого нелепого противоречия нет другого выхода, кроме признания той конечной цели политической борьбы, которая отвергается теперь рабочими, проникнутыми предрассудками синдикализма. И нельзя сомневаться в том, что сама логика политической борьбы рано или поздно направит организованных рабочих к этому выходу даже там, где они,—как это мы видим в современной Франции,—пока еще поворачиваются к нему спиной. И тогда программа Бакунина уже окончательно потеряет даже то свое *отрицательное значение* в ходе развития пролетариата, которое она пока еще сохраняет во Франции, благодаря энергичным усилиям «революционных» синдикалистов и политической отсталости некоторой части пролетариата.

Замечательно, что когда идеологи буржуазии заговаривают об истории Интернационала, они всегда изображают Маркса, как представителя *умеренного* течения в нем, а Бакунина, как *самого крайнего революционера.* Но это свидетельствует лишь о том, что идеологи класса, совершившего на Западе несколько больших и малых революций, до сих пор не пришли к ясному представлению насчет того, что же собственно означают слова: революционер, революционный.

В одном из своих писем к Кугельману Маркс дает понять, что, по его мнению, *революционной* тактикой является та, которая вытекает из классовой борьбы, определяется ее ходом. И он совершенно прав, если только верно то, что в обществе, разделенном на классы, классовая борьба служит показателем его поступательного движения, его революционного развития. Исходя из этого правильного понятия о сущности революционной тактики, Маркс и старался поставить,—с помощью Интернационала,—действительную боевую организацию рабочего класса на место социалистических и полусоциалистических сект. Деятельность же Бакунина явилась препятствием на пути к этой единственной революционной цели того времени. Спрашивается, кто же был настоящим революционером, революционером не на словах, а на деле: Маркс или Бакунин? Ответить очень не трудно. Но беда в том, что это очень не трудно только для того, кто сумел разделаться с *идеалистическим* взглядом на историю. А так как с ним еще не разделались даже иные из тех, которые считают себя сторонниками исторического *материализма,* то неудивительно, что не только идеологи буржуазии, но и некоторые

социалисты и теперь пребывают в святом неведении относительно истинной сущности революционной тактики, вследствие чего поныне продолжают считать Бакунина более «крайним», нежели Маркс, революционером. Излишне распространяться о том, как много вреда приносит пролетариату подобная путаница тактических понятий: нам, русским, давно пора убедиться в этом. Скажу только, что подобной путаницей об'ясняется, между прочим, и то, что еще не все рабочие поняли, как мало действительно революционного содержания имеется в учении, именующем себя революционным синдикализмом. Если бы все рабочие понимали это, если бы все они обладали ясным сознанием революционной сущности своего собственного дела, то названное учение не вызывало бы в них ничего, кроме веселого смеха.

Впрочем, тут необходимо оговориться. Я не мечтаю о невозможном. Освободительное движение пролетариата далеко не везде совершается при одинаковых исторических условиях; поэтому в каждое данное время оно далеко не везде достигает одинаковой степени зрелости. Кроме того, даже в одной и той же стране различные слои рабочего класса проходят в каждый данный период времени различные ступени развития: в рабочем классе тоже существуют и не могут не существовать свои «отсталые», свой «центр», свои передовые. Современное рабочее движение, это — огромная армия, к рядам которой постоянно примыкают новые и все более и более многочисленные отряды новобранцев. Едва только пробудившееся классовое сознание молодых солдат не может отличаться такою же ясностью, какая свойственна сознанию ветеранов, испытанных трудами «жизни боевой». Вот почему никак нельзя удивляться, если менее сознательные слои рабочих увлекаются подчас более или менее новыми измышлениями путаных голов вроде нынешних синдикалистов, облыжно именующих себя революционерами. Так было, так есть, так и будет. И возможно, что со временем,—благодаря постоянному и ускоряющемуся росту числа новобранцев,—так будет чаще, чем было и есть. Огорчаться этим—значило бы скорбеть о том, что пролетарское движение не перестанет притягивать к себе новые силы, т.-е. о том, чему надо радоваться. Но можно и должно бороться как с теми предрассудками новобранцев, которые были унаследованы ими от своих отцов, живших еще совершенно бессознательной жизнью, так и с теми, которые они «благоприобретают» от разных фантастов, неспособных выяснить даже себе задачи современной пролетарской борьбы. Можно и должно принять меры к тому, *чтобы поскорее созревало классовое сознание новобранцев.* Это—прямая обязанность социалистических пар-

тий, т.-е. тех передовых отрядов великой армии наемного труда, которые,—по выражению «Манифеста Коммунистической Партии»,—на практике представляют собою самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть пролетариата всех стран, а в теоретическом отношении имеют перед остальной массой пролетариев то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения.

Написав эти строки, я спросил себя, нет ли в них преувеличения: вполне ли верно то, что социалистические партии всего мира всегда представляют собою самую решительную часть пролетариата, и что условия рабочего движения всегда понимаются ими с надлежащей ясностью? Например, хорошо ли понимают эти условия те социалисты Франции, — да и не одной Франции!—которые рукоплескали пресловутому «опыту» Мильерана? Вперед ли стремились они, братаясь с разными политическими мародерами и насмехаясь над испытанными борцами вроде Жюля Гэда?

Увы, нет и нет! Сторонники «новой методы» оказались не на высоте своего социалистического призвания. Их многочисленные,—все равно вольные или невольные,—промахи и ошибки задержали развитие политического сознания пролетариата во всех странах, а особенно во Франции, где они дали анархистам обильный материал для нападок на социалистическую политику вообще и тем способствовали упрочению синдикалистских предрассудков в головах весьма значительной части французского пролетариата. Но что же представляла собою эта злополучная «новая метода»? Не что иное, как практическое осуществление взглядов, распространением которых усердно занимались так называемые *критики Маркса*. И если в интересах всего международного движения необходима была энергичная борьба с «новой методой» *на практике*, то не менее необходима была в тех же интересах энергичная борьба с критиками Маркса *в теории*.

И не только *была* необходима. Жестоко ошибается тот, кто воображает, что «критика Маркса» теперь уже не опасна для пролетариата. Она до сих пор очень опасна и всегда будет очень опасна для него,—т.-е., говоря точнее, для вышеуказанных мною *менее сознательных* его слоев,—потому что она стремится вырвать из его рук ничем незаменимое для него теоретическое оружие и, под предлогом движения *вперед*, толкает его *назад*, выдавая ему за самоновейшую научную истину софизмы и пошлости нынешних апологетов капиталистического способа производства. И эта опасность тем более велика, чем более склонны пренебрегать «теорией» социалистические практики всего мира.

Социалистические «практики» во всем мире имеют дурную привычку быть беззаботными насчет теории. Но почти каждый из них беззаботен на ее счет по-своему. Один из них с видом презрительного равнодушия пожимает плечами по поводу *Марксова учения о стоимости;* другой твердо придерживается Марксова учения о стоимости, но с величайшей готовностью принимает всевозможные *идеалистические* «поправки» к историческому *материализму,* третий,—и таких, к сожалению, очень много даже между социалистическими *теоретиками,*—не прочь, пожалуй, постоять за экономическое учение Маркса и за его исторический материализм, но знать ничего не хочет о *философских вопросах* и потому считает возможным «родными счесться» и с кантианцем, и с последователем Маха, и т. д. и т. д. Что потеряет марксизм от того, что Марксово учение о стоимости уступит в нем место учению «австрийской школы»? Что потеряет он от некоторых идеалистических поправок к историческому материализму? Наконец, какой вред произойдет от прививки к нему «критической» или идеалистической теории познания?

Таких вопросов можно, — с солидным видом широкомыслящего человека,—поставить великое множество. И вся их совокупность сводится к одному коренному вопросу о том, что потеряет марксизм, принявши в головах некоторых из наших товарищей вид теории *эклектической* доктрины?

«Практики» думают, что от этого он ровно ничего не потеряет. И это, конечно, верно: *марксизм* не перестанет быть тем, чем он был. Но *наши товарищи* потеряют от этого очень много, так как утратят всякое живое понимание марксизма.

Марксизм не есть только известное *экономическое* учение (учение о характере и развитии производительных отношений, свойственных капиталистическому обществу); он не есть только известная *историческая* теория (исторический материализм); он не есть известное экономическое учение *плюс* известная историческая теория. У Маркса экономическое учение не поставлено *рядом* с исторической теорией: *оно насквозь пропитано ею.* То, что говорится у него о характере и развитии производительных отношений, свойственных капиталистическому обществу, является плодом изучения экономики данной эпохи с *точки зрения* исторического материализма. Вот почему безусловно правы те, которые говорят, что «Капитал» есть не только *экономическое,* но также *историческое* сочинение.

Однако, и это не все. Исторический материализм, с точки зрения которого Маркс изучал экономические отношения капиталистического

общества, еще не составляет *миросозерцания*. Он только *часть* материалистического понимания мира: материализм в его применении к области истории. Вот почему исторический материализм,—иначе: материалистическое об'яснение *истории*,—предполагает материалистическое об'яснение *природы*. И вот почему Энгельс, так хорошо понимавший смысл исторического материализма, мог сказать: «Я и Маркс были единственными лицами, заимствовавшими сознательную диалектику из немецкой философии и приложившими ее к материалистическому об'яснению природы и истории» [1]). Таким образом марксизм представляет собою цельное и стройное материалистическое мировоззрение, и кто упускает из виду эту цельность его, как учения, имеющего своим предметом не только историю, но также и природу, тот рискует очень плохо понять даже и те отдельные стороны этого учения, которые почему-либо привлекают к себе его внимание и пользуются его признанием. А что «критики Маркса» прежде всего грешили именно непониманием марксизма, как цельного миросозерцания, это доказывается теми невероятными и высоко-комичными возражениями, которые они выдвигали против материализма вообще и против диалектического материализма в частности. Еще очень недавно один почтенный итальянский «реформист» наговорил о диалектике самых беспомощных и безнадежных пустяков в своей книге, посвященной выяснению «новых путей социализма». Хорош «новатор»! Вообще можно без преувеличения сказать, что все сделанные до сих пор попытки «критики» Марксовой философии обнаружили полнейшее непонимание как ее самой, так и тех философских систем, которые подготовили ее появление. И если такое непонимание никого не скандализирует в настоящее время, то это об'ясняется столь характерным для нашего времени крайним упадком философского мышления.

Цельное миросозерцание тем и отличается от *эклектического*, что решительно *каждая* из его сторон самым тесным образом связана со *всеми остальными*, и что, поэтому, нельзя безнаказанно удалить из него одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, произвольно вырванных из *другого* миросозерцания. Ничего, кроме нелепой путаницы понятий, отсюда не выйдет. Чтобы *критиковать* Маркса, необходимо сначала *понять* его. А для его понимания необходимо помнить, что метод Маркса есть метод материалистический по своему существу. Кто отворачивается от материализма, тот сам создает себе огромное препятствие

[1]) См. предисловие ко второму изданию «Анти-Дюринга».

для понимания Марксова метода, а следовательно и для употребления его в дело. Неудивительно поэтому, что «критики Маркса», охотнее всего отвергающие его материалистическую философию, обыкновенно не умеют пользоваться его методом и в других областях знания, например, *в политической экономии*.

Только благодаря такому неумению они и могли приписать ему целый ряд таких утверждений, которые просто-напросто не могли притти ему в голову. Достаточно вспомнить, как понималось его учение о стоимости до выхода третьего тома «Капитала». Очень многие думали тогда, что, по мнению Маркса, в доход каждого отдельного предпринимателя поступает *только* та прибавочная стоимость, которая создается *в его собственном* предприятии [1]). Когда из третьего тома увидели, что мысль Маркса была совсем не такова, и что он находил совершенно неизбежными такие,—и к тому же вовсе не исключительные,—случаи, в которых капиталист присваивает себе часть прибавочной стоимости, производимой в предприятиях *других капиталистов*, тогда стали кричать, что Маркс изменил своему учению о стоимости, отрекся от него. На тему о таком отречении Бем-Баверк написал немало страниц, носящих на себе глубокую печать того мышления, которое Маркс, вслед за Гегелем, называл *метафизическим*. А что экономическая метафизика Бем-Баверка и комп. не осталась без влияния даже на *социалистическую* мысль, это доказывается усилиями некоторых социалистических «критиков» заменить Марксово учение о стоимости учением той «австрийской школы», к которой принадлежит Бем-Баверк. И такую же глубокую печать характерного для метафизиков непонимания материалистически-диалектического метода Маркса носят на себе те возражения, которые делались автору «Капитала» по поводу того, что было приписано ему под именем *теории обнищания* [2]). Во всех этих и многих других,—им совершенно подобных,—случаях недоразумения проникали даже в головы людей, считавших себя последователями Маркса, но не потрудившихся всесторонне продумать и усвоить себе его материалистическое миросозерцание.

«Критики» Маркса говорили и говорят, что ход экономического развития капиталистического общества в течение последнего двадцати-

[1]) Конечно, за вычетом поземельной ренты и налогов, но это ничего здесь не изменяет.

[2]) Ему приписывали теорию *абсолютного* ухудшения положения пролетариата, между тем как он уже в статьях «*Наемный труд и капитал*» высказывал теорию *относительного* ухудшения.

пятилетия опроверг ожидания и предвидения Маркса. А когда их спрашивают, какие же именно ожидания и предвидения Маркса были опровергнуты ходом новейшего экономического развития, то они приводят не то, что говорил Маркс, а то, что они сами ошибочно и произвольно приписали ему, вследствие своего непонимания его теории. Поэтому и выходит, что *«критика» обнаружила не те пробелы, которые свойственны миросозерцанию Маркса, и не те ошибки, которые Маркс сделал, а то неуменье понять Маркса, которое свойственно было людям, взявшимся за его критику.*

К этому надо прибавить, что непонимание Маркса сопровождалось у его «критиков» слишком поверхностным изучением новейшего хода общественно-экономического развития. Оттого и случалось так, что, когда наиболее серьезные из них углублялись в свой предмет, когда они лучше знакомились с нынешней экономической действительностью, они, к удивлению своему, видели себя вынужденными *критиковать* свою собственную *«критику»*. Вот яркий пример. В своей брошюре *«Золотая свадьба международного социализма»*, написанной по поводу пятидесятилетия *«Коммунистического манифеста»*, Э. Вандервельд сделал весьма существенную поправку к тому, что он представлял себе под именем Марксова *«закона концентрации капиталов»*. Сущность этой поправки состояла в том, что земледельческие кооперации, так успешно развивающиеся во всех капиталистических странах, должны явиться *«фактором экономического перерождения»* (курсив мой), т.-е. что некоторые отрасли сельско-хозяйственной промышленности,—Вандервельд больше всего уповал тогда на *молочную* промышленность, — *будут обобществлены, «не проходя через капиталистический фазис»* (курсив опять мой). Само собою понятно, что это его утверждение, как нельзя более, обрадовало эпигонов нашего народничества. Но прошло несколько лет; Вандервельд лучше ознакомился с положением дел в «обобществленной» сельско-хозяйственной промышленности и... пришел к тому выводу, что размножающиеся в бельгийской деревне сельско-хозяйственные товарищества «или будут прозябать в зачаточных формах, или, приобретая более важное значение, будут вместе с тем все более и более приобретать капиталистический характер» [1]). А это,—согласитесь,—совсем не противоречит «закону концентрации капитала» даже в том метафизическом его толковании, которое было придано ему Вандервельдом.

[1]) «Essais sur la question agraire en Belgique», Paris 1903, p. 194.

Внимательное изучение современной экономической действительности заставило также,—совсем недавно, можно сказать на-днях,—того же Вандервельда сделать значительные *поправки* к тем *поправкам*, которые он некогда делал к Марксовой,—тоже метафизически понимавшейся им,—*«теории обнищания»*. И эти самоновейшие поправки Вандервельда к его собственным прежним поправкам опять-таки сделаны им *в духе Маркса.*

Я пишу это не затем, чтобы упрекать Вандервельда. Совсем напротив! То, что он отказался от своих прежних мнений, делает величайшую честь его научной добросовестности. Я приветствую эту добросовестность, но вместе с тем я не могу отогнать от себя ту мысль, что если бы все другие социалистические «критики» Марксовой теории также *критически* отнеслись к своей *«критике»*, то они, пожалуй, скоро перестали бы быть «критиками» и сделались бы недурными *марксистами.*

И тогда началась бы *настоящая критика Маркса.* Это может показаться шуткой, но это в самом деле так. Ведь разве же беда в том, что Маркса *критиковали?* Беда в том, что люди, желавшие критиковать его, обнаружили самое грандиозное неуменье взяться за это дело, что они не поняли Марксова метода, что они исказили его взгляды, что они, в своем собственном изучении действительности, становились на устаревшую и потому совершенно неудовлетворительную точку зрения. Результаты, естественно, получились самые жалкие. Когда люди, искренно считавшие себя социалистами, «критиковали» Маркса с точки зрения Бем-Баверка, Шульце-Геверница или Парето, они этим показывали одно: *свою неспособность подвергнуть Парето, Шульце-Геверница или Бем-Баверка критике с точки зрения Маркса.* А эта жалкая неспособность была опять-таки вполне естественным плодом нежелания или неумения всесторонне понять и продумать миросозерцание основателей научного социализма.

The proof of the puding is in the eating,—как говорит Энгельс. Научитесь владеть *методом* Маркса, и вы получите возможность проверить те результаты, к которым он и Энгельс пришли в своих исследованиях. Приложите Марксов метод к изучению тех областей знания, которыми Маркс и Энгельс не имели времени заняться, — например, к изучению *истории идеологий:* искусства, религии, философии,—и вы обнаружите *слабые стороны* Марксова метода, буде таковые имеются. Всесторонне продумайте *миросозерцание* Маркса, и вы обнаружите его пробелы,—буде таковые существуют,—или, по крайней мере, выйдите на единственную дорогу, могущую привести к их обнаружению. Иначе ничего не выйдет.

The proof of the puding is in the eating. Уметь критиковать всякий данный метод исследования значит уметь владеть им. А чтобы научиться владеть методом всякого данного мыслителя, надо сначала дать себе полный отчет в том, что представляет собою его миросозерцание.

Будем надеяться, что со временем это поймут, если не все, то многие *социалистические* критики Маркса; о *буржуазных* я не говорю: их *классовые предрассудки* делают их неисправимыми. Но, пока что, надо сознаться, что дело обстоит весьма плохо даже и с социалистическими критиками. Передо мною лежит номер-unicum «Carlo Marx», изданный редакцией журнал «L'avanguardia»,—органа итальянской федерации социалистической молодежи. В нем помещены статьи и письма довольно многих,—преимущественно, впрочем,—«критиков». И если чем поражают эти статьи и письма, то именно—изумительно поверхностным, легковесным отношением их «критически мыслящих» авторов к теории Маркса. Ясно видно, что эти люди никогда ее не понимали, и очень трудно надеяться на то, что они поймут ее когда-нибудь.

«Критики Маркса», «реформизм», «ревизионизм», «новая метода»,— это большая отрицательная величина в алгебраической сумме явлений, составляющих современное освободительное движение всемирного пролетариата. О ней нужно было напомнить по случаю 25-й годовщины смерти Маркса.

Еще два слова. Энгельс тоже критиковал Маркса. Но тот в полной мере обладал предварительными данными, необходимыми для критики Маркса. И результаты его критики были серьезны и полезны для дела, несмотря на то, что «ревизионисты» и их пытались исказить по-своему. Эти результаты сводятся к тому, что в 1848 году Маркс,—с которым был вполне согласен и Энгельс,—ошибался в двух отношениях: во-первых, он *не дооценил* способность тогдашнего капитализма к развитию; во-вторых,—он *переоценивал* способность к революционному действию тогдашнего бессознательного большинства пролетариата. Хорошо было бы для России, если бы этих ошибок, сделанных Марксом и Энгельсом в Германии более полувека тому назад, сумели избежать русские марксисты в 1905—1906 годах!..

Международное Товарищество Рабочих

Двадцать восьмого сентября (нов. ст.) 1864 г., в Лондоне, на публичном собрании в зале св. Мартына, основано было, — при деятельнейшем участии отца научного социализма, Карла Маркса, — *Международное Товарищество Рабочих*. Оно просуществовало недолго, всего каких-нибудь десять лет; но его влияние на дальнейшее развитие рабочего движения во всех странах цивилизованного мира было так важно и так плодотворно, что со времени его основания началась новая эпоха в истории классовой борьбы пролетариата с буржуазией. И когда мы, по случаю сороковой годовщины его основания, подводим итог всему тому, что оно завещало нам, своим духовным детям, мы видим, что в числе вопросов, привлекающих к себе внимание социал-демократов наших дней, немного найдется таких, решение которых не было бы *дано* или, по крайней мере, *подготовлено* им. Трудно даже перечислить все духовные сокровища, унаследованные от него социалистическим пролетариатом. И странное впечатление должен испытывать всякий, кому хоть отчасти известны эти сокровища, когда, напр., в книге Сеньобоса «Histoire politique de l'Europe contemporaine» (переведенной и на русский язык), он читает, что—«Интернационал исчез без каких-либо положительных результатов: основанный для того, чтобы добиться социальных реформ посредством международного соглашения, он добился только того, что перепугал правительства и публику».

Г. Сеньобос, как кажется, твердо убежден в том, что огромный шаг вперед, сделанный *самосознанием пролетариата,* не может быть назван *положительным* результатом. Почтенный историк, бесспорно принадлежащий к числу передовых людей буржуазии и занимающий очень видное место в современной французской науке, может быть, даже вовсе не имеет сколько-нибудь ясного понятия о роли массового самосознания в истории внутреннего развития общества, разделенного на классы. Такими слишком мало «положительными» вещами интересуемся главным образом мы, *сторонники материалистического об'яснения исто-*

рии, которых тот же ученый историк, равно как и вся его «публика», наверно считает узкими, односторонними, неспособными оценить великое историческое значение «духовного фактора»...

Г. Сеньобос вводит своих читателей в заблуждение, сообщая им, что *целью* Международного Товарищества Рабочих служили «*социальные реформы*». Это не так, и это необходимо заметить.

Знаменитое Товарищество, конечно, не пренебрегало *реформами:* оно знало, как важны они для пролетариата. В «Наказах», написанных для делегатов «*Временного Общего Совета*», ехавших в сентябре 1866 г. в Женеву на первый с'езд «Интернационала», мы встречаем такие требования, как ограничение рабочего дня для подростков обоего пола. Согласно четвертой статье этих «Наказов», дети от 9 до 12 лет должны быть заняты в мастерских не более двух, дети от 13 до 15 не более четырех, и, наконец, подростки 16—17 лет не более 6 часов в сутки. «Сознательная часть рабочего класса, — говорится в статье, — очень хорошо понимает, что будущность этого класса, а следовательно и будущность всего человечества, вполне зависит от тех условий, при которых вырастет новое поколение трудящихся: она очень хорошо знает, что из когтей современной системы труда, прежде всего, должны быть вырваны дети и подростки. «В противоположность утопистам прудоновского толка, стоявшим на *буржуазной* точке зрения государственного невмешательства, «Наказы» требуют *законодательного* ограничения рабочего дня: «Если рабочий класс будет поддерживать правительство при исполнении таких законов, то он никоим образом не будет способствовать усилению его власти, напротив, он заставит служить ему ту власть, которая до сих пор направлялась против него». Что касается взрослых, то «Наказы» выставляют для них требование *восьмичасового дня,* которое теперь ежегодно, *первого мая*, приводит в движение пролетариев всего мира, но которое до сих пор остается неисполненным, очевидно, благодаря преувеличенной любви буржуазии к «социальным реформам». Восьмичасовой день назван в «Наказах» «предварительным условием, без которого останутся напрасными все дельнейшие стремления улучшить положение рабочих и освободить их от ига капитала». Он необходим, во-первых, для того, чтобы восстановить здоровье и естественную энергию рабочего класса, а во-вторых, для того, чтобы обеспечить рабочим возможность умственного развития и общественной деятельности.

Таким образом, добиваясь теперь осуществления этого требования, «Новый Интернационал», — международная социал-демократия нашего времени, — только следует завету «Старого Интернационала». Но «Старый Интернационал» не ограничивал своих реформаторских требований областью *экономии*. Уже в первом своем манифесте он,—опять-таки в противоположность утопистам прудоновского толка, — об'явил, что «первый долг рабочего класса заключается в завоевании себе политического могущества», и сообразно с этим он везде *энергично* поддерживал всякое движение, способное привести к расширению политических прав и политического влияния пролетариата. Так, его Общий Совет в Англии всеми силами помогал «Лиге», которая добивалась и добилась в *1867 г. парламентской реформы,* давшей избирательное право очень значительной части английских рабочих. При его участии, в пользу этой реформы происходили массовые собрания под открытым небом в Лондоне и в других больших городах Англии. Когда, в сентябре 1867 г., ирландские фении, освободившие в Манчестере двух своих арестованных товарищей смелым нападением на полицию, сделались предметом ожесточенных и отчасти даже противозаконных преследований со стороны английского правительства, Общий Совет Международного Товарищества немедленно ополчился на их защиту. По его почину в Лондоне созван был митинг протеста, на котором социалистические ораторы, — и в их числе Маркс, — энергично восставали против действий «либерального» министерства Гладстона и выражали сочувствие ирландскому народу [1]).

Повторяем, Международное Товарищество Рабочих отнюдь не пренебрегало *реформами*. И все-таки *не реформы были его целью.*

Его устав говорит, что экономическое подчинение рабочего обладателю средств производства является источником рабства во всех его видах: нищеты, умственного отупения и политической зависимости, и что всемирный пролетариат должен единодушно стремиться к тому, чтобы устранить это подчинение. Но устранить его невозможно посредством реформ, видоизменяющих и исправляющих существующие ныне экономические порядки; для его устранения надо покончить с капи-

[1]) Кстати, Международное Товарищество всегда сочувственно относилось к ирландским фениям с их более или менее террористическим способом борьбы. Но отсюда далеко еще не следует, что оно рекомендовало «террор» ирландским ра очим. Точно также «Новый Интернационал» высказывает свое сочувствие русским «террористам»; но это еще вовсе не доказывает, что террористическая борьба кажется ему *целесообразной.* Он сочувствует в этом случае *лишь энергии и самоотвержению* революционеров, предоставляя им самим решать, по указанию опыта, вопрос о том, полезен ли «терроризм» для их дела.

тализмом, т.-е. сделать *социальную революцию*. Социальная революция и была, поэтому, *великой целью* Международного Товарищества, как остается она и до сих пор великой целью революционной социал-демократии всех стран. И чем яснее сознает эту цель международный пролетариат, тем значительнее и благодетельнее становятся *положительные результаты* пропаганды социализма. Спора нет, такие результаты способны очень сильно перепугать «правительства и публику». Но... тем хуже для «публики» и для правительств.

Не подлежит никакому сомнению, что не все члены «Старого Интернационала» одинаково понимали его великую цель. Между ними было немало последователей *Прудона,* отстаивавших частную собственность на средства производства и воображавших, что рабочий класс может быть освобожден от ига капитала посредством организации *кредита и обмена*. Ученики Прудона представляли собою в нем *мирно*-утопический элемент, подобно тому, как ученики Бакунина явились впоследствии элементом *революционно*-утопическим. Идейная борьба между последователями научного социализма, с одной стороны, и разными представителями запоздалых утопий—с другой, наполняет собою *всю внутреннюю историю* Международного Товарищества Рабочих. Ее влияние отчетливо сказывается и в решениях его с'ездов. Но к чести прудонистов надо сказать, что как ни утопична была их программа и как ни анти-революционна была их утопия, социально-политическое миросозерцание их имело, по крайней мере, *одну* революционную сторону: сильное недовольство существующим порядком вещей и полное недоверие к учениям буржуазных идеологов. «Мы, рабочие,— говорил прудонист Толэн в марте 1868 г. перед судом исправительной полиции, — существенно заинтересованы в том, чтобы выяснить себе предстоящее нам будущее и для этого мы об'единились в Международное Товарищество. Рабочие должны смотреть своими собственными глазами, а не глазами официальных буржуазных экономистов». Логика освободительной борьбы рабочего класса такова, что на практике она увлекает даже тех, которые упорно противятся ей в теории. Энгельс справедливо заметил, что французские прудонисты, выбранные в Парижскую Коммуну, «делали по иронии истории как раз противное тому, что им предписывало учение их школы, и что лежало в истинных интересах пролетариата [1]). Вот почему даже присутствие прудонистов среди основателей «Старого Интернационала» не ослабило революционного значения той великой цели, которую он себе поставил. С точки зрения этой революционной цели реформы являлись *только необходимым средством* ее достижения.

[1]) Правда, не все: тот же Толэн изменил пролетариату и заседал с версальскими людоедами.

Маркс, бывший душою Международного Товарищества во все время его существования, очень ясно видел, что влияние прудоновских и всяких других утопий неизбежно должно будет разбиться о неумолимую логику пролетарского движения, и потому он, никогда не любивший поступаться своими принципами, обнаружил замечательную *мягкость* по отношению к прудонистам и вообще ко всем тем членам-основателям Интернационала, которые еще не стояли на точке зрения научных социалистических теорий. Он убеждал своих товарищей, спорил с ними, читал им политико-экономические лекции, стараясь рассеять их предрассудки [1]); но он не разрывал с ними, хорошо понимая, что первой, насущной задачей того времени было об'единение и сплочение Международной Партии Наемного Труда, а не удаление из нее людей, не доросших до научного социализма.

В сношениях с этими людьми Маркс, бывший руководителем Общего Совета Интернационала, проявил так много сдержанности и такта, что теперь иной советник Иванов, — из числа тех, которые думают, что ортодоксальный марксист должен, подобно Держиморде, всем фонари для порядка ставить, — мог бы заподозрить его в *непростительном «оппортюнизме»*, если бы... если бы советники Ивановы не были застрахованы своим круглым невежеством от каких бы то ни было исторических соображений. И тот же Маркс сумел быть строгим, когда понадобилось положить предел проискам анархистов бакунинского толка. Но происки бакунистов грозили превратить Международное Товарищество Рабочих в тайное общество утопистов, страшных на словах и совершенно бессильных на деле. В сношениях с этими дезорганизаторами Интернационала Маркс не имел права быть уступчивым, потому что *уступать* им можно было только *поступаясь* жизненными интересами пролетариата.

Буржуазные историки и публицисты до сих пор изображают борьбу Общего Совета Интернационала с бакунистами, как соперничество двух выдающихся личностей: Маркса и Бакунина. Самые глубо-

[1]) Его лекция о заработной плате, цене и прибыли, читанная 20 июня 1865 года перед членами Общего Совета, дает превосходную, незаменимую подготовку для понимания первого тома «Капитала». Нельзя не пожалеть, что до сих пор не издан ее русский перевод.

кие из этих мыслителей доходят до того, что об'ясняют происхождение этой борьбы и расовыми особенностями: за Бакуниным шла преимущественно *латинская*, за Марксом—*германская* раса. В действительности эта борьба была борьбой *утопического* социализма с *научным*. Так как эта борьба была перенесена теперь на широкую арену международного *пролетарского движения*, то она сразу получила характер *крупного мирового события*. Но именно потому, что она была перенесена на эту широкую арену, полная победа научного социализма, — представляющего собою лишь идеологическое выражение пролетарской борьбы в капиталистическом обществе, — была заранее обеспечена. От *бакунизма* осталось теперь одно только воспоминание [1]); под знаменем *марксизма* идут пролетарские партии всего цивилизованного мира.

Судьба Бакунина как нельзя более поучительна. Умный, даровитый, образованный, самоотверженный и смелый, этот замечательный человек мог бы играть в высшей степени плодотворную роль в международном рабочем движении, если бы он не был чужд ему по своим утопическим понятиям и по метафизическим приемам своей будто бы революционной мысли. В свои молодые годы он увлекался философией Гегеля и был одним из первых ее распространителей в России. Эта философия имела на него очень полезное влияние, расширив его умственный кругозор и сделав его одним из самых мыслящих людей того интересного времени. Но он не усвоил того, что составляло ее душу: *ее диалектики*. В своем мышлении он остался тем, чем до гробовой доски остается громадное большинство «интеллигентов», — *метафизиком*, рассуждающим по формуле: «*да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого*». Этот коренной недостаток его мышления и помешал ему усвоить взгляды Маркса и, — с их помощью, — выйти из-под власти худших преданий утопического социализма. Бакунин «знал» учение Маркса, но он «знал» его по-своему; в его метафизической голове даже это учение, насквозь пропитанное диалектикой, превратилось в нечто до крайности метафизическое. Так, он признавал вполне правильным материалистическое об'яснение истории и всегда отзывался о нем с восторгом. Но он делал из него тот неожиданный вывод, что пролетариату не следует заниматься *политикой*. Он думал, что если *экономическое развитие* составляет основу всего общественного развития человечества, то и освободительная борьба рабочего класса должна иметь исключительно *экономический характер*. Неисправимый метафизик, он делал здесь как раз ту ошибку, которую нынешние наши разноцветные и вовсе бесцветные «критики» стараются во что бы то ни стало навязать мастеру диалектического мышления, Марксу. Эти чудаки и не подозревают, что именно Марксу и марксистам приходилось решительнее чем кому бы то ни было бороться против этой громадной ошибки, *составлявшей теоретическую основу всех нападок Бакунина на политическую программу будто бы неверного самому себе основателя Международного Общества Рабочих*.

[1]) От учения Бакунина нынешний анархизм почти так же далек, как и от учения Прудона.

Ирония судьбы иногда бывает *поистине беспощадна*. Бакунин посвятил всю свою жизнь борьбе за свои идеи. Как бы ни были они ошибочны, мы обязаны уважать его самоотвержение. Но чем искреннее мы уважаем его, тем более мы сожалеем о том, что неспособность Бакунина усвоить себе точку зрения научного социализма сделала его самоотвержение в эпоху борьбы «с Марксом» не только бесполезным, а прямо *вредным* для международного пролетариата.

Несомненно, что в своем старом виде Интернационал тем скорее должен был пережить самого себя, чем быстрее росло его благотворное влияние на движение международного пролетариата. Общественно-политическая обстановка этого движения была слишком неодинакова в различных странах, чтобы можно было, — по миновании его детского периода, — продолжать руководить им из одного общего центра. Поэтому тот же духовный и политический рост пролетариата, которому в такой сильной степени способствовало Международное Товарищество, делал все более и более необходимым создание *национальных* центров международного движения. Старый Интернационал наверно распался бы даже в том случае, если бы его миновала чаша *междоусобий*, т.-е. если бы «борьба Бакунина с Марксом» вовсе не начиналась. Но его распадение совершилось бы при несравненно более благоприятных условиях и не повредило бы развитию классового сознания пролетариата. Утопическая точка зрения привела Бакунина к тому, что он *вредил* там, где он всеми силами души хотел принести *пользу*. Это очень печально. Но при современном развитии международного рабочего движения эта печальная судьба предстоит всем социалистам, не умеющим совлечь с себя ветхого Адама утопизма: *предостережение для г.г. «социалистов-революционеров»*.

«Борьба Бакунина с Марксом» в недрах Международного Товарищества Рабочих была последней крупной схваткой утопического

социализма с научным. Утопизм отжил свой век, и «новому Интернационалу» угрожает уже новый враг — *ревизионизм*, иначе — *оппортюнизм*, имеющий совсем другой характер и совершенно иное происхождение. Хотя оппортюнизм знаменует собою то же, что знаменовал собою в свое время бакунизм: влияние на пролетариат устарелых понятий, соответствующих уже пройденным ступеням развития капитализма, и хотя научный социализм может, поэтому, сказать и утопизму, и оппортюнизму, как говорит у Гауптмана Генриху старуха Виттихен: «*мертвецы твои чрезмерно сильны*»,—но утопизм есть *детская болезнь* рабочего движения, между тем как оппортюнизм является *недугом*, свойственным его *зрелости*. Когда капитализм был еще мало развит и когда еще недостаточно обнаружилось, что только пролетариату суждено стать его могильщиком, социализм «интеллигенции» естественно тяготел к воздушным замкам *утопий*. В настоящее время, когда капитализм уже клонится к упадку и когда всем, не пораженным слепотою, бросаются в глаза историческое призвание и политическая мощь пролетариата, утопизм «интеллигенции» лишается всякой почвы. Но зато теперь, — и именно потому, что теперь очевидна несравненная политическая мощь пролетариата, — под знамя пролетарского движения стекается много таких общественных деятелей, которые по своему образу мыслей гораздо ближе к буржуазной демократии, — когда-то привлекавшей к себе почти все живые силы из рабочей среды, — чем к демократии *социальной*. Раз попав в ряды рабочей партии и приобретя известное влияние на нее, такие деятели пытаются обыкновенно «пересмотреть» основные положения социализма, стараясь удалить из них все то, что противоречит их собственным *буржуазно-демократическим* воззрениям. Пока их немного, их попытки остаются безвредными и мало заметными; но когда число их значительно увеличивается, — а его увеличение прямо-пропорционально росту *притягательной силы пролетарского движения*,— тогда предпринимаемый ими «пересмотр» может вызвать так называемый *кризис в социализме*. Кризисы этого рода никогда не закончатся *прочным* торжеством оппортюнизма по той простой и вполне достаточной причине, что на свете нет такой волшебной силы, которая в состоянии была бы вернуть пролетариат в ту фазу его развития, когда он послушно и доверчиво шел в хвосте буржуазии. Но такие кризисы весьма вредно влияют на развитие самосознания рабочего класса, и потому все верные последователи научного социализма, все истинные защитники пролетарских интересов, обязаны теперь так же упорно противодействовать оппортюнистским «пересмотрам», как в свое время Маркс противодействовал «революционно»-дезорганизаторским опытам Бакунина и его товарищей.

«Международная контр-организация пролетариата против всемирного заговора капиталистов» нанесла тяжелый удар *буржуазному национализму*. Рост международного пролетариата делал, — как мы сказали, — необходимым создание *национальных центров* движения, деятельность которых не стеснялась бы организацией «Старого Интернационала». Эта организация во всяком случае должна была уступить свое место новым формам совместного действия международного пролетариата. Но необходимо помнить, что сознательный пролетариат национален совсем не в буржуазном смысле этого слова. Еще «*Манифест Коммунистической Партии*» поясняет нам, как должны мы понимать *пролетарский «национализм»:* он замечает, что пролетариат каждой страны естественно должен, прежде всего, справиться с своей собственной буржуазией. С этой точки зрения понятие *нация* определяется *географическими и политическими, а вовсе не племенными и не расовыми признаками*. Сообразно с этим, Коммунистический Манифест, — а по его примеру и знаменитый первый «Манифест Международного Товарищества Рабочих»,—призывают к об'единению *пролетариев всех стран, а не пролетариев всех племен и народностей*. Не трудно понять, что на практике об'единение рабочих *на основе этнографического принципа* часто являлось бы препятствием для его об'единения *на почве классовой борьбы*. Для примера укажем на Англию, где *англичанину* сплошь и рядом приходится работать бок-о-бок с *ирландцем*. Господствующие классы Англии издавна старались сеять и раздувать вражду между английскими и ирландскими рабочими, следуя хитрому правилу всех угнетателей: *разделяй и властвуй*. Международное Товарищество Рабочих всеми силами боролось с этой раз'единяющей и развращающей политикой английских тори и вигов. Маркс не раз указывал на то, как важно для дела всемирного пролетариата об'единение английских рабочих с ирландскими. И само собою разумеется, что это об'единение должно было, по его мысли, произойти *в пределах единой партии наемного труда*. Если бы какой-нибудь ирландский социалист, не сумевший покончить с буржуазным национализмом, вздумал организовать работающих в Англии *ирландских* пролетариев отдельно от *английских*, ему пришлось бы выслушать суровую отповедь от Общего Совета Международного Товарищества. Наш «Бунд» достойным образом почтит память «Старого Интернационала», хорошенько задумавшись над этим.

Международный пролетариат празднует сороковую годовщину этого Интернационала в то самое время, когда на Дальнем Востоке свирепствует война, вызванная хищнической политикой той кровожадной, бесстыдной, бездарной и беззаботной шайки, которая правит Россией во имя малоумного Николая II. И эта шайка делает все от нее зависящее, чтобы вызвать в русском народе «патриотическую» ненависть к желтой расе. Ввиду ее постыдных усилий полезно и приятно напомнить благородные слова первого Манифеста Международного Товарищества:

«Если успех дела освобождения рабочих зависит от их братского единения и взаимного содействия, то каким образом они могут выполнить свое великое назначение, когда международная политика, руководясь единственно преступными замыслами и пользуясь национальными предрассудками, расточает в своих разбойничьих войнах кровь и деньги народов?.. Пора рабочим вникнуть в таинства международной политики; пора им наблюдать за дипломатическими действиями своих правительств, сопротивляться им в случае нужды всеми средствами, имеющимися под рукою, и, наконец, в случае неудачи подобных отдельных усилий, соединиться в одном общем протесте против преступных замыслов правительств... Бороться во имя такого политического знамени значит принимать участие в общей борьбе за полное освобождение рабочего класса».

Мы ничего не прибавим к этим словам, не желая ослаблять производимое ими впечатление, и закончим свою статью тем же призывом, каким заканчивается цитируемый нами замечательный документ:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В Амстердаме

Мысли и заметки

I

Ежемесячный орган английской социал-демократической федерации, «The Social Democrat», говорит в своей сентябрьской книжке, что амстердамский социал-демократический с'езд является наилучшим изо всех международных конгрессов новой «серии», т.-е. серии, начинающейся с 1889 года, когда состоялся первый с'езд «Нового Интернационала». Не менее восторженно отозвался об амстердамском с'езде Каутский в «Neue Zeit». Признаюсь, я не вполне разделяю этот оптимистический взгляд. Конечно, мы, марксисты, представители революционного социализма, одержали в Амстердаме решительную победу над международными оппортюнистами и мы не можем не радоваться этой победе. Но о чем спорили мы там с нашими противниками? Не более и не менее, как о том, *быть или не быть революционному социализму*. Это именно так, потому что тактика, которую отстаивал и превозносил в своих длинных и напыщенных речах вождь оппортюнистов всех стран Жорес, на деле означает полный отказ от революционного социализма и переход на точку зрения буржуазной демократии. Как ни рад я нашей победе, но меня все-таки неприятно поражает воспоминание о том, что эта постыдная тактика могла быть защищаема на международном с'езде социалистов, не вызывая решительного и единодушного негодования. А кроме того, я не могу скрыть от себя и от своих читателей то неоспоримое обстоятельство, что Вандервельд и Адлер довольно-таки испортили,— своим «мягким» проектом решения по важнейшему вопросу с'езда,— ход вызванных этим вопросом прений и ослабили нравственное значение победы, одержанной марксизмом над международными оппортюнистами. Я назову великолепным (prächtiger — выражение Каутского) только тот с'езд, который будет свободен от таких больших недостатков. Когда и где состоится такой, действительно великолепный, между-

народный с'езд? Не знаю. Скажу больше: я не уверен даже и в том, что он состоится когда-нибудь. Очень возможно, даже—увы!—очень вероятно, что современный социализм вплоть до самой революции, т.-е. до завоевания власти пролетариатом, не излечится от оппортюнистической язвы. Но именно потому у нас и нет оснований для оптимизма. Наш неприятель потерпел поражение. Это очень хорошо. Но напрасно говорит «The Social Democrat», что теперь пришел конец международному оппортюнизму. К сожалению, это еще не так. Наш неприятель хотя и поражен, но еще не уничтожен. Его главные силы,—французская армия все того же Жореса,—«отступили в порядке» и, поддерживая против нас сильный огонь, очевидно перестраиваются для новой борьбы. Если это так,—а разве же это не так?—то марксисты должны, не теряя ни минуты, преследовать потерпевшего поражение неприятеля, а не льстить себя тою приятною, но пока еще неосновательною уверенностью, что он уже не существует.

«The Social Democrat» говорит далее, что, несмотря на жаркие споры по вопросу о тактике, на амстердамском с'езде господствовало стремление к единству. Это, пожалуй, и так, но я боюсь, что наш английский собрат очень преувеличил смысл этого явления. Где об'единенные между собою элементы имеют одни и те же общественные задачи, выражающие одни и те же классовые *интересы*, там единство не только хорошо, но прямо обязательно для торжества этих интересов. А где это необходимое условие отсутствует, там единство не может быть ни прочным, ни полезным. И вся «мораль» амстердамского конгресса сводится к вопросу о том, возможно ли прочное единство между оппортюнистами и марксистами. Я думаю, что нет, и в этом случае со мною согласны итальянские «реформисты», давно уже высказавшие твердую уверенность в том, что *реформизм* (наиболее употребительное в Италии название *оппортюнизма)* и революционный социализм составляют в сущности *две отдельных партии*. А что на амстердамском с'езде было, к сожалению, немало оппортюнистов, в этом вряд ли кто усомнится. Правда, не многие из них выступали открыто, но это не мешало им иметь значительное влияние на ход прений: их сравнительной многочисленностью на с'езде и об'ясняется тот, на первый взгляд странный и непонятный, факт, что социалистические представители *пролетариата* могли целых три дня и как нельзя более серьезно спорить о том, должен или не должен этот класс продавать *буржуазии* свое право первородства за чечевичную похлебку.

В предлагаемых очерках я хочу осмотреть вместе с читателем те позиции, которые были заняты на амстердамском с'езде марксистами,

с одной стороны, и оппортюнистами — с другой. Но прежде чем мы приступим к этому осмотру, мне необходимо сделать об'яснение по предметам, относящимся к тому, что делалось на с'езде российской социал-демократической делегацией вообще и мною в частности.

Здесь я, прежде всего, скажу два слова о том моем поступке, который «Московские Ведомости» обозвали позорным поступком русского социалиста. Читатель, вероятно, уже понял, о чем я говорю.

Выбранный вместе с Сен Катаямой в вице-президенты первого заседания с'езда, я обменялся с представителем японского социалистического пролетариата дружеским рукопожатием. Московский реакционный орган считает это *национальной изменой*. С своей точки зрения он прав, но в том-то и дело, что я не стою на его точке зрения. И,—пусть хорошенько заметят это «Московские Ведомости»,—далеко-далеко не один я. Сознательный пролетариат России целиком идет под знаменем международной социал-демократии, а международная социал-демократия *не может не восставать против международных войн;* ее горячим содействием и ее энергичной поддержкой пользуется один только род войны: *классовая война эксплоатируемых с эксплоататорами*. В *этой* войне я сам охотно и давно принимаю посильное участие. Но *эта* война кажется преступной не только реакционерам и охранителям, а даже многим «прогрессистам». Вот что значит различие точек зрения.

Мой «позорный поступок» сопровождался речью, в которой я сказал, между прочим, что войну с Японией ведет не русский народ, а царское правительство, злейший и опаснейший враг этого народа. Пусть попробуют «Московские Ведомости» доказать мне, что это не верно; мне будет очень интересно выслушать их доводы. Я сказал далее, что в случае победы царского правительства над Японией главным побежденным окажется не кто иной, как тот же русский народ. Московская газета, как и вся наша реакционная клика, прекрасно знает, что это правда: для нее прелесть победы над «япошками» особенно усиливалась бы тем обстоятельством, что победоносное царское правительство могло бы, пользуясь ее обаянием, еще сильнее затянуть те цепи, которыми оно сковывает русский народ. Я напомнил с'езду ту, к сожалению, неоспоримую историческую истину, что иностранная политика царского правительства издавна была политикой хищничества и захвата; что это правительство издавна стремилось подчинить себе все те из окружавших нас народов, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ему грозный отпор, и что оно окружило собственно-русскую землю целым ожерельем из побежденных народностей, возвращавших ему в виде

ненависти то, что они получали от него в виде *угнетения*. И я прибавил, что от такой политики само русское население страдало не меньше, если не больше всех, потому что ни один народ не может быть свободен, служа орудием угнетения своих соседей, и потому, что «порядок», который, благодаря нашему правительству, царствовал в Варшаве, в Гельсингфорсе и в Тифлисе с такой же силой, с какой «царствует» смерть на кладбище, «царствовал» также в Петербурге, в Москве, в Киеве, в Одессе, словом, во всей России. Может быть, в этих моих словах заключалось что-нибудь, похожее на неправду? Или, наконец, ложью было то место моей речи, где я сказал, что, преследуя в нашей несчастной стране все талантливое, все живое и независимое, царское правительство видит себя теперь изолированным, окруженным жалкими и жадными бездарностями, которые думают только о своей собственной карьере и не могут обеспечить ему ничего, кроме целого ряда постыднейших поражений? Все это самая чистая правда, и когда я говорил все это, я сознавал, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русских людей. Никогда еще прежде голос российской социал-демократии не был в такой сильной степени голосом русского народа.

С'езд отнесся чрезвычайно сочувственно к моему «позорному поступку». Он ответил на него целым взрывом долго несмолкавших криков и рукоплесканий. Вышла целая демонстрация, которая произвела сильное впечатление даже на людей, видавших на своем веку и не такие виды. Я упоминаю об этом, разумеется, не для того, чтобы похвастаться своим успехом перед читателями «Искры», а для того, чтобы обратить их внимание на интересную черту психологии с'езда. Один из австрийских делегатов удивлялся потом, в разговоре со мной, тому, что представители международной социал-демократии могли притти в такой восторг ввиду поступка, который подсказывался всем нашим миросозерцанием. «Кому же неизвестно, — воскликнул он, — что мы, социал-демократы, против войны?» Это в самом деле всем известно; и все делегаты, наверно, помнили как относящиеся к милитаризму решения предыдущих международных с'ездов, так и те дружеские адресы, которыми обменивались между собой сознательные рабочие Франции и Германии при начале франко-прусской войны. Почему же они пришли в такое возбуждение при виде «позорного поступка»? Да просто потому, что они вовсе не такие сухие и холодные люди, какими их считают многие сентиментальные старушки; просто потому, что торжественное открытие с'езда всколыхнуло в их душе свойственный им энтузиазм к своему делу, и этому энтузиазму нужен был только подходящий повод, чтобы шумно вырваться наружу. Вот и все. И это маленькое обстоятельство очень знаменательно. Пролетарии всех стран могут только радоваться тому, что у его представителей так много энтузиазма. Еще Гегель справедливо сказал, что без энтузиазма—«без страсти» — не делалось ничего великого в истории...

Заканчивая свою речь, я заметил, что социалистический пролетариат является единственным в настоящее время носителем прогресса и что, вследствие этого, все те, которые в той или другой стране защищают то или другое действительно прогрессивное дело, невольно обращают свои взоры в сторону социалистического пролетариата. Наиболее ярким доказательством справедливости этих моих слов служило присутствие на с'езде,—в английской делегации,—престарелого *индуса* Дадабгая Наороджи, который приехал для того, чтобы перед лицом международного пролетариата протестовать против долгого, беспощадного и систематического угнетения его родины Англией. Когда на одном из следующих заседаний он стал об'яснять цель своего приезда, ему устроили целую овацию. Решение, принятое с'ездом по этому вопросу, гласит так:

«Собрание представителей рабочих всего цивилизованного мира выслушало от представителей Англии и Индии, что в Индии, как и повсюду, Англия не перестает отнимать у народа все источники существования, что она эксплоатирует и обворовывает его, что она является источником величайших бедствий, лишений и голода для более чем 200 миллионов населения на английской почве. Международный с'езд обращается поэтому с призывом к рабочему классу Великобритании и приглашает его побудить свое правительство к уничтожению нынешней безрассудной и позорной колониальной системы и к замене ее легко осуществимым самоуправлением Индии под верховной властью Англии».

Угнетенное человечество, действительно, не имеет теперь другого защитника, кроме революционного пролетариата. И, разумеется, это делает пролетариату чрезвычайно большую честь. Но это имеет и свои неудобства. Недостаточно испытывать известное угнетение для того, чтобы ясно понять задачи социализма и усвоить себе социалистическое миросозерцание. Неудивительно поэтому, что на международные социалистические с'езды посылают подчас своих представителей такие общественные элементы, которые в сущности очень далеки от современного социалистического движения и имеют о нем лишь весьма смутное понятие. Как быть с их делегатами? Если их явится очень много, то их присутствие может поставить в затруднительное положение, хотя и

не весь с'езд, то, по крайней мере, делегации тех стран, из которых они приедут. Ввиду этого казалось бы, что международным с'ездам следует очень разборчиво относиться к социалистическому «credo» организаций, посылающих на них своих делегатов. Но, во-первых, делегаты более или менее неопределенного и сомнительного образа мыслей являются преимущественно из таких стран, общественная жизнь которых,—вследствие того, что в них нет политической свободы, которая позволяла бы всем их партиям делать свое дело у всех на виду,—крайне мало известна другим народам. Легко ли разобраться, скажем, бельгийцу Вандервельду или голландцу Трульстре в вопросе о том, что представляет собою на самом деле та или другая русская, польская, литовская, армянская или грузинская «социалистическая» организация? Не только не легко, но прямо невозможно за полнейшим отсутствием у него всяких сколько-нибудь убедительных данных.

Если же нельзя *разобраться,* то нельзя и *высказаться,* а еще менее можно принять *практическое решение,* да еще такое, которое, *наверно,* огорчит данную организацию и, *вероятно,* создаст для нее известные практические затруднения. Да если бы и были серьезные данные, если бы большинство членов с'езда твердо знало, что такая-то грузинская, армянская, литовская, польская или русская организация называет себя социалистической более для красоты слога, то и тогда оно вряд ли решилось бы удалить со с'езда ее делегатов. Noblesse oblige (звание дворянина налагает известные обязанности), говаривали в старину французы. Теперь можно сказать, что благородное звание представителя социалистических пролетариев обязывает быть снисходительным. Если угнетенное человечество имеет теперь в социалистическом пролетариате единственного надежного и бескорыстного защитника, если этому пролетариату принадлежит гегемония во всем прогрессивном движении современных цивилизованных народов, то как нельзя более естественно, что в такие решительные и торжественные моменты, какими являются его международные с'езды, к его представителям пожелают примкнуть также и представители других общественных слоев, разумеется, несравненно менее революционных и универсальных, но все же *до известной степени* служащих делу поступательного движения. И точно так же естественно, что представители пролетариата только в самых крайних случаях и только при обстоятельствах, не оставляющих у них ровно никаких сомнений, решатся оттолкнуть от себя, удалить из своей среды представителей таких общественных слоев. В огромном большинстве случаев они добродушно скажут им: «мы очень рады вам; посидите с

нами», совсем не отдавая себе отчета в том, что подобное гостеприимство может вредно отразиться на *пролетарском* движении тех стран, откуда являются эти «тоже социалистические» представители более или менее прогрессивных *не*пролетарских течений. Конечно, нет правила без исключений. Если бы подобные «*тоже-социалисты*» приехали из Германии и если бы германская *социал-демократическая* делегация потребовала бы от с'езда их удаления, то они, наверно, не получили бы делегатских карт. Но в том-то и дело, что германские «тоже-социалисты»,—Бернштейн и его почтенная компания,—пока еще стоят под знаменем социал-демократической партии и потому являются на с'езд вместе с настоящими представителями; за пределами же социал-демократии в Германии нет, по крайней мере, таких «тоже-социалистов», у которых могло бы возникнуть желание поехать на международный с'езд. Правда, местами там водятся, в очень небольшом количестве, анархисты; но анархисты,—как это всем известно,—на социалистические международные с'езды совсем не допускаются; стало быть, немецким социал-демократическим делегатам не приходится теперь и поднимать на с'езде подобные вопросы. Не то мы видим, например, в Англии. Английские социал-демократы имели бы довольно серьезное основание поднять такой вопрос. На международные с'езды с давних пор приезжают представители от так называющей себя «*Независимой Рабочей Партии*». Социалистические понятия членов этой партии до крайности смутны: ее вождь Кейр Гарди высказывается *даже против борьбы классов.* Так как,—по постановлению брюссельской международной конференции 1899 г.,—признание этой борьбы составляет одно из необходимых условий допущения на международные с'езды, то английская социал-демократическая федерация имела бы, собственно говоря, полное право требовать удаления с них делегатов «Независимой Рабочей Партии». Она не делает этого. Почему же? Вероятно, по той простой причине, что знает психологию международных с'ездов и понимает, что ее требование было бы отклонено. Ввиду этого читатель скажет, может быть, что международные с'езды простирают свою снисходительность дальше, чем это допускается требованиями логики. Я спорить не стану. Я только замечу, что эта чрезмерная,—и нелогичная,—снисходительность имеет свое достаточное основание. В самом деле, вообразите, что должно было бы произойти, если бы английские марксисты в самом деле начали добиваться удаления Кейр Гарди и его товарищей, а с'езд стал внимательно разбирать основательность их требований. Пришлось бы назначить комиссию для пересмотра всех изданий «Независимой Рабочей Партии»,

для изучения ее программы и для наведения точных справок о том, что говорили в тех или других спорных случаях ее агитаторы. Словом, началось бы целое следствие, и международный социалистический с'езд попал бы в положение верховного судилища, произносящего приговоры над еретиками. А он ни за что не захочет принять на себя такую роль [1]). Вот почему путаные головы, подобные Кейр Гарди, могут спокойно пропагандировать свой странный «социализм», нисколько не опасаясь того, что перед ними закроется дверь «международного парламента рабочих». «Независимая Рабочая Партия» не только допускается на с'езды, но пользуется даже правом представительства в Международном Социалистическом Бюро.

Такова психология международных с'ездов. Нам, российским социал-демократам, она давно известна, и мы, равно как и социал-демократы всех остальных стран, не могли не считаться с нею. Когда, на лондонском с'езде 1896 г., мы потребовали удаления представителя организации «социалистов-революционеров», то мы поддерживали свое требование не тем соображением, что социализм «социалистов-революционеров» очень сомнителен, а указанием на тот факт, что названная организация имела слишком ничтожные размеры: она состояла, если память не обманывает меня, из шести или семи заграничных студентов. И если с'езд удовлетворил наше желание, то единственно потому, что этот наш довод показался ему убедительным. А если бы мы начали критиковать перед с'ездом *взгляды* социалистов-революционеров, то он очень скоро положил бы конец нашим рассуждениям, об'явив *их неуместными, а себя некомпетентным*. Ко времени парижского с'езда 1900 г. социалисты-революционеры ни на вершок не подвинулись вперед в идейном отношении. Но их организация несколько выросла к этому времени, и вследствие этого никому из нас и в голову не пришло поднимать в Париже вопрос об их недопущении. Заметьте при этом, что, строго говоря, мы тогда уже имели право протествовать против присутствия делегатов от социалистов-революционеров. Брюссельская конференция 1899 г. решила, что на международном с'езде допускаются только такие общества, которые признают необходимость завоевания политической власти *пролетариатом*, *организованным в классовую партию*. Этим самым она поставила на вид всем и каждому, что точка зрения современного социализма есть *пролетарская точка зрения*, и что в среде представителей *этого* социализма нечего делать делегатам от тех организаций, которых эта точка зрения почему-либо не удовлетворяет. Но к числу этих последних несомненно и неоспоримо принадлежит организация социалистов-революционеров. Все знакомые с их учением знают, что они находят пролетарскую точку зрения слишком *узкой* и,—«широта ты, широта, окиян-море!»—дополняют ее точкой зрения *крестьянства* и точкой зрения *интеллигенции*. Эти широкие джентльмены хотят держаться сразу *трех* точек зрения. Но, к сожалению, это «широкое» желание неосуществимо. Стоять в одно и то же время на трех точках зрения так же невозможно, как невозможно одному купцу одновременно ехать в трех каретах. Поэтому «социалисты-революционеры» на самом деле довольствуются *весьма узкой точкой зрения мелкой буржуазии*. Ясно, стало быть, что присутствие их делегатов на международном с'езде 1900 г. *противоречило* постановлению, принятому год тому назад в Брюсселе. Но после всего вышесказанного читатель понимает, что ни у кого из нас не могло явиться охоты обнаруживать перед парижским с'ездом это противоречие: мы и не спорили против принятия в русскую секцию двух «социально-революционных» делегатов, которые,—замечу мимоходом,—оказались решительными и непреклонными сторонниками Жореса, как известно, бывшего ответственным издателем Мильерана, уже покрытого тогда кровью рабочих Шалона и Мартиники. Не собирались мы воевать с «с.-р-ми» и в Амстердаме. Мы сделали бы большую и непростительную ошибку, если бы сказали хоть одно слово против их присутствия на с'езде. С'езд, наверно, отклонил бы критическое рассмотрение их программы, а они стали бы на все голоса и на всех крышах, на всех перекрестках кричать, что доброкачественность их широкого социализма признана и засвидетельствована социалистами всех стран, что решение нашего второго с'езда, об'являющее их партией мелкой буржуазии, признано неосновательным и так далее, и так далее. А простяки, так охотно подставляющие свои широкие носы под цепкие пальцы этих мастеров рекламы, внимали бы их крикам и наивно радовались бы тому, что узкий порок потерпел, наконец, поражение, и что широкая добродетель была торжественно вознаграждена за все полученные ею от него оскорбления. Зачем же нам было вводить во искушение «малых сих»?

Орган «социалистов-революционеров» не верит тому, что у нас не было намерения атаковать их в Амстердаме. Это его дело. Но он плохо

[1]) Известно, что от такой роли отказывался и «Старый Интернационал», руководителем которого был Маркс. Когда Бакунин, основавший в Женеве свой «*Всесветный Союз Социальной Демократии*», пригласил Общий Совет Международного Товарищества Рабочих высказаться по поводу его программы, то Совет ответил, что в его функции не входит «суд над теоретическими принципами программ различных секций».

взвесил значение тех доводов, с помощью которых он хочет доказать, что мы совсем уже выступили в поход против них и пробили отбой только потому, что увидели, как нежно любят их, «социалистов-революционеров», социал-демократы других стран. «*Рев. Россия*» вспоминает о том, что после всем известного кенигсбергского процесса я напечатал в центральном органе германской социал-демократии *статью против терроризма*. Такая моя статья, действительно, появилась в указанном органе. Но я ее написал единственно потому, что в Кенигсберге много и неправильно говорилось об отношении нашей партии к террору. Предстоявший амстердамский с'езд тут был решительно ни при чем [1]) Кроме того, «*Революционная Россия*» приводит те строки из статьи «К амстердамскому с'езду»,—напечатанной в нашем 71 номере,—в которых сказано, что мы будем отстаивать для российской социал-демократии право на единственное представительство в международной организации пролетариата и выступим против безразличного отношения социалистов других стран к нашим отечественным «фракциям». Я согласен, что эти слова могли быть приняты г.г. «социалистами-революционерами» за некий неприятный намек на некую «нехватку» в их «социалистической» программе. Но где же в этих словах угроза добиваться удаления со с'езда «социально-революционных» делегатов? Такой угрозы в них нет и следа! В них прямо и недвусмысленно говорится только то, что мы считаем нашу партию единственной представительницей сознательного пролетариата России и готовы доказывать это, между прочим, и в Амстердаме. Но нам не пришлось доказывать это по той простой и *вполне достаточной* причине, что *там никто не выразил никакого сомнения на этот счет*. Правда, в докладе, представленном амстердамскому с'езду «социалистами-революционерами», встречаются очень «большие чудеса» насчет их собственного отношения к пролетариату. Но ни на заседаниях с'езда, ни в его комиссиях доклады никогда не подвергаются обсуждению, поэтому нам оставалось,—и остается,—характеризировать этот доклад в печати, и г.г. «соц.-рев. могут быть уверены, что мы не забудем исполнить эту свою обязанность.

К чести «партии соц.-рев.» надо сказать, что хотя своим появлением на международном *пролетарском с'езде* она стала в очевидное противоречие с коренной основой своей программы, но во время работ

[1]) Кстати: «Революционная Россия» ликует по поводу того, что «Vorwärts» обнаружил будто бы некоторое сочувствие к терроризму. Здесь не место говорить о том, как надо понимать его сочувствие. Я посвящу этому особую заметку.

с'езда она вела себя с этой стороны благоразумно и за пролетарскую партию себя не выдавала. Ее представитель, г. Рубанович, обнаружил, можно сказать, образцовую скромность в том единственном случае, когда мы могли серьезно поспорить с ним о том, кем представляется в Амстердаме сознательный российский пролетариат. Редакция «Революционной России» понимает, что, говоря это, я имею в виду прения, происходившие по вопросу о праве «социалистов-революционеров» быть представленными в Международном Социалистическом Бюро.

По поводу получения ими этого права, революционный орган российской мелкой буржуазии затянул громкую победную песню,—нечто вроде «тебе бога хвалим», — самой бравурностью своего напева обнаруживающую ту неуверенность, с которой делегаты этой партии ехали в Амстердам и которая не переставала мучить их в «северной Венеции» вплоть до той счастливой минуты, когда им было, наконец, об'явлено благоприятное для них решение. Однако, беспристрастный историк отметит, что в данном случае успех социалистов-революционеров был не так велик и, — главное, — не имел такого лестного для них характера, как воображает российский орган мелко-буржуазного социализма.

Дело было так. В промежуток времени, отделявший парижский с'езд от амстердамского, некоторые организации, действующие в России, но не входящие в состав российской социал-демократической партии,— напр., «партия» социалистов-революционеров, литовских социалистов, Бунд и т. д.,—обратились в Международное Социалистическое Бюро с просьбой дать им право самостоятельного представительства в этом Бюро. Просьба эта обосновывалась различными организациями различно: одни из них ссылались на свои национальные особенности; другие на свои программно-тактические или организационные разногласия с нашей партией, но и те и другие ставили Бюро в одинаковое затруднительное положение. Так как один из двух голосов, приходящихся на долю России, во всяком случае принадлежит российской социал-демократии, то в распоряжении Бюро находился только *один* голос, на который явилось, по крайней мере, *три* претендента. Кому он должен был достаться? На этот вопрос можно было ответить знаменитым словом: «*достойнейшему*». Но, чтобы найти достойнейшего, нужно было бы войти в рассмотрение программы и взаимных отношений действующих в России организаций, а именно этого-то и хотело избегнуть Бюро, следуя указанному мною выше обыкновению международных с'ездов. Что же ему оставалось делать? В заседании Бюро, состоявшемся накануне открытия амстер-

дамского с'езда, В. Адлер предложил дать России,—*вместо* обычных *двух* голосов,—*три или четыре*. Но такое решение создало бы новые и притом еще большие трудности. В России много действительных и немало мнимых национальностей, и есть основания думать, что в ее революционной среде долго еще будут возникать независимые организации. Неужели каждая из них получит особый голос в Международном Бюро? Но, по справедливому замечанию Р. Люксембург, Бюро — не этнографический музей. И где же мы остановимся? Сколько голосов получится в распоряжении России? Проект Адлера был отклонен, при чем я, с своей стороны, голосовал против него, и на вопрос того же Адлера, какой из российских организаций должны мы, в таком случае, дать второй голос, я отвечал: «*наиболее сильной*». Затем прения по этому вопросу прекратились, и Бюро в одном из последующих своих заседаний вынуждено было взяться за решение трудной и щекотливой для него задачи: *найти «достойнейшего»*.

Когда оно принялось, наконец, решать ее, представитель Бунда и представитель «социалистов-революционеров» были приглашены на его заседание для об'яснений. В своей краткой и крайне неловкой речи представитель Бунда,—неужели эта организация не могла выставить более искусного оратора?—имел бестактность сказать, что его организация *потому* должна иметь особый голос в Бюро, что она не может быть удовлетворительно представлена уполномоченным Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии, из которой она выступила и с которой она теперь «на ножах». Я *должен* был вступить в спор с неумелым адвокатом Бунда и я сказал, что так как его организация выступила из нашей партии, то благодаря этому в наших взаимных отношениях, несомненно, возникло некоторое неприятное трение (froissement), но что, к счастью, мы все-таки еще не «на ножах». А что касается разногласий, существующих между нашей партией и Бундом, то я заметил, что этот последний выступил из нашей организации не потому, что он не согласился с нами в каких-нибудь вопросах *программы* или *тактики*, а потому, что устав нашей партии не оставлял, по его мнению, достаточно места для его более или менее националистических стремлений (que le statut de notre parti ne laissait pas assez de place à ses tendances plus ou moins nationalistes). Наконец, я счел себя обязанным по совести прибавить, что, как организация рабочих, Бунд несравненно сильнее и влиятельнее, чем партия социалистов-революционеров. На мою речь не возражал ни г. Рубанович,—упустивший таким образом прекрасный случай показать нам,

что его «партия» также является представительницей пролетариата [1]),—ни делегат от Бунда. Я не знаю, почему промолчал этот последний; недавно мне на одном публичном собрании пришлось услышать, что он не отвечал мне единственно потому, что председатель Бюро не дал ему слова. Но этот довод не выдерживает критики. Во-первых, *после моей речи* представитель Бунда,—сколько я помню,—брал слово *еще два раза*. Но если бы это было и не так, то странно, что он хранил такое глубокое молчание во время моей речи, между тем, как он чуть не на каждом слове прерывал представителя «социалистов-революционеров», г. Рубановича, и не постеснялся прервать Р. Люксембург, когда она не совсем точно перевела на немецкий язык как раз то место моей речи, где я говорил о причинах, побудивших Бунд разорвать с нашей партией: тут-то можно и должно было, мне кажется, кстати уже крикнуть, что хотя ошиблась переводившая меня Р. Люксембург, но что я тоже изложил дело неправильно. Как бы там ни было, представителей обеих добивавшихся голоса организаций, после данных ими подробных об'яснений, попросили выйти, и Бюро стало подводить итог их доводам. Впечатление большинства было, сколько я мог судить, *в пользу Бунда:* некоторые члены Бюро, высказывавшиеся прежде *против* него, прямо говорили мне теперь, что они будут отстаивать *его* право на представительство. Но вот встал вожак английской социал-демократии Гайндмэн и в чрезвычайно энергичной речи опроверг претензии Бунда. Смысл его слов сводился к тому, что как бы ни была сильна эта организация по своему влиянию на рабочих, она выступила из российской социал-демократической рабочей партии вследствие своих националистических стремлений и что, поэтому, дав ей право представительства в Бюро, мы оказались бы виновными в поощрении национализма. «Le Bund n'a qu'à rentrer dans la social-démocratie russe» (Бунду остается только войти в российскую социал-демократию)—заключил Гайндмэн. Его аргументация сильно подействовала на Бюро: некоторые члены этого последнего, собиравшиеся голосовать за Бунд, шепнули мне: «Гайндмэн прав, мы должны голосовать против Бунда». Да и сам я не знал, что именно можно было бы возразить Гайндмэну.

---

[1]) Он, очевидно, понял, что малейшее возражение с его стороны дало бы мне повод обратить внимание Бюро на отрицание «соц.-революционерами» *пролетарской* точки зрения и что тогда, пожалуй, трудно было бы отклонить рассмотрение этого вопроса. Г. Рубанович любит поговорить кстати и даже некстати о широких стремлениях своей «партии». Но он знает, что есть обстоятельства, при которых *молчание — золото.*

В конце концов за «социалистов-революционеров» было подано 16 голосов, а за Бунд семь. Значит не всех-таки убедила речь Гайндмэна [1]).

Смысл всего этого эпизода тот, что хотя большинство членов Бюро и признало Бунд, как рабочую организацию, более сильной и влиятельной, чем «партия социалистов-революционеров», но спорное право представительства все-таки досталось этой последней, так как представители международного пролетариата не сочли возможным поощрять националистические тенденции Бунда.

Бунд был побежден. Но он может утешить себя тем соображением, что победа «партии социалистов-революционеров» очень напоминает знаменитую *победу Пирра*.

II

Самый главный и самый насущный из всех вопросов, обсуждавшихся в Амстердаме представителями международного социализма, был формулирован так:

«Международные правила социалистической политики».

Это был тот самый вопрос, который, в несколько иной формулировке, рассматривался еще 4 года тому назад на международном с'езде в Париже. Тогда спорили, главным образом, о том, может или не может социалист, не изменяя себе, участвовать в буржуазном министерстве. Решение, принятое парижским с'ездом по этому вопросу, известно под именем *резолюции Каутского*. Не мешает привести ее здесь для справки. Вот она:

«В современном демократическом государстве завоевание политической власти пролетариатом не может быть достигнуто просто путем какого-нибудь насильственного действия, но может явиться лишь результатом длинной и трудной работы в области политической и экономической организации пролетариата, а также результатом его физического и нравственного возрождения и постепенного проникновения избранных им представителей в муниципальные советы и законодательные собрания.

[1]) Прошу читателя заметить, что я не помню в точности, сколько именно голосов подано за каждую из этих организаций: возможно, что за «соц.-революционеров» было подано одним голосом больше, а за Бунд меньше, — или наоборот. Точные цифры записаны, вероятно, секретарем Бюро.

«Но где правительственная власть централизована, там ее завоевание не может совершиться по частям. Вступление отдельного социалиста в буржуазное министерство не может считаться нормальным началом завоевания политической власти и должно быть рассматриваемо, как временный и исключительный прием в борьбе с трудными обстоятельствами.

«Находятся ли налицо в отдельном случае эти трудные обстоятельства — это вопрос тактики, а не принципа. Он не подлежит рассмотрению конгресса. Однако, во всяком случае этот опасный опыт может быть полезен лишь тогда, когда его одобряет значительное большинство организованной социалистической партии, и когда социалистический министр является и остается уполномоченным этой партии.

«Где социалистический министр действует независимо от своей партии; где он перестает быть ее уполномоченным, там его вступление в министерство превращается из средства, способствующего усилению пролетариата, в средство, содействующее его ослаблению, и из средства, способствующего завоеванию политической власти, в средство, препятствующее этому завоеванию».

Комиссия, обсуждавшая эту резолюцию, прибавила к ней, согласно моему предложению, значительно, впрочем, измененному, благодаря ловкому ходу Жореса, следующие строки: «Конгресс полагает, однако, что даже в крайних случаях социалист должен покинуть министерство, если организованная партия найдет, что это последнее дало очевидные доказательства своей пристрастности в борьбе труда с капиталом».

Если рассматривать эту резолюцию с чисто теоретической точки зрения, то ее с некоторыми оговорками можно, пожалуй, признать правильной. Подобно тому, как в литературе все роды хороши, кроме *скучного*, так и в политике все тактические приемы позволительны, кроме *нецелесообразных*. А участие социалиста в буржуазном министерстве не может быть раз навсегда об'явлено не сообразным с нашей целью. Цель эта, как известно, заключается в замене *капиталистических* отношений производства *социалистическими*. Этот переворот может быть совершен только социалистическим, то-есть,—иначе сказать,— только сознательным пролетариатом. Поэтому *все, что развивает классовое сознание пролетариата, сообразно с нашей целью, а все, что затемняет его, противоречит ей*. С этой точки зрения необходимо рассматривать и вопрос о вступлении социалиста в буржуазное министерство. Можно ли утверждать, что такое вступление везде, всегда, при всяких обстоятельствах поведет к затемнению классового

самосознания пролетариата? Нет, безусловно утверждать это нельзя. Можно представить себе такое положение дел, такую степень политического развития рабочего класса и такое поведение его представителя-министра, при наличности которых участие социалиста в министерстве не затемнит самосознания пролетариата, а, напротив, подвинет его вперед. Поэтому с теоретической точки зрения Каутский был прав, когда не хотел безусловно высказаться в своей резолюции против такого участия. Но задача, которую предстояло решить парижскому с'езду, имела, главным образом, практический характер. В своей резолюции он должен был считаться с данным положением дел и с данным поведением социалистического министра Мильерана. А поведение Мильерана не могло не иметь очень вредного влияния на самосознание рабочих. С этим соглашались все, кроме *сознательных оппортюнистов* Жореса, Фольмара, Бернштейна, Анзееле и им подобных [1]). Поэтому парижский с'езд не должен был довольствоваться отвлеченным ответом на вопрос, поставленный перед ним самой жизнью; он обязан был найти такую формулу, которая ясно выражала бы свое отрицательное отношение к тактике Мильерана [2]). Он не исполнил этой своей обязанности. Он поступил в этом отношении очень уклончиво и непоследовательно. В своем решении он, перечислив целый ряд обстоятельств, сопровождавших вступление Мильерана в министерство Вальдека-Руссо, как будто не оправдывал этого вступления. Но в то же время делал вид, что совсем не касается «случая Мильерана», уважая автономию французской партии. Что вышло из этой совсем ненужной уклончивости и совершенно

[1]) Напомню, что всем участникам парижского с'езда известен был ordre du jour, принятый французской палатой 15 июня 1900 г. По поводу запроса Симияна о кровавом способе поддержания «порядка» в среде шалонских стачечников,— палата большинством голосов решила перейти к очередному порядку, выразив доверие министерству (Вальдека-Руссо-Мильерана) и осудив «учение коллективизма», с помощью которого обманывают рабочих. Мильеран ни одним словом не высказался против этого, а его товарищи,—социалистические депутаты «нового метода»,— даже голосовали за это решение. Читатель понимает, что такое поведение должно было сильно компрометировать социалистов в глазах рабочих. И именно им об'ясняется распространение в среде французского пролетариата отрицательного отношения к *политике*.

[2]) См. в первой книжке «Зари» мою статью о парижском съезде. [Сочинения, т. XII]. Я рассказываю там, как я пытался в политической комиссии пополнить этот важный пробел в резолюции Каутского, и почему не удалась моя попытка. Кстати, на русском собрании в Женеве по поводу амстердамского с'езда некто г. Владимиров утверждал, что в Париже я голосовал за резолюцию Каутского. Это неправда. Я голосовал *против* нее вместе со всей группой «Освобождение Труда».

очевидной непоследовательности? Вышло то, чего и надо было ожидать. Французские оппортюнисты, Жорес, Мильеран и tutti quanti, истолковали отвлеченную, непоследовательную и уклончивую парижскую резолюцию в свою пользу и продолжали с новым усердием практиковать свой «новый метод»... затемнения классового самосознания пролетариата. До чего дошли они в практическом отрицании всех принципов и всех революционных преданий социализма, видно из той роли, которую играл «спаситель республики» Мильеран во время приезда *царя* во Францию. Он, принимавший участие в международном социалистическом с'езде 1896 г., почтительнейше лебезил перед палачом «всея России» и злейшим врагом освободительных стремлений российского рабочего класса. Это было бы позорно и непростительно даже для самого вульгарного радикала, и одно это могло бы обнаружить перед глазами многих заблуждавшихся, но искренних социалистов значение международного парижского промаха. А к этому присоединилось то, — если можно, — еще более важное обстоятельство, что резолюция, принятая на парижском с'езде, не оправдала и тех надежд, которые возлагались на нее людьми, старавшимися *примирить* сторонников «*нового* метода» с защитниками старой революционной тактики, т.-е. с марксистами и бланкистами. Она не только не упрочила единства французской социалистической партии, но несомненно послужила одной из сильнейших причин раскола в ней. Вот почему ее стали находить неудовлетворительной даже многие из тех, которые голосовали за нее в Париже. И чем более приближалось время нового международного с'езда, тем ниже падал французский оппортюнизм во мнении социалистов всех стран. Вышедший в отставку со своим буржуазным патроном,—Вальдеком,—«социалист» Мильеран оказался до такой степени скомпрометированным, что его партия, — партия «нового метода», «Французская Социалистическая Партия», — нашла выгодным для себя исключить его из своих рядов. Но это «Spaccio della bestia trionfante» ничего не изменило в образе действий этой партии. Вдохновляемая и руководимая главным и наиболее влиятельным во Франции представителем «нового метода» Жоресом, она оставалась непременным членом архибуржуазного союза республиканских партий (bloc républicain) и сделалась чем-то вроде «*социалистической*» лейб-гвардии главы буржуазного министерства Комба. И все те, которые осуждали тактику Мильерана, видели, что этот постоянный союз с буржуазными партиями, эта неизменная верность буржуазному правительству еще опаснее для дела пролетариата, чем прямое участие социалиста в буржуазном министерстве. Общественное мнение социалистиче-

ского мира до такой степени повернулось теперь против французского оппортюнизма, что его очень редко решались защищать даже те оппортюнистические элементы в партиях других стран, которые в глубине души питали к нему полное сочувствие.

Ввиду этого сторонники революционной тактики во Франции сделали бы непростительную ошибку, если бы не воспользовались таким настроением для пересмотра в Амстердаме неудовлетворительной парижской резолюции. Так как Франция применяла к жизни идеи, вырабатываемые и распространяемые международным социалистическим оппортюнизмом, то Франции же и должен был принадлежать почин нового обсуждения и, — если возможно, — осуждения оппортюнистической практики. Французская партия революционной социал-демократии, — «*Социалистическая Партия Франции*», — взяла на себя такой почин, и по ее предложению в число очередных вопросов амстердамского с'езда был занесен вопрос о «международных правилах социалистической политики». В качестве проекта решения по этому вопросу она предложила обобщенное и потому несколько видоизмененное ею решение прошлогоднего дрезденского с'езда германской социал-демократии по вопросу о немецком «ревизионизме». В своем новом виде этот проект решения был таков:

«Конгресс осуждает самым решительным образом ревизионистские стремления изменить нашу испытанную и увенчанную успехом тактику в таком направлении, чтобы на место завоевания политической власти путем победы над нашими противниками поставить политику уступок существующему порядку.

«Последствием такой ревизионистской тактики было бы превращение партии, ставящей себе целью возможно быстрое преобразование существующего буржуазного общества в общество социалистическое,— а потому революционной в лучшем смысле этого слова, — в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества.

«Поэтому, конгресс, в противоположность существующим ревизионистским течениям, убежденный, что классовые противоречия не ослабляются, а постоянно возрастают, заявляет:

«1. Что партия отклоняет от себя ответственность за основанные на капиталистическом способе производства политические и экономические порядки и потому отказывается ассигновывать какие бы то ни было денежные средства, нужные для поддержания правящих классов у власти.

«2. Что социал-демократия, согласно резолюции Каутского на международном социалистическом конгрессе 1900 года в Париже, не может

стремиться к участию в правительственной власти в рамках буржуазного общества.

«Далее, конгресс осуждает всякое стремление затушевывать существующие классовые противоречия, чтобы облегчить сотрудничество с буржуазными партиями.

«Конгресс ожидает, что социал-демократические парламентские фракции будут продолжать пользоваться той возрастающею силою, которая создается увеличением числа их членов и огромным приростом стоящей за ними массы избирателей, для выяснения целей социал-демократии и для того, чтобы, соответственно принципам нашей программы, со всею энергиею и настойчивостью охранять интересы рабочего класса, добиваться расширения и упрочения политической свободы и равноправия, вести еще более энергичную, чем до сих пор, борьбу против милитаризма и маринизма, против колониальной и империалистической политики, против произвола, угнетения и эксплоатации во всех видах, энергично содействовать развитию социального законодательства и выполнению исторических и культурных задач рабочего класса».

Не трудно заметить, чем этот проект отличается от парижского решения 1900 г. Между тем как это последнее оставалось в области теории, осторожно обходя «проклятый вопрос» практики, новый проект смело подходит к нему, без колебаний давая на него тот ответ, который один только и мог быть признан достойным социалистического пролетариата наших дней: ответ в духе непримиримой оппозиции и непрерывной революционной агитации. Новый проект прямо требовал *осуждения* ревизионизма международным с'ездом.

Всякому было ясно, что вопрос, выдвинутый Социалистической Партией Франции, будет самым жгучим из всех вопросов, подлежавших рассмотрению в Амстердаме. И как та, так и другая сторона, как «новый метод», так и революционная социал-демократия готовилась, каждая сообразно своему духу и своему характеру, к решительному бою.

Сущность оппортюнизма заключается, как известно, в преувеличенном стремлении приспособляться к обстоятельствам, забывая о конечной цели социалистического движения или пренебрегая этой целью. Вообще говоря, такое стремление чрезвычайно вредно для социализма, потому что люди, им одержимые, делаются органически неспособными видеть то, что лежит дальше их собственного носа. Но в Амстердаме этот первородный грех оппортюнистов принес некоторую пользу революционной социал-демократии. Так как в настоящее время социал-демократический мир находился под очень неприятным впечатлением под-

виков французских социалистов «нового метода», то они и не решились открыто выступить на его защиту, а сделали вид, что сами очень не одобряют его. Только бельгийцы—Фюрнэмон и Анзеель,—первый в политической комиссии, второй в предпоследнем заседании с'езда,—прямо и откровенно, без обиняков и оговорок, высказались за «новый метод», а все остальные оппортюнисты, которых-таки немало приехало в Амстердам, отнеслись к нему совсем так, как относились к Иисусу его «тайные ученики», т.-е. они усердно скрывали свое сочувствие к нему страха ради революционна. Вследствие этого, во время прений, вызванных вопросом о международных правилах социалистической политики, партия французского оппортюнизма оказалась совсем одинокой, и ее вождь Жорес,—после трехдневных споров в комиссии, рассматривавшей этот вопрос, — имел полное основание сказать о себе: «в течение целых трех дней я слышал лишь горькие слова критики, недоверия, нерасположения». И неизвестно, что было бы, если бы Вандервельд и Адлер не оказали оппортюнизму поддержки, предложив комиссии сделать «поправку» в том проекте, который был предложен Социалистической Партией Франции и который кратко назывался на с'езде *дрезденской резолюцией.*

Вот эта поправка. «*Первый* абзац дрезденской резолюции должен быть формулирован так: «С'езд с величайшей решительностью об'являет, что необходимо безо всяких колебаний держаться испытанной, увенчанной успехом социалистической тактики, основанной на классовой борьбе, и что политика приспособления к существующему порядку ни в каком случае не должна заменять собою борьбы за приобретение политической власти посредством победы над нашими противниками».

«*Второй* абзац должен начинаться словами: «Следствием такой тактики уступок было бы». В *третьем* абзаце вычеркнуть слова: «в противоположность существующим ревизионистским течениям». То место резолюции, где речь идет о парижском решении, должно быть изменено так:

«2. Что касается опасности и неудобств участия в правительственной власти при существующем порядке вещей, конгресс подтверждает резолюцию Каутского, принятую конгрессом 1901 г.».

Сделайте мысленно эти изменения в дрезденской резолюции, и вы тотчас заметите, что страшное слово: «*осуждение*» попрежнему красовалось бы в ней; только здесь оно встречалось бы один раз. («Далее, конгресс *осуждает*» и т. д.), а не два, как в «дрезденской резолюции». Что же это за странность: хотели устранить «осуждение», а сами оставили его в своем проекте? Видно, уж так много хороших дел натворил

оппортюнизм, что даже те, которые гнали его осуждение в дверь, незаметно для самих себя оказались вынужденными впустить то же самое осуждение в окно. Но как же могло остаться *незаметным* для них самих такое *замечательное* обстоятельство? Я могу об'яснить себе это только тем, что для них «суть вопроса» заключалась именно не в *словах,* а в самом *содержании* «дрезденской резолюции». И в этом легко убедиться при некотором внимании к делу. Если бы с'езд принял их «поправку», то вышло бы, что он в своем отношении к спорному вопросу социалистической политики *не пошел дальше парижского с'езда;* но после всего того, что произошло за четыре года, отделявшие амстердамский с'езд от парижского, и ввиду огромного вреда, который причинен был французскому социализму неопределенностью принятого в Париже решения, *отказываться итти дальше значило отступать назад* и прямо *поощрять* Жореса и комп. к новым преступным злоупотреблениям именем пролетариата. Это было бы страшной, непоправимой ошибкой.

Представители революционной социал-демократии хорошо поняли это, и, благодаря их единодушным и энергичным усилиям, неуместная «поправка» была отклонена в комиссии 24 голосами против 16. После этого голосовали «дрезденскую резолюцию». *За* нее было подано 29 голосов, *против* — 3, 10 воздержалось. Таким образом, в комиссии спор был разрешен в пользу марксизма; но пока еще только в комиссии: окончательное решение должен был вынести с'езд. Что, если бы он разошелся с комиссией и одобрил «поправку» Адлера-Вандервельда? Тайные ученики Жореса всеми силами старались перевести на свою сторону товарищей, воздержавшихся в комиссии от подачи голоса. Они надеялись, что с их помощью им удастся отклонить «дрезденскую резолюцию».

Прежде, чем говорить о том, к чему привели эти отчаянные усилия, и описывать то «обходное движение», которое сделал Анзеель против некоторых национальных делегаций, ясно обнаруживших свои революционные сочувствия, мне необходимо сказать несколько слов pro domo sua.

«Поправка» Адлера-Вандервельда была немалой услугой международному оппортюнизму. Я прямо говорю это теперь, как говорил и в комиссии. Но напрасно Адлер понял мои слова в том смысле, будто я обвинял его самого в оппортюнизме. *Я упрекал его только в непоследовательности.* Решительно высказавшись в комиссии против тактики покойника Мильерана, Адлер не менее решительно прибавил, что *нынешняя тактика Жореса еще хуже, еще опаснее для пролетариата,* а заключил свою речь неожиданным заявлением, что не хочет никого осуждать,

так как никто из нас не может претендовать на непогрешимость. Я тогда не понял и до сей поры искренно недоумеваю, каким образом преданный своему делу социалист,—а я никогда и ни на одну минуту не сомневался в том, что Адлер глубоко предан своему делу, — может отказаться *осудить* ту тактику, которую он сам же находит вредной для пролетариата. Если он не считает себя в праве осуждать даже и в этом случае, то он, очевидно, держится евангельского правила: «не судите, да не судимы будете». Но это правило, — проповедуемое нашими толстовцами,—хорошо разве только в монастыре, а уж никак не в среде людей, стоящих на точке зрения классовой *борьбы*. В своей речи в комиссии, — речи, которая, кстати сказать, была безбожно скомкана и исковеркана в органе «лойяльного» Жореса, «Humanité», — я выразил именно это свое недоумение. Адлер, возражая мне, не нашел нужным раз'яснить его, а предпочел оправдываться от упрека в оппортюнизме. Когда я крикнул ему, что я не делал такого упрека, он ответил, что я высказал его печатно. Но это не верно. Ни я и ни один из сотрудников «Искры» никогда не писал ничего подобного. Осенью прошлого года в статье, посвященной общему с'езду австрийской социал-демократии, я высказал сожаление о том, что Адлер занимает слишком неопределенное положение в споре между ревизионистами и марксистами. Я и теперь столь же глубоко сожалею об этом. Но, во-первых, *такое сожаление было бы невозможно, если бы я думал, что Адлер уже сделался ревизионистом*. А во-вторых, уместно ли было поднимать в комиссии вопрос о том, что писал и как именно писал я об Адлере чуть не за год до амстердамского с'езда? Нет, Адлер просто был раздражен, — может быть, вследствие смутного недовольства своей «поправкой», — и это его раздражение обнаружилось как в излишней мнительности, так и в тех его неосторожных словах, которые дали мне повод думать, что он, — *не желающий никого осуждать*, — выдвигает против российской социал-демократии бездоказательное обвинение. Именно он удивился, что энергичнее всего отстаивают дрезденскую резолюцию представители России и Франции, т.-е. именно тех двух стран, где социалисты наиболее расходятся между собой по вопросам тактики. Тогда я крикнул ему: «между нашими марксистами *тактических* разногласий не существует». На это он возразил: «Вам было очень легко достигнуть этого, выталкивая из партии всех тех, которые не согласны с вами». Этот ответ вызвал громкий и радостный смех присутствовавших в комиссии оппортюнистов всех стран; но так как из нашей партии никто не был «вытолкнут» за свои мнения, то я, встретившись с Адлером на другой день в заседании Международного Бюро, предложил ему назвать мне жертвы нашей нетерпимости. Он сказал, *что ему совсем неизвестны такие жертвы и что его слова относились не к нам*. Тогда я попросил его повторить это перед комиссией, на что он охотно согласился и что он исполнил в тот же день. Я был удовлетворен и я не стал бы возвращаться здесь к этому неприятному эпизоду, если бы центральный орган австрийской партии, — занесший в свой отчет о заседаниях политической комиссии те слова Адлера, которые были поняты мною в вышеуказанном смысле обвинения, — не умолчал о том, как об'яснил их Адлер в той же комиссии. Это умолчание вводит в заблуждение читателей венской «Arbeiter Zeitung», и я обращаю на него внимание Адлера, которому легко будет поправить дело какими-нибудь пятью строками.

Теперь вернемся в заседание с'езда. Усилия оппортюнистов, пытавшихся отразить нашу атаку посредством проведения «поправки» Вандервельда-Адлера не остались бесплодными. Уже утром решительного, исторического дня,— 19 августа,— можно было заметить, что оппозиция против «дрезденской резолюции» возрастает. Весь вопрос был в том, до чего она может дорасти. Оппортюнисты очень рассчитывали на ораторский талант Жореса. Они много и горячо рукоплескали ему во время его речи, а когда он кончил, сделали ему настоящую овацию, при чем очень горячий восторг обнаружил восстающий против борьбы классов Кейр-Гарди, который, кстати сказать, ни слова не понимает по-французски. Рыбак рыбака видит издалека...[1]).

Жорес во всем мире известен, как замечательный оратор. Своей «формой» речи, произнесенные им в Амстердаме, очень понравились даже многим марксистам. Я не был в их числе. Мне нравится лишь то красноречие, которое афиняне называли «*тощим*», противопоставляя его «*жирному*» красноречию восточных народов. А у Жореса именно чрезвычайно «*жирный*» ораторский талант. В его речах, украшенных риторическими цветами, незаметно крепкой мускулатуры *логики*. И этим недостатком особенно сильно страдали речи, произнесенные им в Амстердаме. Длинные и широковещательные, ноздреватые и громкие, они производили на меня почти комическое впечатление полным несоответствием очень бедного содержания с крайне пышной формой. После второй его речи в комиссии кто-то, — кажется, Жэро-Ришар, — спро-

[1]) Из лагеря наших «социалистов-революционеров» тоже было послано по адресу Жореса несколько очень сердечных рукоплесканий. В моей записной книжке отмечено, какие именно места его речи вызгали эти рукоплескания. Я готов поделиться этими отметками с «*Революционной Россией*».

сил меня, как я нахожу ее. Я ответил, что я в восторге. — В самом деле? — «Честное слово! Да и нельзя мне, марксисту, не восторгаться ею: ведь это самая лучшая изо всех речей, произнесенных здесь *против* жоресизма». Как же это так? — «Да очень просто. Во всей речи нет ни одного слова о социализме. Это — речь радикального буржуа, горячо защищавшего свою антиклерикальную программу и старающегося подкупить своих слушателей обещанием микроскопических социальных реформ. Откровенно буржуазный Клемансо, наверно, говорил бы так же, как Жорес»... — «Клемансо показал бы себя более передовым человеком»,—заметил стоявший около нас французский товарищ, должно быть, из марксистов. И он не ошибся: Клемансо говорил бы, в самом деле, радикальнее.

Этого недостатка своих амстердамских речей Жорес не мог бы устранить, не перестав быть Жоресом. Но был в них и другой недостаток, обусловленный той взволнованностью, почти растерянностью, которую обнаружил «великий трибун». «Это самая несчастная из всех речей, когда-либо им произнесенных!» — воскликнул один из его «тайных учеников» после его речи в заседании с'езда. С своей точки зрения он был прав: эта речь отличалась поразительной бестактностью, чтобы не сказать больше. Жорес вздумал обвинять германскую социал-демократию... в чем бы вы думали? В недостатке *революционной энергии!* Этот упрек сделан был первосвященником французского оппортюнизма, человеком, который вдохновлял Мильерана, дружит с Бернштейном, поддерживает Турати и всегда готов протянуть братскую руку помощи всем *анти-революционным* элементам всех социалистических партий всего цивилизованного мира! Это было и неумно, и бесполезно, потому что только сердило немцев и, — чего доброго! — могло сбить с толку делегации, поддерживавшие Жореса именно за *анти-революционный* характер его политической программы. C'était une grande gaffe! как говорят французы.

Несколько более ловким, хотя столь же не «лойяльным» маневром «лойяльного» Жореса был его упрек Бебелю и Гэду в том, что они равнодушны к республике. Излишне пояснять читателю, имеющему понятие об отношении марксистов к политике и знакомому с деятельностью Гэда и Бебеля, что ни тот, ни другой вовсе не обнаруживали такого равнодушия. Бебель прямо сказал, что он завидует французам, имеющим республиканские учреждения. Но он напомнил Жоресу, что республика, существующая во Франции, есть буржуазная республика, относящаяся к требованиям рабочих иногда более отрицательно, чем

даже полуфеодальная германская империя. Подобное напоминание могло быть неприятно для человека, который, подобно Жоресу, не перестает славословить буржуазную республику и изображать, как великие и богатые милости, те жалкие проекты жалких социальных реформ, с помощью которых французские буржуазные республиканцы убаюкивают французский пролетариат; но это напоминание вполне соответствует истине, и тут приходится сказать, как Крылов: «нечна зеркало пенять, коль рожа крива». Что сделала до сих пор для рабочего класса та республика, которая, в лице наиболее видных и влиятельных правителей своих, уверяла, что вступление социалиста в буржуазное министерство *необходимо для ее спасения!* Если не считать ничтожных частностей, — бесконечно малых заплат на жалком рубище буржуазной «социальной политики», — то реформы, придуманные правительством «республиканской самообороны», до сих пор не вышли из области проектов и обещаний. И каких проектов, каких обещаний! Самым серьезным из них является обещание крохотных, — поистине нищенских, — пенсий рабочим, достигшим 65-летнего возраста. Но современное положение пролетариата таково, что лишь самое незначительное число пролетариев достигает этого возраста; поэтому сознательные французские рабочие чрезвычайно метко прозвали сей изумительно великодушный проект *проектом пенсий мертвецам.* Такова была главная «реформа», которую *обещала посулить* рабочему классу французская буржуазная республика и на которую чувствительно намекал красноречивый Жорес, защищая свою тактику. Презрительно пожимая плечами по поводу такой щедрости, — поистине достойной Плюшкина,— революционные социал-демократы отнюдь не защищают монархии: они только обнаруживают нелепость той идеализации буржуазной республики, которой предаются Жорес и другие сторонники «нового метода» [1]).

Маркс давно и вполне правильно сказал, что республика есть наиболее благоприятная для пролетариата форма правления, потому

---

[1]) Страстная любовь к *республике* не мешает Жоресу оставаться единомышленником Бернштейна, — республиканизм которого показал себя с *весьма сомнительной стороны* в известной полемике прошлого года,—и Турати, который, в свою очередь, так близок с *королевским* министром Джиолитти. Она не мешает ему также быть в наилучших отношениях с бельгийскими оппортюнистами, взывавшими к *беспристрастию короля* во время своей недавней борьбы за равное избирательное право. В этой кажущейся непоследовательности есть своя железная логика, которая состоит в том, чтобы всегда и везде *подлаживаться* к существующему порядку!

что в ней достигает наибольшего развития борьба этого класса с буржуазией. И этого, конечно, не позабыли ни Гэд, ни Бебель. Но если, при наличности капиталистических производственных отношений, республика является одним из самых важных политических условий освобождения рабочего класса, то ясно, что буржуазная республика не может быть в глазах социалиста *целью:* она — только *средство* для достижения цели: *социальной революции.* И именно потому, что буржуазная республика есть *средство,* а не *цель,* социалисты *обязаны критиковать* ее для того, чтобы развивать *революционное* самосознание рабочих. А Жорес поступает как раз наоборот: он превращает буржуазную республику из *средства* в *цель* и приходит в забавное негодование, когда сторонники революционного социализма восстают против такого превращения.

Правда, Жорес также имеет революционные симпатии, но революция, пользующаяся *его* симпатиями, есть *буржуазная* французская *революция* конца восемнадцатого века. Этой революцией были исчерпаны *революционные* задачи цивилизованного человечества: рабочему классу остается добиваться только *реформ, развивая дальше основные принципы великой буржуазной революции.* Этот до-нельзя ошибочный взгляд был положен Французской Социалистической Партией в основу своей программы, написанной Жоресом и изображающей социализм простым придатком к либерализму; и тем же взглядом подсказывались все амстердамские рассуждения Жореса. Но само собою понятно, что революционная социал-демократия не может помириться с этим взглядом, не подписав себе смертного приговора. В этом смысле я и сказал в первом очерке, что в Амстердаме спор шел о том, быть или не быть революционному социализму.

Много трубил и отчасти еще трубит «лойяльный» Жорес на ту тему, будто Гэд об'явил невозможным умственное освобождение пролетариата в современном обществе. Но это опять не «лойяльный» прием спора. В только что названном грехе Гэд так же мало виновен, как и в равнодушии к республике[1]). Он только сказал, что отделение церкви от государства *еще не избавит человечества от религиозных предрассудков;* в доказательство он сослался на Америку, а потом прибавил, что *полное освобождение человечества от этих предрассудков совершится только после социалистической революции, когда рай будет устроен на земле, и когда людям не будет надобности мечтать о рае небесном.* Эта последняя мысль также давно уже была высказана Марксом, а теперь, — почти совсем на этих днях, — была повторена в резолюции римского *международного с'езда свободных мыслителей.* Орган Жореса «L'Humanité» крайне сочувственно встретил римскую резолюцию; но он до сих пор не может примириться с «сектантским» взглядом Гэда. Чем об'ясняется эта разница? Только тем, что римский с'езд делал шумные комплименты главе нынешнего французского министерства Комбу, а Гэд не обнаруживает ни малейшей склонности к этому занятию. О, «лойяльность»!!

[1]) В газете Клемансо «L'Aurore» Гэд пояснил, что, говоря в Амстердаме о республике, он лишь повторил (приведенный мною выше) взгляд Маркса, но «лойяльный» Жорес твердит свое: это ему *выгодно.*

Почти перед самым голосованием немецкая делегация предложила, с согласия Социалистической Партии Франции, заменить в «дрезденской резолюции» слово: «осуждает» словом: «отвергает». Теперь «поправка» Адлера-Вандервельда теряла, повидимому, всякий смысл. Но в том и дело, что «дрезденская резолюция» смущала оппортюнистов вовсе не «осуждением». При голосовании *за* «*поправку*» Адлера-Вандервельда было подано столько же голосов, сколько и *против нее.* Счастье было так близко, так возможно! Перейди направо еще одна нация из числа колебавшихся, и для оппортюнизма была бы приготовлена такая щель, через которую он мало-по-малу опять втащил бы весь свой багаж в социалистическую практику. Международные оппортюнисты до сих пор не могут утешиться и все ищут виноватого. Недавно «La petite République» (орган оппортюниста из оппортюнистов Жэро-Ришара) обрушилась на Катаяму, находя, что ему следовало ехать не в Амстердам, а в японскую действующую армию и драться с русскими. Эта невероятная нелепость есть лишь новое, изуродованное издание соображения, высказанного в Амстердаме Анзеелем, который в своей речи 19 августа посоветовал представителям Японии, России, Польши, Болгарии и Испании *воздержаться от подачи голоса* по вопросу о правилах социалистической политики, так как, видите ли, в этих странах слишком мало развита политическая жизнь. Катаяма, Роза Люксембург, я, болгарин Раковский и испанец Иглезиас тотчас же по окончании речи Анзееле обратились к с'езду с письменным заявлением, в котором энергично протестовали против этой «*попытки разделить его участников на активных и пассивных граждан и устроить нечто вроде концерта великих держав по вопросам, касающимся всего международного социализма*». В центральном органе германской социал-демократии отмечено, что с'езд сочувственно отозвался на наш

протест. Иначе и быть не могло: ведь на с'езде преобладали не оппортюнисты, а революционеры.

Что касается, в частности, движения российского пролетариата, то мы можем сказать тов. Анзеелю, что это движение, — как фактор прогресса в России, *а через Россию и во всей Европе,* — несравненно важнее, чем тот картофель и те ковриги хлеба, которыми он, в своем чрезмерном увлечении кооперативными товариществами, собирался когда-то «бомбардировать капиталистическое общество». Qu'il se tienne pour averti!

Так как за «поправку» было подано столько же голосов, сколько и *против* нее, то она была отклонена. Вслед за ней очередь дошла до «дрезденской резолюции», которая и была принята большинством 28 голосов против 5. Делегации Аргентинской республики, Бельгии, Дании, Швеции, Голландии и Швейцарии воздержались от голосования. Социалистическая Гора победила социалистическую Жиронду, при чем многие тайные ученики опять, как видим, покинули Жореса [1]).

Громкие, долго несмолкавшие рукоплескания приветствовали эту победу международной революционной социал-демократии над революционным оппортюнизмом.

Кстати, о ревизионистских стремлениях, «отвергнутых» бывшей *дрезденской*, а ныне *амстердамской* резолюцией. Эти стремления проявились, как известно, *не только в практической* области, но также и *в области теории:* достаточно напомнить литературную деятельность г.г. Бернштейна и Давида. Наши «социалисты-революционеры», если не во всех, то в очень многих и весьма существенных отношениях сочувствовали теоретическим подвигам этих господ. Как же могли они голосовать за «дрезденскую резолюцию»? Разреши, мудрый Эдип!

После того, как принята была в комиссии дрезденская резолюция, Бебель, Каутский, Ферри, Адлер-Вандервельд и Трульстра предложили, как естественное добавление к ней, резолюцию, гласящую, что в каждой стране должна быть *одна* социалистическая партия, подобно тому, как есть *только один пролетариат*. Г. Рубанович заявил по этому случаю, что он голосовал бы за об'единение с нами, если бы мы отменили касающуюся социалистов-революционеров резолюцию нашего второго

[1]) Воздержавшись от голосования, голландская делегация нарушила постановление последнего с'езда голландской соц.-дем. партии, решившего голосовать за дрезденскую резолюцию. Мне известно, впрочем, что *меньшинство* голландской делегации состояло из горячих сторонников этой резолюции.

с'езда. Этого заявления его никто из иностранцев не понял и никто на него не обратил внимания: не до него тогда было. Но неужели г. Рубанович вправду вообразил, что «*резолюция об единстве*» хоть сколько-нибудь касается его партии? Совсем же нет! Резолюция имеет в виду *пролетарские* партии, к числу которых «социалисты-революционеры», как это всем у нас известно, *не принадлежат*.

Единогласно принятая «*с'ездом* резолюция об единстве принесет большую пользу французскому пролетариату. Жорес много лет, не переставая, кричал о необходимости об'единения: не угодно ли ему теперь об'единиться с партией Гэда-Вальяна... на почве амстердамской резолюции, *так решительно отвергнувшей оппортюнизм?*

III [1])

Рассмотрению амстердамского с'езда подлежало шесть очередных вопросов:

1. Международные правила социал-демократической политики. 2. Колониальная политика. 3. Эмиграция и иммиграция. 4. Всеобщая стачка. 5. Социальная политика и страхование рабочих. 6. Тресты и безработица.

Правда, вопрос об эмиграции и иммиграции был, за неимением времени и по предложению Кейр Гарди, отложен до следующего с'езда, так что в Амстердаме решения приняты были только по пяти остальным вопросам. Но и эти пять вопросов настолько важны, что каждому из них надо было бы посвятить отдельную статью: итого уже пять статей. А кроме того, амстердамский с'езд принял не менее важное постановление по вопросу об избирательном праве женщин. На нем тоже полезно было бы остановиться: еще одна статья. Но на шесть статей у меня решительно не хватит времени. Поэтому я подробно рассмотрю здесь только тот вопрос, который по своему важному значению для международного пролетариата не уступает вопросу о правилах социалистической политики: *вопрос о всеобщей стачке*. Остальных же решений, принятых в Амстердаме, я, по необходимости, коснусь только в немногих словах.

[1]) Спешу отметить здесь, что в мою вторую статью об амстердамском с'езде по ошибке корректора закралась опечатка, которую мне хотелось бы исправить. Именно, в рукописи я употребил выражение: «на зеркало неча пенять, коли рожа крива», дав понять, что я употребляю его вслед *за Гоголем*. В печати оно оказалось приписанным *Крылову*. Моей вины тут нет.

Прежде всего я приведу решение, касающееся женщин. Вот оно: «В той борьбе, которую пролетариат ведет за всеобщее и равное право прямой и тайной подачи голоса при выборах в парламенты и в общинные советы, социалистические партии должны выставлять требование права голоса также и для женщин; они должны поддерживать это требование в своей принципиальной пропаганде и энергично защищать его».

Одной из самых замечательных и самых привлекательных сторон революционного движения в России было до сих пор сознательное участие в нем многих женщин. Имена С. Бардиной, В. Засулич и С. Перовской смело могут быть поставлены рядом с наиболее прославившимися в нашем движении мужскими именами. Уже в сороковых годах прошлого века передовые люди нашей интеллигенции свободны были от буржуазных взглядов на «призвание женщины». Знаменитые в истории нашей страны шестидесятые и семидесятые годы еще более сделали для разрушения этих узких взглядов. И хотя в течение восьмидесятых годов мы в этом отношении,—как и во многих других,—довольно сильно попятились назад, но все-таки у нас даже в откровенно-буржуазной среде нередко смотрят на женский вопрос разумнее, чем в такой же среде на Западе.

Здесь не место разбирать, почему это так, а не иначе. Я хочу только обратить внимание российских революционеров-рабочих на то, что они должны следовать в этом вопросе прекрасному примеру нашей интеллигенции. Они должны с презрением отвергнуть, как недостойный сознательных пролетариев, тот нелепый взгляд, согласно которому женщина есть как бы низшее существо сравнительно с мужчиной: «баба не человек». Сама экономия нынешнего общества, все более и более превращая женщину в предмет капиталистической эксплоатации, все более и более делает *работницу* товарищем *работника*. Теперь у нас в России, как и во всех капиталистических странах, есть целые отрасли промышленности, в которых число женщин, работающих по найму, не меньше, а иногда и больше числа мужчин. Этих женщин непременно и как можно скорее надо вовлечь в освободительное движение международного пролетариата. Но на знамени этого пролетариата написано, как известно, *равенство прав всех людей, независимо от национальности и пола*. Поэтому, привлекая *работниц* к участию в борьбе с капиталом, *работники* должны добиваться для них тех же прав, каких добиваются для самих себя. Если сознание этой обязанности иногда затемняется у социал-демократических пролетариев той или другой страны,—

как это видно из примера бельгийской рабочей партии, которая в своей недавней борьбе за всеобщее избирательное право требовала его *только для мужчин*,—то это об'ясняется вредным влиянием оппортюнизма, очень сильного в Бельгии и всегда готового забыть основные социалистические принципы ради успеха данной минуты. Но в нашей социал-демократии влияние оппортюнизма равно нулю; и это дает нам новое основание надеяться, что сознательные пролетарии России не повторят ошибки своих бельгийских товарищей.

Переходя к вопросу о *трестах*, я замечу, что он рассматривался уже на лондонском с'езде 1896 г., но по желанию американской Socialist Labor Party (Социалистической Рабочей Партии) его в нынешнем году снова поставили на очередь. И неудивительно, что наши американские товарищи интересуются им особенно сильно: нигде тресты не достигли такого колоссального развития и нигде они не приобрели такого решительного влияния на экономическую и политическую жизнь, как в Соединенных Штатах Северной Америки. Эта быстро развивающаяся страна есть классическая страна трестов.

Было время, когда буржуазия энергично боролась с феодальными *монополиями*, отстаивая *свободу конкуренции*. На почве этой борьбы выросло убеждение буржуазных экономистов в том, что конкуренция составляет душу современной экономической жизни (competition is the life of industry»). Но диалектика буржуазного общества такова, что,—как на это указал еще Маркс в своей «Нищете философии»,—конкуренция, устранившая феодальные монополии, сама роковым образом создает монополию. И наиболее ярким, наиболее поучительным примером его новейшей монополии служат *тресты*. Те отрасли промышленности, в которых они господствуют, почти всецело находятся в руках немногих чудовищно богатых капиталистов, настоящих «королей», по своему усмотрению распоряжающихся производством. И не только *производством*. Руководители трестов становятся господами также и в области *сбыта*, властно диктуя свои условия *потребителям*. Ввиду всего этого неудивительно, что тресты сильно возбуждают против себя «общественное мнение всей мелкой буржуазии, настойчиво требующей от государства законодательных мер для борьбы с их тиранией. Но это требование мелкой буржуазии имеет *консервативный* или даже *реакционный* характер. Остановить развитие трестов значило бы,—если бы можно было остановить его,—задержать экономическое развитие всего современного общества. Вот почему социалистический пролетариат всех стран решительно отвергает это мелко-буржуазное требование. По его мнению,

действительным средством борьбы с новейшей монополией может служить только переход в общественную собственность организованных трестами колоссальных предприятий. «Нашим боевым криком должна быть революция, а не реформа, — писал, например, даже оппортюнист Гейлорд Уильшайр в июле 1902 г.,—мы требуем национализации промышленности». Совершенно в том же смысле высказался парижский международный с'езд 1900 года. Наконец, совершенно тем же духом проникнуто и решение амстердамского с'езда, гласящее, что «социал-демократические партии всех стран никоим образом не должны участвовать в попытках мешать образованию трестов или задерживать их развитие», и что усилия этих партий должны быть направлены к социализации производства в целях общего блага и уничтожения прибыли [1]).

Амстердамский с'езд признал,—да и нельзя этого не признать,—что тресты обостряют существующее в нынешнем обществе противоречие между капиталом и наемным трудом. Но от него было далеко всякое стремление сгладить это противоречие, «притупить» его. Нет, он указал на это обостряющееся противоречие, как на точку опоры для революционной деятельности, об'явив, что так как тресты являются угрозой профессиональным организациям пролетариата, то «рабочие всего мира должны противопоставить капиталистам свою организованную силу,— национальную и международную,—как единственное оружие против капиталистической эксплоатации и единственное средство уничтожить буржуазное общество, заменив его социалистическим».

Гегель говаривал: «Der Widerspruch ist das Fortleitende» (противоречие ведет вперед). Эта мысль великого философа лежит в основе всей «социальной политики» пролетариата. Хотя в среде этого класса и не много можно найти людей, знакомых с философией Гегеля, но чем яснее сознает он свое революционное историческое призвание, тем тверже становится его убеждение в том, что залог его победы заключается не в «*притуплении*», а именно в *обострении* свойственных нынешнему обществу противоречий. И в этом состоит главнейшая отличительная черта его «социально-политического» взгляда от взгляда мелкой буржуазии, которая неудержимо и непрестанно стремится «смягчать» и «притуплять». Мелкая буржуазия консервативна по своему существу, хотя она,—при известных исторических обстоятельствах, — способна проникнуться некоторыми, правда, чрезвычайно поверхностными революционными стремлениями.

[1]) Это решение напечатано вместе с другими в № 72 «Искры».

Припомните, читатель, наших народников с их толками о том, что у нас надо остановить развитие капитализма, «закрепить общину», упрочить старые «устои» и так дальше, и судите сами о том, в какой мере «идеалы» этих добрых, но неразумных людей выражали собой революционные идеи нашего времени. Охотно предоставляю вам судить и о том, насколько *революционны* нынешние попытки г.г. «социалистов-революционеров» воскресить народнические «идеалы».

Раз заговорив о «социальной политике» пролетариата, естественно упомянуть о решении, принятом в Амстердаме по вопросу, «социально-политический» характер которого сказался даже в его формулировке, т.-е. по вопросу о *социальной политике и о страховании рабочих*. Сущность этого решения сводится к требованию «таких учреждений, которые по возможности предотвращали бы болезни, несчастные случаи и инвалидность [1]) рабочих и,—применением законов об обязательном страховании,—обеспечивали бы им право получения средств, достаточных для существования и пользования врачебной помощью в тех случаях, когда болезнь, несчастный случай, инвалидность, старость, беременность, роды или безработица лишают их возможности пользоваться своей рабочей силой». По поводу этого требования возникла очень интересная полемика в германской социал-демократической печати. Нечего и говорить, что германские социал-демократы единогласно признают необходимость таких законов, которые по возможности ограждали бы здоровье и рабочую силу пролетариата; еще «Старый Интернационал» вполне основательно находил, что законы этого рода, улучшая материальное положение рабочего класса, в то же время нимало не ставят его в зависимость по отношению к буржуазному государству. Но что касается собственно страхования рабочих, то левое крыло германской социал-демократии недоверчиво относится ко всем проектам, предполагающим усиление государственного влияния в этой области. Так, например, вскоре после амстердамского с'езда строго-марксистская «Leipziger Volkszeitung» (Лейпцигская Народная Газета) писала, что государственное страхование рабочих от безработицы способно подорвать значение профессиональных рабочих союзов и тем ослабить освободительное движение пролетариата. Вследствие этого, мера, полезная с точки зрения непосредственных интересов этого класса, может оказаться вредной с точки зрения его конечной цели: полного освобождения его от ига капитала. И это справедливо. А так как социал-демократы, отстаивая ближайшие

[1]) Т.-е. утрату рабочей силы.

интересы рабочего класса обязаны в то же время не упускать из виду будущность его освободительного движения, то необходимо признать, что опасения, высказанные «Leipziger Volkszeitung», заслуживают полного внимания со стороны всей революционной социал-демократии. Этим я совсем не хочу сказать, что все и всякие проекты страхования рабочих от безработицы должны быть осуждены раз навсегда. Мне только хочется заметить, что при оценке проектов этого рода, — как и всех вообще проектов, относящихся к области «социальной политики»,—мы всегда должны помнить, что мы имеем право поддерживать их только в том случае, если они не увеличивают зависимости рабочих от государственной власти. Помнить это особенно полезно нам, социал-демократам той страны, где «передовая» интеллигенция, несмотря на свое стремление к почти анархической «свободе»,—а очень может быть, именно благодаря ему,—нередко с большой настойчивостью добивалась расширения опеки нашего полицейского государства над производителями.

Вопрос об отношении международной социал-демократии к *колониальной политике* современных капиталистических стран тесно связан с рассмотренным мною в предыдущей статье знаменитым вопросом о *международных правилах социалистической политики*. До последнего времени социал-демократы всех стран считали своей несомненной обязанностью противиться всем колониальным затеям алчной буржуазии и всем государственным издержкам на колонии. Но «*ревизионизм*» и здесь явился противником старой революционной «*догмы*». Г. Бернштейн уже лет шесть тому назад пытался убедить своих социал-демократических читателей, что восставать против буржуазной колониальной политики значит итти вразрез с требованиями цивилизации. Но уже парижский с'езд 1900 г. своим решением по вопросу о колониальной политике показал, что международная социал-демократия продолжает иначе смотреть на это дело. Амстердамский с'езд высказался не менее ясно и решительно. Он резко осудил «капиталистическую эксплоатацию непрерывно расширяющихся колониальных владений» и громко высказал свое убеждение в том, что она,—подвергая население колоний тяжелому и нередко кровавому гнету,—вместе с тем не приносит ему ничего, кроме усиления его бедствий. Согласно принятому с'ездом решению, *пролетариат должен стремиться к полной эмансипации колоний*. И это решение, вполне достойное современного международного социализма, *является новым поражением оппортюнистов*.

А всеобщая стачка?

Я сказал, что вопрос о ней по своей важности не уступает вопросу о правилах социалистической политики. И так оно и есть на самом деле. Если в Амстердаме о ней спорили не так долго и,—главное,—не так страстно, как о «дрезденской резолюции», то это произошло потому, что нам, левому крылу социал-демократии, *нельзя подойти ни к одному вопросу революционной тактики, не покончив предварительно с «ревизионизмом», отвергающим почти всякую мысль о социальной революции*. Будущим международным с'ездам много придется толковать о всеобщей стачке: вопрос о ней делается тем насущнее, чем могущественнее становится освободительное движение пролетариата. Это неоспоримо, и это все чувствуют. Но напрасно г.г. анархисты умозаключают отсюда, что революционный пролетариат все более и более будет усваивать себе анархическую тактику. Совсем напротив! Обстоятельное обсуждение вопроса о всеобщей стачке ясно покажет революционному пролетариату, как утопично и как несостоятельно анархическое представление о ней. И чем правильнее будет смотреть этот пролетариат на всеобщую стачку, тем решительнее будет он осуждать теорию и практику анархистов.

В глазах анархистов, всеобщая стачка имеет смысл только как средство совершить *социальную революцию*. «Ввиду того, что она (всеобщая стачка) потребует огромных жертв,—говорит Э. Жиро в своей брошюре «La grève générale-révolution»,—мы можем признать ее только ради полной революции (avec ses fins de totale révolution). А для того, чтобы применение этого средства не было заранее осуждено на неудачу, она не должна быть «*политической стачкой*». Тот же Э. Жиро в той же брошюре решительно отвергает всеобщую «политическую стачку», называя ее средством «одурачения» рабочих. Он полагает, что сторонники такой стачки всегда представляют ее себе, как мирную стачку на законном основании, как стачку «скрещенных рук»; а он, «вместе почти со всеми анархистами», одобряет только «экономическую, революционную, насильственную» всеобщую стачку. Прибавлю к этому, что, по мнению Э. Жиро, сторонники революционной всеобщей стачки не должны сочувствовать и политической борьбе рабочего класса в современном обществе; он советует совсем оставить политику («pas de politique»), сожалея лишь, что в нынешних профессиональных союзах французских рабочих (в «синдикатах») не много найдется людей, в самом деле следующих этому совету [1]).

[1]) См. 47 стр. названной брошюры.

Эти взгляды основаны по большей части на самых вопиющих недоразумениях.

Прежде чем говорить о *всеобщей* стачке, полезно вспомнить, что представляет собою стачка *обыкновенная*.

Известно, что стачкой называется коллективный отказ от работы рабочих одного, нескольких или многих капиталистических предприятий. Следовательно, стачка *предполагает* буржуазные отношения производства: она предполагает, что при обычном ходе дел рабочая сила выносится на рынок, *как товар*. И состоит она в том, что этот обычный ход дел нарушается: *товар вступает в борьбу с покупателем*. Но он *не перестает быть товаром,* потому что для него победа означает *не более, как повышение его цены*. Значит, стачка предполагает не только *существование* капиталистических отношений производства; она предполагает также *продолжение* их существования. *Стачка есть один из способов классовой борьбы на основе нынешнего порядка вещей*. Это очевидно. *Революция* же, к которой стремится сознательный пролетариат, должна устранить этот порядок: *заменить капиталистические отношения производства социалистическими,* при которых рабочая сила уже не будет товаром. Каким же образом эта замена может явиться результатом такого способа борьбы, который предполагает существование и продолжение существования буржуазного порядка? Чтобы совершить эту революцию, одной стачки, хотя бы и *всеобщей,* недостаточно: пролетариату нужно не только отказаться продавать свою рабочую силу, но и обратить в общественную собственность средства производства, принадлежащие теперь капиталистам. Это тоже очевидно, и это признает, «вместе почти со всеми анархистами», и Э. Жиро, резко осуждающий стачку «скрещенных рук». Но обращение средств производства выходит далеко за пределы того действия,—лучше было бы сказать: того отсутствия действия,—которое называется *стачкой:* чтобы «экспроприировать экспроприаторов», пролетариату необходимо сломить сопротивление господствующих классов, т.-е. разбить *их политическую силу* и организовать *такую защиту нового экономического порядка, которая была бы способна подавить всякие попытки капиталистической контрреволюции*. Стало быть, «экономическая, революционная, насильственная» всеобщая *стачка* может привести к своей цели, т.-е. к *социальной революции* только тогда, когда она будет сопровождаться целым рядом *политических* действий. А из этого следует, что стремиться придать «стачке-революции» исключительно *экономический* характер, значит *не понимать ее задачи и способствовать ее крушению*. Анархическое

представление о ней, будучи усвоено пролетариатом, привело бы его к жесточайшей неудаче. Оно вредно для пролетариата, и поэтому он будет *тем меньше расположен к его усвоению, чем больше разовьется его самосознание*.

«Стачка-революция» должна иметь политический характер. Но этого мало. Тот ряд политических действий, отсутствие которого осудило бы пролетариат на поражение, предполагает высокую степень политического воспитания этого класса. А его политическое воспитание немыслимо без планомерной и постоянной политической борьбы его со своими врагами, на основе ныне существующих общественных отношений. А это еще раз доказывает, что тот, кто видит во всеобщей стачке такое средство, признание которого должно вести нас к отрицанию «политики», не имеет понятия об условиях, необходимых для успеха «стачки-революции». Если анархист Э. Жиро сожалеет о том, что в синдикатах Франции мало встречается рабочих, следующих девизу: «долой политику», то мы, социал-демократы, видим в этом проявление здравого смысла пролетариата и новое ручательство за то, что чем яснее будет становиться классовое самосознание рабочих, тем решительнее отвернутся они от анархизма. В настоящее время анархисты пользуются известным влиянием во французских синдикатах единственно потому, что политические подвиги Мильерана, Жореса и компании оттолкнули часть французского пролетариата от социализма. Но нашим французским товарищам не трудно будет показать ему, опираясь на решение амстердамского с'езда, что революционный международный социализм не имеет ничего общего с мелко-буржуазной политикой оппортюнистов. И тогда все французские рабочие, борющиеся с буржуазией, поймут, что у всякого *класса* должна быть *своя политика,* определяемая его *классовыми интересами,* и что если политика *мелко-буржуазных* оппортюнистов вредит интересам *пролетариата,* то это совершенно естественно и ни в коем случае не может служить ему достаточным основанием для отказа от *своей собственной* классовой политики.

Пока пролетариат боролся под революционным знаменем буржуазии; пока он ограничивался ниспровержением «врагов своих врагов»; пока он не задумывался о своем собственном деле или едва только начинал задумываться о нем, тогда у него не было большой надобности в организации: прогнать Карла X парижские рабочие могли и не об'единившись предварительно в прочные союзы. Но чтобы добиться политического господства и, опираясь на него, произвести коренную перемену в производственных отношениях; чтобы совершить социалистическую

революцию, пролетариат непременно должен быть хорошо организован. Поэтому, если мы допускаем, что путь к социалистической революции идет через всеобщую стачку, то мы должны предположить, что пролетариат прочно организован не только в политическую партию, но и в профессиональные союзы. Кто надеется, что «стачка-революция» может быть совершена даже неорганизованным или плохо организованным пролетариатом, тот «без руля и без ветрил» носится в области фантазии. Анархисты всегда любили гулять в этой области. В последние годы они, правда, старались кое-где,— и особенно во Франции,— сблизиться с профессиональными рабочими союзами. Но, по пословице: горбатого исправит могила—они все-таки не перестали быть утопистами до мозга костей. Утопический взгляд на общественную жизнь красной нитью проходит через все их рассуждения о всеобщей стачке. Так, хотя Э. Жиро убежден, что профессиональные союзы должны явиться тем рычагом, с помощью которого пролетариат разрушит мир буржуазной эксплоатации и создаст мир общественной гармонии, но условия успеха «стачки-революции» представляются ему в фантастическом освещении. Правильно указав на то, что прекращение перевозочной деятельности чрезвычайно сильно способствовало бы остановке всего производительного механизма современного общества, он прибавляет, что остановить перевозку можно *и не дожидаясь решения союза железнодорожных рабочих, так как две тысячи энергичных людей могут в каких-нибудь двенадцать часов остановить движение по всем линиям железных дорог*[1]). При таком упрощенном взгляде задача организации рабочих масс неизбежно должна потерять значительную долю своей важности в глазах анархистов, и естественно поэтому, что анархисты готовы чуть не во всякую данную минуту призывать рабочих ко всеобщей стачке. Естественно также, если социал-демократы находят, что *анархическая* пропаганда всеобщей стачки скорее препятствует делу организации пролетариата, чем способствует ему.

Ради беспристрастия надо заметить, однако, что не одним анархистам свойственно утопическое представление о всеобщей стачке. На пятом с'езде французских рабочих союзов, состоявшемся в Марсели в октябре 1893 г., принят был «принцип» всеобщей стачки, которая определялась, как одновременная всеобщая (universelle) приостановка производства во всех его отраслях. Но воображать себе всеобщую стачку, как одновременное прекращение работы решительно *во всех* отраслях

[1]) См. названную брошюру, стр. 40.

производства значит обеими ногами становиться на почву утопий[1]); мы никогда не добьемся действительно всеобщей остановки наемной работы, да нам и не нужно добиваться ее: всеобщая стачка даст все, что может дать, при условии забастовки в главнейших отраслях производства и передвижения товаров. Утопическое определение всеобщей стачки принято было в Марсели под сильным влиянием *Ар. Бриана,* играющего теперь видную роль между французскими оппортюнистами, и это показывает, что оппортюнистические наклонности не исключают более или менее искренней симпатии к *утопизму*. Во время прений о всеобщей стачке на амстердамском с'езде Бриан сам признал нелепой мысль о «всеобщей, абсолютной» забастовке и негодовал на тех, которые приписывают ему эту мысль. Но мы видим, что противники г. Бриана не так неправы, как это могло бы показаться.

Амстердамский с'езд обязан был предостеречь рабочий класс от утопического взгляда на всеобщую стачку, проповедуемого, главным образом, анархистами. Он так и поступил. С *этой* стороны решение, принятое с'ездом и предложенное голландской социал-демократической партией, более удачно, чем решение, предлагавшееся Алльеманом, и даже чем то, которое Социалистическая Партия Франции приняла на своем с'езде в Лилле, — состоявшемся за несколько дней до амстердамского с'езда,—и которое она хотела провести на этом последнем. И ввиду этой стороны голландского проекта ему можно было простить его недостаток.

Недостаток его пока еще лишен *практического* значения, я укажу на него лишь в интересах *теории*.

В конституционных странах пролетариат имеет права, позволяющие ему умножать свои силы и увеличивать свое влияние, не покидая конституционной почвы. Но тот самый факт, что эти его права позволяют ему организоваться и усиливаться, оставаясь на почве закона, заставляет его врагов задумываться о том, нельзя ли отнять у него эти права, пока еще не поздно, т.-е. пока еще он не имеет политической *власти*. В Германии буржуазные органы уже поговаривают об этом, и пример Саксонии, где закон, определяющий права выбора в ландтаг, был недавно изменен в пользу господствующих классов, показывает, что при подходящих обстоятельствах германские охранители не станут церемо-

[1]) Ср. мое открытое письмо в ред. «Mouvement socialiste», напечатанное в №№ 137—138 этого издания. Там я говорю, между прочим, и о значении наших «всеобщих стачек» 1903 г.

ниться с пролетариатом [1]). И чем более сильным становится германский пролетариат, тем насущнее делается вопрос, чем и как будет он защищаться, если охранители сделают указанное нападение на него. Разумеется, если бы рабочие были в состоянии противопоставить *насилию* вооруженную силу, то вопрос решался бы сам собою. Но в том-то и дело, что уличное столкновение рабочих с войском очень скоро окончилось бы теперь кровавым торжеством «порядка». Так думают все сознательные пролетарии Германии. Что же делать? Идеологи пролетариата указывают на всеобщую, точнее, на *массовую* стачку, как на выход из затруднения. Массовая стачка позволит пролетариату избежать столкновений с войсками, а в то же время она внесет такое расстройство в ряды неприятеля, что он вынужден будет отступить, если не положить оружие. Именно в этом смысле амстердамская резолюция говорит, что всеобщая стачка «может послужить крайним средством для того, чтобы добиться крупных общественных перемен или отразить реакционные покушения на права рабочих».

Что же представляет собою всеобщая стачка, рассматриваемая с этой точки зрения? *Суррогат вооруженного сопротивления власти.* В качестве такого суррогата ее и рекомендовал пролетариату амстердамский с'езд. И в этом смысле следует понимать ее при оценке амстердамского решения.

Анархисты увидят в этом решении новое доказательство отсутствия у международной социал-демократии революционной энергии [2]). Но мы им возразим, что идея всеобщей стачки, как суррогата восстания,—идея «стачки скрещенных рук»,—свойственна далеко не одним социал-демократам. Передо мной лежит брошюра: «Grève générale réformiste et grève générale révolutionnaire», которая издана «комиссией стачек и всеобщей стачки», состоящей при французской Confédération générale du travail.

[1]) В «демократической» французской республике о подобном coup d'état задумываются разве только сумасбродные «националисты», благоразумному буржуа он показался бы несбыточным. Но такое благоразумие обусловливается неблагоприятным для политической реакции соотношением общественных сил, а вовсе не убеждением буржуазии в святости прав пролетариата. Последовательным буржуазным идеологам права эти—бельмо на глазу, как это показал, между прочим, второй международный философский с'езд, происходивший в первых числах сентября в Женеве. С'езд этот начался превознесением *идеалистической философии,* а закончился *теоретическим заговором против всеобщего избирательного права,*—заговором, в котором французские «философы» принимали самое горячее участие.

[2]) И не одни анархисты. В этом же смысле ссылаются на него наши «социалисты-революционеры».

Сочувствие автора,—или авторов,—этой брошюры безраздельно лежит на стороне *революционной* стачки, между тем, посмотрите, как он заканчивает свое произведение. Он говорит (стр. 23 второго издания), что восстание было бы «безумием, конечно, героическим, но осужденным на роковую неудачу». На следующей странице он повторяет, что «уличная война с оружием в руках отжила свой век», и что при таком положении дел нет более действительного и более осуществимого средства, чем всеобщая стачка: «Чего проще! Отказаться работать на эксплоататора... Убить старое общество бездействием рабочих и на навозной куче капитализма дать возможность коммунистическому обществу и т. д.». Что это, как не «стачка скрещенных рук»? И что это,—прибавлю мимоходом,—как не утопическое представление о социалистической революции, являющейся в результате «бездействия», т.-е. отказа пролетариев продавать капиталистам свою рабочую силу? В применении к такой стачке до сих пор остается верным полушутливое, полусерьезное определение Ауэра: «Всеобщая стачка—всеобщее бездействие—всеобщая бессмыслица»...

Я мог бы привести еще очень много выписок такого же содержания, но это не нужно. Всем, следящим за рабочим движением, известно, что убеждение в невозможности вооруженного восстания разделяется теперь даже многими анархическими сторонниками «революционной стачки». Это убеждение и подготовило почву для распространения мысли о всеобщей стачке между теми пролетариями, которые не могут успокоиться на наивной вере в то, что современная борьба классов, уже стоившая рабочему классу многих,—иногда кровавых,—жертв, закончится словесными турнирами парламентских ораторов. Эти пролетарии понимают, что «сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу, готовившемуся родить новый общественный порядок»; но, не веря в успех вооруженного восстания, они тем охотнее усваивают мысль о всеобщей стачке. И чем более будет обостряться борьба рабочего класса с буржуазией, чем менее вероятным будет,— вследствие этого, — становиться *мирное* решение «социального вопроса», тем более будет упрочиваться эта мысль в среде пролетариев. Поэтому я и говорю, что международным социал-демократам еще не раз придется обсуждать ее на своих с'ездах.

Но если мысль о всеобщей стачке имеет здравое основание, если не парламентские словесные схватки приведут рабочий класс к победе, то не надо обманывать себя. Никогда еще никакое *дело* не торжествовало вследствие *бездействия* своих сторонников, и никогда «скрещенные

руки» не разрушат здания капитализма. Слушая рассуждения о том, что пролетариат должен отказаться от надежды победить своих врагов в открытом бою, я вспоминаю, как у Щедрина помпадур Бородавкин воевал с обывателями Стрелецкой слободы. Обыватели попрятались по домам, и, в ответ на грозные возгласы помпадура: «Эй! Кто тут! выходи!»—только вздыхали. Это до такой степени сбило с толку кровожадного администратора, что он совсем растерялся. План сторонников «стачки скрещенных рук» несколько напоминает образ действия щедринских стрельцов. Он не дурен, но ведь у Щедрина стрельцам все-таки пришлось вылезать на божий свет, когда кто-то из оловянных солдатиков Бородавкина догадался *ломать избы*. Не спрячутся и рабочие от буржуазных усмирителей, когда те решатся дать им кровавый урок. Да и стыдно им было бы прятаться. Самая мирная массовая стачка легко может повести к массовому столкновению с войском. Эту возможность необходимо учитывать при соображениях о массовой стачке. *Оружие критики не может заменить критики посредством оружия*. Напрасно ссылаются на усовершенствования современной военной техники. Сами собою не стреляют даже наиболее усовершенствованные ружья и пушки; чтобы употребить их в дело, нужны солдаты, а солдаты современных капиталистических стран не оловянные солдатики. Они в значительной,—и все более и более возрастающей,—степени выходят *из среды пролетариата*, и их головы тоже не застрахованы от влияния социал-демократических идей. *В этом все дело*. Вооруженные восстания и прежде оканчивались успешно только тогда, когда революционерам удавалось «деморализовать» войска [1]).

На эту сторону вопроса неизбежно придется обратить внимание международной социал-демократии. Правда, на международных с'ездах неудобно говорить о ней по многим причинам. Но она, по крайней мере, должна быть принимаема в соображение, и во всяком случае ни одно решение международных с'ездов не должно формулироваться так, чтобы под его влиянием у рабочих могло возникнуть преувеличенное представление о революционной роли «стачки скрещенных рук».

Теоретически амстердамское решение о всеобщей стачке неправильно, потому что не полно. Но, рекомендуя стачку, как суррогат восстания, амстердамский с'езд руководствовался тем соображением, что «довлеет дневи злоба его»: в настоящее время влияние социл-демократии на войско еще не таково, чтобы она могла, — *не совершая тяжелого греха против рабочих,—звать их на восстание* [1]). А так как задача международных с'ездов *практическая, а не теоретическая,* то голландский проект резолюции о всеобщей стачке мог быть принят,—несмотря на его теоретический недостаток,—как *правильно выражающий современное положение дел*. Поднимать теперь спор о теоретической возможности вооруженного восстания значило бы только вызывать недоразумения и разногласия в той революционной социал-демократии, которую *надо было об'единить* для борьбы с оппортюнизмом. Подобная бестактность позволительна разве только «социалистам-революционерам», от имени которых г. Устинов пробормотал на заседании с'езда несколько неразборчивых слов в защиту идеи восстания. Как плохо излагал свою мысль этот делегат, видно из того, что в комиссии всеобщей стачки его рассуждения были поняты в смысле призыва к «террору» и заставили посмотреть на него, как на человека несколько.. странного. Когда идея восстания приобретет на Западе практическое значение, тогда о ней будут рассуждать люди более «толковитые», чем г. Устинов.

Решение, принятое Социалистической Партией Франции на лилльском с'езде, предусматривает возможность перехода всеобщей стачки в восстание. Поэтому теоретически оно более правильно. Но содержание его было почти совсем неизвестно с'ехавшимся в Амстердам делегатам других стран. Если бы мы, делегаты российской социал-демократии, имели возможность заранее ознакомиться с ним, то мы бы подали голос за него, а не за голландский проект, как я на с'езде же заявил об этом одному из представителей названной партии в Международном Социалистическом Бюро, Браку. Но отчет лилльского с'езда тогда еще не был напечатан, и лилльская резолюция о всеобщей стачке раздавалась амстердамским делегатам,—далеко не всем, что признал в разговоре со мною сам Брак,—напечатанная на отдельных листках. До нас не дошел ни один из них. Впрочем, много жалеть об этом нечего, потому что, повторяю, *в настоящее время* содержащееся в лилльской резолюции указание на возможность перехода всеобщей стачки в восстание имеет

[1]) Подробнее об этом см. в моем предисловии к нашему второму изданию «Манифеста Коммунистической Партии» (Женева 1900 г.) [Сочинения, т. XI].

[1]) Прошу иметь в виду, что во всем, сказанном здесь, я имел в виду *не* Россию; у нас совсем не те условия. По многим причинам наше войско легче может быть «деморализовано» и расстроено, чем войска конституционных стран, хотя бы по одному тому, что наши офицеры не могут быть такими убежденными сторонниками существующего порядка, как западно-европейские. Но об этом когда-нибудь в другой раз.

для западных стран *только теоретическое значение*. И насколько я могу судить по статье Э. Ляфона «Le congrès de Lille», напечатанной в № 139—140 «Mouvement socialiste», не это указание обеспечило этой резолюции большинство голосов на лилльском с'езде.

В заключение еще раз скажу, что данное в Амстердаме решение вопроса о всеобщей стачке, неверное в теории, даже в практическом отношении останется правильным только в течение нынешнего, *переходного* времени. В будущем сама *практика* потребует совсем другого решения...

Международный социалистический с'езд в Копенгагене

Максим Горький говорит: «Нужно, чтобы, как звезды в небе, человеку ясно были видимы огни всех надежд и желаний, неугасимо пылающие на земле». («Городок Окуров»).

Это превосходно сказано. Само собой разумеется, что, говоря о надеждах и желаниях, неугасимо пылающих на земле, Горький имеет в виду те из них, которые выходят за пределы узкой области эгоизма и приурочиваются к поступательному движению человечества. Прекрасные слова нашего талантливого писателя вспомнились мне в Копенгагене. Прогрессивное значение освободительной борьбы пролетариата бросается в глаза каждому непредубежденному человеку даже там, где речь идет о мелких повседневных нуждах и задачах этой борьбы. Но особенно ярким огнем вспыхивают приуроченные к этой борьбе желания в те дни, когда представители сознательных рабочих собираются на свои международные с'езды для того, чтобы подвести итог тем завоеваниям, которые уже совершены соединенными силами всемирного пролетариата, и наметить те, которые еще стоят на очереди. В эти редкие, недолгие, но в высшей степени торжественные дни, даже старики, поседевшие под красным знаменем, видевшие всякие виды и отнюдь не страдающие излишнею восторженностью, проникаются светлым праздничным настроением и, помимо своей воли, незаметно для себя показывают, как много в современных, будто бы прозаических, социалистах неподдельной свежести чувства, и как велик у каждого из них запас того здорового *нравственного* идеализма, без которого немыслима упорная и самоотверженная борьба за общественное дело. Социализм, в котором чахлые, буржуазные сверхчеловечики не видят ничего кроме скучной *мещанской* прозы, оказывается полным самой захватывающей поэзии *пролетарской борьбы*. Вот почему международные социалистические с'езды,—какими бы горячими спорами и сильными столкновениями

противоположных направлений ни знаменовались эти с'езды, — всегда оставляют в своих участниках неизгладимое впечатление великого торжества. И не только в своих участниках. Я уверен, что то же неизгладимое впечатление великого торжества произвел Копенгагенский международный социалистический с'езд на огромную часть населения датской столицы. Те сорок или пятьдесят тысяч человек, которые участвовали в шествии по улицам этой столицы в день открытия с'езда, были полны сильнейшего энтузиазма. И такого же энтузиазма полны были бесчисленные зрители, восторженно рукоплескавшие шествию, теснясь на тротуарах или высовываясь из окон. Двадцать восьмое августа тысяча девятьсот десятого года долго не забудется в Копенгагене. Католическая церковь была когда-то большой мастерицей устраивать внушительные процессии, но даже в ее лучшее время ей наверно редко удавалось устраивать такие внушительные «*крестные ходы*», каким был копенгагенский *социалистический* «ход». А этот «ход» был организован во имя разума, между тем как средневековые *крестные ходы* совершались под влиянием суеверия.

Чем дальше подвигается вперед общественная жизнь цивилизованных народов, тем несомненнее становится та истина, что именно пролетариат, борющийся за свое освобождение от ига капитала, является теперь носителем человеческого прогресса. В торжественные дни международных с'ездов эта истина становится очевидной для всякого непредубежденного человека. А кто усерднее других служит делу прогресса, тот более других доступен и для чувства *гуманности*. Характерный пример. Собравшись в Копенгагене, соц.-дем. всех стран единогласно высказались против смертной казни. И в то же самое время с'ехавшиеся в Данциге немецкие юристы нашли нужным отстаивать эту казнь, а некоторые из них высказались за ее распространение на преступления так называемой государственной измены. Это совсем неудивительно со стороны теоретиков буржуазии: ведь известно, что в среде юристов раздаются теперь толки о необходимости возвращения к розгам, плетям и палкам. Но это очень поучительно, как материал для сравнения.

Именно потому, что сознательный пролетариат является теперь носителем человеческого прогресса, его с'езды охотно обращаются со словом ободрения и сочувствия к участникам всех тех общественных течений, которые, находясь лишь в более или менее косвенной связи с борьбой рабочего класса, все-таки направляются против тех или других видов угнетения. Для примера укажу, кроме резолюции о смертной казни, на принятые же в Копенгагене резолюции о Персии, Финляндии,

Испании и о праве убежища. Маркс и Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической Партии»: «Коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений». Точно так же поступают и коммунисты наших дней — международные социал-демократы.

Говоря о Международном копенгагенском социалистическом с'езде, нельзя не упомянуть о предшествовавшей ему *международной женской социалистической конференции*. Она тоже должна быть отнесена к числу самых характерных признаков нашего времени.

Буржуазия, играющая теперь в передовых странах Запада консервативную роль, выступала некогда во главе боровшихся с феодализмом народных масс. Она провозгласила *права человека и гражданина*. Но она односторонне понимала эти права. Когда она говорила: «*человек*» она имела в виду *мужчину*. В буржуазном обществе женщина оставалась подчиненным существом, чем-то вроде домашнего животного высшего порядка. Но по мере того, как подвигалось вперед развитие этого общества, женщина все более и более выталкивалась из тесных рамок семейной жизни на широкую арену общественной, — преимущественно экономической,—деятельности. Здесь достаточно будет отметить, что в Германии, в период времени от 1895 до 1907 года, число женщин, живущих своим трудом, увеличилось почти на три миллиона (2.979.105 ж.). Собственно в промышленной отрасли деятельности число трудящихся женщин возросло за тот же период на огромную цифру 582.806. Это целая армия! Таким образом, к числу других, — как известно, далеко не малочисленных, — противоречий капиталистического общества прибавляется еще одно: *противоречие между бесправным положением женщины, с одной стороны, и ее все более и более важною ролью в современной общественно-экономической жизни, с другой*. Этим противоречием вызывается современное женское движение. Даже между буржуазными «дамами» распространяется теперь сознание того, что указанное противоречие должно быть разрешено в смысле признания «прав человека и гражданина» не только за мужчиной, но также и за женщиной. Однако, большинство занимающихся этим вопросом буржуазных «дам» понимает это дело по-своему, т.-е. по-буржуазному: оно склоняется к признанию «прав человека и гражданина» не за всеми совершеннолетними женщинами, а лишь за женщинами, удовлетворяющими требованиям *известного ценза*. В конце концов дело сводится к тому, что буржуазные защитницы женских прав отстаивают не женщину, а ее кошелек, и притом такой кошелек, который заключает в себе наличное количества *золота*.

Совершенно иначе смотрят на этот вопрос социал-демократки. Международная женская социалистическая конференция в Копенгагене (вторая по счету) постановила,—согласно первой конференции, имевшей место три года тому назад в Штуттгарте,—что ограниченное избирательное право женщин должно быть рассматриваемо, как искажение принципа политического равноправия женского пола и как насмешка над этим принципом. Единственным полным выражением этого принципа конференция признает всеобщее избирательное право, принадлежащее всем взрослым женщинам и не ограниченное никаким цензом. Конференция нашла, что признание какого-либо ценза противоречит интересам рабочего класса. Она решила, кроме того, что борьба за женское избирательное право должна вестись не в союзе с буржуазными защитницами женской эмансипации, а совместно с социалистическими партиями, признающими распространение избирательных прав на женщин одним из коренных, практически самых важных условий демократизации избирательного права вообще. Социалистические партии всех стран, — гласит, между прочим, резолюция, принятая копенгагенской конференцией,— обязаны энергично бороться за избирательное право женщин. Поэтому борьба за демократизацию избирательного права в государстве и в общине должна быть также и борьбой за избирательное право женщин. В странах же, где демократизация мужского избирательного права подвинулась далеко вперед или совершенно достигнута, социалистические партии обязаны предпринять борьбу за женское избирательное право. Та же резолюция вменяет социалистическим женщинам всех стран в обязанность самое энергичное участие в борьбе социалистических партий за демократизацию избирательного права. При этом она напоминает им, что, участвуя в такой борьбе, женщины должны с неменьшей энергией добиваться того, чтобы требование всеобщего избирательного права неуклонно выдвигалось во всей своей принципиальной правильности и практической широте. Эта резолюция принята была подавляющим большинством. Против нее подано было лишь 10 голосов (всех делегаток присутствовало более 100). В интересах дальнейшего изложения замечу, что голоса, поданные *против* этой резолюции, принадлежали англичанкам, примыкающим к «Независимой рабочей партии» и к «Фабианскому обществу».

Наиболее глубоким и самым выдержанным в принципиальном отношении надо признать женское движение в Германии: там 82.000 женщин принадлежит к соц.-дем. партии и 140.000—к профессиональным союзам. Нам, русским, можно, пока что, лишь мечтать о таких цифрах...

Кроме женской конференции Копенгагенскому с'езду предшествовало несколько конференций и с'ездов профессиональных союзов. Так, 26 и 27 августа в копенгагенском социалистическом Народном Доме состоялся четвертый международный с'езд сапожников, на котором присутствовало 28 делегатов из Германии, Дании, Швеции, Норвегии, Австрии, Венгрии, Сербии, Болгарии, Швейцарии и Финляндии. Двадцать седьмого августа открылась международная конференция каменщиков и строительных рабочих, в которой приняли участие 23 делегата, представлявших 11 стран и 450.000 организованных рабочих. Тогда происходил 7-й международный с'езд транспортных рабочих и т. д.

Уже одно то обстоятельство, что все профессиональные с'езды и конференции созваны были в связи с международным социалистическим с'ездом, показывает, что их участники сами проникнуты социалистическим духом. А что касается их взглядов на задачу профессиональной организации, то они лучше всего характеризуются следующим фактом: когда на этих с'ездах и конференциях заходила речь о сепаратизме чехов, стремящихся подвести под профессиональные организации *национальную основу*, то все их участники, кроме, конечно, самих чехов, высказывались против него самым решительным образом. Централистические тенденции непоколебимо господствуют теперь в профессиональном Интернационале. Таким образом вопрос о чешско-австрийском столкновении был решен в совершенно определенном смысле международными профессиональными организациями еще *прежде, чем о нем зашла речь на социалистическом с'езде*. Я прошу читателя запомнить это, так как ниже мне придется подробно говорить об отношении международного социалистического с'езда к чешско-австрийской распре.

Интересно, что буржуазная печать очень мало и неохотно говорила на этот раз о заседаниях «международного рабочего парламента». Почему? Буржуазия сделала, наконец, то нехитрое открытие, что подробно описывать международные социалистические с'езды—значит усердно пропагандировать международный социализм. Ну, а это, разумеется, не в ее интересах. Отсюда—тактика замалчивания. По поводу этой тактики мы, социалисты, можем сказать только одно: она пришла слишком поздно. *Социалистическая печать* достаточно распространена теперь для того, что разнести копенгагенские резолюции по всему цивилизованному миру.

Что же сказать о самих этих резолюциях? В социалистической среде они вызывали далеко не одинаковые впечатления. Некоторые товарищи,—например, Бонье в последнем № гэдистского французского органа

«Le socialisme»,—называют их бесцветными и огорчаются тем, что копенгагенский с'езд оказался с'ездом компромиссным по преимуществу. Другие,—напр., тов. Фишер, докладывавший об этих резолюциях на Магдебургском с'езде немецкой соц.-дем. партии, — одобряют именно этот их компромиссный характер. Т. Фишер думает, что международные с'езды всегда должны принимать компромиссные решения. И так думает не один этот товарищ. Но это неправильный взгляд. Бывают такие положения, в которых компромиссы прямо невозможны. Таково было положение, созданное пресловутым «опытом» Мильерана. На Парижском международном с'езде 1900 г. принята была весьма значительным большинством компромиссная резолюция Каутского об участии социалистов в буржуазных министерствах. Она оказалась до такой степени не соответствующей положению, что четыре года спустя Международный амстердамский с'езд нашел нужным отбросить компромисс и самым решительным образом высказаться против ревизионистской тактики Жореса.

Тов. Фишер не прав. Однако не прав и тов. Бонье, осуждающий «бесцветные» копенгагенские резолюции. Все зависит от обстоятельств времени и места. Если бы последние выборы в Дании и Бельгии дали более благоприятные для социалистов и либералов (в Дании—радикалов) результаты, то очень возможно, что в обеих названных странах некоторая, вернее, очень значительная часть социалистов захотела бы повторить «опыт» Мильерана. И в таком случае вопрос об участии социалистов в буржуазном министерстве стал бы перед Копенгагенским с'ездом во всей своей остроте и вызвал бы на нем такие бури, каких мы не переживали даже в Амстердаме. Известно, что следующий международный с'езд, — 1913 года, — состоится в Вене. К тому времени ход событий даст, пожалуй, международным ревизионистам столь желанную для них возможность повторить мильерановский «опыт» в том или другом государстве, а, пожалуй, и в обеих вышеназванных странах. И тогда Венский с'езд ознаменуется глубоко драматическими столкновениями двух противоположных течений современного социализма; нечего говорить, что мы, марксисты, не только не сдадимся без боя, но, согласно глубоко верному тактическому правилу нашего старого Либкнехта, перейдем от обороны к наступлению. Но это дело будущего и притом только *возможного будущего*. А, пока что, ревизионизм в своих международных проявлениях остается весьма сдержанным. В Копенгагене он не только не сделал попытки сколько-нибудь серьезно изменить тактику международного социализма, но, наоборот, сам вынужден был

до некоторой степени приспособляться к ней. Поэтому для очень бурных прений не было никакого повода.

Утверждая, что в Копенгагене международный ревизионизм вынужден был, в известной мере, приспособляться к революционной тактике марксизма, я имею в виду два эпизода: во-первых, обсуждение чешско-австрийской распри; во-вторых, прения по вопросу о том, как должны себя вести социалисты в случае войны.

В настоящее время наши чешские товарищи говорят в политике довольно революционным языком и не упускают случая упрекнуть своих товарищей,—т.-е., главным образом, немецких социалистов Австрии,—в оппортюнизме. И надо признать, что упреки, ими выдвигаемые, не лишены основания. Тем не менее, в споре, который отдан был на решение Копенгагенского с'езда, чехи вели себя как *ревизионисты*, а их противники — как *революционеры*.

Этому спору, в котором мне пришлось, неожиданно для себя, принять деятельное участие, я посвящаю особую статью. Здесь же я скажу о нем следующее:

Т. Немец, — главный представитель чешского сепаратизма, — не раз с гордостью говорил в Копенгагене: против нас единодушно борются все буржуазные партии. И это правда. Правда и то, что в борьбе с буржуазными партиями наши чешские товарищи одержали не одну блестящую победу.

Но, борясь с ними, они заметили, что бессознательная и полусознательная часть населения сильно поддается на тот довод, что социалисты недостаточно энергично отстаивают свою *национальность*. Действие этого довода на массу может быть ослаблено двумя способами: революционным и ревизионистским. Первый — состоит в развитии политического сознания массы: когда сознание это достигнет надлежащей высоты, масса увидит, что на самом деле изменяют своей нации не социалисты, а их буржуазные и феодальные враги. Тогда она перестанет бояться социалистов. Но — путь этот долгий, или, по крайней мере, не скорый: развитие политического сознания массы не всегда идет с желательной быстротой. Ревизионисты, больше всего дорожащие быстрыми успехами минуты, не любят этого пути. Они предпочитают привлекать массу, делая уступки ее политическим предрассудкам. Вот по этому, — «быстрому», слишком «быстрому»! — пути и пошли чешские сепаратисты: они решили, что для успешной борьбы с буржуазным *шовинизмом* им самим нужно сделать большой шаг по направлению к *национализму*. Таким шагом и явилось предпри-

нятое ими подведение национальной основы под профессиональные союзы и потребительные товарищества.

Мы уже видели подобные вещи в России. Для борьбы с сионистами наши бундисты тоже пошли по пути, который никак нельзя назвать революционным. Наоборот, наши кавказские товарищи до сих пор держались в этом вопросе именно революционного пути. Что будет дальше, я не знаю; однако опасаюсь, что «ликвидаторство», проникшее также на Кавказ, облегчит там дело ревизионизма, между прочим, и в этом отношении.

Сущность ревизионистской тактики в том и заключается, что великие задачи современного рабочего движения приносятся в жертву маленьким минутным успехам, которые представляются при этом чрезвычайно большими. Порою данный минутный успех кажется важным ревизионистам всех передовых стран. Тогда ревизионисты всех этих стран громко кричат, что они придумали новый тактический прием, что старая тактика отжила свой век, что нужно сделать новый опыт и т. п. И тогда они усердно поддерживают друг друга. Но бывает и так, что данный минутный успех имеет значение лишь для какой-нибудь одной страны. Тогда ревизионисты других стран остаются равнодушными к нему, и тогда они сами соглашаются, что великие задачи движения гораздо важнее маленьких успехов минуты. Вследствие этого они тоже выступают тогда на защиту великих задач. Так было в Копенгагене. Те политические соображения, ради которых чешские сепаратисты взялись за перестройку профессиональных союзов, имели *оппортюнистический характер*. Но они обещали только местный успех. Поэтому они не произвели никакого впечатления на оппортюнистов других стран. И потому оппортюнисты эти дружно голосовали, вместе с марксистами, против чешских сепаратистов.

Тут произошло то, что обозначается словами: своя своих не познаша. С ревизионистами это случается нередко. Ревизионисты не любят общих принципов. Понятно, поэтому, что ревизионисты одной страны часто противоречат ревизионистам других стран. Во Франции Жорес, в интересах *республики*, готов был поддерживать министерство Вальдека-Руссо-Мильерана, растреливавшее рабочих; в то же самое время Туратти, в Италии, заявлял о своей готовности примириться с Савойской династией, если она примется за социальные реформы.

Именно потому, что ревизионисты не придают значения общим принципам, они нисколько не затрудняются апеллировать к ним там, где этого требует минутный успех.

Некоторые считают прения о том, что должны делать социалисты в случае войны, самым важным событием Копенгагенского с'езда. Но что же произошло во время этих прений? Кейр-Гарди и Вальян предложили с'езду постановить, что в случае войны должна быть провозглашена, если не всеобщая стачка, то по крайней мере стачка в тех предприятиях, которые производят и доставляют материалы, необходимые для военных действий. Против этого предложения высказалась германская делегация в лице Ледебура, бывшего докладчиком по этому вопросу. И по этому поводу некоторые наивные люди стали толковать о том, что немецкая партия забывает свои революционные традиции. Но это пустяки.

Кейр-Гарди—несомненно, весьма почтенная личность. Но эта несомненно почтенная личность стоит во главе одной из самых оппортюнистических партий, какие только существуют в нынешнем социалистическом мире. Точно так же и Вальян — чрезвычайно почтенный человек. Но этот чрезвычайно почтенный человек принадлежит к оппортюнистическому большинству французской социалистической партии. Вожаком этого большинства является тот же Жорес. А что представляет собой Ледебур? Одного из самых видных представителей революционного марксизма в Германии. Стало быть, если мы поверим наивным людям, то у нас выйдет, что в Копенгагене германский марксизм перестал быть революционным, между тем как в защиту революционной традиции ополчились английские и французские оппортюнисты. Вероятно ли это? Возможно ли это? И невероятно, и невозможно. Так в чем же дело? Вот в чем.

Англия в последнее время была, можно сказать, классической страной профессиональных союзов. Только совсем недавно Германия взяла перевес над нею в этом отношении. Но сила английских профессиональных союзов была отчасти следствием исключительного положения Англии на всемирном рынке. Это исключительное, почти монопольное положение, поставившее некоторую часть английских рабочих в исключительно выгодные экономические условия, ограничило ее кругозор ближайшими задачами и надолго сделало ее почти совершенно равнодушной к социализму. Только теперь, когда монополия Англии на всемирном рынке отошла в область предания, английский рабочий класс становится доступным для социалистического влияния. Влияние это пока еще не очень велико. Не далее как на Копенгагенском с'езде английским профессиональным союзам пришлось выслушать от организованного и сознательного пролетариата двух стран немало горьких упреков

по поводу того, что они оказали слишком слабую поддержку шведским рабочим в их недавней, всем памятной, гигантской борьбе с капиталом. Если бы английские профессиональные союзы были более доступны для социалистического влияния, то они иначе отзывались бы на нужды борющихся рабочих в других странах. Ввиду этого можно сказать, что социализм пока еще не играет большой роли во внутренней жизни Англии. Если бы Копенгагенский с'езд постановил, как этого хотели Кейр-Гарди и Вальян, что на об'явление войны пролетариат должен отвечать стачкой, то в Англии его решение имело бы значение лишь доброго совета, которому могли бы последовать, а могли бы и не последовать профессиональные союзы. То же приходится сказать и о Франции, где влияние социализма,—отчасти благодаря вреднейшим «опытам» Мильерана, Вивиани, Бриана и им подобных,—тоже слабо.

Правда, французские синдикалисты очень сочувственно отнеслись к предложению Кейр-Гарди и Вальяна. Но кому же не известно, что «всеобщие стачки», декретируемые французскими синдикалистами, никогда не бывают более страшными, чем маленькая буря в небольшом стакане воды? Поэтому и для Франции постановление Копенгагенского с'езда осталось бы лишь добрым советом. Люди, которые стали бы повторять этот совет во Франции и в Англии, не создавали бы этим никаких практических затруднений для своей партии, а в то же время они подготовили бы себе немалый успех на выборах. Французский избиратель сильно побаивается «пруссаков», и та партия, которая возвестила бы ему, что, благодаря ей, «пруссаки» воевать не решатся, была бы встречена им с распростертыми об'ятиями. Вот почему руководимое Жоресом оппортюнистическое большинство французской социалистической партии так настойчиво требует от международных социалистических с'ездов «практических», «конкретных» решений по вопросу о войне. И по той же самой причине руководимое Гэдом революционное меньшинство этой партии относится к таким требованиям с весьма основательным скептицизмом.

А Германия? На ее пролетариат социализм имеет уже огромное влияние. И если бы немецкая социал-демократическая партия сказала: «на войну надо отвечать стачкой», то это значило бы, что она принимает на себя, во имя всего германского пролетариата, совершенно определенное практическое обязательство, а не только дает добрый совет, относительно которого еще совершенно неизвестно, захочет ли его принять рабочий класс. Но стачка, хотя бы только в известных отраслях, предполагает для своего успеха,—и даже для своей возможности,—наличность известных условий. Неудивительно, что наши немецкие товарищи, смотрящие на постановление о стачке не как на добрый совет, а как на серьезнейшее практическое обязательство, спрашивают себя, прежде чем голосовать за такое постановление: можно ли быть наперед уверенным, что в случае об'явления войны всегда будут налицо необходимые для стачки конкретные условия? Об этом в самом деле стоит подумать серьезным людям. Но когда серьезные люди начинают думать об этом, тогда пустые крикуны, вроде известного Густава Эрвэ, обвиняют их в нерешительности, в трусости, в отсутствии революционного духа, в шовинизме и т. д. [1]). Это старая история, и пора всем понять ее настоящий смысл.

А кроме того, наши немецкие товарищи не могут не считаться и со сводом уголовных законов. Принятие ими постановления, вроде того, которое было предложено Вальяном и Кейр-Гарди, навлекло бы на них уголовные преследования. Некоторые немецкие буржуазные газеты,—например, «Hamburger Nachrichten» от 6 сентября 1910 года,—утверждали, что наших немецких товарищей стали бы преследовать по 89 ст., которая грозит немцам, «подающим помощь неприятелю», заключением в тюрьму до 10 лет. Спора нет, социалисты не должны бояться уголовных преследований, если данный поступок или данное заявление необходимо для дела. Но в интересующем нас вопросе такой необходимости совсем не видно. «*Воевать с войной*» *надо не словом*, а *делом*. В области же дела, состоящего прежде всего в организации массы и в развитии ее самосознания, наши немецкие товарищи стоят впереди всех других. И можно утверждать, не опасаясь ошибки, что именно германский сознательный пролетариат сумел бы наилучшим образом использовать в интересах революции то положение, которое создалось бы в Европе войной, скажем, между Германией и Англией.

Толки о том, что, отклоняя предложение Кейр-Гарди-Вальяна, немецкая партия погрешила против революционного социализма, лишены всякого основания. Т. Ледебур, выступивший докладчиком по этому вопросу, был прав, говоря, что с'езд может удовольствоваться штуттгартской резолюцией. В самом деле, она гласит, что в случае надобности все социалистические партии обязаны употребить в дело *все* средства, которые им покажутся наиболее подходящими для предупреждения войны.

---

[1]) См. «La guerre sociale» № 7—13, sept. 1910, ст. «Les socialistes allemands au pied du mur».

Эта алгебраическая формула обобщает *всякие* возможности, т.-е., между прочим, возможность не *только всеобщей стачки, но и вооруженного восстания*. А этого достаточно.

Копенгагенский с'езд не принял, однако, и не отклонил предложения Кейр-Гарди-Вальяна. Он передал его «для изучения» Международному социалистическому бюро, которое должно сделать особый доклад будущему международному с'езду.

Одним из самых важных очередных вопросов Копенгагенского с'езда был вопрос об отношении партии к кооперативам. В комиссии, обсуждавшей этот вопрос, участвовали, как представители нашей делегации, т.т. Ленин и Зиновьев. Они описывают ее работу в особых статьях.

Компромиссная резолюция, принятая Копенгагенским с'ездом по этому вопросу, может быть признана удовлетворительною лишь с некоторыми оговорками. Вряд ли кто не одобрит той мысли, что все члены социал-демократической партии и профессиональных союзов должны входить в кооперативы,—т.-е. собственно в *потребительные товарищества,*—и стараться влиять на них в социалистическом духе. Но насчет воспитательного действия кооперативов не мешало бы высказаться определеннее. Известно, что ревизионисты очень преувеличивают это действие. Между тем, еще Каутский справедливо указал в своей брошюре «Потребительные товарищества», что по своему воспитательному значению кооперативы далеко уступают политическим и профессиональным союзам.

«Их область коммерческая,—писал он,—совершенно чуждая массе членов потребительского товарищества; все функции предприятия выполняются не членами, а служащими и несколькими доверенными лицами. Если покупку не считать сотрудничеством,—а в таком случае и покупатели купца должны бы были тоже считаться его сотрудниками,—то члены товарищества принимают такое же участие в товариществе, как акционеры в акционерном предприятии: они избирают уполномоченных и предоставляют дело своему течению с тем, чтобы в конце года выразить доверие или недоверие своим выборным, да получить свой дивиденд».

Резолюция говорит, что между политическими, профессиональными и кооперативными организациями пролетариата должны устанавливаться все более и более тесные взаимные отношения, но что отношения эти все-таки не должны нарушать самостоятельности кооператива. С этим надо, по-моему, согласиться безусловно. Некоторые товарищи, принадлежащие к левому крылу Интернационала, высказывались *за организационную связь* между партией и кооперативами. Тут они сошлись с бельгийцами, далеко не грешащими радикализмом. Однако, именно бельгийский пример показывает, что такая связь скорее вредна, чем полезна для социалистической партии.

Бельгийская партия основывается на кооперативах [1]). Но кооперативы сами по себе совсем не способствуют развитию боевого духа в своих членах [2]). И ни для кого не тайна, что бельгийская социалистическая партия считает в своих рядах несравненно больше ревизионистов, чем марксистов. Кому не нравится следствие, тот не должен одобрять и причину. Кто не хочет, чтобы в социалистической партии преобладал ревизионизм, тот не может одобрить существующие в Бельгии отношения между партией и кооперативами. Но бельгийцы, защищавшие эти отношения в Копенгагене, говорили с большим жаром и мастерством. Революционная *внешность* их речей скрывала подчас их нереволюционную *сущность* от не вполне внимательных слушателей.

Самым важным пробелом конгресса является то обстоятельство, что при рассмотрении вопроса о международной солидарности он не осудил стремления части американских тред-юнионистов и социалистов закрыть рабочим *желтой расы* (преимущественно китайцам и японцам) доступ в Соединенные Штаты. На с'езде в Чикаго 15—20 мая нынешнего года некоторые американские товарищи защищали поистине *антисоциалистический взгляд* на этот вопрос. Но французы справедливо говорят: то, что отсрочено, еще не потеряно. Будем надеяться, что Интернационал вскоре выскажется на этот счет в надлежащем духе. Международная солидарность рабочих никак не может ограничиться белой расой!

Копенгагенский с'езд еще раз напомнил пролетариату о *необходимости единения.* В каждой стране есть только один пролетариат и потому должна существовать только одна социалистическая партия. Так постановил Амстердамский с'езд в 1904 г. Многие наши иностранные товарищи,—в особенности жоресисты,—думают, что Россия до сих пор не выполнила амстердамского постановления. Однако, это не так. Со времени нашего Стокгольмского с'езда 1906 г. в России есть *только одна*

---

[1]) Partout... la structure des fédérations régionales présente des caractères à peu près identiques: autour d'une société coopérative de consommation se groupent des sociétés de secours mutuel, des chambres syndicales et des cercles politiques. («Le socialisme en Belgique» par Destrée et Emile Vandervelde; Paris 1903 г. page 14).

[2]) «Никто не станет утверждать, что потребительные общества являются школой героизма» (Каутский).

партия сознательного пролетариата. В ее среде существуют большие разногласия. Некоторая часть ее,—так называемые ликвидаторы,—повидимому, не прочь произвести раскол. Если она успеет в этом намерении, то мы будем апеллировать к Интернационалу, и он, конечно, выскажется с таким же редким единодушием против наших раскольников, с каким он только что высказался в Копенгагене против чешских сепаратистов. Но пока ликвидаторы не произвели раскола, мы остаемся об'единенными.

Амстердамское постановление насчет единства не касается, конечно, наших отношений к партии «социалистов-революционеров». Точка зрения этой партии не есть точка зрения пролетариата. Товарищи жоресисты, как видно, этого не знали.

Во второй комиссии Копенгагенского с'езда

Второй комиссии пришлось рассматривать вопросы: во-первых, «о чешско-австрийском столкновении», во-вторых, «о международной солидарности». Этот последний вопрос рассматривался по предложению шведской социалистической партии, которая находит, что не все нации в достаточной мере пришли на помощь шведскому пролетариату во время недавней знаменитой его стачки. Больше всего она жаловалась на англичан и французов. В заседании комиссии тов. Коген (из Берлина) сказал, что англичане самым грубым образом нарушили свою пролетарскую обязанность: они спрятались за некоторые формальные особенности их уставов (речь идет об уставах профессиональных союзов), чтобы не давать денег. «К счастью,—прибавил т. Коген, при громком смехе присутствовавших, — эти формальности совсем не мешают англичанам, в их собственной борьбе с капиталом, получать деньги от пролетариев других стран». Англичанин Эндерсен из Независимой Рабочей Партии сказал по этому поводу, что не желает *защищать* профессиональные союзы, он хочет, однако, до некоторой степени об'яснить их поведение. Шведская стачка прошла во время кризиса, вследствие которого очень возросло в Англии число безработных. Это оказало отрицательное влияние на кассы профессиональных союзов. Притом же социалистическая печать распространена в Англии сравнительно мало, и английские рабочие недостаточно осведомлены о том, что происходит за границей. Но они вообще не меньше немецких пролетариев способны на самоотвержение. С этим вряд ли можно согласиться. Как заметил это Виктор Адлер, вожаки английских рабочих союзов были хорошо осведомлены о значении и ходе шведской стачки и тем не менее уклонялись от помощи, ссылаясь на свои уставы. Пора англичанам переделать свои уставы сообразно требованию времени [1]).

[1]) Число безработных не превосходило тогда в Англии 5—6 проц. Между тем в Германии оно доходило до 12 проц., и это не помешало, однако, немецким профессиональным союзам поддержать шведских стачечников.

В посвященном тому же вопросу заседании с'езда (докладчик Гудлер), тов. Эндерсен заявил, что впредь англичане будут лучше исполнять свои обязанности по части международной солидарности. Это, конечно, очень хорошо. Но, спрашивается, был ли он уполномочен на такое заявление английскими профессиональными союзами, или же говорил только от своего имени? Последнее предположение вероятнее. Слабая сторона английского рабочего движения заключается в том, что оно до сих пор слабо проникнуто духом международного социализма. Отсюда — недостаток интереса к рабочему движению других стран.

Французы тоже не много послали шведам. В комиссии тов. Коген сообщил, что из Франции получено было шведами длинное приветствие с возгласом: «да здравствует социальная революция!» и с приложением... 20 фр. Это совершенно в духе «революционных» синдикалистов, и читатель легко может представить себе, каким громким смехом встречено было в нашей комиссии это сообщение тов. Когена. Правда, французы не ограничились этими «социально-революционными» 20 фр. В общем из Франции было послано 7.000 крон. Но что значит эта сумма в сравнении с 40 тыс. крон, присланными из маленькой Финляндии, и 60 тыс., присланными из,—тоже весьма небольшой,—Швейцарии? Если я прибавлю, что Норвегия оказала Швеции помощь в размере 300.000 крон, то читатель составит себе вполне ясное понятие о том, какое благотворное влияние оказывает «р-р-р-еволюционный (!) синдикализм» на профессиональное движение во Франции [1]).

Но заметьте, что именно представители Англии и Франции, — Кейр-Гарди и Вальян, — внесли предложение о том, чтобы Копенгагенский с'езд обязал всемирный пролетариат отвечать на об'явление войны стачкой. Могли ли они дать сколько-нибудь серьезное ручательство за то, что желательное для них постановление конгресса было бы, в случае войны, выполнено рабочими их стран? Ввиду сказанного, в этом очень позволительно усомниться...

[1]) Для курьеза отмечу, что датские «революционные» синдикалисты приветствовали Копенгагенский с'езд со свойственной им любезностью. Они выпустили листок, озаглавленный: «Sindikalisten.—Extranummer, August». В нем они обращались к нам с такими любезностями: Фарисеи, опять вы устроили с'езд, чтобы рассуждать об «освобождении рабочего класса»... опять вы толкуете между собой, как надо действовать... Фарисеи, вы знаете, вы должны знать, что ваше политическое шарлатанство полезно только для вас и что ваша «законодательная» деятельность не имеет другой цели, кроме усыпления рабочих и т. п. Синдикалисты с любезным видом раздавали этот листок членам с'езда; те брали его, читали и... добродушно смеялись. Другого отношения он и не заслуживает.

Я хорошо помню, что на Цюрихском международном с'езде в 1893 г. в комиссии, по тому же «военному» вопросу, один французский делегат предложил нам издать краткий, но весьма энергичный декрет: «*все границы уничтожаются*». Он справедливо рассуждал, что раз будут уничтожены границы, отделяющие один народ от другого, то международные войны станут невозможными. Я уверен, что этот делегат, — большой «революционер», но ярый противник Гэда и гэдистов,—так и уехал из Цюриха в убеждении, что, отклонив его «декрет», мы, члены «военной» комиссии, изменили делу революции. Иисус говорил, что не всякий, кто твердит: господи, господи! войдет в царство небесное. Теперь же приходится сказать, что не всякий, кто кричит: «революция! революция!» или «всеобщие стачки! всеобщие стачки!» понимает условия и задачи революционного движения современного пролетариата.

Что касается чешско-австрийского столкновения, то оно могло быть новостью только для людей, невнимательно следивших за международным рабочим движением. Еще в декабре 1905 г. состоялся в Вене чрезвычайный с'езд профессиональных союзов Австрии, на котором чехи добивались создания *национальных* профессиональных союзов. Компетенция каждого из таких союзов должна была распространяться на всю Австрию. Тов. Гуэбер справедливо сказал тогда: «Это значит, что на каждой фабрике, на которой работают товарищи 3-х или 4-х национальностей, эти товарищи будут принадлежать к трем или четырем различным организациям. Я пока даже и представить себе не могу, к чему сведется тогда роль центральной организации». С своей стороны, тов. Беер как нельзя более убедительно доказывал, что если бы осуществились домогательства чехов, то в Австрии остались бы, конечно, организации, но организации, лишенные всякой силы и всякого содержания, а потому преступно было бы собирать с рабочих деньги для поддержки таких организаций. «Расчленение профессиональных союзов по национальностям вплоть до отдельных предприятий, — воскликнул т. Беер, — это означает даже более, чем уничтожение профессионального движения, это может привести к междоусобной войне рабочих. Я твердо убежден, что, основав такие организации, мы внесли бы в профессиональное движение такую идею, которая действовала бы внутри его, как постороннее тело. В профессиональных союзах дело идет у нас не о национальности, а, — как бы ни казалось это тривиальным, но это неопровержимая ссылка,—а о слесарях, сапожниках, кузнецах, борющихся с отдельными предпринимателями и с классом предпринимателей в его целом. Осуществление этой про-

граммы (т.-е. организационной программы чехов.—*Г. П.*) было бы равносильно разрушению организации; поэтому каждый член профессионального союза, к какой бы национальности он ни принадлежал, может только отклонить подобные требования: и я так же резко говорил бы против принятия таких требований, если бы их выставила наша социал-демократическая партия».

На чрезвычайном с'езде 1905 г. чешский проект был отклонен огромнейшим большинством голосов в 197.202 против 2.364 при 30.686 воздержавшихся [1]). Но чешские товарищи уже в первый день с'езда дали понять, что, каково бы ни было решение с'езда, они останутся при своем [2]). Так и вышло; они не подчинились, и австрийцы увидели себя вынужденными обратиться к международному социалистическому с'езду.

Спешу предупредить читателя, что чешско-австрийское столкновение совсем не следует понимать, как спор между организованными рабочими *двух национальностей*. В данном случае спор идет между сторонниками *организационного национализма,* с одной стороны, и *организационного интернационализма,* с другой. Вместе с австрийскими *немцами* идут очень многие *славяне,* особенно *поляки*. Мало того. Весьма многие чехи отстаивают международные профессиональные союзы. Эти чешские сторонники интернационализма утверждают даже, что на их стороне находится *большинство* чешских организованных рабочих. Я не могу утверждать, что это в самом деле так. Но не подлежит ни малейшему сомнению, что весьма значительная часть чешских организованных рабочих горячо поддерживает интернационалистов. А это достаточно ясно показывает, как нелепа басня, — к сожалению распространенная теперь и между нашими анархо-синдикалистами, — гласящая, что в чешско-австрийском столкновении дело идет о «*немецком насилии*».

Для полноты картины полезно будет указать на то, что сами чешские сепаратисты показали себя довольно односторонними *националистами*. Присутствовавшие во второй комиссии польские делегаты из Галиции категорически утверждали, что сепаратисты эти, отделяясь от немцев во имя того принципа, что профессиональные союзы должны организовываться по национальностям, предлагали польским (галицийским) профессиональным союзам примкнуть к центральной организации в Праге, т.-е. к чехам. Выходит, что *интернациональные* профессиональные союзы желательны также и для чешских сепаратистов, но лишь при том непременном условии, чтобы в них не входили *немцы*. Бесполезно доказывать, что *подобный* интернационализм не выдерживает самого легкого прикосновения *социал-демократической* критики. И как не предположить, что чешские сепаратисты сами подчинились отчасти влиянию столь сильного в их стране *буржуазного национализма*.

[1]) Считались голоса не делегатов, а представленных ими организованных рабочих.

[2]) См. ст. «Чрезвычайный с'езд австрийских профессиональных союзов» в № 5 моего «Дневника социал-демократа».

Виднейшим представителем чешского сепаратизма является тов. Немец. Это весьма энергичный, опытный и даровитый человек. Но такова логика ложного положения: этот весьма выдающийся товарищ оказался до последней степени слабым в своей аргументации. Главным доводом служила ему ссылка на штуттгартскую резолюцию о профессиональных союзах, рекомендующую все более и более тесное взаимное сближение между этими союзами и социалистической партией.

Австрийская социал-демократическая *партия* представляет собой теперь соединение *национальных* социал-демократических организаций. А профессиональные союзы сохраняли и в огромном своем большинстве сохранили до сих пор интернациональный характер. Они не признавали и не признают никаких *национальных* подразделений в своей организиции. Получается несоответствие между характером *политических* организаций в Австрии, с одной стороны, и профессиональных союзов, с другой. Вот на это-то несоответствие и указывал тов. Немец, ссылаясь на штуттгартскую резолюцию.

Он говорил, что в его стране резолюция эта останется невыполнимой до тех пор, пока профессиональная организация не будет приспособлена к политической, т.-е. пока профессиональные союзы не сделаются, в свою очередь, национальными. Он забывал, что штуттгартская резолюция, рекомендуя тесное сближение между партией и профессиональными союзами, делает весьма существенную оговорку: *она заявляет, что сближение это ни в каком случае не должно вредить единству «профессионального движения»*.

Эта оговорка, внесенная в резолюцию по моему предложению, была принята в штуттгартской комиссии о профессиональных союзах подавляющим большинством голосов. Тов. Беер, бывший в Штуттгарте докладчиком по этому вопросу, обратил особенное внимание с'езда на то, что сближение между политическими партиями и профессиональными союзами ни в каком случае не должно быть достигаемо за счет единства этих последних. Ни один голос не раздался на с'езде против этой существенной оговорки. Социалистический Интернационал торжественно высказался за единство профессиональных организаций. И это, разумеется, не позабыли австрийские противники чешского сепаратизма. Они

предложили Копенгагенскому с'езду «возобновить» штуттгартскую резолюцию об отношениях между профессиональными союзами и политическими организациями, особенно в той ее части, которая рекомендует единство профессиональной организации в каждом государстве и об'являет его существенным условием победоносной борьбы против эксплоатации и угнетения. Они просили с'езд прибавить к этому, что духу штуттгартской резолюции противоречит всякая попытка разбить на отдельные национальные части профессиональные союзы, об'единенные на интернациональной основе. Правильность этих соображений и предложений была очевидна: все понимали, что чешский сепаратизм противоречит и духу, и букве штуттгартской резолюции. Указание же на несоответствие между характером профессиональной и политической организации могло убедить только того, кто уже заранее убедился в выгодах организационного национализма, по крайней мере, в его применении к политическим партиям. Представитель польской социал-демократии в нашей комиссии, тов. Карский, остроумно сказал, что если один член семьи имеет горб, то из этого совсем еще не следует, что мы обязаны исправить позвоночный столб и другим ее членам. А тов. Виктор Адлер задал чехам вопрос: лучше ли пошло дело в их чешской партии, да и во всей австрийской социал-демократии, с тех пор, как они занесли национальную идею в каталог своих требований? «Стали ли вы счастливее?—спросил он.—Я не жду от вас публичного ответа. Но если вы по совести ответите сами себе, вы сознаетесь, что дело пошло хуже». При этих его словах со стороны австрийцев раздались восклицания: «очень хорошо!» Должно быть, Адлер сказал правду: должно быть, торжество национальной идеи среди австрийской социал-демократии принесло мало пользы рабочему движению.

Представитель северо-американской социалистической партии, знаменитый Гейвуд, указал пример, взятый из действительной жизни и приводящий идею чешского сепаратизма к самой очевидной нелепости. Он сообщил, что в Соединенных Штатах есть предприятия, в которых заняты рабочие тридцати двух различных национальностей. Неужели для борьбы с капиталом нужно организовать в каждом из этих предприятий тридцать два национальных профессиональных союза? Гейвуд, напротив, выразил сожаление о том, что американские профессиональные союзы до сих пор слишком мало об'единены и централизованы.

Немец говорил, что пока у чехов не будет национальных профессиональных союзов, их социал-демократическая (национальная) партия будет оставаться без денег; другими словами, он хотел, чтобы построенные на национальной основе профессиональные союзы служили для национальных же партий главным источником материальных средств. Такой взгляд на отношение профессиональных союзов к партиям ошибочен уже и сам по себе. Но если бы его и можно было признать правильным, то все же следовало помнить, что в данном случае его применение разрушило бы уже сложившиеся (централизованные) профессиональные организации и тем страшно ослабило бы рабочее движение. Стало быть, взгляд этот был бы *неправилен в этом случае* даже и тогда, когда он был бы *правилен в общем смысле*.

«Мы знаем,—сказал я, возражая Немецу,—что, как выражается немецкий экономист, цитируемый Марксом в I т. «Капитала», деньги—приятный товар. Но мы должны знать также, что социалисты не имеют права делать свои деньги из того металла, который носит название: дезорганизация».

Не довольствуясь ссылкой на штаттгартскую резолюцию, Немец приводил еще тот довод, что *интернациональное* рабочее движение предполагает предварительную его организацию по отдельным *нациям*. И нельзя не признать, что в литературе международного социализма слово нация встречается очень часто. Но в каком смысле оно употребляется там? В огромнейшем большинстве случаев оно имеет *политический*, а не этнологический смысл: нация—значит народ, а народ—значит совокупность граждан данного государства. Так, напр., когда «Манифест Коммунистической Партии» говорит, что рабочий класс стремится «прежде всего завоевать политическое господство, организоваться в один национальный класс, устроиться в пределах нации», то это, без всякого сомнения, надо понимать именно так, как я только что сказал. Ведь политическое господство должно быть завоевано данным классом в пределах данной политической организации (государства), а не данной этнической группы. Вот почему, назначенный докладчиком по этому вопросу, я имел полное право сказать в своем докладе, что, доказывая необходимость национальных профессиональных организаций, чехи опираются «на простое недоразумение, почти на игру слов».

Этим, разумеется, я не хотел сказать, что современный социализм игнорирует национальность, как этнологическое понятие. Нет. В нашу комиссию было внесено подписанное польским товарищем Валецким и мною следующее дополнение к австрийскому проекту резолюции: «Само собой разумеется, что в многоязычных государствах единое профессиональное движение должно считаться с лингвистическими и культурными нуждами всех своих членов».

Наконец, так как споры вроде того, который пришлось разбирать второй комиссии Копенгагенского с'езда, всегда оставляют по себе известный осадок горечи, бельгиец [1]), поляк Карский, австриец В. Адлер и я подписали новую поправку к проекту резолюции, приглашающую Международное бюро предложить спорящим сторонам свои услуги для улаживания их недоразумений. Эта поправка, равно как и предыдущая, была единогласно принята комиссией.

Чешские сепаратисты не сдавались. Но уже было ясно, что их точка зрения отвергается всей комиссией. Австрийский проект резолюции был принят, с упомянутыми поправками, всеми кроме чешских сепаратистов. Только финские товарищи предпочли воздержаться... да представители большинства французской социалистической партии (жоресисты) «возобновили свое штуттгартское заявление». Оно ставит на вид, что в современной Франции неудобно осуществлять штуттгартскую резолюцию в той ее части, которая рекомендует тесное сближение профессиональных союзов с партией. Оно было сделано и «возобновлено» в угоду «революционным синдикалистам» и не имеет никакого отношения к вопросу, занимавшему вторую комиссию Копенгагенского с'езда. Жоресисты тоже отстаивают единство профессионального действия и потому они тоже отвергают точку зрения чешских сепаратистов.

В пленуме этот вопрос голосовали по нациям. Все нации 222 голосами приняли проект австрийской резолюции. В том числе было подано два голоса, предоставленных чешским централистам. *Против резолюции* голосовали только чешские сепаратисты (5 голосов). Воздержались от голосования семь голосов, из них: пять голосов, принадлежащих Финляндии (*три финских голоса было подано за резолюцию*), и два—турецкой Армении.

Этот блестящий итог был встречен громкими рукоплесканиями присутствующих. *Социалистический Интернационал единодушно и страстно повторил свое требование «единства профессионального действия».*

Когда я в Женеве прочитал реферат о Копенгагенском с'езде, некоторые представители наших анархо-синдикалистов (группа «Вперед») упрекнули меня в том, что я в своем докладе слишком сурово отнесся к чешским сепаратистам. Я утверждаю, напротив, что я отнесся к ним возможно мягче. В № 207 германского «Vorwärts» напечатано краткое, но в общем удовлетворительное изложение моего доклада и заключительного слова. Я отсылаю к этому № беспристрастного читателя.

---

[1]) Брукэр.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предисловие к брошюре «Чего хотят социал-демократы?»

Предлагаемая брошюра написана Жюлем Гэдом и Полем Лафаргом—двумя самыми заслуженными представителями французского рабочего движения. Чтобы ознакомить читателя с деятельностью этих людей, нужно было бы написать историю этого движения во Франции со времени Парижской Коммуны. Само собою разумеется, что я не могу сделать этого в этом предисловии. Но все-таки мне хочется в немногих словах очертить главные заслуги авторов этой брошюры.

Тому, кто знает, как широко разлилась река рабочего движения в современной Франции, трудно даже и представить себе, как слабы были его зачатки после поражения Парижской Коммуны в конце мая 1871 года. Известно, что в Париже было убито тогда войсками Мак-Магона до тридцати тысяч рабочих. Кроме того, многие тысячи их сидели в тюрьмах, ожидая суда и смерти или, по крайней мере, ссылки. Казалось, что рабочему движению во Франции нанесен был смертельный удар. Тьер прямо говорил это. Правда, рабочие и в то печальное время не были так смирны, как это хотелось бы буржуазии. Там, где есть наемный труд,—а буржуазное общество целиком основано на наемном труде,—неизбежно рабочее движение хотя бы и в слабом виде. Рабочим нельзя не бороться с предпринимателями. Поэтому, уже очень скоро после кровавой победы версальцев над «коммунарами», мы видим во Франции ряд *стачек,* вызывающих новые опасения во французских буржуа и в их тогдашнем руководителе, Тьере. Но стачки сами по себе еще не означают того, что рабочие стремятся к устранению капитализма. Стачки означают только, что рабочим хочется продать свою рабочую силу на условиях более выгодных, чем те, которые им предлагают предприниматели. А какое впечатление производят стачки на рабочих, насколько они углубляют их классовое сознание, развивают их мысль, это зависит от обстоятельств. Тогдашние же обстоятельства

во Франции были очень неблагоприятны для распространения широких общественных идей в среде пролетариата. Разочаровавшиеся в старом способе действий, приведшем к неудаче, разбитые и подавленные, французские рабочие на время склонились к тому, что можно назвать социальным крохоборством. Они стали стремиться не к *устранению капиталистических производственных отношений, а к социальной реформе,* при чем и социальная реформа должна была, по их тогдашнему мнению, совершиться без какого бы то ни было нарушения интересов буржуазии. Самым действительным средством такой реформы считался тогда *кредит,* который помог бы рабочим основать *производительные ассоциации.* Вера в чудодейственную силу кредита достигла тогда таких размеров, что в 1875 году предпринято было основание большого кредитного учреждения под названием «Crédit coopératif de France». Как и следовало ожидать, из этого предприятия ничего не вышло, но рабочие верили в освободительное значение ассоциации и потому были равнодушны к более широким и глубоким социальным идеям.

Это настроение ярко обнаружилось на парижском рабочем конгрессе в октябре 1876 года. Один из организаторов этого конгресса говорил в своем докладе: «Рабочие хотят улучшить свое положение так, чтобы не нарушить ничьих интересов; они ждут от новой экономической науки всех тех улучшений, которые только может принести с собою решение социального вопроса». Новая экономическая наука должна была, стало быть, примирить интересы наемного труда с интересами капитала. Сообразно с этим и в *политике* велась проповедь солидарности рабочих с капиталистами. В 1875 году, на похоронах Эдгара Кинэ, Гамбетта об'явил в своей речи, что девизом новой демократии является «*союз буржуазии с пролетариатом*». А Гамбетта имел тогда очень большое влияние на рабочих. Он считался очень передовым человеком.

Неудивительно, что людям, усвоившим себе такую точку зрения, даже стачки начали казаться вредными для интересов рабочего класса. Идеалом сделалось полное прекращение стачек. Один из самых влиятельных «вожаков» того времени *Барберэ* с гордостью писал в газете «Le Rappel», что там, где рабочие воспринимали его идеи, стачки совсем не имели места.

Таково было положение дел, когда *Жюль Гэд* начал свою пропаганду *коллективизма.*

Жюль Гэд родился в 1845 г., так что в 1871 году он был еще совсем молодым человеком. Он занимался тогда журналистикой в Монпелье

и за одну статью, написанную им в защиту Коммуны, был приговорен к пятилетнему тюремному заключению. Вследствие этого он должен был бежать за границу и жил частью в Швейцарии, а частью в Италии. В 1876 г. произнесенный над ним приговор потерял, за давностью, свою силу, и Жюль Гэд вернулся во Францию, поселившись в Париже, где сделался сотрудником газет «Les droits de l'homme» и «Le Radical». В то же время он со свойственной ему страстной и твердой энергией принялся за пропаганду новых идей между рабочими. Главным органом этой пропаганды сделался журнал «Egalité», основанный им в ноябре 1877 года.

В том году в рядах буржуазии происходила решительная борьба между *монархистами и республиканцами.* Гэд заявил в «Egalité», что рабочий класс, у которого республиканская буржуазия просит поддержки, должен поставить ей свои условия, вместо того, чтобы молча и услужливо таскать для нее из огня каштаны. Его журнал будет республиканским и атеистическим [1]), но прежде всего социалистическим. Он требует фактического равенства, а не только фиктивного равенства всех перед законом. А для того, чтобы достигнуть фактического равенства, необходимо преобразовать собственность. «Вместе со школой коллективистов, к которой принадлежат теперь почти все серьезные умы пролетариата старого и нового света, мы полагаем,—говорила редакция «Egalité»,—что естественное и научное развитие человечества ведет его к обращению в коллективную собственность земли и орудий труда». Редакция прибавляла даже, что она будет внимательно следить за движением всемирного пролетариата, так как коллективизм стоит на международной точке зрения.

Во избежание недоразумений замечу, что *коллективизм* Жюля Гэда в сущности ничем не отличался от того научного социализма, который проповедывали Маркс и Энгельс уже со второй половины сороковых годов. Гэд выбрал название коллективизма, чтобы рабочие не смешивали его направления с довольно сильно скомпрометированным в глазах пролетариата,—благодаря неудачным опытам заведения коммунистических общин,—коммунизмом Кабэ и некоторых других французских утопистов. Очень ошибаются те, которые утверждают, что Гэд и гэдисты стоят за распределение продуктов сообразно тому количеству труда, которое будут затрачивать члены будущего общества на произ-

[1]) Гэд считал нужным обратить внимание на это, потому что республиканская буржуазия проповедывала тогда поход против клерикализма.

водство продуктов. Как и все марксисты, Гэд держится того мнения, что такой способ распределения может, пожалуй, оказаться необходимым на первых шагах нового общественного порядка. Идеалом их, разумеется, является *распределение по потребностям;* но они понимают, что осуществление этого идеала возможно будет лишь в той мере, в какой станут развиваться производительные силы будущего общества.

Идеи Жюля Гэда далеко не сразу проложили себе дорогу в умы французских пролетариев. Это показал, между прочим, второй рабочий конгресс, состоявшийся в Лионе 28 января — 8 февраля 1878 года. На этот конгресс приехали также некоторые последователи Гэда; однако, когда двое из них,—Дюпир и Баливэ,—предложили конгрессу, во время прений о производительных товариществах, принять социалистическую резолюцию по этому вопросу, то их проект был отклонен почти единогласно.

Эта неудача нимало не обескуражила Гэда. На него нападали со всех сторон буржуазные газеты; его преследовало французское правительство; к нему враждебно относились рабочие организации, проникнутые кооперативными идеями; его осыпали клеветами анархисты, вопившие об его честолюбии; его материальное положение было по большей части крайне плохо; ему и его семье приходилось выносить жестокие лишения, но,—несмотря на все это, он неутомимо шел вперед, побеждая одно за другим все препятствия, и уже к половине 1878 года ему удалось привлечь на свою сторону шесть синдикатов: столяров, портных, механиков, кожевников, слесарей и торговых приказчиков. С этих пор успехи коллективизма стали более быстры и более прочны. Ими особенно ознаменовался 1879 год, в течение которого распространению социалистических идей немало способствовал старый заговорщик *Бланки*, вышедший 9 июня из тюрьмы и немедленно принявшийся за агитационную и организационную деятельность.

19 октября того же года начался в Марсели знаменитый рабочий конгресс, на котором сторонники коллективизма одержали решительную победу над сторонниками кооперативных идей, господствовавшими до тех пор в среде французских пролетариев. Конгресс об'явил, что рабочий класс должен стремиться к обращению в общественную собственность земли и всех средств производства, а для достижения этой цели он признал необходимым создание политической рабочей партии, совершенно независимой от политической партии буржуазии.

Со времени марсельского конгресса 1879 года возобновляется во Франции массовое социалистическое движение. Кооперативные идеи не

потеряли всех своих сторонников; упомянутый выше Барберэ сделал в следующем году попытку доставить им торжество на рабочем конгрессе в Гавре, но эта попытка не удалась, и с тех пор все наиболее передовые и сознательные элементы французского пролетариата группируются под знаменем коллективизма, и этим международный пролетариат обязан главным образом Гэду и гэдистам.

Не имея никакой возможности излагать здесь дальнейшие перипетии французского социалистического движения, ознаменовавшегося, к сожалению, многими расколами, я ограничусь замечанием, что во всех этих перипетиях Жюль Гэд и зять Маркса, разносторонний теоретик *Поль Лафарг*,—присоединившийся к нему в начале восьмидесятых годов, по своем возвращении из Лондона во Францию,—всегда являлись наиболее верными защитниками идей коллективизма и наиболее решительными противниками *оппортюнизма* во всех его видах. Еще недавно их борьба с оппортюнизмом, — представителями которого явились *Мильеран и Жорес,*—привлекала к себе внимание всего цивилизованного мира. Борьба эта закончилась, как известно, на время,—если не навсегда,—на Амстердамском международном социалистическом с'езде в августе 1904 года принятием резолюции, осудившей тактику Жореса.

В заключение прибавлю, что программа, комментарием которой служит предлагаемая брошюра, была написана Жюлем Гэдом по поручению марсельского конгресса 1879 года. Составив проект этой программы, Гэд в мае 1880 года поехал в Лондон, где и закончил ее выработку с помощью Маркса, Энгельса и Лафарга.

Деятельность Гэда и Лафарга может служить дорогим показателем того, как много значит деятельность «личностей», сумевших понять об'ективный ход общественного развития и опереться на него в своей деятельности.

Содержание

Стр.

Предисловие редактора III

ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗМА И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Синдикализм

Критика теории и практики синдикализма 1
Два слова от автора . . . . . —
Статья первая — Артуро Лабриола 3
(«Совр. Мир» 1907 г. № 11—12)
Статья вторая — Энрико Леонэ и Иваное Бономи. 62
(«Совр. Мир» 1908 г. № 2—4)
О книге А. О. Оливетти 127
(«Совр. Мир» 1908 г. № 8)
Г. В. Чернов и Поль Луи 133
(«Совр. Мир» 1908 г. № 8)
О книге Н. Критской и Н. Лебедева 139
(«Совр. Мир» 1908 г. № 10)
Ответ на анкету о всеобщей стачке. 147
(Из книги Г. Лагарделля «Всеобщая стачка и социализм».

Анархизм

Э. Реклю, как теоретик анархизма. 151
(«Совр. Жизнь» 1906 г. № 9—10)
Анархист-индивидуалист 182
(«Совр. Мир» 1908 г. № 9)
Предисловие к брошюре «Сила и насилие» 189
(Русск. изд. Рутенберга)
Предисловия к 2-му и 3-му изданиям брош. «Анархизм и социализм» 191
(2-е изд.—Женева, 1904 г., 3-е изд.— Берлин, 1911 г.)

Социализм и международное рабочее движение

Почему нет социализма в Соединенных Штатах? 199
(«Совр. Жизнь» 1906 г. № 11)
О книге В. Зомбарта «Пролетариат» 203
(«Совр. Мир» 1907 г. № 5)

Стр.

Борьба рабочих за политическую свободу в Англии 208
(«Совр. Мир» 1907 г. № 6)
Предисловие к брошюре О. Ланга «Социализм в Швейцарии» 215
(«Социализм в Швейцарии», изд «Общ. Польза»)
Предисловие к переводу письма К. Маркса к И. Б. фон-Швейцеру 221
(«Звезда» 1911 г. № 5)
Маннгейм 226
(«Совр. Жизнь» 1906 г. № 9—10)
Август Бебель 247
(«Совр. Мир» 1913 г. № 8)
Предисловие к брошюре Фр. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» . . . . . —
(Изд. Р. С.-Д. Р. П. Женева, 1904 г.)
Двадцатипятилетие смерти Маркса . . . . . —
(«Голос С.-Д.» 1908 г. № 3)
Международное Товарищество Рабочих. . . . . —
(«Искра» 1904 г. № 75)
В Амстердаме (Мысли и заметки) . . . . . —
(«Искра» 1904 г. № 74, 75, 76)
Международный социалистический с'езд в Копенгагене. 353
(«Социал-Демократ,» 1910 г. № 17)
Во второй комиссии Копенгагенского с'езда. 367
(«Социал-Демократ» 1910 г. № 17).

Приложение

Предисловие к брошюре «Чего хотят социал-демократы?» 377
(Изд. «Буревестник», Одесса 1906 г.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Под общей редакцией **Д. Б. Рязанова.**

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Под редакц. и с примечаниями Д. Рязанова.

Т. I. **К. Маркс.** Статьи и письма 1837—1844 г. г. С иллюстрац. Стр. XXXII+564. Ц. 1 р. 80 к. в папке.

Т. II. **Ф. Энгельс.** Статьи и корреспонденции 1839—1844 г. г. С иллюстрациями. Стр. 624. Ц. 4 р. 50 к. в папке.

Т. X. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Статьи и корреспонденции 1852—1854 г. г. Письма об Англии. Восточный вопрос. Пальмерстон. Стр. 600. Ц. 3 р. 25 к.

Т. XI. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Статьи и корреспонденции 1854—1855 г. г. Крымская война. Министерство Пальмерстона. Джон Россель. Испанская революция. Стр. 654. Ц. 3 р. 50 к.

В собрание сочинений Маркса и Энгельса вошли многие работы Маркса и Энгельса, до сих пор не опубликованные ни в русской, ни в иностранной литературе и впервые появившиеся в настоящем издании.

К. Каутский. Собрание сочинений. Под ред. Д. Рязанова.

Т. X. Происхождение христианства. Изд. 2-е, доп. Стр. 454. Ц. 2 р. 25 к.

Т. XII. Размножение и развитие в природе и обществе. Стр. XVI+284. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящее издание этой книги дополнено статьями Каутского „Чернышевский и Мальтус", „Ответ критикам", а также новым предисловием редактора.

Г. В. Плеханов. Сочинения. Под ред. Д. Рязанова.

Т. I. Статьи до 1883 г. Период народнический. Изд. 3-е. Стр. 364. Ц. 2 р. 25 к.; в папке 2 р. 60 к.

Т. II. Статьи 1883—1888 г. г. От основания группы „Освобождение Труда" до организации „Русского Социал-Демократического Союза". Стр. 403. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к. в папке.

Т. III. 1888—1892 г. г. На русские темы. Изд. 2-е. Стр. 430. Ц. 2 р. 50 к. в папке.

Т. IV. На международные темы 1887—1894 г. г. Стр. 333. Ц. 90 к., в папке 1 р.

Т. V. Н. Г. Чернышевский, кн. I. Изд. 2-е. Стр. XVI+363. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 50 к.

Т. VI. Н. Г. Чернышевский, кн. II. Стр. VIII+413. Ц. 2 р. 50 к. (в папке).

Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Часть первая. Стр. 331. Ц. 1 р., в папке 1 р. 10 к.

Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Часть вторая. Стр. 411. Ц. 1 р. 40 к., в папке 1 р. 45 к.

Т. IX. Против народничества. Изд. 2-е. Стр. IV+367. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. X. Литературно-критические статьи (1888—1903). Изд. 2-е. Стр. IV+462. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 75 к.

Т. XI. Критика наших критиков. (1889—1902). Изд. 2-е. Стр. IV+398. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. XII. Вопросы программы и тактики (1900—1903). Стр. VIII+536. Ц. 3 р.

Т. XIV. Искусство и литература. Стр. VIII+350. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. XVI. Вопросы социализма и рабочего движения (Печ.)

Т. XVII. Против эмпириомонизма и богоискательства. Стр. VIII+347. Ц. 2 р. 25 к., в папке. 2 р. 60 к.

Т. XVIII. От утопии к науке. (Печ.)

Т. т. XX—XXII. История русской общественной мысли. (Печ.)

П. Лафарг. Сочинения. Под редакцией Д. Рязанова.

Т. I. Предисловие Д. Рязанова. Содержание: Из истории социализма во Франции в последнюю четверть XIX ст. — Программные и тактические работы. — Воспоминания. — Указатель имен. С портретом Лафарга.

Д. Рязанов. Институт К. Маркса и Фр. Энгельса при. ЦИК СССР. С 7 иллюстрац. Изд. 2-е. Стр 71. Ц. 60 к.

В. Ваганян. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. С предислов. Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.